

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск XXI

Тываның гуманитарлыг шинчилдер институту
Тувинский институт гуманитарных исследований

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск XXI

Кемерово - 2007

ББК С(Тыв)

У91

Редакционная коллегия:

В. Д. Март-оол (отв. редактор), С. Ч. Донгак,
М. Х. Маннай-оол, Н. М. Моллеров, В. Ю. Сузукей,
Б. И. Татаринцев, М. П. Татаринцева

Редактор издания

М. П. Татаринцева

У91 Ученые записки [Текст] / Тувинский институт гуманитарных исследований. – Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2007. – Вып. XXI. – 408 с.

ISBN 978-5-8154-0146-4.

Очередной, XXI выпуск «Ученых записок» представляет новые научные исследования и материалы по проблемам истории, археологии, этнографии, филологии и культуры Тувы. Их авторы – сотрудники ТИГИ, преподаватели ТывГУ, а также ученые из других регионов.

Книга адресована ученым, преподавателям, студентам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами тувиноведения.

ББК С(Тыв)

ISBN 978-5-8154-0146-4

**© Тувинский институт гуманитарных
исследований, 2007**

I

В. Д. Март-оол

**Изучение урянхайского участка российско-китайской
границы русскими властями**

(конец XIX – начало XX в.)

Градус внимания к «урянхайскому вопросу» повышался либо понижался в зависимости от внутриполитической обстановки в Туве, состояния двусторонних русско-китайских отношений и геополитического расклада в восточно-азиатском регионе. Не давали ему опускаться до нулевой отметки сибирская и российская пресса. Так, в газете «Сибирь» от 15 марта 1881 г. мы находим сообщение по результатам обследования границы в 1881 г. минусинским исправником. Скорее всего, это самое первое официальное обследование границы после возбуждения «урянхайского вопроса». «Первый достоверный знак, — пишет газета, — находится на хребте Сабин и называется Сабин-Дабага (Шабин-Дабага. — В. М.). Этот знак удален всего на 80 верст от жилых мест Минусинского округа... Граница подошла к Томской губернии, пересекла несколько горных хребтов. Почему здесь так проведена граница, никому не известно. На знак Бом-Кемчуг в прежние годы ездили казаки енисейского полка... Далее на восток граница пошла по хребту, отделяющему р. Ус от рек Уюк и Енисей. Первый знак здесь называется Хаман-Дабага, куда тоже казаки ходили для торговли (на р. Коярть), но ныне даже и не знают этого знака. Отсюда верстах в 70 и находятся усинские знаки, от них вершина р. Ус уходит в китайские владения. Знаки эти состоят из куч камней, но надобно сказать, что здесь на всех горных перевалах находятся подобные знаки»¹.

В газете приведены самые общие сведения, но и по ним видно, что названия упомянутых пограничных знаков совпадают с названиями знаков в Буринском и Кяхтинском трактатах 1727 г. Однако для прояснения вопросов о конкретной принадлежности России или Китаю тех или иных приграничных золотоносных

рек эта информация была бесполезной. В начале 80-х годов на все просьбы золотопромышленников разъяснить вопрос о принадлежности России бассейнов тех или иных рек (например, Хута, Уюка, Темир-суга) царская администрация отвечала, что из-за неизученности расположения рек на местности сделать это невозможно.

В 1883 г. пограничные знаки осматривал чиновник по особым поручениям при Иркутском генерал-губернаторе П. П. Осташкин. По возвращении он доложил, что все они обнаружены им там, где и должны находиться согласно ландкарте 1728 г. При осмотренных им знаках оказались каменные плиты с надписями на каждой по-китайски: «граница отсюда». Он также установил, что золотопромышленникам обо всем этом было прекрасно известно. Осташкина сопровождал в поездке горный инженер И. С. Боголюбский, который не согласился с его выводами и представил на рассмотрение Д. Г. Анутина свой содоклад, который ни Анутина, ни МИД России не убедил. Основываясь на мнении Осташкина, 21 ноября 1883 г. Д. Г. Анучин телеграфировал министру государственных имуществ М.Н. Островскому, что по результатам предпринятой командировкой оснований для пересмотра существующей границы не имеется, а российские прииски и населенные пункты находятся на территории, принадлежащей Китаю. Таким образом, первая попытка прояснения границы не принесла инициаторам постановки «урянхайского вопроса» и их многочисленным сторонникам ожидаемого результата.

Вместе с тем, поднятый золотопромышленниками вопрос не был оставлен совершенно без внимания. Во-первых, в составленной МИД России записке был сформулирован вывод о необходимости более точного определения границы Тувы с Усинским краем. В ней отвергалась воображаемая пограничная черта, определенная совещанием 1882 г. при иркутском генерал-губернаторе, а также аргументы И. С. Боголюбского, не выдержавшие проверки путем сопоставления текста разменного письма 1727 г. с точными переводами и

китайско-монгольскими картами. Записка заканчивалась выводом, что точное определение границы невозможно без выяснения местонахождения 20, 21 и 22-го пограничных знаков и выбора правильной линии между ними (прямой, водораздельной или иной).

Во-вторых, в 1882 г. Д. Г. Анучин подал в МВД ходатайство о создании специального Усинского пограничного округа. Должность комиссара он рекомендовал не учреждать, чтобы не привлекать к краю внимания Китая и не дать повода для посылки в Туву китайских чиновников. Министр его поддержал и передал ходатайство на рассмотрение царю. 30 декабря 1885 г. Александр III это ходатайство удовлетворил. Первым усинским пограничным начальником был назначен А. М. Африканов. Пограничный начальник действовал на основании учрежденной для него в конце 1886 г. временной инструкции, которая наделяла его правами и функциями окружного и горного исправника, крестьянского начальника и торгового комиссара, а также правом сношения с тувинскими властями по делам русской торговли в Туве². До образования пограничного округа усинские селения входили в Шушенскую волость Минусинского уезда. Территория созданного Усинского пограничного округа по границе с Тувой простиралась от 20 до 24-го знака и равнялась 19172 кв. верстам³. «Сибирская газета» в обширной передовой от 30 марта 1886 г. оценила этот шаг как свидетельство внимания правительства к «Урянхайскому пограничному вопросу». Она увидела в нем залог успешного развития торговли, золотопромышленности, колонизации края, которые приведут к тому, что «рано или поздно вся система Кемчика и Енисея, вплоть до хребта Танну, войдет в состав русского государства»⁴. Либеральная сибирская пресса также подметила, что создание специального управления никак не связано с интересами населения края. Но в том-то и дело, что этим преследовалась иная цель – создание условий для будущей колонизации и хозяйственного освоения соседней Тувы.

Серьезное беспокойство китайских властей вызвало основание первого в Туве русского земледельческого поселения – Туран. Они добивались его сноса, но, в конце концов, вынуждены были уступить. В 80-х годах урянхайские чиновники, выполняя распоряжения Пекина, организовали вооруженное сопротивление местного населения дальнейшему распространению приисков на территорию Тувы, и дело даже начало принимать более серьезный оборот. В документе иркутского архива говорится: «Они грабили русские торговые пункты и даже в одном случае убили приказчиков и сожгли торговые заведения и убитых людей. Дело об этих грабежах и убийстве длилось долго, и виновные были наказаны смертью»⁵. Усинский пограничный начальник А. Х. Чакиров в донесении енисейскому губернатору от 24 октября 1906 г. упоминал о том, что в 1886–1887 годах «ни одно открытие золота... не сопровождалось просто тем, что русские заявят площадь и получат отвод, а всегда урянхи противились этим отводам. Но сопротивление это настолько пассивно проявляли, что русские снова являлись на те места. Так, например, горный инженер Боголюбский однажды бежал с места отвода с отводчиком Аргуновым, опасаясь, чтобы урянхи не арестовали. Горный инженер Оранский, бывший на отводе приисков Гусева и Денисова по р. Ут (Хут. – В. М.) тоже принужден был бежать»⁶.

В 1889 г. русский консул в Урге Я. П. Шишмарев доносил, что китайское правительство намерено возбудить вопрос о границе и послать комиссию для установления фактов добычи золота на их территории и предложил уладить пограничный вопрос ввиду могущих быть неприятностей. Документы за начало 90-х годов свидетельствуют об ужесточении позиции Китая в отношении проникновения в край русских. Свидетельством тому служит, к примеру, выпуск из секретного письма начальника Томского горного управления от 29 мая 1892 г. енисейскому губернатору, где сказано: «Вследствие письма от 12-го сего мая за № 4652 имею честь уведомить,

что распоряжением Вашего Высокопревосходительства о том, чтобы на пограничном пространстве Енисейской губернии с Китаем не было производимо новых отводов, будет принято к точному исполнению, так как это вполне зависит от власти горной администрации». Недопущение «к приему заявок на золотоносные местности в пределах означенного выше пространства относится к обязанностям полиции (ст. 16 Устава о частной золотопромышленности) и потому необходимо вменить в обязанность УПН не только не принимать заявок, но также не допускать производства поисков и разведок в этом районе»⁷.

После П. П. Осташкина в Туве побывали еще несколько экспедиций. В 1885 г. проверку пограничных знаков осуществляла Саянская экспедиция, возглавляемая полковником Н.П. Бобырем. По результатам ее работы было сделано предположение о принадлежности верховьев правых притоков Енисея России по р. Оджа включительно. О его слабой аргументированности свидетельствует то, что оно подкреплялось не добытыми новыми фактами (их не было), а причислением русских золотых приисков на Тодже к Минусинско-Ачинской горной системе.

Экспедиция дипломатического чиновника при Иркутском генерал-губернаторе В. И. Переголчина состоялась в середине мая 1892 г. Ее целью было, согласно записке МИДа, изучение направления границы между 20-м и 23-м знаками. В данной членам экспедиции инструкции предписывалось выяснить следующее: «не должен ли знак № 22 быть на южном склоне Саян или на р. Оджа; изучить характер местности между притоками рек Ус, Бий-Хем и Улуг-Хем (составляет ли она резко очерченный водораздел) и дать мотивированное заключение о вероятном направлении, по которому должна идти пограничная линия; отыскать китайские знаки, которые должны быть напротив русских». Предполагалось, что определение местонахождения 22-го знака должно помочь в выяснении границы между ним и

23-м знаком «и решить вопрос о приисках по рч. Систикем, Ут и другим притокам верхнего течения Улу-Кема»⁸.

Свое мнение о характере пограничных знаков и возможном маршруте экспедиции изложил в секретном письме от 29 мая 1892 г. начальник Томского горного управления Д. А. Клеменц: «Знаки 20, 21 и 22-й имеют идентичное сходство, и если признать 20-й и 21-й, то приходится признать и 22-й (Хонин-Дабага)». Далее он писал, что «пограничная линия между 19-м и 20-м знаками проведена в фантазии, так как никто ее реально не проводил и не исследовал, потому что она идет очень замысловато: обогнув вершины Систикема, идет круто к югу, по хребту Алгияк до Черного озера, когда, наверное, можно, безусловно, утверждать, что никакие комиссии здесь не хаживали»⁹.

На Хемчике и на Усу, по его мнению, имеются нарушения правила водораздела не в пользу России. Он советует начать работу экспедиции Перетолчина с 19-го знака (по В. М. Родевичу, этот знак находится на горе Торос-Дабага) и провести линию по рекам Кара-Хем, Тогра-Хем, Ия-Суг, Хамсара и Сыстыг-Хем, «выйдя в верховья Уса и затем, если знаки, определенные Осташкиным, оставить в силе, пожертвовать рекой Тихой и вершиной Уса – дикой тайгой, и выйти на Уюк ниже Турана. Если течение Турана можно оставить за собой, то тогда следует пересечь Уюкское плоскогорье и выйти на южный склон его... на устье Арта-Кем и далее до 23-го знака – Улу-Кем и Хемчию»¹⁰. Он сожалел, что у экспедиции мало времени, и она не сможет изучить местность между 23-м и 24-м знаками, о которой до сих пор ничего не известно.

В действительности экспедиция успела поработать только между 23-м и 20-м знаками, начав с 23-го, который был найден еще Осташкиным. Близ российских знаков 22, 21 и 20 (тоже по Осташкину) китайских знаков они не обнаружили. Обозначенные невысокими кучками земли, они выглядели очень неубедительно. В верховьях р. Оджа был найден знак № 22, указанный Боголюбским. Рядом с ним был другой –

с надписями на китайском и монгольском языках, которые свидетельствовали об осмотре границы в 1880 и 1890 гг. Установили, что Осташкин неверно определил местоположение знаков 20 и 21, и предложили их искать либо в верховьях р. Ус, либо близ озера Черного. По их мнению, «пограничную линию по переходе с левого берега Енисея на правый у знака № 23 следовало бы направить к востоку по высокому горному отрогу, сопровождавшему левую вершину р. Кули-Кема (Эйлиг-Хем. – В. М.), пересечь Кули-Кем и далее по горному отрогу, идущему по левому берегу р. Сексира, в обход этой реки до Саянского перевала. От горы Золотой границу следовало бы вести по водоразделу между Уюком и Улу-Кемом до впадения в последний Уюка, затем направить ее через Уюк, близ впадения в нее реки Туран, вести потом по хребту, близ отрогов Оруск-Аксы; далее направить к 22-му знаку (Боголюбского), а затем к р. Ус, близ впадения в нее р. Теплой»¹¹.

В ходе изучения границы производилась глазомерная съемка местности, была составлена карта. Ознакомившись с материалами экспедиции, иркутский генерал-губернатор 19 апреля 1893 г. сообщил министру иностранных дел Н. К. Гирсу, что вариант границы, предложенный В. И. Перетолчным, трактатами 1727 г. не подтверждается, однако и существующее положение границы также им не соответствует.

В 1897 г. состоялась экспедиция подполковника А. А. Баранова, которой было поручено найти 20-й и 21-й знаки. Но ей удалось отыскать только знак № 20. Летом 1899 г. безуспешную попытку найти необнаруженный знак № 21 предпринял усинский пограничный начальник В. А. Александрович. На следующий год он пытался продолжить поиски, но вынужден был их прервать в связи с недружелюбным настроением местных жителей, находившихся под влиянием восстания ихзуаней в Китае. Временные знаки, поставленные разграничительной комиссией в 1727 г., располагались далеко друг от друга (иногда на расстоянии более 100 км). Вполне

вероятно, замечает Ф.Я. Кон, что казаки, которым было велено их достроить, не добрались до них, а выставили новые знаки на склонах Саянских гор, в местах прохода из Тувы в Минусинскую котловину¹². Тувинцы же во многих местах выставили свои знаки, чем в значительной мере и объясняется та путаница в их отыскании и определении точной пограничной линии, которая создалась в дальнейшем¹³.

Проведенные экспедиции внесли в изучаемый вопрос некоторую ясность. Несмотря на огромные трудности – то за пограничные знаки принимались небольшие кучки камней, которые вполне могли сложить тувинцы в знак поклонения духам гор (оваа), то знаки с надписями на двух языках обнаруживались не там, где должно им быть, а в самых неожиданных местах – удалось обнаружить местонахождение некоторых из них. Но о прохождении пограничной линии – между знаками, ввиду отсутствия демаркации границы, – приходилось только гадать.

Вместе с тем, соответствие в основном и главном пограничной линии текстам Буринского и Кяхтинского соглашений было этими экспедициями убедительно подтверждено. Тем не менее, на вопрос енисейского губернатора в донесении от 15 июля 1896 г. «включать ли населенные пункты на территории Урянхайского края в список населенных пунктов УПО», т. е. Усинского пограничного округа, иркутский генерал-губернатор, по-видимому, дал «добро». Во всяком случае, в докладе усинского пограничного начальника за 1897 г. в составе УПО, наряду с усинскими населенными пунктами – с. Верхне-Усинское, д. Нижне-Усинская, пос. Моховский – перечислены расположенные в Туве поселки Туранский, Уюкский, Усть-Уюкский и около самого Турана заимка Бякова¹⁴.

Таким образом, «урянхайский вопрос», понимаемый на первом этапе как вопрос о восстановлении границы, согласно Буринскому и Кяхтинскому договорам 1727 г., Российской активно изучался. Но из-за отсутствия демаркации границы уточнить пограничную линию между Усинским краем и Тувой так и

не удалось. Предлагались разные слабо обоснованные или совершенно произвольные варианты ее проведения. Заграничный характер российских торгово-промышленных предприятий и населенных пунктов, несмотря на обострение отношений с местным населением, сознательно замалчивался, дабы не привлекать внимание Китая. Это был первый начальный этап изучения Россией «урянхайского вопроса» как пограничного. На новом этапе он приобретает территориальный (статусный) характер, когда прямо встает вопрос о принадлежности Тувы России, Китаю или Монголии.

Примечания

1. Сибирь от 15 марта 1881.
2. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. – М., 1956. – С. 351–352.
3. Красноярский вестник от 1 января 1910.
4. Цит. по ст. В. А. Дубровского «Год четырнадцатый...» // Молодежь Тувы от 9 апреля 1994.
5. ГАИО, ф. 25, оп. 2, д. 46, л. 117.
6. Там же, ф. 27 с, оп.1, д. 3, св.1., л. 19.
7. Там же, ф. 25, оп. 2., д. 3, л. 48.
8. Там же, л. 21.
9. Там же, л. 51, 54.
10. Там же, л. 54.
11. Там же.
12. См.: Кон Ф. Я. Усинский край. – Красноярск, 1914. – С. 18.
13. Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. – М., 1983. – С. 47.
14. ГАИО, ф. 25, оп. 2, д. 46, лл. 86, 93.

A. K. Күжүгем

A. A. Турчанинов и его исследование по Туве (1915 г.)

Современным жителям Тувы это имя практически не знакомо. На протяжении XX века оно было под запретом, и если о нем и упоминалось в советский период, то непременно с негативной

точки зрения. А между тем он прожил яркую необычную жизнь, сыграл свою роль в политической истории Тувы, но самое главное, он написал в 1915–1916 гг. замечательный труд, скромно названный им «Отчет агронома Урянхайского края А. Турчанинова», хранящийся в рукописи в фондах Тувинского института гуманитарных исследований¹.

Цель данной статьи – дать наиболее полную и доступную информацию об авторе этого труда, о его жизни и деятельности в Туве.

Алексей Турчанинов родился 26 июля 1876 г. в г. Санкт-Петербурге в семье дворянина, отставного надворного советника. После окончания V класса Выборгского реального училища стал студентом – вольнослушателем факультета агрономии Прусской сельскохозяйственной высшей школы (в Берлине).

С ноября 1908 г. по декабрь 1909 г. в качестве лаборанта он состоял на службе при Главной Лаборатории округа Верхне – Исетских заводов (г. Екатеринбург), а с 1 декабря 1909 г. по 1 сентября 1910 г. был помощником заведующего лабораторией. С 15 ноября 1910 г. по 5 мая 1912 г. работал в Оханском земстве Пермской губернии в качестве агронома Частинского участка. Как было написано в характеристике, «относился к работе добросовестно, с полным знанием дела и опытностью». С 10 мая 1912 г. по 1914 г. служил в Губернском Земстве лектором сельско-хозяйственных и естественных наук (г. Пермь). И, наконец, 14 апреля 1914 г. приказом В. К. Габаева – заведующего устройством русского населения в Урянхае – был назначен Урянхайским районным агрономом. За три года работы Алексей Турчанинов объездил почти всю Туву, составил отчеты, требуемые Российской правительством, описал в них все, что видел и что касалось, главным образом, традиционного хозяйственного уклада тувинцев.

Огромное количество информации не имеет аналога в имеющейся научной литературе о Туве того периода, однако не исключено, что часть его материалов все же использовалась

учеными без ссылок на А. Турчанинова, поскольку это было запрещено ввиду его политических взглядов – он не принял Октябрьскую революцию.

29 сентября 1917 г. приказом Иркутского краевого комиссара А. Турчанинов был назначен комиссаром по делам Урянхайского края. Первые два года прошли относительно спокойно, по сравнению с событиями, которые произошли в 1919 г. Хотя и в эти годы борьба за власть с Советами велась с переменным успехом. Обстановка обострилась в 1919 г. В это время в России, а затем и в Туве, развивались события, масштаб и характер которых мы можем оценить только сейчас, спустя сто лет. Чтобы понять их, необходимо погрузиться в ту эпоху, изучить архивные материалы. Тем более, что в «Истории Тувы» этот сложный и трагический период до сих пор не получил должной оценки и фактически не описан.

В конце мая – начале июня 1919 г. в Хемчикском кожууне начался мятеж урянхов против русских поселенцев, спровоцированный китайско-монгольскими властями, недовольными возрастающим влиянием России на Туву. Вскоре восстание охватило значительную территорию Тувы, судя по воспоминаниям старожилов – вплоть до Тоджи (однако этот факт требует дополнительного изучения). Оно имело под собой долгую и сложную историю взаимоотношений местного населения и прибывающего, с каждым годом увеличивающегося контингента русских переселенцев. Остановимся на этом моменте подробнее.

Уже в 1916 г. А. Турчанинов в главе «Площади занятые и могущие быть занятыми русским населением» своего отчета представил подробный список замков и населенных пунктов Урянхая. В нем значилось более ста семидесяти фамилий. В «Докладе и докладных записках комиссара по делам Урянхайского края по вопросу административного устройства края» говорилось, что все население Тувы состоит из туземного населения, составляющего 88 %, вторая часть – старожильческое население и третья – новоселы. Ежегодный

наплыв эмигрирующих колеблется в пределах от 10 до 50 % старожильческого населения. И в прошлом, 1918 г., в связи с беспорядками в метрополии (России. – А. К.), он повысился в некоторых районах до 100–120 %...» Далее – о занятии жителей Тувы: «В Урянхае занимаются: исключительно земледелием – 10 % населения, земледелием и промыслами – 50 % населения, исключительно промыслами – 2,5 % населения, земледелием и торговлей – 20 % населения и исключительно торговлей – 17 % населения. Из этого видно, что более 37,5% русского населения имеет отношение к торговле. Туземное население ведет главным образом скотоводство. Одним скотоводством занято примерно 58,2 %, скотоводством и земледелием – 36,8 %, скотоводством и промыслами – 16 %»².

И освоение новых земель для возделывания сельскохозяйственных культур, и торговля переселенцев приводили к более близкому контакту с местными жителями, но не всегда действия пришлых людей были дипломатичными, и начались конфликты. Сошлись два разных мира – два образа жизни, мировоззрения. Причинами недовольства тувинцев были, в первую очередь, земельные споры, их было множество. Приведем в качестве примера только один документ: «коллективное заявление урянхов... на имя Усинского Мирового судьи от 19 числа 3 луны (1–2 мая, год не указан. – А. К.). Русские Павел Суханов, проживающий в доме Федула Шепелина, Яким (или Ефим) Сорокин (или Чарокин), прибыв на наши пашни в долине р. Ирбека (Ээрбек. – А. К.) во время посева, заявили Дарге Шигароолу, что через 6 дней приедет начальник с войсками и убьет тех урянхов, которые будут пахать земли по р. Ирбеку. Вслед за тем те же русские с обнаженным в руках ножом насильно отобрали землю, орошенную урянхом Аббучиком. 18 числа той же луны они избили урянха Магнаймана в присутствии русских Глеба и Сергея, прекративших избиение. Того же числа ночью названные русские вошли в юрту Гелуна Аюши и, заявив ему, что он не имеет права здесь жить, потребовали под угрозою смерти, чтобы он уехал отсюда.

Те же русские в ту же ночь зашли в юрту Хавойлока, когда он и малолетняя дочь его спали, сломали замок у ящика (аптара. – А. К.) и вынули из него 15 рублей денег и 1 далимбу (отрез материи 7–8 аршин), взяли находившиеся на улице 3 овчины и 1 кожу юфть. Сам Хавойлак не успел даже встать и крикнуть, как они избили его, нанеся удар ножом...» Письмо заверено помощником комиссара Я. Мальцева³. Безусловно, далеко не все подобные инциденты доходили до мирового судьи, данное письмо – редкое исключение.

Торговля также в массовом порядке проходила с явным обманом коренного населения. Известно немало случаев, когда, к примеру, купцы меняли коробку спичек или иголку на корову⁴. На Хемчике русские земледелием не занимались, там в основном располагались торговые фактории, хозяевами многих из них были не только русские, но и татары.

Подобные случаи столкновений из-за земли, явного обмана при обмене товаров и непосильные долговые обязательства все больше вызывали недовольство у местного населения. В конце концов это и привело к вооруженному восстанию хемчикских тувинцев. Приведем почти полностью текст телеграммы в г. Омск, в Главное управление переселенцами. Факты, приведенные в ней, подтвердил своей подписью мировой судья Барашков. «События начались с Чергакского (Чиргакы. – А. К.) поста 31 мая, пост днем был срезан, офицер взят в плен; около 4 часов утра 1 июня было совершено нападение шайки урянхов, руководимой аксак сочи (Аскак-Чочу, ярым русофобом, по приказу которого казнили невинных, сжигали их поселки и зaimки. – А. К.) чиновником с Мухумурена (Морена. – А. К.) и ближайшем участии Кубулган Челана (чылан. – А. К.), брата Управляющего Верхним хощуном на русские фактории на Шеми, камеру Мирового судьи. Нападение вылилось в форму грабежа, убийством сначала мужского населения, в некоторых случаях – женщин, детей (Сабитова и Валеева – 2 детей, сброшенных со скалы Кемчик). Судья в этот момент был на Чакуле (Чаа-Холе. – А. К.). Когда командиром сотни был

отправлен карательный отряд с приказом сжигать юрты, дома урянхов, где будет найдено разграбленное у русских имущество, грабежи урянхов стали сопровождаться после этого сжиганием факторий русских; по сведениям, сожжены на левом берегу Кемчика фактории Горбунова, братьев Никулиных, поселок Ак-сук, на правом берегу фактория Федорова Петра. На Чакуль прибыло 350 душ, выгнано скота 600 голов... Все имущество разграблено, постройки некоторых сожжены, считают, что в Верхнем Кемчике осталась одна семья Искакова 8 душ. Число убитых русских не менее 40 человек... Население запрашивает, кому надлежит обращаться и в каком порядке о возмещении причиненных ему урянхами убытков...

Упр[авляющий] краем А. Турчанинов. – А. К.) в ответ на их запрос сказал потерпевшим на Чадане в присутствии Судьи Барашкова: «Вы грабили, теперь вас грабят», а что надлежит предпринять потерпевшим, не ответил, сваливая всю вину за произшедшее на русское население. Между тем, Упр[авляющим] краем разрешения на вывоз семей и имущества с Кемчика не давалось, оружие от русского населения было отобрано, но у урянхов оставлено, о чем урянхи прекрасно были осведомлены...»⁵.

Эта телеграмма датирована 21 июня 1919 г., а 25 июня было обнародовано объявление Упр[авляющего] краем, в котором сообщалось: «Ввиду распространения всевозможных слухов, волнующих население, и во избежание превратных толкований о положении дел на Кемчике объявляю, что по полученным мною от прибывших с Кемчика и Чакуля Правительственного агронома Брызгалова и мирового Судьи Фамбулова сведениям, за последние дни произошло следующее. Через вершину Чжидана (Чадана – А. К.) прибыла из-за хребта шайка захребтинских урянхов, руководимая китайцами. Вследствие чего нашими военными властями 22 сего июня был выслан отряд им навстречу. Произошла перестрелка, во время которой, по сообщенным сведениям, были убиты: с нашей стороны – один офицер хорунжий Делибант и один солдат, ранено два дружиинника; со стороны

банды убито восемь человек, в том числе китайский офицер, и восемь человек захвачено в плен. На Чакуле, из опасения набега банд властями было сделано распоряжение жителям поселка Чакуля и Шагонара, не создавая паники, переправиться на правый берег реки Енисея. Получив такое распоряжение, жители поселка Чакуля... встревожились и решили выехать в Белоцарск, куда и направились. Шагонарское население, увидя массовое движение чакульцев, также вззволновалось и направилось следом за ними... По выяснению обстоятельств Управляющим краем, населению предложено вернуться к себе в поселки. Меры к успокоению встревожившегося населения принимаются на местах Управляющим краем и чинами милиции. Объявляя о вышеизложенном, предлагаю населению отнести к произшедшему со спокойствием и оставаться на местах, не нарушая своих обычных работ, не поддаваясь панике»⁶.

В неизданной статье Машкина «Об урянхайских событиях 1918-1919 гг.» описаны эти трагические дни и деятельность А. Турчанинова следующим образом: «В девятых числах июня наш фронт очистил район Кемчика. Еще до той поры, в период первых дней восстания урянхов, наш Управляющий краем, после бесконечного сидения в своем кабинете, впервые сделал выезд и направился на фронт. После целого ряда эксцессов и безалаберщины... Турчанинов вернулся к 20-му июня в Белоцарск. Население Шагонара и Джакуля, а также беженцы и спасшиеся от сойотов вдовы убитых мирных жителей два раза беседовали с ним. И если еще оставалось у русских какое-либо почтение к власти, то эти беседы и поведение Управляющего на них, вырвали его с корнем. Нетактичность, потеря самообладания, наивные и никчемные ответы, растерянность - все это так выпукло проявлялось, что женщины в лицо кричали ему; «Какой ты комиссар, ничего не понимаешь, хуже бабы». На слезы вдов, замученных на глазах пленных семей сойотами мужчин, он отвечал, что «мужья ваши не убиты, вернутся, иа причитания ограбленных громко заявлял: «до сих пор не ограбили, а тогда придет и ваша очередь быть ограбленными». Рассказано много случаев

о его «мягкотелости» к заведомым грабителям – сойотским чиновникам, о которых он в простоте душевной думал только добро, не скрывая, что, принимая и держа в штабе сойотов, он тем самым ослабляет нашу борьбу с ними»⁷.

Эта последняя фраза, на наш взгляд, чрезвычайно важна для понимания действий Управляющего Урянхайским краем А. Турчанинова в 1919 году. Трудно сегодня с полной определенностью объяснить его поведение. Ясно одно: он был чрезвычайно мягким и интеллигентным человеком. Вероятно, питая симпатии к тувинцам, он не верил, что они могут оказать решительное и жестокое сопротивление массовому наплыву в Туву переселенцев, и не хотел вставать на путь конфронтации с местным населением, понимая, что для недовольства русскими были веские основания. Недооценивал он также роль и влияние китайских руководителей в событиях 1919 г. Возможно, по причине скоротечности и сложности всего происходящего он не смог выработать свою четкую позицию по отношению к развивающейся на его глазах трагедии. В этом, как показали дальнейшие события, была и его личная трагедия.

Не следует думать, что комиссар не предпринимал абсолютно никаких действий для сохранения порядка в Туве. Так, уже «со 2 февраля 1919 г. начала функционировать охрана (дружина) города Белоцарска (Кызыл. – А. К.) в связи с надвигающимися китайско-монгольскими отрядами»⁸.

Он утвердил следующий состав милиции: инспектор – 1, участковых начальников – 4, старших милиционеров – 9, младших – 25. «Из этого числа во время восстания в крае урянхов и бандою Щетинкина убито участковых начальников 2 и 11 человек милиционеров, тяжело ранен 1 и неизвестно где 6»⁹.

11 июня 1919 г. А.Турчанинов сообщал министру внутренних дел колчаковского правительства: «Пока стараюсь удержать население от восстания через чиновников-туземцев и местных управителей»¹⁰. Он поддерживал контакты не только с Хамбыламой, но и с наиболее авторитетными в Туве людьми: Ундуп

чагырчи, Езуту чагырчи, Кокей чанги и др¹¹. Кроме этого, 3 июля 1919 г. было распространено объявление Управляющего Урянхайским краем, в котором отдавалось распоряжение: «Мужчинам от 18 до 50 лет, способным носить оружие, выезд в пределы Минусинского уезда воспрещается. Все самовольно выехавшие как дезертиры будут преданы военно-полевому Суду, согласно приказу ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ № 131 и подлежат приводу этапным порядком обратно в Урянхайский край»¹². Кстати сказать, по сообщению Машкина, оружие у русских переселенцев на Хемчике было конфисковано комиссаром А. Турчаниновым еще в декабре¹³.

Однако, как показало время, эти меры оказались неэффективными. Очевидно, все же он до конца не осознавал масштаба восстания, инспирированного с юга Китаем и Монголией, и его последствий. Дополнительную угрозу для комиссара правительства Колчака представляли отряды П. Щетинкина и А. Кравченко, двигавшиеся с севера, из России. А. Турчанинов был все же сугубо светским человеком и не сумел противопоставить мятежникам сильную власть. Поэтому в Туве в 1919 г. погибло, вероятно, несколько сотен русских переселенцев (точных подсчетов не велось). Так, известно, что уже к 21 июня, по сообщению Хамбы-ламы, «всех русских с детьми и женщинами убито 31 человек и сожжено 40 русских домов,.. урянхов убито «значительное количество» и сожжено русскими много юрт, что история урянхов – зная случаи грабежей скота и имущества своих же урянхов, монгол, китайцев и русских – не знает случаев такой жестокости в убийствах, когда не миловали даже детей и убивали молящих о пощаде»¹⁴.

По сообщению М. Бочегурова, «вооруженная банда... из Хемчика численностью до 30 человек, безнаказанно совершившая грабительские налеты на мирных русских жителей, проживающих в поселках Чадан, Чааты, Чая-Холь, Аргузун и др., переправилась на правый берег Енисея, где двинулась вдоль речки Эйлиг-Хем и Темир-Суг.

По воспоминаниям Анны Витальевны Зубовой, уроженки села Зубовка (Бурен-Хем), 1900 г. р., «монголы на Бельбей набегали, жгли (очевидно, дома. – А. К.), мужиков убивали в 1918 – 1920 гг.»¹⁵.

9 июля 1919 г. А. Турчанинов отдал приказ об эвакуации правительственные учреждений из Белоцарска в Минусинск «ввиду соединения подхребтинских дружинников (дружинники, стоявшие на военных постах Подхребтинского района, т. е. Танды, и самовольно покинувшие место службы. – А. К.) с наступающими урянхами и невозможностью, за малочисленностью воинской силы, охранять административный пункт»¹⁶.

Большинство переселенцев на плотах сплавлялось в г. Минусинск, а сам Турчанинов выехал 12 июля через хорошо знакомую и изученную им в бытность агрономом Тоджу, вероятнее всего, в Иркутск за помощью «в сопровождении 3 казаков своего конвоя и одного милиционера и там, как доложили потом возвратившиеся его конвойцы, он был убит 30 июля в вершине реки Подпорожной (левый приток Енисея). Тело его было брошено в реку Подпорожную»¹⁷.

Убийство комиссара совершили его охранники - казаки Токмаков и Потанин. При обыске их уже 22 августа 1919 г. в с. Григорьевке у первого было обнаружено 22289 рублей, а у второго – 19625 рублей¹⁸.

В научной и исторической литературе этот факт явно искажен. В советский период утверждалось, что А. Турчанинов сбежал с деньгами. В «Истории Тувы» написано: «Часть колчаковцев с награбленным имуществом отправилась на плотах по Енисею в Минусинск... Сам Турчанинов избрал путь через Тоджу, где и нашел бесславный конец от рук своих телохранителей»¹⁹.

Ошибался, очевидно, и Кужугет Сереевич Шойгу: «Сам комиссар края Турчанинов, захватив в Белоцарске 47 миллионов рублей, в сопровождении 6 солдат убежал в сторону Тоджи. В глухой тайге Биче О-Хема солдаты, сопровождавшие его, убили Турчанинова, захватив его деньги. Они пробрались через

тайгу Тоджи и ушли в Иркутскую губернию»²⁰. На самом деле было не совсем так. А. Турчанинов, скорее всего, пошел через Тоджу за помощью, а не бежал, иначе он взял бы с собой жену и малолетнего сына. Миллионов денег при нем не было, не более пятидесяти тысяч. Это показал допрос убийц комиссара.

Так трагически закончилась жизнь Алексея Александровича Турчанинова, но и после смерти правда о нем замалчивалась на протяжении восьмидесяти лет.

Судя по документам, он до последнего дня не хотел верить тому, что уже было очевидным. 11 июня, уже в разгар военных действий, он сообщал министру внутренних дел колчаковского правительства: «Пока стараюсь удержать население от восстания через чиновников-туземцев и местных управителей»²¹.

Комиссару А. Турчанинову «помешали» решительно действовать три года, проведенные им на посту агронома Тувы, уважение к тувинцам и их культуре и острое желание не доводить дело до большого кровопролития. Из его книги ясно видно, что Туву в будущем он видел не под протекторатом России, а в ее составе, это было неизбежно, и он это четко понимал. Дело все же не дошло до обоюдной конфронтации.

Истинный ученый, приверженец монархии, глубоко верующий человек, обладатель стратегического мышления, он сознательно избрал именно такую линию поведения русской администрации в Туве – разоружение и непротивление.

Полное название книги: «Отчет агронома А. Турчанинова за 1915 год»²². Составлялся служебный отчет конкретно для правительства царской России, а не для читателя. Тем более никто никогда не предполагал, что в будущем читать его будут потомки урянхайцев или сойотов, с которыми он тесно общался, наблюдал за их жизнью и хозяйственной деятельностью и которым явно симпатизировал.

В книге А. Турчанинова имеются данные, что он составил для правительства Российской империи, которую называл «метрополией», всего три отчета: за 1914, 1915, 1916 годы.

Первого отчета, как мы предполагаем, самого полного, посвященного изучению центральной и западной Тувы, найти пока не удалось, вероятно, он находится в архивах других городов.

Отчет за 1916 год, хранящийся в Центральном государственном архиве Республики Тыва (Ф. 123, О. 2, Д. 150.), представляет «агрономическое обследование северного склона Танну-Ольского хребта, а также центральных площадей этого хребта на протяжении от верховьев Элегеста до верховьев Ирзына [Эрзина. – А. К.] и, кроме того, равнинной части от озера Убса [Убсу-Нура. – А. К.] вдоль по Теси [Тес-Хем. – А. К.] до устья Нарына». Описаны почвы, флора и фауна данной местности, рассказано о залежах каменной соли и наличии золота. Есть сообщение о растении, из которого урянхи пряли нитки, а также описан способ приготовления сойотского чая и многое другое.

Работа 1915 г. посвящена в основном изучению Тоджи, однако в ней содержится большой материал и о других местностях, поскольку в 1915 г. границы районов Тувы не совпадали с границами современных кожуунов, и в отчете частично охвачена территория современных Каа-Хемского, Пий-Хемского кожуунов. Часто автор обращал внимание и на другие кожууны.

«Отчет» состоит из 15 частей. Вначале описана природа Тоджи: геологический обзор, климат, флора и фауна, «карта распределения почв в Урянхае».

Второй раздел посвящен **населению**: описаны жилища, предметы обихода, одежда, административное управление, налоги, право, обычаи, свадьба, порядок наследования, способы лечения, праздники, традиционные игры, виды хозяйственной деятельности, образцы сказок и песен, пословицы, религиозные представления и обряды, сельскохозяйственные орудия труда.

Третий раздел содержит важные этнологические и статистические данные о рыбных и охотничьих промыслах тувинцев и русских, торговле. Исследована колонизационная

емкость территории, даны важные предложения по обустройству прибывавшего в Туву в то время в массовом порядке русского населения и представляющие большой исторический интерес советы по устранению возможных конфликтов между представителями разных культур.

Одним из главных достоинств работы является тщательное и скрупулезное описание всего увиденного, приведены количественные и качественные показатели по всем существовавшим в 1915 г. отраслям хозяйства.

А. Турчанинов не только собрал конкретные факты, но и тщательно, насколько это было возможно, проанализировал их, предлагая свои ценные рекомендации правительству России, как лучше вести политику в Туве, чтобы получать максимальную прибыль от новой территории, поскольку ожидалось, что вопрос о вхождении Тувы в состав России будет решен в самое ближайшее время.

Безусловно, главной задачей агронома Урянхайского края было исследование территории Тувы в плане предстоящего переселения русского населения, колонизации, однако это никак не умаляет ценности его работы для современного читателя, поскольку ее содержание выходит далеко за рамки этой задачи. Изучив состав почв и климат, автор убедился в правильности вывода, сделанного в отчете 1914 г., о том, что «земледелие в этом краю неустойчиво». В разделе **«Влияние климата на развитие растительности»**, он отметил, что «подходящими растениями для здешнего края являются голый ячмень, обыкновенный ячмень, просо, гречиха, мак, лен и местный вид конопли». Далее он писал: «... на одних прядильных растениях и ячмене современное крестьянское хозяйство базироваться не может, поэтому до тщательного выяснения вопроса, какие сорта овса, пшеницы и ярицы являются особенно скороспелыми, от массового переселения в Урянхайский край крестьянского населения, следует на первое время воздержаться. Надо иметь в виду, что незначительность осадков, выпадающих в Урянхайском крае (меньше 300 мм), делает орошение в нем

необходимым». Затем он предлагает царскому правительству рекомендацию: «При выборе сортов особенно внимание должно быть обращено на сорта, культивируемые в Монголии, которые отличаются большей скороспелостью и легко переносят резкие колебания температуры».

Раздел «Население» содержит огромный этнологический материал о тувинцах. Так, в главе «Одежда» автор рассмотрел традиционные виды головных уборов. По его мнению, их можно разделить на четыре основных вида: «ламская, дорожная, шьется из сукна с длинными наушниками вроде шлема; круглая, на манер киргизской тюбетейки, делается из синей далембы и на макушке из красного шелка вышивается запятая, по краю она имеет ободок – или вышитый, или просто простроченный; третья – обычного типа, с шишкой и меховыми отворотами, различного качества меха и достоинства материала, причем старшие чиновники имеют, по чину, шарик и трубочку для вставления павлиньих перьев. Сзади у такой шапки пришиты две широких красных ленты и несколько цветных узких. И, наконец, четвертый тип носят высшие, родовитые чиновники – это шапка из парчи, твердая, высокая, кончающаяся золотым жгутом».

Далее, в главе «Правление» А. Турчанинов привел подробное описание цвета шариков на шапках чиновников в зависимости от ранга, выдаваемых ранее правительством Маньчжурской империи. Он обратил внимание, что эта традиция сохранилась и что тувинцы и в 1915 г., через три года после освобождения от империи, бережно к ней относятся. Поэтому, чтобы не ломать «привычный для урянхов строй», автор предложил наладить производство цветных шариков для шапок чиновников на Императорском фарфоровом и стеклянном заводе, «причем на шариках следует прикрепить серебряного Российского двуглавого орла или выгравировать такового».

Будучи подданным России, чиновником, действующим в интересах метрополии, умным и интеллигентным человеком, Алексей Турчанинов прекрасно понимал, что нужно уважать

обычаи и традиции местного населения, и насилие – далеко не всегда самый быстрый и легкий способ достичь своей цели. «Эта небольшая мера, на первое время, очень облегчит дело сближения края с Империей».

Рассказывая о порядке наследования у тувинцев, автор обратил внимание на очень важную особенность тувинского традиционного общества, на положение женщины, отметив, что мать, как правило, дети уважали больше, чем отца.

Незамужние дочери получали равную с сыновьями часть наследства, их права никоим образом не ущемлялись. А «мачеху дети могут отпустить домой с тем скотом, который она принесла в приданое».

В разделе «**Население**» описаны и традиционные виды хозяйственной деятельности. Приведены количественные показатели имевшегося в Туве скота. «...Запас лошадей, которым обладает Урянхай, по приблизительному подсчету, состоит 747400 голов и составляет больше 1/3 того количества, которым владеет вся Великобритания (2100000); поэтому Правительству... следует обратить на эту отрасль хозяйства в крае особенное внимание». Далее следуют конкретные рекомендации по развитию коневодства в Туве.

В разделе «**Оленеводство**» автор отметил, что точное количество оленеводов на 1915 г. неизвестно, по разным данным, их от 800 до 1000 человек. На вопрос, сколько в среднем было оленей у людей с разным достатком, в книге приведены следующие данные: «Общее количество оленей, находящихся в Тоджинском хошууне, может принято следующее:

280 бедных по 30 (голов. – А. К.) = 8400

400 средних по 100 = 40000

120 богатых по 500 = 60000

Итого: 108400 штук».

Однако, по данным А. П. Ермолаева и отчета заведующего устройством русского населения в Туве за 1915 г.²³, в Тодже оленей было около 20 тысяч. Известный ученый В. И. Дулов в книге «Социально-экономическая история Тувы» предположил,

что «фантастические данные Турчанинова явно рассчитаны на привлечение внимания к богатствам Тувы и, конечно, очень далеки от действительности». По мнению же кандидата исторических наук Н. М. Моллерова, приводя «далекие от действительности» сведения, А. Турчанинов пытался защитить Туву от чрезмерной колонизации. При этом В. И. Дулов отмечал: «В течение 1915 и 1916 гг. переселенческое Управление продолжало изучать колонизационные возможности Тувы, свойства ее почвы, ее лесные и природные богатства вообще. В течение трех лет фактически занимался исследованием края Турчанинов, отчеты которого дают богатейшие, правда, иногда тенденциозно обработанные, материалы. Наряду с этим велось обследование экономики и быта как туземного населения, так и русских переселенцев»²⁴.

Впечатляет рассказ А. Турчанинова об оригинальном тувинском способе взаимообмена состоятельных оленеводов с природой: часть взрослых оленей ежегодно отпускали на волю к диким собратьям. Богатые оленеводы, имевшие 1000 и более голов, во время осенней перекочевки в долины, намеренно оставляли в горах значительную часть своего стада. «При этом вполне вероятно, что часть из них дичает; что, с другой стороны, дикие олени пристают и держатся вместе с такими полудомашними». Таким образом, очевидно, осуществлялся процесс обновления стада.

А. Турчанинов отметил существенную проблему, актуальную и в наше время, через 90 лет после написания «Отчета», — лесные пожары, пытаясь выяснить, кто устраивал палы. И в настоящее время летом горит тайга. Этот вопрос не выяснен до сих пор. Автор предположил, что «хотя русское население и уверяет, что сойоты сами пускают в тайгу палы, но это сомнительно, так как, насколько мне известно, пускание палов среди сойот лесной области запрещено, и они очень бережно относятся к тем местам, где постоянно кочуют со своими оленями». Это было настоящим бедствием для оленеводов, поскольку они были вынуждены на долгое время бросать свои привычные

стойбища и перекочевывать в новые места. Кроме этого, «на таких участках ряд десятилетий не будет белки и соболя».

В качестве рекомендации он предлагал рассказывать в школах о вреде лесных палов и издавать об этом популярные брошюры для населения.

Не менее важной автор также считал проблему заповедников. Изучая жизнь тувинцев, он обратил внимание, что по всей Туве есть священные места, где местное население не только не охотилось, но и вообще не появлялось без лишней надобности. К таким местам А. Турчанинов относил: «Пай-Тайгу на Хемчике, Оттыг и Хан-Тайгу в Тодже, озера Дорокем и Ноен Куль» (орфография автора сохранена. – А. К.) и др.

А. Турчанинов отмечал: «Обычно путешественники при отказе урянхов следовать и сопровождать их в такие места выслушивают ряд малопонятных объяснений о Боге, духах и т. д. и выводят из этого заключение о религиозных воззрениях на то или иное место».

Автор предлагал выяснить у местного населения подобные территории и подтвердить на правительственном уровне их неприкосновенность.

Рыболовство как вид хозяйственной деятельности (раздел «Промыслы») характерно в основном для тувинцев Тоджи. Большинство населения Тулы рыболовством не занималось. К рыбе тувинцы относились с предубеждением, и она не входила в традиционный пищевой рацион.

Тувинцы-тоджинцы относились к рыбе по-иному, они ею часто питались и выработали свои варианты ее ловли, «способы ловли рыбы, которые в ходу среди урянхов, значительно разнятся от применяемых русским населением. В большинстве случаев они представляют целый ряд градаций – от самой первобытной до современной. Сойотский способ добычи рыбы распадается на: ловлю руками, волосяной петлей, крючком, волосяными сетями и колотьем ножом».

Далее в работе приводится подробное описание всех перечисленных способов с рисунками. Они разнообразны,

требовали большой точности и художественных способностей. Для примера приведем сокращенное описание одного из них. Преимущественно на озерах ловили волосяными сетями, «плетутся такие сети в течение 6 месяцев и уходит на них от 10 до 15 конских хвостов. Ставятся волосяные сети сойтами с саликов (небольших плотов. – А. К.) в самую тихую погоду и осматриваются тоже только тогда, когда озеро совсем тихо... Салик делается из 6–8 сухоподстойных (вероятно, правильнее – сухостойных. – А. К.) деревьев, около сажени 4 аршина длины и 1,5–2 ширины. На таком салике ездят с шестом, и он вполне свободно несет 3–4-х человек. Ездят чаще вдвоем».

Автор чрезвычайно тщательно и очень подробно описал и зарисовал все детали изготовления того или иного предмета или орудия, что в настоящее время является бесценным источником для изучения материальной культуры тувинцев и русских в Туве в начале XX века.

Сложность ловли рыбы приводит к выводу, что она не была предметом продажи или обмена, рыбу добывали исключительно для себя. Очевидно, только в конце XIX – начале XX века, когда появилась возможность продавать рыбу в Россию, рыболовство приобрело характер массового промысла, но им занимались в основном переселенцы. Автор для наглядности привел пример: на озере Джагатай-Куль (Чагытай. – А. К.) русская артель из 12 человек за 20 дней выловила в 1911 г. 1000 пудов рыбы, или по 83 пуда на пай. А. Турчанинов писал, что на многих озерах, богатых рыбой, ловить ее было запрещено тувинскими властями. Эти озера периодически освящались ламами и объявлялись заповедными.

Далее автор проанализировал характер сезонной охоты. Описал, когда, в какой сезон, на какого зверя и каким именно способом велась охота. Для своих нужд тувинцы охотились преимущественно на копытных: маралов, горных козлов, косуль. Охота на медведей велась крайне редко, так как, по справедливому замечанию А. Турчанинова, они их обожествляли.

Рассказывая об охоте на соболя, автор писал: «Охота на соболей русских промышленников и урянхов значительно

разнится между собой. Урянхи бывают соболями только в ноябре и декабре, пока глубокий снег не выживает их с гор, и затем оставляют эту охоту до будущего года. Соболяют урянхи в общем 1,5 месяца. Найдя или ранив соболя, урянх недолго потратит для того, чтобы его добыть, но ни за что не отступится».

Автор привел свои расчеты по заготовкам в Туве соболя: «по данным тоджинских торговцев, лет 10 назад из Тоджинского района вывозилось 3000 соболей».

В последних разделах отчета А. Турчанинов рассчитал колонизационную емкость Тоджи, указал, где конкретно и сколько русских переселенцев могли бы обустроиться на постоянное место жительства, предлагал им отказаться от хлебопашества и развивать луговодство и маслоделие.

О степени осведомленности, профessionализме и ответственном подходе к своему делу А. Турчанинова говорит и рассмотрение им такого вопроса, важного для переселенцев, как качество скота: «Нередко приходится слышать голоса о желательности улучшения местной породы, так как она дает мало молока, но этот взгляд в корне ошибочен. Лучшая европейская чистопородная корова дает в 6–7 раз больше молока, чем весит сама. Считая средний вес 500 кг (30 пудов), она может дать 210 пудов молока со средним содержанием жира в 3–3,2 %, что составит на 210 пудов 6,3 пуда масла. Считая утерю от переработки 0,2 пуда, получим, что она даст 6,1 пуда масла, тогда как местная корова при своей маломолочности дает 7,45 пуда или на 1,35 пуда больше. Поэтому *прилитие крови европейского скота к здешнему*, было бы грубой ошибкой, так как повело бы к уменьшению жирности молока (курсив мой. - А. К.). Многомолочный скот выгоден только там, где сбывается цельное молоко, а где его приходится перерабатывать на масло, маломолочный скот с более жирным молоком выгоднее».

В заключение он сделал вывод, что «сумма открытых площадей Урянхайского края может быть принята приблизительно равной 101306490 десятин, что может составить, при 50-десятинном наделе, земельный фонд для 20261 домохозяина», т.е. именно

столько переселенцев должно было приехать в Туву, чтобы иметь участок земли, достаточный для обеспеченной жизни.

А. Турчанинов не раз ставил вопрос о хищническом отношении к природе Тувы, предупреждая свое правительство: «Окраина будет существовать столетия и, следовательно, в течение столетий может давать метрополии известный доход. Предоставлять же ее на расхищение для пользы нескольких лиц и тем лишать метрополию возможности в течение долгого ряда лет вести правильные торговые обороты с окраиной – это политика крайне недальновидная». Эта идея автора, как и многие другие его идеи, актуальны и сегодня.

Источники и примечания

1. РФ ТИГИ, дд. 8, 1054.
2. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 260 л. 3 об., 4, 29 об.
3. ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 2, д. 51, л. 7.
4. ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 675, л. 1.
5. ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 3, д. 476, л. 114 об.
6. ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 3, д. 476, л. 36.
7. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 308, л. 2-2 об.
8. ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 3, д. 485, л. 2.
9. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 285, л. 5.
10. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 249, л. 27.
11. История Тувы. – М., 1964. – Т. II. – С. 47–48.
12. ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 3, д. 476, л. 63.
13. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 308, л. 5.
14. ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 3, д. 476, л. 12.
15. РФ ТИГИ, д. 982, тетрадь 13.
16. ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 3, д. 476, л. 79.
17. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 321, л. 4.
18. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 61, л. 14.
19. История Тувы, Т. П. – С. 47.
20. Шойгу К. С. Перо черного грифа. – Кызыл, 2001. – С. 55.
21. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 249, л. 27.
22. Рукопись данной книги хранится в архиве Тувинского института гуманитарных исследований под № 8, 1054. Текст напечатан на печатной машинке.
23. Ермолаев А. П. Урянхайский край. – Минусинск, 1919. – С. 8; ГАНО, ф. 47, д. 260, лл. 13–16, 31.
24. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. – М., 1956. – С. 398.

Создание и становление Тувинской

Народно-Революционной Армии (1921–1946 гг.)

Начиная с 90-х годов прошлого столетия существенно активизировались исследования по истории Тувинской Народной Республики. В последние годы вышло много статей, монографий и диссертационных работ по данной теме, в которых рассматривались различные вопросы истории ТНР. По вопросу о вооруженных силах ТНР, кроме вышедшей еще в 1975 г. статьи А.М. Шумова «Деятельность ТНРП в военном строительстве», опубликованной в 17-м выпуске «Ученых записок» ТНИИЯЛИ, не было других специальных исследований.

До 1921 г. регулярной армии в Туве не было. После провозглашения независимого самостоятельного государства тувинского народа – Танну-Тувинской Республики – перед его правительством и Центральным Комитетом Тувинской народно-революционной партии в числе других важных задач встал вопрос о вооруженной охране республики. Для решения данного вопроса было учреждено Военное министерство, которое стало одним из первых пяти созданных министерств. Министром его стал герой Кобдинского сражения Куулар Лопсан, награжденный званием Соруктуг-Маадыр¹. Вскоре был сделан первый шаг к созданию армии – в конце 1921 г. при правительстве организован так называемый отряд посыльных (тув. – чарылга шериг) сначала в составе 10, а позже 25 бойцов. Кроме выполнения курьерских обязанностей, отряд охранял государственные учреждения, т. е. выполнял функции не армии, а охранного войска. Командиром отряда был назначен участник Кобдинского сражения Кыргыс Тактан². После упразднения Военного министерства в 1922 г. он стал подчиняться Министерству юстиции. В мае 1923 г. штат отряда был увеличен еще на 5 посыльных, работавших при ЦК ТНРП. Выросший до 30 человек отряд был переподчинен Министерству внутренних дел (МВД), где на него были возложены функции милиции – поддерживать общественный

порядок. Из них на границе служили 15 человек³. Его новым командиром стал Оюн Чик-Сюрюн. С этого времени, в рамках помощи в военном строительстве, в вооруженные силы ТНР стали назначаться советские военные советники и инструкторы. Первым из них стал Н.И. Ядрышников, который был известен тувинцам под именем Комбу-маадыр⁴. Согласно положению о Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК) 1922 г., она также организовывала свою вооруженную охрану.

Первым серьезным испытанием для вооруженных сил республики стало Хемчикское антигосударственное выступление весной 1924 г. Тогда силами тувинского военного отряда при содействии аратских добровольческих дружин и отряда РСТК к осени 1924 г. выступление было подавлено⁵, после чего правительство ТНР приняло решение о создании кадровой армии.

25 сентября 1924 г. III Великий Хурал в связи с осложнением внутренней обстановки постановил увеличить состав армии до 52-х человек и организовать 4 отдельных части на границе по 3 человека в каждой⁶, а также просить Советское правительство о направлении в Туву отряда Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Учитывая данную просьбу, Советский Союз в начале 1925 г. отправил в Туву кавалерийский эскадрон, который расквартировался в г. Кызыле. К концу года тувинский отряд преобразовали в эскадрон, численность которого к сентябрю 1925 г. достигла 52-х человек. С этого года вооруженные силы ТНР стали называться Тувинской Аратской Красной Армией (ТАКА). В конце 1925 г. в эскадроне по примеру Красной Армии была создана партийная ячейка. Это явилось началом систематической политico-воспитательной работы в армии.

В 1924–1925 гг. ТАКА подчинялась Министерству иностранных дел, а с 1925 по 1927 год вновь была передана в ведение МВД, затем – Управления государственной внутренней политической охраны (УГВПО). Командиром эскадрона назначили Оюна Мандан-оола, комиссаром – Тюлюша Булчуна. В 1927–1929 гг. комиссаром был Маады Далаа-Серен.

Создание ТАКА законодательно закрепила Конституция ТНР, утвержденная 24 ноября 1926 года IV Великим Хуралом. В ней говорилось: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности реставрации властей внешних поработителей и внутренних эксплуататоров подтверждается вооружение трудящихся путем образования Народно-революционной армии»⁷. С этого времени армия Тувы от добровольного комплектования перешла к обязательной воинской службе, ежегодному призыву.

В первой половине 1929 г. ТАКА стала отдельным полносоставным эскадроном. Со второй половины 1929 г. численность его была увеличена вдвое, а он сам преобразован в отдельный кавалерийский дивизион, состоящий из двух эскадронов общей численностью 402 человека⁸. Командиром его был назначен Тюлюш Дагбалдай, комиссаром – Кужугет Серен. Т. Дагбалдай командиром пробыл недолго, став в 1929 же году начальником УГВПО. После него командиром и одновременно комиссаром стал К. Серен. Командирами эскадронов были Оюн Маадыр-оол, Куулар Ортун-оол.

С 1929 г. было принято решение о том, что «в дальнейшем, прекращая принятие в регулярные войска бывших князей и чиновников, а также детей богачей, в эту военную школу следует принимать на обучение детей исконных аратов»⁹. В результате осуществления этих мер существенно изменился социальный состав ТАКА. Так, если в 1930 г. число аратов-бедняков и середняков в ее рядах составляло 72 %, то в 1933 г. – 87 %. Партийно-революционская прослойка среди личного состава в 1933 г. составляла уже 61,7 %¹⁰.

К лету 1929 года обстановка в Туве не требовала присутствия эскадрона 352-го полка Сибирского военного округа, который ввели в республику в начале 1925 года. Теперь же, выполнив свою задачу, он возвратился на родину¹¹. По разрешению Советского правительства все вооружение и снаряжение эскадрона, а также красное знамя Сибирского военного округа передали ТАКА.

В начале 1930-х гг. социально-политическая обстановка в республике ухудшилась. Проводимая тогда политика ускоренного движения к социализму, сопровождавшаяся насильственной коллективизацией аратов и ликвидацией «феодалов и теократов» как класса с конфискацией их имущества, породила недовольство. В это время произошло два крупных антиправительственных выступления: Овюро-Хемчикское в 1930 г. и Тере-Хольское в 1932 г., которые были подавлены частями ТАКА.

В декабре 1930 г. при дивизионе создана школа шестимесячной подготовки младших командиров в составе 20 человек. Начальником школы назначили Сат Намчака (С.К. Намчак). Свой первый выпуск школа дала в июне 1931 г. и работала без перерыва до 1946 г.

Изучив опыт Красной Армии и применяя его к условиям Тувы, Политбюро ЦК ТНРП и Совет Министров ТНР 19 октября 1932 г. приняли решение о переходе на кадрово-территориальную систему организации армии. В связи с этим вместо дивизиона создается кавалерийский полк в составе пяти эскадронов. С этого времени до 1939 г. части ТНРА делились на центральные – постоянные кадровые и местные – территориально-милиционные, которые собирались через определенное время. В 1933 г. впервые были проведены территориальные сборы. Новая система вооруженных сил страны обеспечивала наибольшийхват трудящихся аратов военной подготовкой путем отбывания воинской повинности и менее отвлекала население от производительного труда, при этом, несколько снижая расходы государства на содержание армии¹². К тому же эта система не оказывалась на боевой подготовке. Для обеспечения распространения в массах военных знаний и военно-патриотической, физической подготовки допризывной молодежи было организовано Общество содействия обороне страны (ОСОС).

Если до 1925 г. личный состав военного отряда жил в юртах, то уже осенью этого года солдаты переехали из юрт в только что построенную военную казарму. С 1928 по 1931 год

ТАКА размещалась в двухэтажной казарме, стоявшей на месте современного здания Тувинского краеведческого музея имени «Алдан-Маадыр». Во второй половине 1931 г. на окраине г. Кызыла в районе «Востока» построили военный городок, где тувинская армия размещалась до января 1946 г. После вхождения ТНР в состав СССР и расформирования ТНРА в 1946 г. казарма была передана 29-му пограничному отряду.

В 1934 г. кавалерийский дивизион – постоянная кадровая часть вооруженных сил ТНР – был преобразован в объединенный полк, а ТАКА стала называться Тувинской Народно-Революционной Армией (ТНРА). Полк состоял из двух сабельных эскадронов, полковой школы подготовки младших командиров в составе эскадрона и эскадрона тяжелых пулеметов. Кроме них в 1935 г. в его состав вошли взводы артиллерии, связи, саперный, интендантский, а также химическое отделение.

После прибытия в ноябре 1935 г. на службу в полк 20 выпускников Тамбовского среднего кавалерийского училища Красной Армии имени Буденного, командный кадровый состав частей Объединенного кавалерийского полка почти полностью был укомплектован кадровыми военными.

Сначала командиром полка стал Гессен Шоома (С. Д. Шоома), начальником штаба – Михаил Кызыл-оол, командиром эскадрона тяжелых пулеметов – Саая Балчыр, артиллерийского взвода – Оюн Лопсан-Балдан (Н. Я. Лопсан), взвода связи – Мандаржап (Манды-Хуу), саперного взвода – Саая Ала. С 1936 г. после окончания учебы в военной академии имени М. В. Фрунзе командир-комиссаром назначили Оюна Лакпа. Впоследствии полком командовали Сат Биче-оол, повторно Гессен Шоома, Монгуш Сувак и Семен Севээн (С. Х. Севен). После М. Кызыл-оола начальниками штаба полка были Тюлюш Биче-оол, Оюн Оолак, Монгуш Сувак, Куулар Даваа-Самбуу, Оюн Лопсан-Балдан. Обязанности комиссаров полка исполняли Иргит Бадыраа и Салчак Борбак-оол (А. С. Борбак-оол), а после реорганизации института военных комиссаров заместителями командира по политической части полка работали Салчак Борбак-оол и Монгуш Эртине (А. С. Эртине)¹³.

В 1927–1936 гг. армия формально подчинялась УГВПО (с 1935 г. стала называться Внутренним Управлением Охраны Страны). В 1936–1938 гг. полк находился под руководством созданного тогда Военного Совета. В 1938–1940 гг. армия напрямую подчинялась правительству ТНР.

В связи с резким ухудшением международного положения в конце 30-х и начале 40-х годов в мире и, в частности, в Восточной Азии Правительство ТНР и ЦК ТНРП провели ряд важных мероприятий по укреплению армии и обороны страны. Состоявшийся в ноябре 1939 г. XI съезд ТНРП поручил Центральному Комитету партии в ближайшие 2–3 года обеспечить армию в полном объеме вооружением и еще более поднять уровень её боевой готовности. Исходя из решений съезда в целях улучшения руководства обороной страны и армии 22 февраля 1940 г., согласно постановлению Малого Хурала ТНР, было создано Министерство военных дел, которое стало принимать меры по оснащению армии новыми видами оружия и боевой техники, улучшению подготовки командных кадров и повышению боевой готовности частей и подразделений¹⁴. Первым министром с 1940 г. по 1943 г. стал полковник, впоследствии – генерал-майор Гессен Шooma, а с 1943 г. – полковник Монгуш Сувак.

В течение 20-х – 40-х годов правительство СССР и командование РККА, а также органы РСТК не раз оказывали большую помощь в развитии материально-технической базы и подготовке кадров. Средний и высший командный состав армии проходил подготовку в военных учебных заведениях СССР. В 1925 г. на учебу в СССР были отправлены первые 10 человек¹⁵. В дальнейшем в советских средних и высших учебных заведениях получили образование 25 % командных кадров тувинской армии¹⁶.

Первым в СССР военную академию имени М. В. Фрунзе закончил в 1936 г. Оюн Лакпа, затем, в 1940–1942 гг., там учились и успешно закончили Монгуш Сувак и Семен Севээн. В академии имени К.Е. Ворошилова учился генерал-майор

Гессен Шоома. Впоследствии в высших военных школах также учились Тюлюш Кечил-оол, Ооржак Лопсан, Монгуш Эртине, Оюн Лопсан-Балдан¹⁷.

Большую роль в обучении и воспитании бойцов ТНРА играли приглашенные из СССР советские военные инструкторы и советники. Они оказывали всестороннюю помощь командованию в организации армии, передавая свой богатый опыт. В разные годы в Туве работали Н. И. Ядрышников, С. Д. Горшков, В. И. Конюшевский и другие.

С первых дней Великой Отечественной войны Тувинская Народная Республика и ее вооруженные силы были переведены на военное положение. ТНРА также перешла на режим военного времени. Если до войны в ее рядах насчитывалось 489 человек, т. е. 4 эскадрона, состоящих из 16 взводов, а также танковый взвод, взвод связи, пулеметный полуэскадрон, музыкальный взвод, интендантский взвод, то в конце 1941 г. она численно выросла до 1136 человек.

В 1941 г., учитывая опыт РККА, ввели институт военных комиссаров и политруководителей, равных по должности командирам¹⁸. Военным комиссаром полка стал И. Бадыраа. А в 1942 г. Постановлением Президиума Малого Хурала ТНР от 5 сентября был упразднен институт комиссаров в связи с ростом и укреплением воинского мастерства и политической грамотности командного состава ТНРА. Все руководящие и управляющие функции, а также ответственность за все внутриармейские работы полностью перешли к командирам. Вместо комиссаров был введен институт заместителей командира по политической части.

С улучшением положения на фронтах в 1943 г. состав ТНРА был сокращен до 610 человек. К 1944 г. орденоносный кавалерийский полк ТНРА состоял из двух сабельных эскадронов, технического эскадрона, артиллерийской, минометной батарей, школы младших командиров, танкового, саперного, музыкального взводов и взвода связи, а также авиационного звена и интендантской части¹⁹.

За период Великой Отечественной войны при помощи СССР качественно изменились материально-техническая база и вооружение ТНРА. Появились новые виды техники – противотанковые ружья, минометы, автоматы, автоматические винтовки, противотанковые гранаты, новые танки и самолеты.

По постановлению ЦК ТНРП от 25 сентября 1941 г., с 15 октября все граждане мужского пола от 16 до 50 лет в обязательном порядке начали проходить военное обучение. Это начинание законодательно было закреплено 28 октября 1941 г. Указом Президиума Малого Хурала ТНР. Таким образом, до марта 1944 г. 110-часовое военное обучение прошли 11772 мужчины²⁰.

Начиная с первых дней войны, в Министерство военных дел ТНР и представительство СССР в Туве стали поступать заявления от граждан республики с просьбой отправить их на фронт. Учитывая эти настроения, 15 февраля 1942 г. Малый Хурал принял резолюцию, в которой говорилось: «От имени всего тувинского народа сессия заявляет Правительству СССР и всему советскому народу о готовности тувинцев с оружием в руках встать под боевые знамена Красной Армии на борьбу против общего врага...»²¹.

После разрешения Советского правительства 20 мая 1943 г. на фронт отправилась группа из 11 танкистов-добровольцев. В составе 25-го Уманского танкового полка I Украинского фронта они освобождали Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию и Чехословакию.

А 1 сентября 1943 г. первый добровольческий эскадрон ТНРА, куда входили не только военнослужащие ТНРА, но и добровольцы из граждан, не служивших в армии, под командованием капитана Тюлюша Кечил-оола в составе 206 человек отправился на фронт²². Он был включен в 31-й гвардейский Кубано-Черноморский полк 8-й гвардейской кавалерийской дивизии. Эскадрон участвовал в освобождении свыше 80 населенных пунктов Украины, в том числе с. Деражно,

городов Ровно, Дубно, где тувинцы-добровольцы особенно отличились. Советское командование высоко оценило подвиг тувинских добровольцев: 67 бойцов и командиров были награждены орденами и медалями СССР; 135 добровольцев были отмечены орденами и медалями ТНР, из них двоим присвоено звание Героя Советского Союза – Хомушку Чургуй-оолу и Тюлюшу Кечил-оолу.

Советское Верховное Главнокомандование присвоило тувинскому эскадрону наименование «Ровенский», а Президиум Малого Хурала ТНР наградил его Орденом Республики.

После вхождения ТНР в состав СССР в 1944 г. ТНРА была преобразована в Отдельный 7-й кавалерийский полк Краснознаменного Сибирского военного округа. Министерство военных дел было преобразовано в областной Военный комиссариат. В 1945 г. полк вошел в образованный Восточно-Сибирский военный округ. А в 1946 г. Отдельный 7-й кавалерийский полк был упразднен. Одну часть полка передали в дислоцированную в г. Красноярске 127-ю стрелковую дивизию, а другая вошла в состав 10-й стрелковой дивизии (г. Иркутск). В 1946 г. знамена ТНРА были переданы в Центральный музей Советской Армии²³.

Как видим, формирование и развитие ТНРА было неразрывно связано с историей Красной Армии. При всей схожести условий формирования и развития главным отличием тувинской армии от НРА соседней Монголии, которая сформировалась в огне войны и существовала в непосредственной близости от очага напряженности, являлось то, что она создавалась в условиях мирного времени и в окружении братских стран – СССР и МНР. Поэтому перед ТНРА стояли задачи защищать завоевания революции от внутренних и внешних врагов и обеспечивать охрану границ республики, с которыми она отлично справилась. При этом боевой опыт тувинская армия приобретала в основном в борьбе с «внутренним врагом», т.е. подавляя антиправительственные восстания. Так, за период своего существования ТНРА подавила три антиправительственных

выступления на территории Тувы. Только в 1943–1944 гг. ее добровольческие части участвовали в Великой Отечественной войне СССР.

В процессе создания и развития ТНРА можно выделить четыре основных периода: первый – создание охранного отряда при правительстве, прообраза ТНРА (1921–1924 гг.); второй – формирование НРА (1924–1934 гг.); третий – укрепление и развитие НРА (1934 – июнь 1941 г.); четвертый – приведение НРА в полную боевую готовность и участие ее добровольческих подразделений в боях на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии (июнь 1941– конец 1944 г.).

Литература и примечания

1. РФ ТИГИ, д. 898.
2. В статье использованы воспоминания бывших военнослужащих Тувинской народно-революционной армии: Лопсана Н.Я (РФ ТИГИ, д. 354, 773; АРШ – Араттың идегели // Шын, 1971, август 4), Тостай-оола Б. С. (РФ ТИГИ, д. 355), Борбак-оола А. С. (Тываның арат шерии // Шын, 1991 май 29), Пулчун С. С. (РФ ТИГИ, д. 415).
3. РФ ТИГИ, д. 73, л. 1.
4. Так его прозвали монголы, когда он работал советником в Монгольской армии.
5. Шумов А.М. Деятельность ТНРП в военном строительстве // УЗТНИИЯЛИ, вып. XVII. – Кызыл, 1975. – С. 35.
6. РФ ТИГИ, д. 73, л. 3.
7. Конституции Тувы. – Кызыл, 1999. – С. 41.
8. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 925, л. 3.
9. Там же, д. 587, л. 12.
10. Там же, ф. 1, оп. 2, д. 732, лл. 2, 3.
11. Иванков П. Знамя армии // Тувинская правда, 1986, 14 июня.
12. Шумов А.М. Деятельность ТНРП в военном строительстве..., с. 39.
13. Келик-Сенги И. Альтыг шериг // Тыва Республика, 1996 март 14.
14. Шумов А.М. Деятельность ..., с. 40.
15. РФ ТИГИ, д. 73, л. 5.
16. Шумов А. М. Деятельность..., с. 40.
17. Келик-Сенги И. Альтыг шериг ...; Борбак-оол А. Тываның арат шерии ....
18. ЦГА РТ, ф. 93, оп. 1., д. 245, л. 94.
19. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф.1, оп. 1, д. 2984, л. 7.

20. Там же, л. 4.
21. Катерничик Н. Я. От Тувы до Украины. – Кызыл, 1998. – С. 9.
22. Там же, с. 11.
23. РФ ТИГИ. Д. 773 – Воспоминания (автобиография) Лопсана Н. А., ветерана бывшего военнослужащего Тувинской народно-революционной армии (1930–1946 гг.), л. 80.

H. M. Моллеров

**Комитеты советских граждан и перестройка
ТНР на военный лад
(июнь 1941 – март 1942 г.)**

Изучению трудового подвига и участия населения Тувы в Великой Отечественной войне Советского Союза против гитлеровской Германии в тувинской историографии отведено достойное место. Эта тема получила освещение в работах Х. М. Сейфулина, В. М. Иезуитова и особенно Ю. Л. Аранчына.¹ Принесенные на алтарь победы трагические жертвы увековечены в региональной «Книге Памяти». В настоящей статье впервые рассматривается вопрос о деятельности комитетов советских граждан (КСГ) в ТНР в начальный период войны.

Накануне Великой Отечественной войны в ТНР проживало около 16,5 тыс. советских граждан, объединенных в комитеты числом до 30 и подчиненных консульскому отделу дипломатического представительства СССР в ТНР.² В населенных пунктах в качестве структурных подразделений комитетов были созданы междворовые объединения: двадцати-, десяти-, семи- и пятидворки. КСГ осуществляли функции самоуправления русского населения в области культуры и быта, помогали органам местной власти ТНР в осуществлении ими мероприятий в отношении советских граждан, выполняли поручения ТНРП и тувинского правительства по развитию экономики и культуры Тувы.

КСГ в довоенный период активно содействовали развитию таких отраслей экономики Тувы, как горнодобывающая и кустарная промышленность, торговля, транспорт, связь, сфера

услуг и сельское хозяйство, особенно полеводство, а также решению многих вопросов культуры. Учитывая весомый вклад советских граждан в развитие Тувы, Президиум Малого Хурала постановлением от 26 апреля 1941 г. предоставил им гражданство ТНР и все политические права. Согласно решениям ЦК ТНРП и ЦК ТРСМ, они могли вступать в ряды тувинской партии и ревкома.³

22 июня 1941 г. в Туву по радио пришла весть о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. На проходившем в этот день X Великом Хурале ТНР была единодушно принята декларация о готовности тувинского народа всеми силами и средствами участвовать в борьбе с фашизмом. Хурал принял новую конституцию Тувы, закрепившую тувинское гражданство и политические права постоянно проживавшего в Туве русского населения. Полученные новые права значительно расширили возможность участия советских граждан в жизни ТНР.

Во главе всей работы по перестройке жизни Тувы на военный лад встала ТНРП. Под руководством ЦК ТНРП и консульского отдела полпредства СССР в ТНР КСГ проводили большую работу по оказанию помощи фронту.

25 июня 1941 года в г. Кызыле состоялось экстренное совещание председателей КСГ и колхозов, на котором Чрезвычайный и Полномочный Посланник СССР в ТНР Г. С. Петров сделал доклад об основных задачах КСГ, колхозов и всех советских граждан в военное время. Участники совещания призвали «всех советских патриотов подняться на защиту священной и неприкосновенной земли».⁴

С первых дней Великой Отечественной войны КСГ всю политico-массовую и культурно-организационную работу стремились построить так, чтобы вселить в сограждан уверенность в окончательной победе над фашизмом, поддержать их трудовой энтузиазм и горячий патриотизм. В этих целях проводились многочисленные митинги, собрания, беседы.

В связи с военными событиями спрос населения ТНР на местную периодику и приходившие из СССР газеты и журналы резко возрос. Печатный орган КСГ газета «Вперед» доносила до населения суровую правду о событиях на фронте. 23 июня 1941 г. был экстренно выпущен внеочередной, 49 (839), номер газеты с речью В.М. Молотова о нападении Германии на СССР. С начала июля 1941 г. в ней регулярно публиковались сводки Совинформбюро. В газете также печатались зовущие на борьбу с врагом публицистические статьи известных советских писателей Алексея Толстого и Ильи Эренбурга. Изданное доводило до читателей важнейшие решения ВКП (б) и советского правительства, ТНРП и правительства ТНР, информировало их о ходе перестройки Тувы на военный лад и состоянии дел по оказанию помощи фронту.

25 января 1942 г. газета «Вперед» вышла последний раз под номером 11 (928), а 28 января увидел свет первый (929) номер «Тувинской правды», которая становится печатным органом ЦК и ГК ТНРП и Президиума Малого Хурала ТНР. Вместе с тем, в ней продолжалось подробное освещение деятельности комитетов.

В Кызылском клубе советских граждан регулярно давались консультации по международному положению и текущей политике, читались лекции по военной тематике. Советские граждане являлись частыми посетителями экспозиции «Враг будет разбит, победа будет за нами» в государственном музее ТНР. Экспозиция периодически обновлялась, пополнялась новыми материалами. В кинотеатрах (стационарно) и с помощью кинопередвижек в населенных пунктах демонстрировались военные кинофильмы. Во многих клубах ставились самодеятельные спектакли на военные темы.

С каждым днем возрастили добровольные пожертвования советских граждан в фонд обороны СССР. Безвозмездно сдавались драгоценности, деньги, скот, зерно, теплая одежда, обувь и т.п. Консульский отдел советского полпредства в Туве открыл в Тувинбанке счет № 18538, на который перечислялись

денежные взносы в помощь фронту. По инициативе учащихся Кызылской советской школы, закрепленной специальным решением ЦК ТРСМ, был также открыт счет № 18539 для денежных взносов на строительство танка «Молодежь Тувы». КСГ в центре и на местах проводили большую и неустанную работу. Так, советские граждане Баянкольского комитета с начала войны к февралю 1942 г. отправили на передовую 85 посылок на 1523 акша⁵, на счет № 18538 перечислили 426 акша, внесли облигаций на 335 руб., сдали в фонд обороны 6 ц зерна, 12 лошадей и немало теплой одежды. От советских граждан Сарыг-Сепского комитета за тот же период поступило подарков на 5338 акша, денег 5008 акша, облигаций на 9300 руб.; 1310 акша также было перечислено на строительство танка «Молодежь Тувы».⁶ Наиболее активными среди дворовых объединений в оказании помощи фронту в г. Кызыле были двадцатидворки №№ 1, 2, 10, 13, 14, 17, 20, 30, 32; в г. Чадане – десятидворка № 2, в г. Туране – десятидворка № 14 и т. д.⁷

В годы войны в горной промышленности ТНР действовало 6 золотых приисков, на которых в подавляющем большинстве работали советские граждане. Приисковые КСГ являлись застрельщиками повышения производительности труда. В результате многие рабочие приисков брали на себя и выполняли обязательства превышать существующие нормы выработки, снижать себестоимость продукции, досрочно выполнять и перевыполнять плановые задания. Они по собственной инициативе продлевали рабочий день на 1–3 часа, работали без выходных.

Среди передовиков производства, награжденных правительством ТНР по итогам 1941 г. орденами Труда, были советские граждане: столяр лесозавода И. С. Дорофеев, закройщик сапожного цеха Кызылской пошивочной мастерской П. Ф. Юрин, портниха того же предприятия В. И. Астанина, механик Тувтранса А. Н. Сандаков, советник ТЦК П. И. Шевяков.⁸

Существенный вклад в фонд обороны вносили советские колхозы. В 1941 г. в 17 колхозах было объединено 512 крестьянских хозяйств из 1691, или 32 % всех хозяйств советских граждан в Туве.⁹ В связи свойной КСГ по заданию партии и правительства ТНР добивались от колхозов и частных хозяев увеличения выхода товарного зерна и продажи его государству через сеть ТЦК. Несмотря на невысокий уровень механизации сельскохозяйственных работ в колхозах (вспашки – на 80 %, уборки – на 40%, молотьбы – на 90 %) и почти полное ее отсутствие в частных хозяйствах, эта задача, благодаря высокому трудовому энтузиазму, все же успешно решалась. Расширялись посевы зерновых и технических культур. Колхозы поставляли на предприятия местной промышленности в качестве сырья лен, коноплю, подсолнечник.¹⁰

С начала 1942 г. КСГ в своей деятельности руководствовались решениями III пленума ЦК ТНРП о дальнейшем развитии промышленного производства, полеводства, увеличении экспорта продукции, усилении помощи фронту. 7 ноября 1942 г. Совет Министров ТНР и ЦК ТНРП приняли постановление «Об оказании помощи населению советских районов, освобожденных героической Красной Армией из-под гнета немецких захватчиков», и КСГ сразу же развернули работу по его выполнению. Только за первые пять дней со дня выхода документа от советских граждан в ТЦК поступило различных вещей на 16 690 акша, и с каждым днем эта сумма увеличивалась.

Самое пристальное внимание КСГ уделяли военной подготовке советских граждан. Выполняя решение ЦК ТНРП и тувинского правительства о введении военного всеобуча, они приступили к формированию в г. Кызыле и других населенных пунктах отрядов народного ополчения. В соответствии с постановлением Совета Министров ТНР от 9 июля 1941 г. в г. Кызыле был создан республиканский штаб народного ополчения. В Кызыле и кожуунных центрах были также созданы штабы противовоздушной и противохимической обороны.

В поселках, на предприятиях и в организациях стали создаваться военные кружки: стрелковые, кавалерийские, танковый, а также авиа группа. Ими, как правило, руководили советские граждане, прошедшие срочную службу в рядах Красной Армии, такие как П. Доронин, М. Козлобродов, М. Наймушин и др.¹¹

В соответствии с инструкцией Наркомата здравоохранения СССР и по решению тувинского правительства началась перестройка на военный лад медучреждений. В 1941 г. было организовано 85 кружков «Готов к санитарной обороне» (ГСО), в которых обучалось 2498 человек.¹²

5 февраля 1942 г. из Кызыла на фронт выехала первая партия призывников из числа постоянно проживавших в ТНР советских граждан. За образцовую организацию боевой и политической подготовки и работу по призыву советских граждан на фронт и в связи с 24-й годовщиной Красной Армии указом Президиума Малого Хурала ТНР от 22 февраля 1942 г. орденом Труда были награждены: инструктор танкового подразделения ТНРА С. Г. Рудик; инструктор Министерства народного просвещения, комиссар народного ополчения г. Кызыла В. И. Белов; инструктор Военного Министерства, председатель призывной комиссии И. И. Смахтин; инструктор Комитета по делам физкультуры и спорта, начальник штаба народного ополчения г. Кызыла Г. И. Федоров и авиамеханик Н. А. Прохоров.

С отбытием на фронт большого числа мужчин многие советские женщины в Туве начали активно осваивать мужские профессии. 10 февраля 1942 г. в г. Кызыле состоялся митинг женщин-патриоток, на котором было принято обращение ко всем женщинам ТНР с призывом заменить ушедших на фронт на рабочих местах. В результате в типографию в качестве переплетчиц и печатниц поступило более десяти женщин, на Кызылскую электростанцию пришли работать 7 родственниц фронтовиков (М. Ефименко, М. Паходукова, А. Черемис и др.). В госхозах и колхозах женщины осваивали профессии конюхов, трактористов и другие. За самоотверженный труд Орденом Республики была награждена заведующая Центральной аптекой Н. А. Елтышева; орденов Труда удостоены Е.И. Соловьева, Е.

И. Федорова, В. Е. Мамонтова; почетные грамоты Президиума Малого Хурала ТНР были вручены 11 советским женщинам.

Перестройка всей жизни на военный лад затронула и советские школы в Туве. Воспитательная деятельность педагогов была направлена на привитие детям советского патриотизма и ненависти к врагу. В процессе обучения закреплялись военные знания и навыки. Учащиеся 8–10 классов Кызылской советской средней школы (директор В. Криштафович) были объединены в роты, взводы и отделения. Для старшеклассников проводились занятия по строевой подготовке, санитарному делу, противовоздушной и противохимической обороне. Работой военных кружков были охвачены учащиеся с 4-го по 10-й классы.

Учащиеся оказывали посильную помощь фронту. Ученики Кызылской школы собрали и перечислили в фонд обороны 3346 акша и для детей освобожденных от оккупации районов 500 акша.¹³ Учащиеся всех школ собирали цветной металл, лекарственные травы, шиповник, облепиху, другие ягоды и грибы. Они ставили платные спектакли, участвовали в работах по ремонту и уборке школьных зданий и заработанные деньги переводили на счет № 18538. Дети выращивали для фронта скот, птицу, собирали линьку, уничтожали сельскохозяйственных вредителей, на уборке урожая собирали колоски. Девочки вязали и шили бойцам одежду.

Широкое развитие среди советских детей в годы войны получило тимуровское движение. На базе одной только Кызылской советской школы действовало 27 тимуровских команд. Действовали они и во многих других населенных пунктах Тувы. Тимуровцы исполняли самую разную работу, оказывая помощь нуждающимся, в первую очередь – семьям фронтовиков.

3 января 1942 г. было опубликовано постановление Президиума Малого Хурала ТНР «О реорганизации комитетов советских граждан в Тувинской Народной Республике». В нем говорилось, что на основании ст. 60 Конституции

ТНР решено создать среди советских граждан хуралы. Постановлением Президиума Малого Хурала ТНР «О проведении хошунных Хуралов трудящихся» от 3 января 1942 г. было решено в период февраля-марта 1942 г. провести отчетно-выборные хуралы (съезды) в городах и поселках. В начале марта реорганизация КСГ в хуралы завершилась в поселках, в двадцатых числах марта – в городах и кожуунах.

Таким образом, КСГ с первых дней войны и до преобразования в хуралы оказывали ТНРП и тувинскому правительству большую помощь в перестройке всей жизни Тувы на военный лад. Проводя систематическую агитационно-пропагандистскую, политico-воспитательную, военно-патриотическую и организационно-массовую работу, они мобилизовали советских граждан, проживавших в Туве, на повышение трудовой активности и освоение военных навыков. Работой по оказанию помощи фронту были охвачены все слои русского населения, все советские хозяйствственные и культурно-просветительные организации в Туве.

Примечания

1. Сейфуллин Х. М. Образование Тувинской автономной области РСФСР. – Кызыл, 1954; Иезуитов В. М. От Тувы феодальной к Туве социалистической. – Кызыл, 1956; Аранчын Ю.Л. Тува в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Дис... к.и.н.– Иркутск, 1957; Он же. Тувинцы-кавалеристы в боях за социалистическое Отечество // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1970. Вып. XIV. – С. 276–301.
2. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 1252, л. 1; ЦГА РТ, ф. 113, оп. 3, д. 30, л. 1 об.
3. Вперед от 8 мая и 5 июня 1941.
4. Там же, от 12 июля 1941.
5. 1 акша = 1 руб. 30 коп.
6. Вперед от 1 и 4 февраля 1942.
7. В 1937 г. ряду населенных пунктов ТНР: Турану, Чадану, Шааган-Арыгу, Сарыг-Сепу, Бай-Хааку и др. – был придан статус городов.
8. Вперед от 5 января 1942.
9. ЦГА РТ.Ф. 102, оп. 1, д. 584, л. 19.
10. Чижков В. Государственный бюджет ТНР как средство подъема народного хозяйства // ПЗЛС. № 2. 1942. – С. 64.
11. Вперед от 19 июня 1941.

12. Личный фонд А. А. Санчая. Рукопись «Обзор народного хозяйства ТНР в 1941 г.», л. 72.
13. Молодежь Тува от 25 марта 1988.

A. A. Стороженко

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Усинско-Урянхайском крае в последней четверти XIX – начале XX в.

Деятельность Русской православной церкви (РПЦ в дальнейшем. – А. С.) в Сибири началась практически одновременно с процессом ее хозяйственного освоения переселенцами из европейской части России. На начальных этапах этнокультурного взаимодействия она заключалась преимущественно в хозяйственно-административных мероприятиях. Но постепенно выявились необходимость усиления религиозно-просветительской функции РПЦ, нашедшей свое выражение, в частности, в миссионерской работе. Ее сложность была обусловлена целым рядом объективных факторов. Считается, что «в отличие от североамериканского фронтира, куда отправлялись в первую очередь религиозные общинники, вплоть до религиозных фанатиков, русские первооткрыватели Сибири не были столь религиозны»¹. Кроме того, полизначный и поликонфессиональный характер населения Сибири также требовал поиска особых подходов и методов в организации и проведении миссионерской работы.

Можно выделить три этапа миссионерской деятельности официального православия в Сибири с XVII по XIX в. На первом этапе, в XVII в., принудительное крещение было запрещено. В ходе второго этапа активная миссионерская деятельность была развернута в северной Сибири после отправки в 1700 г. в Тобольск группы миссионеров во главе с будущим митрополитом Сибирским Филофеем Лещинским².

Начало третьего этапа связано с учреждением в 1828–1830 гг. Алтайской и других духовных миссий. Именно с 30-х годов XIX в. внимание царского правительства и православия обращается к южной Сибири³. Миссионерская деятельность русской православной церкви всегда находилась в тесной связи и определялась политикой светских властей. «Следует отметить, что такая связь (православной миссии с государством. – А. С.) во многом была обусловлена объективными обстоятельствами – континентальным характером России, отсутствием четких границ между центром и периферией, исторически сложившейся слабостью гражданского общества. В этих условиях формально господствующая церковь нередко была на окраинах обороняющейся стороной, а частые в устах миссионеров термины «восстановление православия», «возвращение отпавших к православию» – отнюдь не только риторической фигурой»⁴. По мере расширения влияния Российской империи, входления в сферу ее geopolитических интересов новых регионов Сибири и Дальнего Востока усложнялся механизм взаимодействия светских и духовных властей. Православная церковь, не обладающая самостоятельностью в проведении политики, постоянно оглядывалась на государство. «Власти России, озабоченные поддержанием целостности огромной империи, сохранением социальной стабильности и охраной гигантски растянутых границ, в своей политике очень часто отодвигали интересы церкви на второй план... Попытка переломить ситуацию была предпринята в начале 1880-х гг.»⁵.

К этому времени Усинско-Урянхайский край представлял собой полигэтнический и поликонфессиональный регион. Наряду с тувинцами как коренным населением здесь к началу исследуемого периода проживали русские, хакасы, татары, украинцы, выходцы из Прибалтики. Религиозная ситуация при этом отличалась достаточно высокой степенью толерантности, когда одновременно сосуществовали шаманизм, буддизм, официальное православие, старообрядчество, ислам, встречались последователи лютеранства, баптизма, некоторых сект.

Нельзя с уверенностью сказать, что в Енисейском епархиальном управлении осознавали до конца подобную специфику. Но когда 14 февраля 1871 г. с целью координации миссионерской деятельности и сбора средств на ее осуществление был учрежден Енисейский епархиальный комитет Миссионерского общества, то в Усинское сельское общество, входившее в состав Минусинского округа, первым православным священником был назначен Николай Андреевич Путилов, московский мещанин. Он учился в горнозаводской школе, один год на физико-математическом факультете МГУ, но продолжить учебу не смог по причине призыва в армию. С 1856 г. он жил в Минусинском округе, имел винокуренный завод и лавку⁶. В 1875 г. Н. А. Путилов подал прошение епископу енисейскому и красноярскому Антонию и 13 августа решением Енисейского комитета Миссионерского общества был «назначен в качестве миссионера в Усинский край с припиской его к Бейской церкви на должность псаломщика без жалованья». Ему было «вменено в обязанность донести о состоянии и духовных потребностях жителей этого края»⁷. В своем донесении епископу Антонию из села Бейского в октябре 1875 г. он сообщал, что число сорвавшихся в раскол жителей Шушенской волости, в состав которой входили усинские селения, достигло 225 человек, а то и более⁸. В ожидании возможности поездки в усинские деревни Н. А. Путилов занимался сбором сведений, изучением тувинского языка и церковного устава. 21 января 1876 г. Енисейский епархиальный комитет православного миссионерского общества выслал Путилову «100 рублей на прогоны при переезде в дер. Верхне-Усинскую и первоначальное там обзаведение и две противораскольнические книги, а именно: «Историю древнего раскола Преосвященного Макария» и «Истинно древнюю и историко-православную Христовую Церковь», сочиненную митрополитом Григорием⁹. По получении денег и книг Путилов 22 февраля 1876 г. выехал из села Бейского и 1 марта прибыл в дер. Верхне-Усинскую. Для жителей Усинских селений это событие не прошло незамеченным, и уже 5 марта «состоялась

у раскольников сходка, на которой 120 человек положили переселиться отсюда или к Владивостоку, или в Семиреченскую область; для чего и дали доверенность главе своему наставнику Лазарю Иванову, проживающему в г. Минусинске»¹⁰. Не дожидалась разрешения властей на переселение, старообрядцы отправили ходоков для «приискания мест». Священник Николай Путилов выражал надежду на то, что «самые закоренелые из раскольников выедут отсюда, а остальные тем легче перейдут в православие. Теперь же они находятся под сильным давлением раскольничих наставников и стариков»¹¹. Путилов с горечью писал, что до его приезда на Ус «за отдаленностью церквей и за трудностью сообщения православные жили здесь без всякого удовлетворения своих религиозных потребностей: умирали без напутствия, хоронились не отпетые, дети оставались без крещения и, кроме того, все православные, как малочисленные, терпели большое угнетение от раскольников»¹².

Ознакомившись с обстановкой и составив первое впечатление, миссионер в донесении епископу Антонию выдвинул три предложения по устройству Миссии: «...устроить постоянную церковь; то же походную и, наконец, моленный дом. Я склоняюсь на сторону устройства постоянной церкви, около которой группировалось бы православное население»¹³. На этом этапе своей деятельности в качестве миссионера Путилов недооценивал последователей «старой веры», полагая, что «об раскольниках много заботиться нечего, ибо, по всей вероятности, большинство из них перейдут в православие, а остальные (закоренелые) уйдут в другое место и заменятся православными»¹⁴. Действительно, вскоре после приезда Путилова значительная часть усинских беспоповцев переселилась в дер. Быструю Тесинской волости, в 5 верстах от г. Минусинска.

У вновь назначенного миссионера были обширные планы. Большое внимание с самого начала уделялось необходимости организации школьного обучения и медицинского обслуживания, особенно оспопрививания. В деле реализации намеченных планов Н. А. Путилов не рассчитывал на поддержку местных

жителей, которые либо являлись раскольниками, либо находились под их сильным влиянием¹⁵. В течение 1877 г. Н. А. Путилов пытался решить вопрос об открытии на Усу церковно-приходского училища, но сталкивался с противодействием старообрядцев, которые отказывались подписать общественный приговор об отводе 15 десятин земли под строительство здания училища. Постепенно, входя в знакомство с местными жителями, миссионер начал проводить беседы «с беспоповцами о Св. Церкви по Большому Катехизису и Книгам о Вере и Кирилловой»¹⁶. В донесении енисейскому епархиальному комитету 19 октября 1879 г. Путилов сформулировал конкретные предложения «для успешного обращения сойот в христианство: а) приготовить несколько сойотских мальчиков для проповеди среди сойот; б) принимать в школу детей сойот; в) выписать для школы монгольские книги; г) немедленно построить школу и церковь на Усу»¹⁷. Одновременно он начал хлопотать о сборе денег на постройку училища и православной церкви. 27 мая 1879 г. на должность сборщика пожертвований был избран крестьянин Исаак Горев. Было образовано Миссионерское общество, членами которого стали 11 человек, с ежегодным взносом в пользу усинской миссии 60 рублей. Одновременно было получено известие о решении минусинского купца Ивана Гавриловича Гусева и саранского купца Ивана Алексеевича Денисова построить церковь за свой счет. Верхне-Усинская Никольская церковь была открыта в начале 80-х годов XIX в. и постепенно стала центром не только официального православия, но и просвещения. Это было особенно важно, ибо вопрос об открытии церковно-приходской школы затянулся, но Путилов все же начал заниматься с учениками. Первые занятия состоялись в 1879 г. Причем за все время своего пребывания в с. Верхне-Усинском миссионер не имел собственного дома и жил со своим семейством в караулке, которую сам выстроил. Очевидно там и состоялись первые занятия. Сначала у него было всего 11 учеников, а именно: 6 православных русских, 2 инородца и

З раскольника¹⁸. Большого успеха школа не имела. Путилову приходилось преодолевать большие трудности, убеждая как православных, так и старообрядцев в необходимости получения их детьми хотя бы начального образования. Количественный состав учеников в течение года не отличался постоянством. Нередко дети бросали учебу, потом вновь возвращались. Охват детей был небольшим. Например, в 1890 г. из почти 200 человек школьного возраста учились только 20. Тем не менее за период с 1885 по 1898 год общее количество учеников выросло в 3 раза. Потребовалось даже сформировать 2 отделения: младшее и старшее. К концу века старообрядцы составляли почти половину от общего числа учеников¹⁹. Это позволяет говорить об определенных успехах миссионерской деятельности на ниве просвещения. Однако главной задачей продолжало оставаться открытие в усинских деревнях отдельного прихода.

В 80-е годы XIX в. государством предпринимались решительные попытки отстоять господствующий статус Православной церкви, наполнить его реальным содержанием. Усилилось финансирование миссионерской деятельности, создавались новые церковные структуры, принимались законы, ограничивающие иноверие, однако большинство этих мер не увенчалось успехом²⁰. К 1884 г. в Минусинском и Ачинском округах было образовано 5 миссионерских приходов,²¹ в том числе «противораскольническая миссия» православной церкви в с. Верхне-Усинском. По Определению Святейшего Синода от 8 февраля 1884 г. за № 493, согласно ходатайству Преосвященнейшего Исаакия, епископа Енисейского и Красноярского, при церкви в дер. Верхне-Усинской был открыт самостоятельный приход с причтом из священника и псаломщика с назначением ежегодного вспомоществования в размере восьмисот рублей. Одной из главных целей вновь созданного прихода являлось «поддержание православия и борьба с расколом»²². Образование миссионерского прихода во главе со священником Н. А. Путиловым было продиктовано необходимостью защиты «православных чад Святой Церкви

от раскольников... в особенности новопосвященных инородцев». По мнению енисейского епархиального начальства, к этому времени усинские «раскольнические поселения... сделались исходным пунктом раскольнической пропаганды между православными по окрестным селам и деревням». Православные жители усинских деревень, не имея ни церкви, ни священника, «терпели большие затруднения в удовлетворении своих религиозных нужд». В донесениях особо подчеркивалось, что раскольники позволяют себе «не только стеснять своих православных соседей, но и проповедовать свое учение в целом Минусинском округе». Все это предопределило специфику миссионерской деятельности в усинских деревнях. Что касается основных направлений деятельности причта, то помимо попечения о чадах православной церкви, «причт должен иметь в виду старообрядцев и сойот-язычников, проживающих в Усинском крае; по отношению к раскольникам предметом забот миссионера должно служить снискать к себе доверие с их стороны, рассеяния существующих между ними предрассудков относительно церкви православной, а впоследствии и показание неправоты раскольнического учения»²³.

С 1886 г. Путилов Николай Андреевич становится священником Усть-Абаканского прихода, а на его место назначается Платон Тыжнов. Основным направлением своей деятельности в отношении раскольников он определил знакомство «с религиозным бытом сектантов и привлечение их к православию посредством собеседований»²⁴. Миссионер заметил, что постепенно старообрядцы проникаются к нему доверием, особенно поповцы, и даже «выпрашивают для чтения имеющиеся при церкви книги противораскольнического содержания»²⁵. Открытие в 1885 г. при Верхне-Усинской Николаевской церкви церковно-приходской школы также способствовало сближению православного и старообрядческого населения. Некоторые старообрядцы начали отдавать своих детей в эту школу. Это соответствовало принятым 25 мая 1888 г. Святейшим Синодом «Правилам об устройстве миссий и о

способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам», согласно которым одним из способов миссионерской пропаганды являлось «учреждение... церковно-приходских школ и школ грамоты, каковые школы... могут через детей благотворно действовать и на их родителей, утверждая колеблющихся в вере и располагая чуждых церкви к сближению с нею»²⁶. Важным направлением миссионерской деятельности были разного рода собеседования. «Правила» подробно регламентируют процесс организации и проведения подобных мероприятий с раскольниками и сектантами, призывают «соблюдать потребные проповеднику и защитнику истины, душевное спокойствие, краткое обращение и снисходительное терпение, не смущаться их дерзостями, но братолюбиво обличать их неприличия»²⁷. Кроме того, епархиальные миссионеры освобождались от обязанностей приходских священников (см. п.4.)²⁸, но «каждый приходской священник должен был непрерывно вести миссионерское дело, действуя против раскольников и сектантов его прихода пастырскими беседами и назиданиями» (см.п.8.)²⁹. Особенностью Верхне-Усинского прихода являлось совмещение обязанностей приходского священника и миссионера в одном лице. Это объясняется, прежде всего, территориальной оторванностью Усинского края от остальной епархии. Также сказывалась нехватка квалифицированных кадров, и поэтому «не возбранялось поставлять священниками в приходы, зараженные расколом, таких, кои хотя и не получили богословского образования, но по происхождению и прежней своей жизни знакомы с нуждами и обычаями народа»³⁰. Тем не менее это не означало, что миссионером мог стать любой желающий. Напротив, «в приходы с раскольническим и сектантским населением члены причта были назначаемы с особой осмотрительностью, из лиц, знакомых с духом и учением раскола и местных сект, в точности исполняющих церковные уставы»³¹.

В течение 1889 г. Платоном Тыжновым был совершен объезд всех торговых русских поселений по р. Хемчик, золотых

приисков Гусева и Денисова, а на Усть-Уса он «просветил Св. крещением семь человек инородческих детей»³². По мнению священника, его просветительские беседы не прошли даром для старообрядцев, которые «не переставали пользоваться из усинской церковной библиотеки книгами и журналами». В них «слабеет прежний фанатизм и грубое отношение к православным»³³. Трезво оценивая плоды своего труда, священник Тыжнов подчеркивал, что «трудно расшатывать ложное убеждение раскольников против православия»³⁴. В это время отмечаются отдельные факты перехода старообрядцев в православие, которые столь немногочисленны, что не позволяют говорить о значительных успехах Миссии на этом направлении. Но священник вполне справлялся с поддержанием православных жителей в их религиозных убеждениях. Это говорит о многом, учитывая постоянное давление со стороны раскольников и значительную удаленность от мира.

В отношении тувинцев миссионеры, в отличие от других национальных регионов (Алтай, Хакасия), не ставили перед собой далеко идущих целей. Миссионерская пропаганда должна была заключаться в распространении в их среде христианских понятий. Большие надежды возлагались на «привлечение детей их в миссионерскую школу, на которую должно быть обращено самое заботливое внимание»³⁵. Миссионерская деятельность среди тувинцев впервые описана в отчете за 1886 г. К моменту начала активизации миссионерской работы в русских поселениях постоянно проживало до 400 тувинцев, занимавшихся преимущественно различными работами у русских жителей. Вскоре они почти все были выселены из русских деревень по распоряжению своего начальства. По мнению миссионера, тувинцы были «склонны к принятию христианства, но боятся своих начальников, которые вообще недоверчиво относятся к русским». Причем подобное отношение возникло не в последнюю очередь вследствие поведения раскольников, которые «корыстными и незаконными действиями в торговых отношениях с урянхайцами восстановили против

себя и вообще против русских». Всего в 1886 г. удалось обратить в официальное православие трех тувинцев, из них – двое детей. К 1891 г. ситуация мало изменилась. В православие обращались безземельные одиночные тувинцы, «тайно от своего начальства, и не иначе как с удалением от своего общества в Минусинский округ»³⁶. Особой категорией населения региона были хакасы Абаканской и Сагайской инородческих управ, проживавшие на Усть-Уса – всего 40 душ обоего пола. В 1892 г. миссионерским священником было крещено 10 инородческих младенцев.

К началу 90-х годов XIX в. направления миссионерской деятельности в общих своих чертах оставались прежними: удовлетворение религиозных потребностей местных православных жителей; привлечение в православие большинства народонаселения Усинского края; обращение в христианство кочующих в соседстве с Усинским краем китайских подданных – урянхайцев. Но несколько изменились условия деятельности Миссии. Теперь она могла опираться и получать поддержку в лице созданных в 1885 г. правительственные структур – пограничного управления, впоследствии – переселенческого управления, воинских команд. Фактором определенных успехов в укреплении позиций православия в этом регионе являлась все возрастающая заинтересованность Российской империи данным пограничным районом. Миссионеры не были прямым орудием в борьбе за сферу влияния, но они создавали определенную базу для дальнейших действий. Регулярные отчеты и донесения содержали информацию не только о собственно успехах и трудностях миссионерского дела. Они сопровождались статистическими сведениями, отражали умонастроения населения, характеризовали отношения с аборигенным населением. В деле противостояния расколу православная церковь опиралась на союз с государством. Деятельность раскольнических групп запрещалась, а если сделать это на законных основаниях было невозможно, то над ними устанавливался надзор, оказывалось всяческое давление³⁷. Миссионерские священники не потеряли своего

значения вплоть до открытия постоянных приходов на территории Усинско-Урянхайского края. Несмотря на то, что большинство старообрядцев остались преданными вере, миссионеры выполняли свою главную задачу поддержания православного населения. Не наблюдалось сколько-нибудь значительного перехода старообрядцев в православие под воздействием миссионерской пропаганды. Отдельные случаи не меняли общей картины. Когда 25 декабря 1891 г. сгорел православный храм в с. Верхне-Усинском, то вместо него был построен молитвенный дом на средства церкви и прихожан. В этом же году впервые было совершено таинство бракосочетания православных «с девицами природных раскольников». По мнению священников, на старообрядцев большое впечатление оказывала благопристойная и красивая церковная служба и только «привычка удерживает их в расколе»³⁸.

В Отчете о деятельности Совета Красноярского епархиального братства Рождества Пресвятой Богородицы за 1903–1904 гг. отмечалось, что «в отдаленных уголках Енисейской епархии, населенных исключительно раскольниками, вести борьбу с расколом особенно трудно. Здесь раскольники не стесняются вести пропаганду среди православных открыто и настойчиво, не стесняются открыто оскорблять религиозные чувства православных»³⁹. В 1910 г. отмечалось даже, что в Минусинском округе и Усинском крае есть «такие отдаленные и захолустные раскольничьи поселки, о которых мало знают или совсем не знают ни светские, ни духовные власти»⁴⁰. В то же время отмечены отдельные случаи перехода последователей Белокриницкой иерархии в православие на началах единоверия.

Содержание миссионерской деятельности претерпело определенные изменения в связи с опубликованием Манифеста от 17 апреля 1905 г. По образному выражению официальной печати, «спали тяжелые цепи там, где они более всего были тягостны»⁴¹. Проблемы миссионерской пропаганды вышли на первый план и были объявлены «одним из самых важных

и существенных вопросов современной русской церковной жизни»⁴². При этом ощущалась необходимость «устранения дальнейшей опеки светской власти над церковной жизнью и предоставления ей большей самостоятельности и инициативы, по крайней мере, в тех размерах, в каких они даны уже иноверцам»⁴³. Первый съезд миссионеров Енисейской епархии состоялся в г. Красноярске с 25 по 30 июня 1908 г. Идея его созыва зародилась среди депутатов 37-го съезда духовенства Енисейской губернии. По мнению А. Богданова, «съезд был неожиданным и являлся новшеством»⁴⁴. В ходе его работы было решено в целях борьбы с расколом и сектантством учредить должности епархиального, уездных и благочинных миссионеров, созывать миссионерский благочинный съезд ежегодно, а общеепархиальный – один раз в три года⁴⁵. На съезде отмечалось, что сектантство и раскол получили большое развитие в епархии потому, «что люди верующие не находят удовлетворения своих религиозных потребностей, в приходах богослужение совершается вяло, алатично, присутствующие не принимают в нем никакого участия»⁴⁶.

14 мая 1909 г. Усинский пограничный начальник А. Х. Чакиров в рапорте Енисейскому губернатору писал о необходимости создания в п. Туранском «хотя бы малого, но хорошо обставленного Храма Господня» и назначении «в Пограничный округ Усинский особого иеряя миссионера с постоянным пребыванием в п. Туранском, который ведал бы всеми поселками русских, рассыпанными на спорной территории». При этом он особо подчеркнул, что «старообрядцы и те приглашают своих начетчиков на Туран два раза в год, а на Малом Енисее переселился и постоянный»⁴⁷. Опасаясь обречения Усинского пограничного округа «на волю начетчиков старообрядцев», А. Х. Чакиров 1 июня 1909 г. обратился к епископу Енисейскому и Красноярскому, призывая его ускорить решение вопроса о строительстве в с. Усинском «хотя бы одного богатого Храма Господня с торжественным отправлением церковных служб и нескольких малых».

В пос. Туранском на тот момент имелся православный молитвенный дом, построенный в 1890–1891 гг., но его внешний вид производил впечатление «беднее избы самого простого бедняка туранца». О святости места напоминал лишь крест на крыше дома. А. Х. Чакиров пишет о крайней нужде в миссионере и Храме Господнем. «Поселок Туранский посещается местным усинским священником не более двух раз в год». В то же время, он свидетельствует о том, что «старообрядцы вовсе не скапляются на удовлетворение своих духовных нужд: у них в с. Усинском имеются три молитвенных дома, есть свои начетчики (священник у австрийцев) и старцы, беглопоповцы в настоящем году командировали доверенного в г. Москву пригласить священника. Молельня у них совершенно новая и на вид богаче и лучше православного молитвенного дома в с. Усинском. Кроме этого, в пос. Туранском имеется молельня, куда приглашается начетчик Великим постом и летом»⁴⁸. Особенno недопустимым такое положение дел, по мнению А. Х. Чакирова, было еще и потому, что «подобный православный молитвенный дом красуется в центре спорной территории, в местности, ежедневно посещающейся не только урянхами, но и монголами, а изредка и китайцами»⁴⁹.

16 июня 1910 г. А. Х. Чакиров сообщил епископу Енисейскому и Красноярскому о том, что «при съезде обывателей из селений Усинск, Уюка, Бегреды, Меджеля, как православных, так и старообрядцев, совершено торжественное освящение места закладки Храма Господня во имя Св. Иннокентия епископа Иркутского, расположенного в так называемой Урянхайской земле»⁵⁰. К осени того же года планировалось закончить работу. Чакиров вновь подчеркнул необходимость «в назначении в пос. Туранский иерея-миссионера, свободно владеющего монгольским и татарским языками, а также диакона и псаломщика, знакомого с пением»⁵¹. Но вплоть до 1913 г. эта проблема не была решена. Ходатайство об открытии нового Туранского прихода было отправлено епископом Ефимием Св. Синоду 10 июля 1910 г., почти сразу же после начала строительства храма. В состав

прихода планировалось включить восемь поселков: Туран, Уюк, Бегрединский, Булук, Малый Енисей, Сейба, Джакуль, Кемчик и три присыка: по речкам Теплой, Золотой и Каракему. Церковь, а также и дом для священника были построены к ноябрю 1912 г., а в декабре в Туран были командированы разъездной священник Енисейской епархии Самуилов и псаломщик Катышев «для временного отправления божественных служб и требований и для ведения бесед с местными раскольниками»⁵². В 1912 г. Главным Управлением землеустройства и земледелия, Преосвященным епископом Енисейским и Красноярским в Урянхай был направлен разъездной переселенческий причт из Енисейского переселенческого района. 11 декабря 1912 г. Особое при Святейшем Синоде совещание по удовлетворению религиозных нужд переселенцев постановило учредить для Урянхайского края постоянный причт⁵³. Официально Туранский Иннокентьевский приход был открыт 1 января 1913 г.⁵⁴ Приходской священник В. Юневич приступил к своим обязанностям 13 июня 1913 г. Впоследствии, характеризуя особенности церковной жизни в Урянхайском крае, он писал о «невнимании, холодности и равнодушии прихожан», о том, что его призывы «чаще всего разбиваются об их житейско-практические интересы»⁵⁵. Говоря о миссионерской деятельности, В. Юневич не только не упоминает о проведении таковой в отношении старообрядцев, но и подчеркивает, что «обширное поле миссионерской деятельности среди сойот-язычников стоит пока нетронутым; еще едва стали удовлетворять религиозные нужды своих»⁵⁶. Таким образом, миссионерская пропаганда среди старообрядцев уже не являлась приоритетным направлением. Епархиальные миссионеры еще в 1910 г. констатировали, что «по отношению к религиозным верованиям православного населения старообрядцы как Енисейской епархии, так и уездов не представляют особенно опасного элемента: православные теперь уже не склонны придавать религиозным обрядам такого значения, какое обычно придают им старообрядцы»⁵⁷.

Метрические книги прихода зафиксировали отдельные факты перехода старообрядцев в лоно официальной церкви. Чаще всего это были женщины, желающие заключить брак с приверженцем официального православия. Сначала в записях фиксируется факт принятия ею православия, а спустя некоторое время — заключения брака. Очевидно, это было обычной, но не слишком распространенной практикой.

В целях «борьбы с сектантством» Красноярский церковно-строительный комитет 24 декабря 1914 г. принял Постановление об учреждении «для Енисейского района двух разъездных причтов: первого — с местом жительства в пос. Туранском или другом каком-либо центральном поселке Урянхайского края, а второго — с местом жительства в г. Красноярске для командировок по губернии»⁵⁸. Причт разъездной церкви Урянхайского края состоял из священника и псаломщика. Священником был назначен бывший учитель и заведующий Даурским церковно-приходским училищем 29-летний А. А. Турский. На должность псаломщика — только что окончивший Красноярскую духовную семинарию 22-летний С. А. Перепелкин⁵⁹. Но в Урянхае члены причта пребывали в течение 6 месяцев и развернуть полноценную работу не могли, устная проповедь была невозможна. Причт едва успевал объехать всю подведомственную территорию. Только туранским священником за период с лета 1913 г. до конца 1914 г. было преодолено 5003 версты. При этом «во время разъездов приходится совершать крещение, исповедь и приобщение взрослых, приобщение детей, молебны, панихиды, освящения домов, колодцев и проч., бывают случаи присоединения к православию. Везде говорятся поучения, соответствующие месту и времени»⁶⁰. В деле распространения православия это сыграло большую роль и послужило толчком к активному обсуждению вопроса об устройстве церковной жизни в Усинско-Урянхайском крае, но уже в период протектората.

Миссионерская деятельность официальной церкви в Усинско-Урянхайском крае в исследуемый период обладала целым рядом

характерных черт, несколько отличавших ее от остальных сибирских регионов. Исторически сложилось, что основное «поле напряжения» сформировалось в результате идейного противостояния православных священников и старообрядцев. Сложность миссионерской работы в старообрядческой среде была обусловлена также численным превосходством последователей «древлего благочестия» на начальном этапе взаимодействия. Дальнейшее уменьшение количества старообрядцев не было следствием миссионерских проповедей, а являлось результатом естественных демографических процессов. Сократился лишь удельный вес старообрядцев, но в целом община сохраняла тенденцию к увеличению и в последующее время⁶¹. В этих условиях перед миссионерами стояла нелегкая задача, и основные их усилия были направлены на поддержание последователей официального православия, главным образом, с целью недопущения «отпадения их в раскол». Главной задачей продолжало оставаться удовлетворение их религиозных нужд, и эта тенденция продолжала сохраняться на протяжении всего исследуемого периода. Приходится констатировать, что миссионерская деятельность РПЦ в Усинско-Урянхайском kraе не имела ощутимого успеха ни в среде старообрядцев, ни у коренного населения.

После объявления протектората Российской империи над Тувой в 1914 г. миссионерская деятельность отходит на второй план. Свой отпечаток на ее характер и дальнейшее развитие наложила особая geopolитическая ситуация в регионе, обусловленная неопределенностью государственного и международного статуса территории Тузы.

Примечания

1. Сосковец Л.И. Религия в этнокультурном ландшафте России // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Новосибирск, 2003. – С. 171.
2. Мальцев Г.П. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. – М. 1988. – С. 190.

3. Там же. – С. 196.
4. Полунов А.Ю. Рец. на книге: О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России. – Итака; – Лондон, 2001 // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 198.
5. Там же. – С. 198.
6. Гладышевский А. Н. Усть-Абаканский церковный приход / Религия и общество. Материалы межвузовской научной конференции. – Абакан, 2003. – С. 42.
7. АГМ. Ф.17, оп.1, д. 192, л. 138 об.
8. Там же, л. 165
9. Там же, л. 137.
10. Там же, лл. 339-339 об.
11. Там же, л. 337.
12. АГМ. Ф.17, оп. 1, д. 236, л. 86.
13. АГМ. Ф.17, оп. 1, д. 192, л. 158.
14. Там же, л. 158 об.
15. Там же, л. 170.
16. АГМ. Ф. 17, оп. 1, д. 222, л. 77.
17. Там же, л. 97 об.
18. Там же, л. 88.
19. ГАКК. Ф. 667, оп. 1, д. 42, л. 11–13 об.
20. Полунов А. Ю. Указ соч. – С. 198.
21. Мирошникова Т. И. Миссионерская деятельность православной церкви в Енисейской губернии (вторая половина XIX в.) // Гражданская война в Сибири. Сб. док-в и ст. науч. конф. – Красноярск, 1999. – С. 35.
22. Указ Святейшего Синода на имя Его Преосвященства Преосвященнейшего Исаакия, Епископа Енисейского и Красноярского // Енисейские епархиальные ведомости. – № 8, 1884. – С. 108–109.
23. Указ Святейшего Синода... – С. 104
24. ГАКК. Ф. 667, оп. 1, д. 32, л. 15 об.
25. Там же, л. 15 об.
26. Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам // Енисейские епархиальные ведомости. – 1888. – № 18. – С.166.
27. Там же. – С. 171.
28. Там же. – С. 164.
29. Там же. – С. 165.
30. Там же. – С. 175.
31. Там же. – С. 174.
32. ГАКК. Ф. 667, оп. 1, д. 42, л. 1 об.
33. Там же, л. 2.
34. Там же, л. 2.
35. Извлечение из отчета о состоянии Енисейской епархии за 1884 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1885, № 9. – С. 92, 97.

36. ГАКК. Ф. 667, оп. 1, д. 53, л. 9.
37. Чернышов В.В. Православная церковь и гражданская власть в Енисейской губернии // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. Тезисы докладов и сообщений науч. – практ. конф. – Красноярск, 2002. – С. 46.
38. ГАКК. Ф. 667, оп. 1, д. 62, л. 10.
39. Отчет о деятельности Совета Красноярского епархиального братства Рождества Пресвятой Богородицы с 8 сентября 1903 г. по 8 сентября 1904 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1904, № 19. – С. 522–523.
40. Отчет о деятельности Совета енисейского епархиального братства Рождества Пресвятой Богородицы с 8 сентября 1909 г. по 8 сентября 1910 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1910, № 20. – С. 4.
41. Задачи миссионерской деятельности церкви в настоящее время // Енисейские епархиальные ведомости. – 1906. – № 4. – С. 117.
42. Там же. – С. 201.
43. Там же. – С. 201.
44. Богданов А. О миссионерском съезде Енисейской епархии, бывшем в г. Красноярске с 25 по 30 июня 1908 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1908, № 1. – С. 25.
45. Там же. – С. 26.
46. Там же. – С. 28.
47. ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 5, д. 4, лл. 21 об. – С. 22.
48. Там же, лл. 29–30.
49. Там же, л. 29 об.
50. Там же, л. 96.
51. Там же, л. 96 об.
52. ГАКК. Ф. 674, оп. 1, д. 7949, л. 72.
53. ЦГА РТ. Ф. 112, оп. 1, д. 3, л. 47.
54. Дацьшен В. Г., Ондар Г. А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. – Кызыл, 2003. – С. 84.
55. Юневич В. Церковная жизнь в Урянхайском крае // Енисейские епархиальные ведомости. – 1915, № 17. – С. 15.
56. Там же. – С. 27.
57. Отчет о деятельности Совета енисейского епархиального братства Рождества Пресвятой Богородицы с 8 сентября 1909 г. по 8 сентября 1910 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1910, № 20. – С. 7.
58. Там же. – С. 36.
59. Дацьшен В. Г., Ондар Г. А. Саянский узел... – С. 85.
60. Юневич В. Церковная жизнь в Урянхайском крае... – С. 16.
61. См.: Аблажей Н. Н., Стороженко А. А. Русскоязычное население Тувы в конце XIX – начале XX в.: миграция и численность // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. – Вып. 3. – Новосибирск, 2004. – С. 96–106.

Запреты и ограничения в религиозно-обрядовой и обыденной жизни у старообрядцев Тувы

Говоря о наиболее характерных особенностях образа жизни, материальной и духовной культуры старообрядцев, особенно тех, у кого еще крепки устои староверия, нужно отметить, что они прочно связаны с их религиозным мировоззрением и во многом подчинены ему. Именно этим объясняется своеобразие уклада жизни староверов, поэтому у них на все свой взгляд, своя система жизненных ценностей, своя мера вещей. Более того, можно даже сказать, что та часть традиционной материальной и духовной культуры, которая пронизана религиозными убеждениями, религиозными обрядами, оказалась менее подвержена влияниям и переменам и сохранилась у старообрядцев лучше всего.

Все своеобразие старообрядческого движения, его часто трагическая история были связаны именно с упорным отстаиванием религиозных убеждений, хотя это движение имело также мощные социальные и культурные составляющие. Но в первую очередь стремление сохранить старую веру определяло все в жизни большинства старообрядцев: от места жительства, нередко удаленного и уединенного, выбранного часто не по своей воле, а из желания уйти от преследователей, от иноверческого окружения, до образа жизни, жизненного уклада и внешнего вида.

Строго придерживаясь дониконовских стаинных церковных правил, обрядов и обычаяев, старообрядцы связывали эту церковную обрядность с элементами традиционной русской бытовой культуры, и материальные формы культуры рассматривали уже как некую божественную сущность, часть старой веры, непременную принадлежность старообрядчества. Примером могут служить стаинные предметы культа – лестовка, подручник, в настоящее время сохранившиеся лишь у старообрядцев, традиционная одежда, требования к внешнему виду – борода у мужчин, всегда покрытая голова у

женщин, особые намогильные сооружения и др. «Включение бытовых явлений в число религиозных предписаний придавало особую живучесть многим элементам русской традиционной культуры»¹, - отмечают исследователи старообрядчества.

Это, конечно, не значит, что у старообрядцев какая-то иная культура, чем у всего прочего русского населения. Отмеченные учеными особенности не выходят за рамки традиций, общих для всего русского народа. Более того, отличается эта культура именно тем, что сохранила в себе больше исконно русских, корневых национальных черт, традиций, характерных еще до того времени, когда в России произошел раскол, и меньше подверглась поздним, в основном западным, влияниям, которые мощным потоком шли в Россию в петровскую эпоху и все последующее время. Сопротивляясь западному культурному влиянию, старообрядцы оказались носителями исконно русских религиозных, культурных и бытовых традиций, хранителями русской старины.

Исследователи старообрядческого движения, старообрядческой культуры выделяют их основной мировоззренческий принцип – традиционализм.

«...Глубокий и всеобъемлющий традиционализм... позволяет объединить все толки и согласия старообрядцев. Этот общий принцип мировоззрения, диктующий старообрядчеству стремление к сохранению традиции и к воспроизведству в той или иной степени полноты «отеческой веры», культуры, духовно-нравственной, семейной и социальной жизни, создал и общие «инструменты», позволившие движению в течение веков сохранить традиционную русскую культуру как систему»².

Настойчиво стремясь сохранить древнее благочестие, веру в том виде, какой она была до никоновских реформ, старообрядцы и во всем прочем старались сохранить, удержать в жизни, своем быту эту старицу. Правила и рекомендации, изложенные в старопечатных и рукописных книгах, бережно хранящихся почти в каждом доме старообрядцев, регулирующие религиозную и обыденную жизнь христианина, они старались строго

выполнять. Тем более, что в старообрядческих сочинениях часто повторялась угроза тем, кто не боится нарушить эти нормы, терпимо относится или сам готов принять всякие новшества: «Аще кто убавит или прибавит к тому, яже расписахом, да будет проклят!»

Консерватизм, настороженное отношение ко всяким новшествам старообрядцев и были тем самым главным «инструментом», который позволял сохранять, канонизировать не только религиозную старину, но и бытовую. «Консерватизм – стержень умонастроения и поведения старообрядцев, элемент их учения», – отмечают многие исследователи³.

И сегодня в культуре староверов сохранилось больше архаичных элементов, и сама она меньше подверглась поздним влияниям по сравнению с культурой других слоев русского этноса.

Религиозные правила у старообрядцев, особенно беспоповцев, более строги по сравнению с православными-никонианами и в них больше запретов и ограничений. Но еще больше таких запретов было в прошлом. Система запретов и ограничений «служила, – пишет Н. Н. Покровский, – разделению на «своих» и «чужих», отторжению от «антихриста мира» и предотвращению растворения в нем»⁴.

Свою религиозную и обыденную жизнь в постоянно меняющихся окружающих условиях старообрядцы старались каким-то образом регулировать, соблюдая определенный порядок, устойчивость. Для этого проводились соборы, на которых и обсуждались самые насущные вопросы. Так, староверы-беспоповцы часовенного, поморского, страннического и других согласий, проживающие в Сибири, время от времени проводили региональные соборы, часто носившие конспиративный характер. В них принимали участие представители крестьянских и скитских общин данного согласия. На соборах после обсуждений и нередко бурных споров принимались обязательные к исполнению верующими, имеющие нормативный характер уложения и постановления, касающиеся

религиозно-обрядового и бытового поведения «истинных христиан» (так себя называют старообрядцы) и обязанностей наставников. Подтверждались также существующие запреты и ограничения, иногда некоторые из них снимались.

В собрании рукописных и старопечатных книг отца Палладия, несколько десятилетий руководившего старообрядцами верховья Енисея, имелся сборник урало-сибирских старообрядческих сочинений, содержавший уложения и постановления соборов старообрядцев часовенного согласия на протяжении XVIII–XX вв.⁵ Ими и руководствовался наставник, принимая важные для жизни общины решения, окормляя свою паству.

Самыми строгими были запреты на смешение с иноверными (никонианами). «Християнам с никонианами и единоверцами дружбы не иметь, в питии и ядении и поклонами не сообщаться»⁶. Если же человек не по своей воле находился на чужбине, жил среди иноверцев или был отдан в солдаты, то правило гласило: «Кто был в солдатах или на чужой стороне и приобщался к еретической вере, таковому проклинать ту ересь, которой он приобщился»⁷. Понятен смысл таких запретов: избежать ассимиляции с никонианами, омирщания, сохранить в чистоте старую веру.

Строги были также запреты на искажение истинного христианского облика, сквернословие, табакокурение, на некоторые виды еды и др. Например, в постановлении Рамыльского собора часовенных от 1890 г. наставникам общин было рекомендовано: «Кто торгует табаком или сам употребляет курить или нюхать, то у таковых людей детей не крестить и самих не принимать, дондеже отрекутся того не творить»⁸. А в Тюменском соборном уложении от 1840 г. говорится: «Но предки наши пьянственного пития ненавидели вконец. Тако и мы, ревнуя учению и преданию наших древних учителей, заповедуем: християнам пива хмельного не варити, и винныя напой оставляти, и чай христианам в дома свои не носити и не питии его, матерными словами не ругатися и одежду необычную христианам не носити – мужскому полу и женскому»⁹.

То же говорится в соборном уложении 1906 г.: «Воздержания ради вино и чай оставить, то есть не пить»¹⁰, и в соборном уложении 1927 г.: «Пинжаки и сапоги со скрипом и женам необычную одежду не носить, а носить обычную крестьянскую одежду»¹¹.

Православный священник Н. Путилов из с. Усинское (откуда в Туву переселилось немало староверов) писал в 1885 г. о некоторых ограничениях старообрядцев в еде: «Относительно пищи сектанты очень разборчивы... Прежде всего они не пьют чаю, не едят картофеля и не употребляют в пищу продуктов, привозимых из других краев.... Сахар считают поганым... Из чужой посуды не едят и не пьют, да и из своей посуды кормят только тех, кто одного с ними согласия...

Всякие увеселения в общине запрещались, посты и праздники должны были строго соблюдаться, без благословения настоятеля никто не смел приступить ни к малейшему делу»¹².

Когда-то старообрядцам некоторых толков нельзя было пользоваться деньгами, употреблять в пищу картофель, вообще использовать покупные пищу и одежду, поэтому в каждом доме имелись ткацкие станки – кросна (в конце XIX века в Туве кросна уже были далеко не в каждом старообрядческом доме, их могли на время взять у соседей, если нужно было наткать холста или половиков). Нельзя было получать паспорта – «на них печать антихristova», нельзя было с иноверцами садиться за один стол – они «нечестивые» и т. д.

Постепенно жизнь вносила свои поправки, количество запретов несколько уменьшилось уже на памяти одного-двух поколений приверженцев старой веры.

Некоторые ограничения со временем были отменены соборами. Например, постановление Бийского собора 1912 года разрешало старообрядцам употребление картофеля, а через шестьдесят лет постановлением Минусинского собора уже допускалось употребление в пищу макаронных изделий.

Снятие запрета на соборе тщательно обсуждалось и аргументировалось, взвешивались все «за» и «против», искали

и находили аналоги в священных книгах. Это касалось и использования в повседневном быту электричества и электроприборов, пользования новыми видами транспорта (самолетом), бензопилой, новой сельскохозяйственной техникой и т. д. В конечном счете, все эти новшества и технические средства были разрешены для каждодневного пользования.

У часовенных до сих пор строго соблюдается правило несмешения в молитве (нельзя молиться вместе или в присутствии иноверных), в еде и питье. Совместная трапеза, которой предшествует молитва, а затем ею же и завершается, имеет глубокий смысл объединения сограждан перед Богом. Чашечничество, распространенное в среде старообрядцев, в том числе и среди часовенных (нельзя питаться из одной посуды, вместе или в присутствии иноверных), – также одна из форм религиозной консолидации, защита от смешения с «падшим» миром. Староверы говорят: «С щепотником (так называют староверы никониан за троеперстие – щепоть. – М. Т.) не молись, не дружись, за один стол не садись».

Даже члены одной семьи, имеющие разный религиозный статус (одни являются членами собора, другие, не выполняющие строгие требования устава, таковыми не являются), пытаются соответственно из разной посуды¹³.

Если же у староверов возникала необходимость останавливаться в чужом доме, какое-то время жить и питаться вместе с мирскими, то они посуду брали свою, даже если были в гостях. Мыли свою посуду тоже в своей чашке. На такой случай существовало правило, изложенное в постановлении Чулымского собора от 1909 г. «Аще куда случайно прилучится съездить, в продолжение недели или две, на квартирах у еретиков хлеба и воды не брать. Так же равно и у христиан, которые с еретиками имели сообщение, ничего у них не ясти»¹⁴.

Если старовер поел или попил в доме нестароверов не из своей посуды, это считалось за грех, который надо было определенный срок отмаливать, и все это время в своем доме согрешивший должен был питаться отдельно от всей семьи из

своей отдельной чашки. Подобную епитимью наставник мог наложить на члена собора и за другое прегрешение. Только после молитвенного «очищения» согрешивший мог снова со всей семьей есть из одной чашки.

Самым тяжелым наказанием для истово верующего старообрядца является отлучение от собора, от совместной молитвы с единоверцами.

Вообще же пребывание в соборе требовало строгого выполнения устава. Вступление в собор сопровождалось определенными испытаниями – надо было отмолить сорок лестовок, принять все запреты и ограничения, отказаться от некоторых жизненных удовольствий, послаблений, например, телевизора, магнитофона, игры на музыкальных инструментах и прочих «антихристовых прелестей».

Однако в реальной жизни было не все так просто. Неоднократно приходилось слышать от жителей Каа-Хемского кожууна рассказы (обычно с юмором) о вынужденных совместных трапезах староверов и мирских, например, на свадьбе. «На свадьбе староверы-чашечники пили из своих чашек. За столом они сидят по одну сторону, мирские – по другую. Потом как подопьют, все смешается, пьют из всякой посуды, сидят вместе. Потом уже отмаливают свои грехи»¹⁵.

Итак, строгое чашечничество, как и многие другие запреты, количество которых определялось уставом толка или согласия, – одна из форм избежать «мирщени», способ ограждения старообрядцев от «чужого», внешнего мира, поддержания и выражения их группового единства.

Требование это для твердых в вере было столь неукоснительно, что еще в недалеком прошлом, оказавшись в тюрьме, армии, больнице, в других экстремальных для старообрядца ситуациях, некоторые отказывались принимать пищу, воду и нередко гибли. В книге Н. Н. Покровского и Н. Д. Зольниковой приводится факт из биографии отца Палладия о том, как во время красноярской пересылки он сумел добиться от начальства разрешения ездить в сопровождении конвойного на Енисей с бочкой за «своей» водой (позднее он воспользовался этим для успешного побега)¹⁶.

В воспоминаниях Е. Д. Паздерина приведен случай, относящийся к концу 1930-х годов. «Отец Игнатий был взят под стражу для выяснения дела, почему убегают монахи в горы, довезен до Бельбяя, а в Бельбее он убежал в лес раздетый, поморозил ноги и руки, после чего жил в Кызылской больнице. Не принимал пищу совершенно, считал, что из рук еретиков и антихристовых слуг есть нельзя. Воду для питья ему приносила какая-то бабка, говорила, что она купила в магазине новую кастрюлю и приносит ему воду с речки. На 17-й день он скончался»¹⁷.

Мне довелось слышать от старообрядцев и другое объяснение происхождения чашечничества. При странствиях, которые пришлось пережить многим поколениям старообрядцев не по своей воле, чашечничество, несообщение с «чужими» в еде, отдельная посуда служили и гигиеническим целям, то есть помогали избежать случайного заражения болезнями от посторонних и вымирания целых семей, когда нельзя было рассчитывать на какую-либо медицинскую помощь.

Долгое время, сохранявшееся старинное правило есть всей семьей из одной большой чашки, соблюдение времени приема пищи, очередности (первым есть начинает старший), а также строгое правило несмешения в еде, отдельная от мирских посуда у старообрядцев-чашечников, по-видимому, дали повод называть их в Туве «столоверами».

«Чашечники – это стариковская вера, у них нет священника», – говорят в Туве верующие других конфессий о часовенных.

Вообще всякое общение с мирскими, а особенно с «кадровыми» – советскими чиновниками – еще сравнительно недавно считалось «мирщением», и его нужно было отмаливать как грех. Нельзя было ни общаться с ними, ни даже касаться их. В воспоминаниях русских старожилов Тувы особое удивление вызывала вторая скоба на двери у некоторых старообрядцев часовенного согласия, одна – для своих, другая – для мирских. «После тебя даже дверную скобу обмоют», – так неодобрительно отзываются об этом обычай не старообрядцы. (Интересно,

что о двух ручках на двери дома у некоторых современных староверов-беспоповцев – для своих и для «мирских» – пишут и исследователи старообрядцев других регионов)¹⁸.

П. Маслов в свое время тоже обратил внимание на этот обычай и пояснил это так: «Браться за дверную скобу «истинного христианина» это ведь то же, что поздороваться за руку»¹⁹. Старообрядцы, ушедшие «от мира», боясь осквернения, стремились не допускать этого.

Долгое время в среде старообрядцев Верховья существовал запрет фотографироваться. Даже в местном краеведческом музее, в котором благодаря многолетней подвижнической деятельности фотографа-краеведа В. П. Ермолаева хранятся тысячи фотоснимков Тувы первой половины XX века, почти нет фотографий староверов – по-видимому, они не давали на это согласия. Довольно распространен среди них был также отказ от получения паспорта, не только из-за того, что этот документ – печать «антихриста», но и по той причине, что для него требуется фотография.

Академик Н. Н. Покровский, интересовавшийся причинами запрета на фотографирование у обитателей скитов верховья Малого Енисея, излагает их объяснение так: «...при крещении человек получает невидимое сияние вокруг головы, которое после кончины служит ему пропуском в рай. При каждом греховном деянии количество сияния уменьшается. Во время фотосъемки оно улавливается аппаратом и тем самым сокращается»²⁰.

Примерно то же объяснение запрету фотографироватьсядается в книге Р. П. Кучугановой о старообрядцах Алтая «Уймонские староверы»: «Староверы и сейчас еще строго выговаривают молодежи: «Фотографироваться нельзя, это грех. Когда воскрешение наступит, без лика встанешь, фотография лиц обдирает»²¹.

Во время проведения фестиваля «Певческое искусство и традиционные ремесла старообрядцев Сибири» в селе Эржей в 2004 году работники республиканского музея натолкнулись на решительный отказ со стороны жителей села разрешить

сфотографировать для будущей экспозиции музея старинные иконы, книги, прочие предметы культа, даже общий интерьер моленной комнаты старообрядцев. По мнению верующих, все предметы при фотографировании теряют свои «божественные» свойства.

В конце XX века в домах крепко верующих жителей Верховья не было телевизоров, хотя имелось немало другой хозяйственного назначения техники (существовал запрет смотреть телевизор); запрещалось также слушать развлекательные радиопередачи, хотя радио пользовались; охотники, рыбаки слушали сводки погоды по радио и даже для этих целей брали с собой на охоту в тайгу транзисторные приемники. То есть наставники запрещали использовать ту часть бытовой техники, которая могла разрушить идеологию старообрядчества, посеять сомнения в душах верующих, пошатнуть веру.

В среде старообрядцев часовенного согласия существуют запреты и ограничения на увеселительные и развлекательные жанры фольклора, игру на музыкальных инструментах, которые, кстати сказать, редко встречаются в их деревнях. «Плящущая жена – невеста сатаны», – с осуждением говорят пожилые староверы о танцах и плясках даже во время семейных праздников. А религиозные праздники для них – время молитв и отдыха от всех видов работы, работать в праздник – большой грех.

До недавних пор даже кладбища старообрядцы стремились иметь отдельные от мирских.

В целом же многочисленные запреты и ограничения для глубоко верующего старообрядца имели значительный внутренний смысл, в какой-то степени закаляли волю, дисципилинировали его поведение. Ведь даже обычное в среде староверов соблюдение постов (а количество постных дней в году достигает 200) требует от человека немалой силы воли. Идея же духовной пользы самоограничения, воздержания облегчала строгое исполнение всех запретов и возвышала верующего, преодолевшего свои соблазны и слабости, в собственных глазах, тем самым укрепляла его душевые силы.

Духовный подвиг преодоления собственных искушений и соблазнов, например, во время семинедельного Великого поста, внутренне укреплял человека, давал ему глубокое моральное удовлетворение.

Наиболее крепкие старообрядческие устои, несмотря на административный нажим, усиленную пропаганду атеизма, имевшие место в советское время, современное разрушительное воздействие цивилизации, сохранились в Туве у верующих часовенного согласия. Это согласие отличается групповым единством, более строгим уставом, стремлением к обособлению, многочисленными запретами и ограничениями, направленными на то, чтобы сохранить себя и свою веру от «мирщения». Многое значило также в истории этого согласия умелое руководство со стороны духовных лидеров – грамотных, авторитетных наставников. Почти сорок лет – с 1932 до 1970 года – таковым был отец Палладий.

Однако строгий устав, многочисленные запреты и ограничения, им предписываемые, оставляют вне собора значительную часть жителей старообрядческих поселков, особенно молодежь, которые однозначно идентифицируют себя со староверами, каковыми были их родители, деды. Старшее поколение не видит в этом особенной угрозы для будущего существования староверия, и в беседах с ними неоднократно приходилось слышать, что в молодые годы многие и раньше не выдерживали строгих религиозных правил, что «молодо-зелено, погулять велено». Но годы свое возьмут, став старше, эти люди, пока остающиеся вне собора, все равно обратятся к вере своих предков и, как сказано в Священном Писании, «ниточка веры не прервется».

Примечания

1. Кремлева И. А. Старообрядчество // Русские. – М., 1999. – С. 716.
2. Поздеева И. В. Личность и община в истории русского старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы. – М., 1997. – С. 24.

3. См., например: Расков Д. С. Хозяйственная этика русского старообрядчества // Старообрядчество: история и современность. Местные традиции, русские и зарубежные связи.– Улан-Удэ, 2001.– С. 45.
4. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв.– Новосибирск, 1999. – С. 705.
5. Там же.
6. Соборное уложение Тюменского собора 13 ноября 1840 г. // Духовная литература староверов востока России... – С. 337.
7. Постановление Рамыльского собора 21 января 1890 г. с включением правил Теренкульского собора 1889 г. // Духовная литература староверов востока России ... – С. 356.
8. Там же, с. 357–358.
9. Соборное уложение Тюменского собора 13 ноября 1840 г. // Духовная литература староверов востока России... – С. 337.
10. Бийское соборное уложение 22–23 ноября 1902 г. с добавлением постановлений Бийского собора 26–27 ноября 1906 г. // Духовная литература ... – С. 362.
11. Бикинское соборное уложение 28 декабря – 2 января 1927 г. // Духовная литература староверов востока России... – С. 377.
12. Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания.– М., 2002. – С. 98.
13. Любимова Г. В. Старообрядцы – часовенные Малого Енисея: традиции и новации // Проблемы межэтнических взаимодействий народов Сибири. – Новосибирск, 2004.– С. 50.
14. Постановление Чулымского собора на заседке Юльевской 1–2 февраля 1909 г. // Духовная литература староверов востока России... – С. 367.
15. РФ ТИГИ, т. 982.
16. ТРКМ, КГ 10523/26.
17. РФ ТИГИ, т. 503.
18. Дронова Т. И. Старообрядчество на Нижней Печоре // Этнографическое обозрение, 2001, № 6. – С. 42.
19. Маслов П. Конец Урянхая. – М., 1933. – С. 136.
20. Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Указ. соч.– С. 446.
21. Кучутанова Р. П. Уймонские староверы.– Новосибирск, 2000. – С. 92.

**Периодическая печать Тувы:
особенности становления и развития
(1924–1991 гг.)***

Предпосылки для зарождения и становления периодической печати в Туве возникли после образования в 1921 г. Тувинской Народной Республики. Традиционно Тува имела с Россией широкие исторические, экономические и культурные связи, поэтому на процесс формирования и развития тувинской прессы оказал большое влияние опыт строительства партийно-советской печати в национальных автономиях РСФСР. Периодические издания в Туве были созданы местными партийными структурами, находились под их контролем и призваны были стать проводниками большевистской идеологии в регионе.

Однако, несмотря на общие закономерности в истории партийно-советской национальной периодической печати в каждом регионе, в том числе и в Туве, действовал ряд факторов, предопределивших своеобразный путь становления и развития местной прессы. Анализ архивных материалов и периодических изданий периода ТНР позволил условно выделить три этапа в истории периодики края. Первый – с 1924 по 1929 г., второй – с 1930 по 1944 г., третий – с 1944 до 1991 г.

I

Первая газета в Туве под названием «Красный пахарь» вышла на русском языке 24 июля 1924 г. Газета была выпущена по инициативе и совместными усилиями членов полномочной комиссии ВЦИК СССР, работников исполкома и райбюро РКП (б) РСТК в Урянхае¹. При влиянии и активной помощи со стороны редакции русскоязычной газеты в 1925–1926 гг. Центральным комитетом ТНРП были созданы периодические издания для коренного населения, которые по причине

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Министерства науки, учебных заведений и молодежной политики РТ. Проект № 070163003А/Т.

отсутствия национальной письменности до 1930 г. выходили на монгольском языке.

В 1925 г. начала издаваться газета «Эрх чолоот Танды-Тыва» (Свободная Тува)² тиражом 300 экземпляров. 27 июля 1926 г. газета была переименована в «Танну-Тувагийн унэн»³ (Правда Тувы). Расширение учредительского статуса за счет ЦК ТРСМ, Президиума Малого Хурала и Правительства ТНР привело к активизации участия руководства учредителей в подготовке газеты. В 1926 г. появились журналы – «Хувисгалт ард»⁵ (Революционный арат) и «Залуучуудын зорилго»⁶ (Задачи молодежи) тиражом 1500 и 1000 экземпляров соответственно⁷ (рис. 1).

Рис. 1. Первые журналы на старомонгольском языке (1926–1930 гг.)

Хувисгалт ард, № 3, 1927 Залуучуудын зорилго, № 1, 1926

19 апреля 1927 г. газета Танну-Тувагийн унэн стала называться просто «Тувагийн унэн» (Тувинская правда). Первые печатные издания не имели платных подписчиков, они рассыпались бесплатно по ячейкам и комитетам партии, учреждениям, хошунным и сумонным правлениям. Так как араты в массе своей не знали монгольскую письменность, ознакомление с содержанием периодики осуществлялось через пропагандистов и агитаторов ТНРП и ТРСМ, которые проводили громкие читки и разъяснения по газетным и журнальным материалам.

Однако в силу кочевого образа жизни коренного населения Тувы и слабой агитационно-пропагандистской деятельности партии политico-просветительная работа в плановом порядке не велась, а фактически проходила раз в год⁸.

Первые периодические издания за время своей деятельности с 1924 по 1930 год проделали определенную работу не только по пропаганде и агитации марксистско-ленинской идеологии среди населения Тувы; но и информированию аратов по вопросам, связанным с бытом, трудовой деятельностью народов СССР; разъяснению вопросов истории и теории революционного движения; по освещению внутренней, внешней политики ТНР; популяризации мероприятий партии и правительства, направленных на укрепление новой политической системы в республике и вовлечение аратов в политическую, культурно-просветительскую и хозяйственную работу. Однако эти издания остались мало востребованными предполагаемой читательской аудиторией, которая в массе своей была неграмотной и не владела монгольской письменностью. К тому же из-за финансовых трудностей, вызванных бюджетными ограничениями, была слабой полиграфическая база местной печати, отсутствовали квалифицированные кадры газетно-издательских работников⁹. Вследствие этих причин тиражи местных изданий были небольшими, их выход – нерегулярным¹⁰, уровень полиграфического исполнения и качество – на низком уровне.

Кроме того, становление национальной прессы в Туве шло одновременно с формированием и укреплением ТНРП и ТРСМ. Слабые в организационном и идейном отношении партийные организации Тузы не могли обеспечить компетентного и систематического руководства своими печатными изданиями, а людей, имевших опыт работы в печати в 1920-х годах в Туве не было. Активная материальная помощь и консультационная поддержка шли по линии Коминтерна, КИМа и Сиббюро ЦК ВКП (б). В редакциях национальных изданий постоянно работали в должности советников назначенные представители Коминтерна или работники советского консульства в ТНР, которые осуществляли идеологическое влияние и контроль за деятельностью местных газет¹¹. Одним из первых талантливых советских специалистов в Туве в 1926–1927 гг. был С. А. Нацов (Шойжелов)¹², сыгравший большую роль в издании и налаживании регулярного выпуска партийной периодики. Вместе с тем из-за недостатка грамотных специалистов в 1920-е гг., как и в редакциях советских газет, в Туве имело место совместительство партийной, государственной и журналистской работы, что негативно сказывалось на деятельности редакций периодических изданий. Для устранения этого недостатка и улучшения руководства печатью в направлении ее централизации с 1929 г. на должность редакторов газет и журналов ЦК ТНРП стали назначаться освобожденные от других обязанностей работники. Первым освобожденным редактором был Аюшин.

В содержании периодики 1920-х годов преобладали материалы информационного характера. Значительное место занимала пропаганда решений съездов, пленумов ТНРП, ТРСМ и Хуралов Правительства ТНР. Авторами газетных и журнальных статей в 1920-е годы в основном были сотрудники редколлегий изданий. По причине их малограмотности и отсутствия профессиональной подготовки уровень многих авторских публикаций был невысоким. А так как редакциям

национальных газет не удалось наладить постоянную связь с населением республики и создать внештатный авторский актив на местах, им приходилось часто перепечатывать материалы из газеты «Красный пахарь» и советских периодических изданий.

Тем не менее первые периодические издания познакомили жителей Тувы с новым способом распространения информации, и при недостаточном количестве печатной продукции в Туве в 1920-е годы явились своего рода методическими пособиями и средствами информации в первую очередь для руководства ТНРП, ТРСМ и Правительства ТНР, представителей национальной интеллигенции, партийных активистов, которые в основном выступали авторами газетных и журнальных публикаций, читали периодику и использовали ее в повседневной политico-идеологической работе с населением Тувы.

II

На VIII съезде ТНРП в 1929 г. была принята широкая программа, которая должна была способствовать государственному, хозяйственному, культурному подъему республики и обеспечить развитие народного хозяйства на некапиталистической основе¹³. В 15-м пункте программы съезд обратил серьезнейшее внимание на проблему улучшения печати и издательского дела и предложил ЦК ТНРП принять комплексные меры по устранению недостатков, препятствующих развитию печатного дела в республике¹⁴. В соответствии с данным решением вопросам печати со стороны партийных органов было удалено самое пристальное внимание. Во-первых, в результате объединения русской и тувинской типографий в 1929 г.¹⁵ и размещения Гостипографии ТНР в 1930 г. в новом здании с наборным, печатным и переплетным цехами¹⁶ была укреплена материально-техническая база печати Тувы. В 1932–1933 гг. было получено новое типографское оборудование на сумму 80 000 руб.¹⁷.

В 1934–1945 гг. типография была механизирована, что позволило заметно увеличить выпуск и обеспечить регулярность выхода печатной продукции¹⁸. Во-вторых, подготовка национальных кадров полиграфистов и журналистов через систему различных курсов внутри Тувы и в СССР позволила упрочить штаты редакций и повысить уровень профессиональной подготовки работников печати. Так, при ТувГИЗе с 1931 г. были организованы 3-годичные курсы по подготовке типографских работников¹⁹, а в 1932 г. – 9-месячные вечерние курсы газетно-издательских работников²⁰. В Агитпропотдел ЦК ТНРП, осуществлявший идеологическое руководство печатью, и в редакции национальных изданий были назначены выпускники КУТВа и рабфаков советских учебных заведений. Начали практиковать стажировку сотрудников национальных газет в редакции газеты «Правда» в Москве. Появились первые кадры тувинских журналистов – Монгуш Намзырай, Манлай-Байыр Ховалыг, Байкара Ховенмей, С.Самба-Люндуп, Маады Момбу-жай, А.Очурбаанак, С.Сарыг-оол.

Переломным моментом в становлении и развитии периодической печати в ТНР стало создание и введение тувинской национальной письменности на основе новотюркского латинизированного алфавита. В 1930 г. в газете «Үнэн» были опубликованы первые материалы на родном языке. В августе того же года газета получила название «Тыва араттын шыны» (Правда тувинского арата) и выпускалась наполовину на тувинском и монгольском языках (*рис. 2*).

А с 1931 г. газета стала выходить под современным названием «Шын» (Правда) и полностью на родном языке²¹. В ней стали регулярно помещаться разнообразные материалы под постоянными рубриками: «Партийная работа», «Сельское хозяйство», «Кооперация», «Культурная революция», «В зарубежных странах», «О жизни в Монголии», «Памятка араткорам», «Литературные произведения», «В колонии», «Письма» и др²².

Рис. 2. Перевод прессы на национальную тувинскую письменность, на основе новотюркского латинизированного алфавита (1930–1931 гг.)

Газета «Тыва араттын шыны», № 43 от 17 декабря 1930 г. Страницы 1-я и 2-я – на тувинском языке, 3-4-я – на монгольском.

Газетный фонд ЦГА РТ

Введение национальной письменности способствовало быстрому росту уровня грамотности населения Тувы. После перевода печати на тувинский язык значительно повысился интерес аратов к печатному слову на родном языке (рис.3). Началось распространение газет среди населения по подписке, увеличились тиражи и количество выпускаемых национальных периодических изданий. Во второй половине 1930-х годов началась их дифференциация по возрастному и профессиональному признакам. В 1933 году вышла новая

еженедельная газета «Реванэ шыны» (Правда ревкома)-печатный орган ЦК ТРСМ, которая с 1936 г. стала называться. «Аревэ шыны». Тираж газеты среди тувинской молодежи быстро рос и в 1937 г. достиг 5550 экземпляров. В 1933 г. вышел ежемесячный информационный бюллетень «ТАР Министрлернин човулеминин бюллетени (кол медээзи)» – (Известия Совета Министров ТНР), позже переименованный в «ТАР Чазаанын кол медээзи» (Известия Правительства ТНР), тиражом 500 экземпляров.

Рис. 3. Коллективное чтение газеты «Шын» (1930-е годы)

С целью приближения печати к нуждам и потребностям сельского аратского населения в 1936 г. была создана газета «Хостуг арат» (Свободный арат)²³. Перед газетой были поставлены следующие задачи: освещение повседневной жизни и быта аратов доступным для них языком; обучение родной письменности и новым полезным знаниям; популяризация работы местного сельского самоуправления и постановлений

Президиума Малого Хурала и Правительства²⁴. Непродолжительное время издавалась газета «Кооперас оруу» (Путь кооперации).

Во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. интенсивное развитие получила национальная журнальная периодика. Быстрый рост грамотности тувинских детей, который уже в 1935 г. составлял 75 %²⁵, а также повышение в их среде творческой активности (многие дети писали стихи) постановили на повестку дня в 1937 г. вопроса о создании специального периодического издания для детей. В 1939 г. начал издаваться журнал «Пионер» тиражом 4 000 экземпляров. Журнал быстро завоевал популярность у тувинских ребят. Материалы журнала были разнообразны, иллюстрированы и познавательны для маленького читателя. Основное содержание журнала составляли короткие, доступные для детей публикации, построенные в форме вопросов и ответов на них. Основное внимание в них уделялось вопросам расширения и укрепления пионерского движения в Туве, настойчиво звучали призывы повышать собственный уровень грамотности, образованности, общей культуры, а также активно принимать участие в ликвидации неграмотности и малограмотности населения Тувы. В журнале регулярно помещались биографические материалы о В. И. Ленине, И. В. Сталине как образцах для подражания. Из номера в номер проводилась мысль о пользе занятий физкультурой, спортом, художественным и поэтическим творчеством. Для юных дарований была открыта постоянная рубрика «Литературные произведения». Публиковались тувинские народные сказки. Через журнал тувинские дети начали переписку с детьми из СССР и зарубежных стран. Каждый номер завершался заданиями на развитие логики, внимания у детей (загадки, ребусы, задания по арифметике и т. д.).

В 1937 г. возобновился выпуск журнала «Революстүг арат» (Революционный арат), а в 1939 г. увидел свет первый номер партийного журнала «Революстүг интернационализм дээш» (За революционный интернационализм).

Потребность в собственной периодике актуализировалась в результате выделения в тувинском обществе немногочисленной группы творческой, научной интеллигентии и работников народного образования. Для них в начале 1940-х годов были созданы литературно-художественный журнал «Революстун херели» (Заря революции) и журнал «Эртем оруу» (Путь науки). Во второй половине 1930-х годов республиканская периодика пополнилась также периодическими изданиями на русском языке: политико-экономическим журналом комитета советских граждан «Новая Тува», газетами «Тувинский горняк» и «Физкультура и спорт».

Динамичное развитие получило движение на общественных началах в Туве, принявшее четкую организационную форму на трех республиканских совещаниях аратских корреспондентов (араткоров), состоявшихся в 1932, 1934 и 1938 годах²⁶. На них были утверждены планы работы и устав движения араткоров Тувы²⁷. И если в 1932 г. с газетами постоянно сотрудничали 200 араткоров, в 1934 г. – 279, из которых 60 – юнкоры, то в 1938 г. – 1131 араткор и 513 юнкоров²⁸. В 1938 г. уже половину газетного листа составляли материалы на местные сюжеты, написанные араткорами, юнкорами и деткорами газет. Так, «Аревэ шыны» с 1-го по 29-й номер 1937 г. опубликовала 814 из 1313 писем, поступивших из хошунов. Наиболее актуальными являлись следующие темы: ревсомольская работа – 148 писем (18,4 %), национальная письменность и культура – 138 (17,1 %), художественная литература – 80 (10%), пионерская работа – 107 (13,1 %), СССР и заграничные страны – 58 (7,6 %), свободная критика – 56 (6,95%), животноводство и земледелие – 46 (5,75 %)²⁹.

В соответствии с решениями II Чрезвычайного объединенного Пленума ЦК и ЦКК ТНРП и III Чрезвычайной сессии Малого Хурала ТНР Президиум ЦК ТНРП принял постановление «О перестройке газеты «Шын» от 30 декабря 1933 г.³⁰, которое стало программным для всех созданных позже нацио-

нальных газет. Основными задачами газеты были определены: 1) политическое воспитание аратов; 2) поднятие их культурного уровня; 3) пропаганда генеральной линии ТНР на подготовку условий для постепенного перехода Тувы на некапиталистический путь развития и помочь партийным организациям в перестройке их работы; 4) систематическая популяризация всех мероприятий Правительства и партии; 5) изучение экономики Тувы; 6) разработка тувинского литературного языка и др. С одной стороны, некоторые пункты данного документа касались улучшения качества тувинской газеты, предлагалось печатать короткие и понятные статьи, больше рисунков, использовать разнообразные формы подачи материалов, уменьшить средний объем переводного материала до 1/4 газетного номера и больше публиковать оригинальный тувинский материал. Было рекомендовано развернуть плановую учебу редакционных работников и доукомплектовать редакции газет, создав резерв журналистов. Но, с другой стороны, этим постановлением было положено начало, во-первых, идеологизации деятельности газет. На газеты «Шын», «Реванэ шыны» возлагалась задача проверки выполнения директив и решений Правительства и партии в центре и на местах, а также выявления конкретных виновников в нарушениях политики правительства и партии. И, во-вторых, установлению контроля партии над работой редакций газет. От них требовалось вести плановую и полностью подотчетную ТНРП и правительству деятельность. Следствием дальнейшего усиления контроля над деятельностью местной печати стало создание в 1939 г. при Президиуме Малого Хурала ТНР специального органа – Комитета по цензуре, который должен был проверять политическое содержание всех литературных произведений, газет и журналов, выходящих на территории ТНР³¹.

С начала 1930-х годов перед национальной прессой была поставлена задача идеологического обеспечения концепции развития ТНР по некапиталистическому пути и построения под руководством партии социалистического общества. Печать Тувы приняла активное участие в проведении социалистических

преобразований в сельском и народном хозяйстве ТНР, широко освещала опыт планового строительства в СССР и процесс его развертывания с 1933 г. в ТНР³². По примеру центральных советских изданий пресса Тувы проводила линию на ускорение темпов коллективизации аратских хозяйств и выполнения пятилетних планов предприятиями республики.

Во второй половине 1930-х годов в связи с изменением политической обстановки в ТНР и началом в 1938 г. курса политических репрессий периодическая печать Тувы стала проводником идеологии классовой борьбы. Под воздействием газет и журналов в Туве формировалось негативное общественное мнение об объявленных «врагах народа», складывалась обстановка недоверия и страха, поощрялось политическое доносительство. В соответствии с ложными обвинениями в газетах публиковались недостоверные материалы о людях, объявленных «контрреволюционерами». В русле идеологической борьбы было принято Указание III Пленума ЦК ТНРП, согласно которому были уничтожены или подвергнуты порче все печатные издания, в которых содержались любые сведения о «врагах народа»³³. Тем самым была ликвидирована часть уникального национального газетного и книжного фондов Тувы.

По «делу Чурмит-Дажи» в 1938 г. были арестованы и расстреляны Манлай-Байыр Ховалыг³⁴ – первый редактор газеты «Тыва араттын шыны» в 1930–1931 гг. и Монгуш Намзырай³⁵ – первый редактор молодежной газеты «Аревэ шыны». По этому же делу были репрессированы Саая Шурзун-оол³⁶, работавший в редакции газеты «Шын», а также Ховалыг Доткан, являвшийся ранее заведующим типографией, и другие деятели печати (см. *приложение*). Все эти невинно осужденные работники печати были реабилитированы в 1963–1964 гг.

Однако несмотря на негативные моменты в деятельности национальной печати в 1930-е годы следует отметить неоценимую помощь, которую она оказала в ликвидации неграмотности, а затем малограмотности населения Тувы. Газета и

журнал на родном языке служили для аратов и их детей букварем и учебником, другом и товарищем в освоении тувинской грамоты. Печать на родном языке сыграла большую роль в зарождении и развитии национальной литературы, тувинского языка и письменности, став частью и фактором развития современной национальной культуры тувинцев.

Однако в связи с распыленностью и кочевым образом жизни населения Тувы, а также неупорядоченностью и неорганизованностью работы почтовой службы в 1930-е годы, существовали трудности своевременного распространения периодических изданий³⁷.

В годы войны, согласно постановлению ЦК ТНРП от 25 августа 1941 г. «О перестройке работы газет на военный лад»³⁸, пресса Тувы способствовала быстрой реорганизации работы предприятий, организаций и народного хозяйства Тувы на военный лад. Отрицательным фактом явилось то, что в годы войны в связи с введенным режимом экономии бумаги сначала было временно приостановлено, но позже так и не возобновлено издание многих специализированных периодических изданий на тувинском языке. Выпускались в сокращенном формате только газеты «Шын», «Хостуг арат», и «Аревэ шыны»³⁹. В то же время идеологические задачи, вставшие перед руководством ТНР в годы войны, потребовали выпуска новых периодических изданий.

С целью более оперативного информирования сельского населения и мобилизации его на активную помощь фронту в апреле 1942 г. была организована типография, а в мае вышел первый номер межхонунной газеты «Лениннин оруу» (Путь Ленина) в Чоон-Хемчикском хошуне⁴⁰. В годы войны была значительно усиlena устная пропаганда, проводимая на местах партийными активистами. Только с 1 января по 1 октября 1942 г. пропагандистами и агитаторами партии было проведено 12300 бесед и читок газет, на которых присутствовало 28647 человек⁴¹. Для повышения их идеологического и политического уровня в 1942 г. был организован выпуск

блокнота «В помощь агитатору» и ежемесячного политико-экономического журнала ЦК ТНРП «Под знаменем Ленина–Стилана» на тувинском и русском языках⁴².

В годы войны национальная печать была переведена на русскую графику. Уже в 1941 г. в газетах «Шын», «Аревэ шыны» появились небольшие заметки на тувинском языке русским алфавитом, написанные собственными корреспондентами и араткорами. В 1942–1943 гг. материалы передовой рубрики «Приказ Верховного Главнокомандующего» и постоянных рубрик «Письма с фронта», «С фронта Отечественной войны» в газете «Шын» стали выходить на родном языке. Однако вследствие необеспеченности типографии новым шрифтом в достаточном количестве перевод на русский алфавит продолжался до конца 1944 г⁴³. Интересы быстрого и качественного обучения коренного населения Тувы новому алфавиту потребовали выпуска специального издания для работников народного образования. Для них в 1944 г. издавался методический журнал «В помощь учителю» на тувинском языке⁴⁴.

В 1942 г. в связи с ликвидацией комитетов советских граждан газета «Вперед» была передана в ведение ЦК ТНРП и переименована в «Тувинскую правду», а также была назначена редакция газеты в составе А. Пальмбаха, С. Пюрбю, М. Пахомова, Теплякова, Н. Богатырева и Ананьина (редактор)⁴⁵.

В годы войны продолжилось дальнейшее развитие периодической печати Тувы по примеру СССР. Была укреплена внутриредакционная структура редакций газет в результате образования в них в 1941 г. редакций и введения штатных собкоров. С целью повышения профессиональной и технической квалификации работников печати регулярно стало проводиться специальное обучение, в том числе семинары для редакторов и работников газет. Тенденция усиления идеологического контроля партии над деятельностью республиканской прессы воплотилась в создание в октябре 1941 г. при Президиуме Малого Хурала ТНР Главного управления по делам литературы

и издательств (Главлит) с целью «политического и технического надзора за всеми печатными изданиями...»⁴⁶. С этого времени кандидатура литературного консультанта, проверявшего идеино-политическое содержание и техническое оформление газет определялась и утверждалась ЦК партии⁴⁷. А с 1942 г. газетам запретили печатать постановления ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР без разрешения одного из секретарей ЦК ТНРП⁴⁸.

В годы войны улучшилось своевременное информационное обеспечение периодической печати и радио после организации в январе 1942 г. Тувинского Телеграфного Агентства (ТувТА)⁴⁹, которое в 1944 г. было объединено с Радиокомитетом в Радио-Телеграфное агентство ТНР⁵⁰.

Несмотря на сокращение общего количества и объема выпускаемых изданий подписка на периодические издания в Туве на 1944 г. составила 17136 экземпляров⁵¹. Бесперебойный выход газет в трудных условиях войны обеспечивался напряженной работой коллектива Гостипографии, которая в числе первых предприятий ТНР с 1941 г. включилась в социалистическое соревнование⁵².

С первых дней войны главной в прессе стала тема фронта. 28 июня в газетах появилась рубрика «От Советского информбюро», под которой стала размещаться текущая информация о боевых действиях Красной Армии на фронтах Отечественной войны. Основной идеологической установкой, внедряемой местной прессой в сознание жителей Тувы, являлось воспитание чувства патриотизма и непоколебимой веры в победу СССР над Германией. Из газеты «Правда» республиканские газеты регулярно перепечатывали передовые статьи, такие как «Наше дело правое, и враг будет разбит», «Слава героям Отечественной войны», «Наш отпор врагу растет и крепнет». В 1942 г. «Тувинская правда» опубликовала бесплатным приложением «Русскую повесть» Н. Павленко, «Науку ненависти» М. Шолохова. Печатались литературные произведения: стихи-письма, стихи-песни, стихи-посвящения и стихи-послания тувинских писателей –

С. Пюрбю, С. Сарыг-оола, О. Саган-оола, Л. Чадамба, С. Тамба, С. Самба-Люндупа, К. Идам-Сюрюна, в которых воспевались мужество, героизм и доблесть советского воина. В годы войны появился новый для тувинской прессы жанр политической сатиры, основоположником которого стал Байкара Ховенмей – первый профессиональный журналист, писатель Тувы.

Деятельность прессы в годы войны явилась фактором усиления всесторонней помощи фронту со стороны населения Тувы. Материалы под призывами «Все для фронта», «Все для Победы» убеждали читателей, что люди в тылу могут совершать такие же героические поступки, как и на фронте. В годы войны в печати была проведена кампания по сбору средств на постройку самолетов для Красной Армии и по оказанию помощи освобожденным от фашистов советским районам. В печати в качестве образца для примера другим указывались фамилии и имена людей, активно принимавших участие в отчислении денежных средств и сдаче скота на экспорт. Газеты сообщали факты отправки на фронт трудящимися Тувы не только денег и скота, но и различных вещей, продуктов питания, медикаментов, сувениров и подарков бойцам Красной Армии. Работники предприятий и организаций ТНР, следуя призывам газет, подписывались на внутренние займы ТНР, отдавали всю заработную плату в фонд Победы, включались в социалистическое соревнование. Печать поддерживала все патриотические почины тружеников Тувы по увеличению выпуска военной продукции, по созданию трудовых бригад на предприятиях, ставившихся досрочно выполнить производственные планы.

С самого начала войны по примеру СССР по всей Туве были созданы отряды народного ополчения. В целях усиления боевой готовности населения Тувы под рубрикой «Военный всеобуч» пресса популяризовала необходимые в условиях военного времени знания о назначении и действии различных видов оружия: винтовки, гранаты, ручного пулемета; о противогазовой защите, противовоздушной обороне; о пользовании противогазами и т. д. В первые же дни войны жители Тувы

выразили горячее желание встать на защиту Советского Союза от фашистских агрессоров. После проводов в 1942 г. русских, а в 1943 г. тувинских добровольцев на фронт газеты начали публиковать корреспонденции и очерки, письма с фронта и на фронт, письма и рассказы командиров Красной Армии о военной службе и героических подвигах братьев Шумовых, Кудрявцевых, Хомушку Чургуй-оола – Героя Советского Союза, Т. Нюргата, Х. Уйнук-оола, В. Пахорукова К. Идама, Б. Биче-оола и других наших земляков, имена которых вписаны в Летопись Отечественной войны.

III

В связи с вхождением ТНР в состав РСФСР на правах автономной области в 1944 г. началась перестройка государственных органов ТНР в местные органы Советов. Республикаанская пресса Тувы была включена в структуру многонациональной советской журналистики. Во второй половине 1940-х годов она была приведена в полное соответствие с разработанной для национальных автономий унифицированной схемой.

27 октября 1944 г. республиканские газеты «Шын» и «Тувинская правда» стали выходить как областные печатные органы Тувинского обкома, Кызылского горкома ВКП (б) и областного Совета депутатов трудящихся. Были утверждены кандидатуры редакторов областных газет⁵³. С 1945 г. для областных газет был установлен 3-разовый выпуск и увеличен формат⁵⁴. Молодежная газета «Аревэ шыны» была переименована в газету «Тыванын аныктары» (Молодежь Тувы), и она стала органом областного и Кызылского городского комитетов ВЛКСМ. Периодичность выхода газеты была увеличена до двух раз в неделю, а тираж – до 10000 экземпляров⁵⁵. В структуре периодических изданий Тувы в 1945 г. появились новые издания: еженедельная газета для детей «Сылдысчыгаши» (Звездочка)⁵⁶ на тувинском языке (1945–1959 гг.) и «Молодежь Тувы» на русском языке с выходом два раза в неделю, тиражом 7000 и 3000 экземпляров соответственно⁵⁷. В 1946–1959 гг. «Молодежь Тувы» выходила под названием «Сталинское племя».

Решения ЦК ВКП(б), а с 1953 г. ЦК КПСС являлись обязательными для выполнения партийной организацией Тувы и ее печатными органами. На отдел пропаганды и агитации Тувинского обкома ВКП (б) возлагалась задача не реже одного раза в 2–3 месяца давать развернутые обзоры выходящих в области газет ЦК ВКП (б). Согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 20 июня 1945 г. «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет»⁵⁸ была введена унифицированная структура аппарата редакций местных газет: секретариат, отделы партийной жизни, пропаганды, промышленности и транспорта, сельского хозяйства, культуры и быта, писем трудящихся, внутренней информации. Ключевым в редакциях партийных газетах стал отдел «Партийная жизнь», под такой же рубрикой в газетах систематически освещалась работа областной партийной организации, и помещались теоретические статьи по истории ВКП(б)⁵⁹.

Периодическая печать в советский период как один из важнейших институтов в утвердившейся однопартийной политической системе в Туве выполняла в первую очередь функцию идеологического воспитания и просвещения населения, привлечения его к активной созидательной деятельности.

В 1944–1991 гг. все вопросы развития местной печати регулярно рассматривались на заседаниях бюро областного комитета партии. Обком партии укомплектовывал составы редакций, занимался вопросами подготовки журналистских кадров, определял тематику и авторство выступлений газет. Ответственные должности в редакциях областных газет были включены в номенклатуру Тувинского обкома ВКП (б). Через утверждение редакторами газет с февраля 1945 г. ежемесячных, а затем ежеквартальных тематических планов на бюро обкома партии, а также деятельность Тувинского областного управления по охране военных и государственных тайн в печати (облит), осуществлявшего предварительную и последующую проверку всей печатной продукции Тувы⁶⁰ фактически был установлен контроль за деятельностью периодики. За малейшие нарушения

в идеологическом содержании публикаций и даже допущенные случайные опечатки на страницах газет руководство редакций и обллитера подвергалось партийным взысканиям, вплоть до освобождения от занимаемой должности и исключения из партии.

В связи с резким увеличением объема и количества периодических изданий с новыми отделами в 1940-е годы, многократным расширением штатов редакций газет возникла острая необходимость в большом количестве квалифицированных кадров газетно-издательских работников. Кадровые вопросы в местной журналистике с 1944 по 1991 год решались за счет приглашения и направления специалистов по печати из СССР, а также подготовки и переподготовки национальных кадров журналистов в советских учебных заведениях. По направлению Тувинского обкома партии сотрудников редакций местных газет отправляли учиться на журналистское отделение Высшей партийной школы, а работников молодежных и детских изданий – в Центральную комсомольскую школу⁶¹. Редакторы «Шын» и «Тувинской правды» периодически направлялись на курсы редакторов областных газет при ЦК ВКП(б). Работники печати получали необходимый минимум идеологических знаний в созданной в 1946 г. областной партийной школе при Тувинском обкоме ВКП (б)⁶². На учебу аппарата редакций и приобретение необходимой справочной литературы газетам регулярно выделялись значительные средства⁶³. Проведение семинаров и тематических летучек с 1946 г. для сотрудников областных и районных газет стало постоянным. С этого же времени начали проводиться литературные четверги в редакции газеты «Сталинское племя».

В 1945 г. было расширено здание типографии и начала создаваться полиграфическая база для выпуска районных газет в Кызыл-Мажалыке, Шагонаре и Самагалтае⁶⁴. Оборудование как в областных, так и в районных типографиях постоянно обновлялось.

Также в 1940–1950 гг. вышел ряд постановлений по устранению недостатков в работе почты и своевременной доставке прессы подписчикам⁶⁵; организации газетных витрин⁶⁶; рабселькоровскому движению⁶⁷; улучшению материально-технического обеспечения редакций и т. д.

Таким образом, в результате осуществленных в 1940-е годы преобразований периодическая печать Тувы стала составной частью советской многонациональной журналистики. Положительным в этом процессе являлось то, что благодаря значительной материальной помощи из союзного бюджета развивалась производственно-техническая база печати Тувы, осуществлялись целевая подготовка и переподготовка национальных кадров работников печати в учебных заведениях СССР, расширился перечень иросли тиражи и объемы выпускаемых периодических изданий, была упорядочена работа почтовой службы.

Но, с другой стороны, национальная пресса не получила альтернативы свободного самостоятельного развития, так как в советский период (1944–1991 гг.) существовали жесткий партийный контроль и цензура над ее деятельностью. В вопросах развития местной печати партийная организация Тувы исходила не из реальных информационных запросов и культурных потребностей жителей региона, а руководствовалась решениями центральных партийных органов, которые возлагали на прессу в первую очередь идеологические задачи и установки. Эта схема просуществовала с небольшими изменениями до начала 1990-х годов.

Приложение

Репрессированные деятели печати Тувы

1. Адыг-Тулуш Хемчик-оол Олдуккай оглу (1893-1938 гг.) – редактор газеты «Шын» в 1934-1935 гг.
2. Монгуш Намзырай Лопсан огту (1911-1942 гг.) – первый редактор газеты «Реванэ шыны» в 1933-1934 гг.
3. Оюн Шавы Майынды огту – переводчик в издательстве.
4. Саая Шурзун-оол Монгэ – переводчик в редакции газеты «Шын» в 1938 г.

5. Ховалыг Манлай-Байыр Кандан-оол огуу (1897-1938 гг.) – первый редактор газеты «Тыва араттын шыны» в 1931-1932 гг., принимал участие в работе редакции до 1934 г.

6. Ховалыг Тоткан Сонам огуу (он же – Донкан Вячеслав Сонамович) – заведующий первой Гостипографией.

7. Пюрбюй Сергей Бакизович – писатель; по профессии – учитель; работал в облоно в качестве редактора учебников для тувинских школ; часто писал в газеты.

8. Сагды Михаил Бакизович – работал переводчиком в редакции газеты «Шын».

9. Эмер-Сарыг Кужугет Кара-Хунаевич – часто писал в газету, видимо, являлся селькором.

Основание: ЦГА РТ, Музей истории политических репрессий РТ.

Источники и литература

1. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 1, л. 13, 23.
2. Названия газет, выходивших в Туве на монгольском языке, даны в соответствии с нормами современного монгольского языка.
3. Там же, д. 5, л. 102.
4. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 158, л. 28-29.
5. РГАСПИ, Ф. 495, оп. 153, д. 7, л. 2.
6. Там же, л. 14.
7. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 158, л. 28-29; д. 292, л. 19, 22; РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 5, л. 107.
8. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 26, л. 9.
9. Там же, д. 58, л. 68.
10. Там же, д. 15, л. 11, д. 26, л. 9.
11. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 158, л. 28-29.
12. Очерки истории Тувинской организации КПСС. – Кызыл, 1975. – С. 392-393.
13. VIII съезд ТАРП в резолюциях. ТАР. - Кызыл-Хото, 1930. – С.11, 14.
14. Там же. – С. 24.
15. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 621, л. 1.
16. Республикаанская типография (К 60-летию со дня основания) // В братской семье народов СССР. Библиографический указатель к 40-летию Советской Тувы. – Кызыл, 1984. – С. 27.
17. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 58, л. 68.
18. Республикаанская типография // Указатель-календарь по Туве на 2004 г. Люди и события. Год 2004. Нац. библ-ка им. А. С. Пушкина РТ. – Кызыл, 2004. – С. 31.
19. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 56, л. 41.

20. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 1447, л. 8.
21. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 52, л. 75.
22. Шын, 1932, 6, 9 января и др.
23. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 1793, л. 63-64.
24. Хостуг арат, 1936, 8 января.
25. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1.
26. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 2103, л. 1-36.
27. Там же, д. 1959, л. 33-34.
28. Там же, л. 12.
29. РГАСПИ. Ф. 533, оп. 10, д. 2997, л. 31.
30. Там же. Ф. 495, оп. 153, д. 60, л. 152-153.
31. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 136, оп. 1, д. 168, л. 3.
32. Там же. Ф. 1, оп. 1, д. 58.
33. Там же. Ф. 136, оп. 1, д. 2, л. 30, 55, 56-57.
34. 70 лет «Шын» – Газете «Шын» – 70 лет. – Кызыл 1995. – С. 22, 35.
35. Улуг-Хем, 1990, № 75. – С. 64-68.
36. Музей истории политических репрессий РТ. Д. 570 (173).
37. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 2435, л. 34-37.
38. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 76.
39. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 2499, л. 144-145.
40. Там же., Д. 2648, л. 4.
41. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 78, л. 17.
42. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 79, л. 13; ЦАДПОО. Ф. 1, оп. 1, д. 2648, л. 4; д. 2649, л. 5.
43. ЦГА РТ. Ф. 136, оп. 1, д. 10, л. 20.
44. Там же. Ф. 92, оп. 1, д. 1098, л. 62.
45. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 79, л. 46.
46. Сборник законов и основных постановлений Правительства ТНР. – Кызыл, 1944. – С. 66-67.
47. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, д. 78, л. 30-31.
48. Там же. Д. 80, л. 113.
49. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 2649. л. 5.
50. Там же. Д. 2928, л. 22.
51. Там же. Д. 2875, л. 60.
52. ЦГА РТ. Ф. 136, оп. 1, д. 10, л. 16.
53. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 13.
54. Там же. Д. 2, л. 134.
55. Там же. Д. 49, л. 270.
56. Там же. Ф. 5, оп. 1, д. 4, л. 46.
57. Там же. л. 3.
58. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении
Сборник документов и материалов. – М., 1972. – С. 242-243.

59. Там же. Д. 49, л. 266.
60. ГАРФ. Ф. 9425, оп. 1, д. 383, л. 5.
61. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 86; ф. 5, оп. 1, д. 104, л. 113.
62. Аранчын Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. – Новосибирск, 1982. – С. 285.
63. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 104, л. 120.
64. Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 19.
65. Там же. Д. 57, л. 17-18.
66. Там же. Д. 49, л. 191, 264, 267.
67. Там же. Д. 397, л. 177.

Г. М. Покоякова

Экономический потенциал республик Тыва и Хакасия в настоящее время и перспективы их развития

Переход страны на рыночные отношения, а также глобализация экономики в XXI веке заставляют государство и его регионы пересматривать свою региональную политику. Одна из важных задач, которую в настоящее время придется решать, – это формирование новой системы прогнозирования и планирования территориальных комплексов и отраслей. Для оценки предлагается использовать систему показателей экономической мощи государства и его территорий, которая учитывает величину накопленных ресурсов, степень использования потенциальных возможностей. В отечественной практике для оценки экономической мощи государства использовался показатель «экономический потенциал хозяйственной системы».

Категория «экономический потенциал» находится в тесной взаимосвязи с такими категориями как «национальное богатство», «экономическая мощь», «ресурсы» и другие.

Анализ публикаций, посвященных этой проблеме, позволяет выявить сходства и различия представленных понятий, способствуя тем самым пониманию сущности данной категории.

Так, в Большом экономическом словаре «национальное богатство» трактуется как совокупность материальных благ, созданных трудом предыдущих и нынешних поколений и

вовлеченных в процесс воспроизведения природных ресурсов, которыми располагает общество. Принципиальным отличием между терминами «ресурсы» и «потенциал» является то, что ресурсы существуют независимо от субъектов экономической деятельности, а потенциал общества неотделим от субъектов деятельности. Иначе говоря, термин «потенциал», кроме материальных и нематериальных средств, включает способности работника коллектива, общества в целом к эффективному использованию имеющихся средств или ресурсов.

Можно выделить четыре подхода к пониманию сущности «экономического потенциала».

1. Экономический потенциал как совокупность имеющихся в наличии ресурсов (*Б. Плыщевский, А. Тодосейчук, Ю. Лычkin и А. Цыгичко*).

2. Экономический потенциал как совокупная способность отрасли народного хозяйства (*Б. Молчанов, В. Мосин, Д. Крук, Л. Лопатников, А. Румянцев*).

3. Отождествление терминов «экономический потенциал», «экономическая мощь» и «народно хозяйственный потенциал» (*Э. Горбунов*).

4. Экономический потенциал как результат экономических и производственных отношений между субъектами хозяйственной деятельности (*Л.И. Самоукин*).

Такое различие в определениях объясняется тем, что каждый из исследователей выделял какую-то одну из черт экономического потенциала, не раскрывая их полностью. В одних определениях делается акцент на условия и факторы, определяющие величину потенциала, в других – на характер общественно-экономических отношений, в третьих – на результаты его использования. Для определения термина «экономический потенциал» необходимо выделить основные черты, отличающие его от других категорий.

Экономический потенциал – это категория, которая характеризует совокупные силовые способности, возможности анализируемой системы; эти возможности могут быть реализованы

только при наличии ресурсов. Этот термин характеризует достигнутый уровень развития; способности и возможности системы связаны прежде всего с характером и особенностями социально-экономических отношений и взаимодействий между людьми, предприятиями, государственными учреждениями, задействованными в хозяйственном процессе.

Суммируя вышеизложенное, под экономическим потенциалом следует понимать совокупные возможности общества формировать и максимально удовлетворять потребности в товарах и услугах в процессе социально-экономических отношений по поводу оптимального использования имеющихся в наличии ресурсов.

Содержание экономического потенциала составляют два компонента: объективный – совокупность трудовых, нематериальных, материальных и природных ресурсов, вовлеченных и не вовлеченных по каким-либо причинам в производство и обладающих реальной возможностью участвовать в нем; субъективный – способности работников, коллективов к использованию ресурсов и созданию максимального объема материальных благ и услуг и способности управленческого аппарата отрасли, региона, хозяйственной системы в целом к оптимальному использованию имеющихся ресурсов.

Для оценки экономического потенциала регионов следует учитывать следующие показатели:

1. Географический потенциал.
2. Человеческий потенциал.
3. Природно-ресурсный потенциал.
4. Производственный потенциал.
5. Продуктовый потенциал.

Анализ публикаций по проблеме оценки потенциала (1–4) выявляет ее слабую проработку на уровне регионов. Вместе с тем указанная проблема является очень важной, так как экономический потенциал – общее состояние, общие закономерности развития государства, регионов.

Географический потенциал

Республики Хакасия и Тыва расположены в южной Сибири. Площадь занимаемых ими территорий – соответственно 61,9 и 170,5 тысячи квадратных километров. Плотность населения на 1 кв. м составляет соответственно 9,4 и 1,8 человека. Обе республики – национально-территориальные единицы, входящие в состав Российской Федерации. Кроме того, Республика Тыва является территорией-анклавом, граничащей с Монгoliей. Расстояние от столицы России города Москвы до этих республик составляет 4,5–5 тыс. км.

Человеческий потенциал

Сердцевину экономического потенциала обеих республик составляют ее люди. Численность населения Тувы и Хакасии (*на начало года*) характеризуется следующими показателями (табл. 1):

тыс. чел.

Регионы	1991	1996	2002	2002 г. в % к 1991	Тенденции	
1. Республика Хакасия	577	586	576	99,8	98,3	снижение численности
2. Республика Тыва	307	309	310	101,0	100,3	рост незначительный
Для сравнения: Красноярский край	3159	3106	3015	95,4	97,0	снижение численности

Тенденции развития территории по численности населения имеют следующие направления: если в Туве численность населения незначительно растет, то в Хакасии характеризуется незначительным снижением; в соседнем Красноярском крае – снижением численности.

Причины такого развития территорий рассмотрим с помощью так называемого ИРЧП – индекса развития человеческого потенциала. Индекс определяют следующие показатели, характеризующие основные аспекты жизни общества:

1. Физическое состояние людей, их долголетие (показатель – средняя ожидаемая продолжительность жизни).

2. Духовное и интеллектуальное развитие людей (показатель – уровень образования, рассчитываемый на основе двух элементарных показателей):

- а) доля грамотных среди взрослого населения;
- б) средняя продолжительность обучения.

3. Материальная обеспеченность людей, реальные доходы на душу населения с поправкой на покупательную способность и равномерность распределения доходов в обществе.

Аналитические расчеты показывают, что по индексу развития человеческого потенциала между территориями также имеются некоторые различия (*табл. 2*).

Индекс развития человеческого потенциала в динамике

Регионы	ИРЧП		Рост (+, -)
	1999 г.	2001 г.	
Республика Хакасия	0,650	0,680	+0,03
Республика Тыва	0,577	0,606	+0,029
Красноярский край	0,770	0,754	-0,016
В среднем по России	0,747	0,775	+0,028

Для динамики региональных различий ИРЧП за 1999 и 2001 годы характерен рост показателей в целом по России и ее регионам. Для Тувы и Хакасии характерно умеренное продвижение по росту ИРЧП. Причинами роста является высокий уровень доходов, который компенсирует незначительное снижение индекса долголетия. Изменением противоположного направления стало снижение вниз по шкале ИРЧП прежде достаточно благополучного региона – Красноярского края, где высокий индекс образования населения не способен компенсировать снижение долголетия и доходов населения.

В перспективе изменения индекса будут, вероятно, связаны с динамикой повышения реальных доходов населения. В худшем варианте – при наступлении очередного кризиса число регионов с относительно высоким ИРЧП будет сокращаться, а дистанция между лидерами и остальными регионами будет

нарастить. При лучшем варианте – стабилизации экономики – произойдет повышение коэффициента потенциала, что позволит уменьшить различия между лидерами и следующей за ними группой регионов с минимальным ИРЧП. Но об этом следует говорить с большой осторожностью, т. к. для этого необходима целенаправленная политика федерального правительства по перераспределению средств в пользу этих регионов.

Природно-ресурсный потенциал

Природно-ресурсный потенциал:

1) способность природных систем без ущерба для себя отдавать необходимую человечеству продукцию или производить полезную для него работу в рамках хозяйства данного типа;

2) в более узком понимании – доступная для данных технологий и социально-экономических отношений совокупность природных ресурсов.

Республика Хакасия располагает следующими природными ресурсами: железной рудой, каменным углем, золотом, мрамором, керамзитом и другими, а Республика Тыва – цветными и редкими металлами, каменным углем, ртутью, золотом, асбестом, железными рудами, лесными ресурсами.

Обе республики богаты природными ресурсами, но для их разработки, добычи и переработки, транспортировки необходимы крупные инвестиции. Приход крупных инвесторов на рассматриваемые территории позволит обеим республикам поднять свою экономику на более развитый уровень.

Производственный потенциал

Производственный потенциал территории – это экономическая категория, которая характеризует реальный объем продукции, который возможно произвести при полном использовании имеющихся ресурсов, либо это имеющиеся и потенциальные возможности производства при освоении определенных видов ресурсов. В то же время данный потенциал характеризует уровень и конкурентоспособность производства.

Его индикаторами служат:

- объем валового регионального продукта на душу населения;
- индексы физических объемов производства и капитальных вложений;
- темпы развития малого и среднего бизнеса;
- доходность расположенных на территории предприятий и учреждений;
- уровень рыночных преобразований в реальном секторе экономики, который характеризует доля частной и акционерной собственности в реальном секторе, степень монополизации отраслей материального производства и другие.

Республика Хакасия в рейтинге регионов по производственному потенциалу занимает 9-е место, а Тыва – 25-е среди регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Лидерами здесь являются Республика Саха (Якутия), Томская, Челябинская, Свердловская и Новосибирская области.

Продовольственный потенциал

Важную роль в социальном развитии любой территории занимает продовольственный потенциал региона. Это также интегрированный показатель развития сельского хозяйства пищевой и перерабатывающей промышленности. Его индикаторами служат:

- доля продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте;
- индексы физических объемов производства и капитальных вложений;
- удельный вес убыточных предприятий сельского хозяйства в общем объеме;
- сбалансированность питания населения, в к/кал.;
- доля продуктов питания в структуре потребительских расходов (%) и другие.

Рейтинг республик Хакасия и Тыва по продовольственному потенциалу составил соответственно 16-е и 20-е места. Лидерами здесь являются Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области, а также Республика Бурятия.

Перспективы развития экономического потенциала территории

При рассмотрении перспектив дальнейшего развития двух регионов необходимо учитывать реалии настоящего периода и возможные изменения, которые могут произойти в недалеком будущем. С помощью данных факторов региональная политика должна строиться с учетом нескольких вариантов развития.

Первый – с учетом проводимой в стране административной реформы. В числе основных задач ее внедрения является укрупнение регионов и создание новых территориальных единиц. На юге Восточной Сибири инициатором такого объединения выступает Красноярский край, который готов уже сегодня присоединить Таймырский и Эвенкийский АО и две национальные республики – Туву и Хакасию. Целью такого объединения является повышение престижа и конкурентоспособности Красноярского края как самого крупного субъекта Федерации и как одного из регионов-доноров, а также возможности особого расположения федеральных властей в плане вложения крупных финансовых ресурсов на данную территорию в обмен на высокие ежегодные темпы валового регионального продукта и возможности стать локомотивами нового экономического подъема России. На сегодня властей края интересует только данный аспект. Их сегодня не интересует, что же получают взамен вошедшие в данную когорту территории, как улучшится их социально-экономическое положение и что получит население данных территорий. Улучшатся ли уровень и качество жизни населения?

Второй вариант возможен при существующем на сегодня состоянии политических и экономических отношений всех субъектов Федерации.

Если исходить из того, что каждый субъект Федерации имеет свой экономический потенциал и свои возможности дальнейшего развития территории, то каждая территория может выбрать ту стратегию развития на краткосрочный или долгосрочный период, которая позволила бы ей иметь свои собственные преимущества

по сравнению с другими. При этом все прекрасно понимают, что возможности для энергичного и поступательного развития у каждого региона России есть. Только в силу разных причин они остаются неиспользованными. А может, не хватает идейной основы для претворения в жизнь намеченных планов? Ответ прост – это патриотизм, любовь к своей стране, родному очагу, присущие каждому из нас от рождения.

В региональной политике примером может стать Республика Чувашия. Это бедная природными ресурсами дотационная территория, в которой происходят добрые перемены в жизни людей. Причем эта очевидность круто замешана на политической воле президента Николая Федорова. Его идеология строится на следующих принципах: «Мы – не очень богатые, но сильные и энергичные. Мы способны на многое даже при отсутствии сырьевых ресурсов. Мы надежны». И эта идеология работает и будет работать. Вот в этом и проявляется амбициозный патриотизм лидера Чувашской республики, и он работает на улучшение взаимодействия власти и общества, а значит и на улучшение уровня и качества жизни населения.

Третий вариант заключается в использовании зарубежного опыта Европейских стран. Европа научилась ценить силу и самостоятельность каждого региона. К проблеме сильных и слабых территорий там подходят по-иному. Там они хотят добиться равенства в богатстве, а не в бедности. Например, в мае 2001 года руководители четырех наиболее развитых территорий европейских регионов – Ломбардия (Италия), Баден-Вюртемберг (Германия), Рона-Альпы (Франция) и Каталония (Испания) выступили с инициативой под названием «Четыре мотора для Европы». Смысл инициативы состоит в том, что каждый из богатых регионов смог бы взять «на буксир» бедный, но потенциально перспективный регион своей страны.

Если применить данный подход для азиатской части России, то в Уральском федеральном округе три территории – Челябинская, Свердловская и Тюменская области – смогли бы вытянуть из бедности Курганскую область. В качестве «центров

роста» в Сибирском федеральном округе могут стать Томская, Иркутская и Новосибирская области, а также Красноярский край, а в Дальневосточном федеральном округе – Республика Саха (Якутия) и Сахалинская область.

Таким образом, к реализации экономического потенциала и его эффективного использования на региональном уровне следует подходить разными методами, но главным правилом «роста экономики» должно стать повышение уровня и качества жизни населения.

С. Ч. Донгак

Природа и поведенческий этикет у тувинцев

Природа и её восприятие являлись основополагающими в традиционном мировоззрении тувинских кочевников. Это проявлялось не только в материальной, но и духовной культуре, в частности, в этике и этикете, отражавших отношение тувинцев к окружающему их миру.

В этнографической литературе отношение тувинцев к природе, выраженное в поведенческих нормах, до сих пор не являлось предметом исследования. В данной статье делается попытка рассмотреть отношение тувинцев к окружающей природе через этику и этикет, поскольку в них прослеживается мировоззрение тувинцев в целом.

В основе этики и этикета лежат те или иные представления людей, у тувинских кочевников, в частности, они во многом связаны с окружающей их природой. По этой причине изучение этических норм без знания традиционных представлений тувинских кочевников об окружающем их пространстве является весьма затруднительным.

Окружающее пространство для тувинцев делилось на три взаимообусловленных и взаимозависимых мира: верхний – *Дээр-Денгер*, или *Кудай-Дээр* (Небо в смысле Само Небо), средний – *Бо Өртемчей*, или *Сарыг Өртемчей* (Этот, в смысле Земной, Видимый, или Желтый Мир), или *Оран-Делегей*, а согласно буддийской космологии *Чамбы-дип* и, наконец, нижний мир:

Тамы ораны или Эрлик ораны (Нижний Мир, или Мир Эрлика, или ад). Эти три мира, в свою очередь, являлись частью недосягаемого воображению и, по этой причине, невозможного для познания космического пространства – *Октаргай* или *Каптагай*.

Обозначенные три мира были наделены и более тонкими, невидимыми обычному глазу пластами. К примеру, в небесной сфере, понимаемой иногда как *Бурганнар Ораны* – Мир Божеств, обитали высшие божества, на Земле – разного рода духи: азабук, хей чүве, дишрең и т.д. В нижнем мире, который представлял такие виды ада как *изиг тамы* – горячий ад, *соок тамы* – холодный ад, также обитали разные виды существ. Всё в этих мирах находилось в постоянном движении и было связанным между собой. Одушевленными считались также отдельные виды растительности, деревья и даже камни. Человек в этом мире – одна из его частей, однако часть разумная в отличие, например, от животных. По этой причине на человека накладывалась определенная ответственность, поскольку от него, как существа разумного, зависело гармоничное сосуществование видимого и невидимого миров. В случае нарушения их гармонии он, как существо разумное, должен был понести наказание.

Поведение человека не только не должно нарушать порядка сверхъестественных сил, а, наоборот, должно быть подчинено им. Нарушение правил или разрушение связей с ними могло иметь неблагоприятные последствия не только для виновного, но и для его семьи, рода, земли и т.д. Благополучие человека, по представлениям тувинцев, зависело от Неба и высших божеств, которые всегда были «на его стороне». В худшем случае они могли просто «отвернуться» от него либо перестать помогать ему. Неприятности же доставались от различного рода духов, постоянно обитавших вблизи человека, что и заставляло его быть всегда начеку. Едительность проявлялась прежде всего в соблюдении различного рода запретов, совершении определенных ритуальных действий, а также соответствующего поведения в повседневном быту.

Так, традиционный этикет требовал уравновешенного, спокойного поведения человека. Это диктовалось не только моральными нормами, но и гармонией с внешним, невидимым миром. Человек, обладавший такими качествами, считался *томуаанныг, мэзүлүг кижи* (уравновешенный, нравственный человек). В это определение вкладывались также такие понятия как рассудительный, мудрый, человечный и т. д. В зависимости от того, о ком шла речь, оно приобретало и значение покладистый или смиренный человек, причем без унизительного или уничижительного оттенка. Если, к примеру эта оценка касалась женщины, то в ней, помимо вышеуказанных качеств, имелась в виду и кротость, которая являлась положительной чертой женского характера, более того – одним из его достоинств. Смиренность тувинской женщины перед незримым миром проявлялась, например, в том, что день она начинала с окропления чаем, сваренным утром, в направлении к небу и четырем сторонам света для умилостивления божественных сил. Это делала каждая хозяйка каждый день.

В тувинском восприятии шумное, крикливо поведение было не просто неприличным и некрасивым, но и более того – оно привлекало внимание недобрых сил. По этой причине к спокойному поведению приучали детей, еще только начинавших понимать речь. Главным воспитательным методом при этом, наряду с лаской и нежностью, был запрет. Относительно маленьких детей, например, существовал запрет на беспричинный громкий плач, особенно в сумерки и ночью, поскольку в это время суток бодрствовали и были активны духи. Более того, они могли подталкивать человека на неблаговидные поступки. Чтобы не привлечь внимания ненужных сил, расплакавшегося в такое время ребенка старались быстро успокоить, иногда даже запугиванием. По этой же причине нельзя было также ругать детей, вообще ругаться, поднимать шум.

В сумерки нежелателен был и громкий смех. Это не касалось шуток и смеха в дневное время. Свист не одобрялся даже и днем. Полагалось, что он может вызвать ветер и дождь, т. е. любой звук получал тот или иной отголосок в природе. По этой причине, находясь на природе, особенно в горах, нельзя было кричать, с шумом сталкивать камни с гор, издавать резкие, грубые звуки, поскольку они могли нарушить покой местных божеств. Запреты не касались песен, горлового пения и сказок, к которым у тувинцев было особое отношение. Более того, считалось, что певцов и сказителей любят послушать «хозяева» местности, гор и т. д.

Следует сказать, что тувинцы являются исключительно музыкальным народом, у которого высоки критерии к самому голосу и к манере исполнения песни. Существовали неписанные правила относительно их исполнения. Так, согласно этикету представители имущего сословия не должны были петь. Верхушку общества услаждали пением. Того, кто обладал хорошим голосом, не просто ценили, но и любили. В этом плане выделялись исполнители горлового пения, которых окружали всеобщий интерес и внимание. Простой народ любил петь при проведении массовых и семейных торжеств. Пели и в одиночку, например, при выпасе скота. Однако одиночное пение, особенно печальное, заунывное, было нежелательным, поскольку оно могло привлечь внимание со стороны невидимых сил.

Одним из главных источников познания тувинского кочевника являлись сказки. К ним тувинцы относились с предельной строгостью – в плане слушания и запоминания их. От рассказчика требовалось немалое: точное, слово в слово, исполнение (именно так) сказки. Как было уже сказано, тувинцы полагали, что сказки любят послушать местные божества, поэтому при пересказе нельзя было допускать искажения в тексте. Особенно это касалось героических сказаний. Сказителей – *тоолчулар* окружали особым почетом и уважением. Народ отдавал должное памяти и познаниям *тоолчу*. Существовали своеобразные правила слушания сказок.

Рассказчика специально приглашали в *аал*, к его прибытию заранее готовились. Сказки рассказывались вечером, после завершения всех хозяйственных работ. В юрту, где остановился *тоолчу*, собирались даже из соседних хозяйств. При слушании сказок нельзя было шуметь, переспрашивать, засыпать и, тем более, перебивать рассказчика.

Отклик в невидимом мире получал не только звук, но и действия человека. Поэтому даже во время игр дети, например, должны были соблюдать определенные запреты. К примеру, нельзя было втыкать в землю нож, так как она считалась живой. Подобные запреты не распространялись на вспашку земли, когда необходимость этого понималась свыше, тем более, что перед началом такой работы к высшим силам обращались с просьбами и благопожеланиями.

Детям запрещалось играть в освященных местах, например, у источника воды, или подниматься без взрослых и необходимой на то причины на священную гору, трогать камни или жерди на святых для тувинцев объектах – каменной куче или конусообразно составленных жердях – *овaa*. Все это предписывалось для предупреждения необдуманных действий со стороны детей, которые могли потревожить покой местных божеств.

Подобными взглядами взращивалось не только смирение перед невидимыми силами, но и бережное отношение к окружающей природе, особенно к растительному миру. У тувинцев, к примеру, вообще не было привычки рвать цветы. Любовались живыми. Чтобы дети не рвали цветы, им говорили, что, сорвав цветок, можно разгневать небо и вызвать грозу. Почему-то это особенно связывали с цветком подорожника.

Особо обращались с деревьями. Для различных хозяйственных нужд, естественно, приходилось рубить растущие деревья. Однако перед этим совершались определенные действия: к дереву обращались с объяснением и просьбой, суть которых можно свести к следующему: «Рублю [тебя] не для того, чтобы просто срубить. Необходимость заставляет меня это сделать.

Хочу построить себе жилище, чтобы детей и себя укрывать в нем.
Өриээ, Хайыракан! ~ Прости, Хайыракан!». Или произносили речитатив, подобный следующему:

Чок болуп читпес сен,	Насовсем ты не исчезнешь,
чочагайың үнүп кээр.	вырастут твои хвойные шишки.
Барган хевээр барбас сен,	Уходя, ты не уходишь насовсем,
бай ыяш хевээр үнүп кээр ¹ .	вырастет прежнее богатое дерево.

Засохшие ветки и деревья, тем более бревна брались без каких-либо предварительных наговоров.

Особым почитанием у тувинцев окружались необычные деревья, например, такие, концы ветвей у которых пучковались. Их называли *хам ыяши* ~ дерево-шаман или шаманское дерево. Случалось также, что из одного корня вырастали разные породы деревьев, например, лиственница и береза. Они назывались *тел ыяши*. Такие деревья также считались священными. На них вешали ритуальные ленточки – *чагама*. Любой, кто проходил мимо них, останавливался и в знак внимания привязывал ленточку, оставлял монетку или какую-либо безделушку. Естественно, что возле них нельзя было шуметь, петь, трогать и тем более брать подношения.

Следует отметить особое отношение к женщенню ~ *оргаадай*, почитание которого у тувинцев граничило с мистическим страхом перед ним. Даже при простом упоминании о нем говорящий переходил на шепот. О месте произрастания его не говорилось вообще, по крайней мере во всеуслышание. По словам информантов (среди которых, к сожалению, не было очевидцев), обнаружить женщень можно было только в период цветения, ночью, когда он излучал мерцающий свет. Увидевший цветущий женщень, многократно помолившись, забивал рядом с ним колышек или огораживал его. Вернувшись домой, он снова молился, очищал себя можжевельником, доставал необходимые инструменты для выкапывания корня, а также кусок войлока или тряпицу, поскольку в открытом пространстве

к цветку не притрагивались. На месте, где рос цветок, из жердей сооружалось нечто вроде шалаша, куда мог вместиться сам человек. Перед тем как приступить к выкапыванию, взамен жизни цветка он произносил имя конкретного человека. Такова была для тувинцев цена женьшена. По словам информантов, так оно и случалось – обещанный женьшено человек вскоре умирал.

Выше уже говорилось о том, что тувинцы почитали перевалы, источники воды, отдельные горы, местность, поскольку полагали, что они имеют хозяев. Несмотря на существование специальных обрядов умилостивления их, тувинец и в обыденной жизни никогда не забывал отдать им должное. К примеру, путник, совершивший переход через перевал, в обязательном порядке останавливался там: привязывал чалама или кусочек ткани, клал камешек, бусинку, т. е. оставлял любой знак внимания. Если же через перевал перекочевывал аал, то остановка должна была быть в обязательном порядке. «Хозяину» перевала в данном случае внимание уделяли уже более основательно – с угощением и речитативом.

Тех же действий придерживались при переходе через реку. При перекочевке, особенно если надо было переправить через реку скот, в воду брызгали молоко. В этих обстоятельствах, когда к чувству поклонения перед водой примешивался элементарный страх, к хозяину или хозяйке воды (в зависимости от местных представлений), обращались напрямую, поскольку погружение человека в реку уже означало загрязнение воды и наказание могло постигнуть человека тотчас. Существовали специальные речитативы при переправе через реку. Один из них, например, звучит так:

Дыка сыйык дээш,
таварбадым.
Дажыг дээш,
дадагалзавадым.
Ада-өгбем изел каан
авыралдыг кежиим-дир сен.

Не иду напролом,
думая, что очень мелко.
Не засомневался,
думая, что [текущее] бурное.
Моими предками проторенная,
ты мое спасительное благо.

Теренциң сыйгадып,
шапкының оожургадып,

көвүрүүнгө хөгледип,
чалгың-бile чайгап
көжир, хайыракан!²

Глубину [свою] убавив,
стремительность [свою]
успокоив,
на мосту [своем] устроив,
вояною [своей] укачивая,
переправь, хайыракан!

Умилостивляющие обряды устраивались также хозяевам источника воды, горы, тайги, местности. Обряд, посвященный, например, источнику воды, назывался *сүг бажы дагыры*. Его приурочивали к роспуску зелени. Главной целью обряда было испрашивание у хозяина воды дождя и, следовательно, богатого урожая и плодородных пастбищ. К хозяину обращался кто-либо из священнослужителей – лама или шаман. Собравшиеся приносили в основном молочную и растительную пищу. Мясные продукты, почетные при других обстоятельствах, здесь были нежелательны, а в отдельных местах, особенно где были сильны буддийские традиции, – попросту запретными.

Надо отметить, что тувинцы вообще очень осторожно обращались с водой и тем более – с её источником. Собравшиеся поклониться садились не только поодаль от него, но и ниже того места, откуда исходил источник. Подходили только к дереву, которое росло возле источника, чтобы повязать ритуальную ленточку или положить к его подножию ритуальную пищу. Территория в пределах примерно 50 м от источника считалась чистой, поэтому на ней нельзя было срывать цветы, собирать ягоды и, тем более, срубать деревья. В последнем случае, по словам информантов, хозяин воды обязательно реагировал и, естественно, не в пользу виновника.

Такой же характер умилостивления носили обряды *оваа дагыры* – освящение *оваа*, *даг дагыры* – освящение горы, *тайга дагыры* – освящение тайги. Помимо общих *оваа*, у тувинцев существовали и родовые, которые назывались, к примеру, *хертектер оваазы* – оваа хертеков, *кыргыстар оваазы* – оваа кыргысов и т. д. В начале XX века, по словам

информантов, чаще всего на обряд *овaa дагыры* приглашали буддийских священников. Внутри *овaa*, сделанного в виде шалаша, устанавливали столик, на который ставили изображение какого-либо божества. В чашечки перед ним накладывали различные виды подношений. При проведении обряда придерживались определенных запретов. Это касалось женщин, а также девушек, достигших половой зрелости. Например, если *овaa* был установлен на возвышенности, то обычай запрещал женщинам подниматься на неё. Окончания церемонии они дожидались у подножия горы. Предубеждение против женщин как существ «нечистых» существовало практически у всех народов мира. Не миновало оно и тувинок, о чем свидетельствует вышесказанное. Кроме того, при обряде *овaa дагыры* мужчинам и женщинам запрещалось сидеть рядом. Нельзя было располагаться и близко к *овaa*. В том случае, когда *овaa* был установлен на ровной местности, перед началом церемонии мужчины и женщины садились в два отдельных ряда.

При освящении горы или тайги «хозяину» в качестве подношения использовали, как правило, коня. Освященное животное становилось собственностью местного божества, поэтому с этого времени на него нельзя было садиться верхом, а женщинам запрещалось даже прикасаться к нему. Нередко бывало так, что в семье без видимой причины вдруг кто-то заболевал. Приглашенный священнослужитель мог сказать, что заболевший нанес вред, к примеру, духу воды. В таком случае для хозяина воды устраивался какой-либо умилостивляющий обряд с посвящением ему какого-либо животного, чаще – мелкого рогатого скота. Этим снималась вина перед хозяином воды.

Следует также отметить отношение тувинских кочевников к животному миру, прежде всего – к домашнему скоту. Несмотря на чисто рациональный подход к содержанию животных отношение тувинцев к скоту, особенно к его заботе, было наполнено осмысленным содержанием, в основе которого лежало сознание того, что в конечном итоге за это придется

ответить, но уже на другом, более высшем уровне, поэтому забой животного сопровождался определенными действиями. Тушу, например, разделяли строго по суставам, не повреждая кость поперек, а её случайное повреждение, как правило, вызывало упрек. Даже нож, с помощью которого разрезалось мясо перед употреблением, клали не поперек кости, а только вдоль. Особенно этого придерживались перед гостями.

Не проливали тувинцы и кровь забиваемого животного, кроме верблюжьей, которую они не употребляли в пищу и поэтому давали ей стечь. Разделявая тушу самки и отсекая например, матку, к ножичку прикладывали травинку, говоря при этом *мен эвес, сиген кыйынты* – не я, а травинка задела [матку], или *сиген кезип тур мен* – травинку срезаю.

Существовали своеобразные запреты и при употреблении мяса. Так, нельзя было одному съедать мясо от лопатки, считалось, что сделавший это когда-нибудь заблудится. Поэтому мясо от лопатки разделялось между всеми сидящими за трапезой. Тот, кто раздавал кусочки мяса, говорил при этом:

Чарын союндаан чааскаан чивээн мен, Чанымда эжимге кара будүү бодап көрбээн мен ³ .	Мясо от лопатки я не один ел, О рядом сидящем плохо не думал.
---	--

Детям и женщинам не полагалось есть селезенку, т.к. она считалась мужским блюдом. Такой же являлась часть кровяной колбасы – *хан бажы*. Её подавали хозяину юрты, в его отсутствие – старшему сыну или внуку.

Даже обглоданные кости просто так не выбрасывались. К примеру, трубчатые кости, в которых находился костный мозг – *чилиг*, обязательно разбивали. Мозг съедался, и только затем уже кости отдавали собакам.

Когда забивали крупный рогатый скот, происходило действие, называемое *молдурук алгаары* – воспевание шейного позвонка. Сваренный позвонок подавали тому, кто забил животное.

Обглодав его, он пропускал в позвоночное отверстие пучок травы с салом. Затем, расправив траву наподобие крыльев, он брал кость, подходил к двери и, совершая круговое движение по часовой стрелке, произносил призыв благополучия и счастья: «*Курай, курай, курай!*» Наконец он клал кость в огонь, приговаривая при этом благопожелания, смысл которых сводился не только к оправданию перед забитым животным, но и к тому, что скот будет размножаться.

Сакральной считалась также локтевая кость овцы – *кыры*. Она, по поверьям тувинцев, не только приносила благополучие, но и оберегала хозяев от несчастий, по этой причине локтевую кость овцы, которую первой забили на зимнике, вешали над дверью юрты.

Определенные действия существовали и в отношении предметов, с помощью которых забивались животные. Например, топор, которым было оглушено животное (крупный рогатый скот, иногда лошадь), заворачивали в какое-либо полотнище на три или семь дней. По словам информантов, это объяснялось тем, что после совершённого действия топор становился «тяжёлым», т.е. нечистым. Завернув в полотнище на несколько дней, его «успокаивают», очищают на астральном уровне. На столько же дней и по той же причине заворачивали и нож. Этими действиями заглушалась вина перед забитым животным.

Следует сказать, что на три или семь дней заворачивали в тряпицу и ножичек, с помощью которого холостили скот. В отличие от вышеприведенных примеров, действие в отношении к такому ножичку называлось *чылыглап каар* – утеплить (укутать) ножичек. Предполагалось, что если не сделать этого, то не будут заживать ранки у животных.

Во всех этих действиях был заложен большой смысл: уважение и благодарность своему скоту, оправдывание перед ним за совершаемый вынужденный проступок, объяснение перед высшими силами и т. д. Если же учесть то, что тувинцы были буддистами, то соответствующие действия заключали в себе еще более глубинное содержание.

У тувинцев был выработан и целый комплекс поведенческих запретов на бытовом уровне, например, относительно поведения человека в юрте, что в общем-то также было обусловлено воззрениями астрального порядка. Как и у ряда кочевников, юрта тувинцев условно делилась на мужскую и женскую половины: левая от входа считалась мужской, правая — женской. Гости всегда усаживались в левой части юрты. Уважаемого гостя приглашали в центральную часть юрты — противоположную от двери. Хозяину не возбранялось сидеть и на женской половине, когда, к примеру, в юрте было много гостей. Однако если хозяевами юрты была, допустим, семья сына, то свекру ни в коем случае не позволялось ступать на женскую, в данном случае невесткину, часть. Об этом, к примеру, можно судить по статье, напечатанной в газете «Шын» собирателем тувинского фольклора Ч.Чапом⁴. Так, он сам, будучи ребенком и находясь на женской, материнской стороне юрты, стал пить керосин, содержавшийся в керосиновой лампе. Находившийся с ним в это время дед со стороны отца, не смог отнять у ребенка сосуд только потому, что малыш находился на женской, в данном случае, невесткиной половине юрты. Единственное, что он мог сделать, — это только звать на помощь других. Такова была сила этикета, основанная на понятии того, что за всем, что творилось вокруг, «наблюдалось».

Немало было запретов и относительно поведения невестки. Так, ей запрещалось показываться перед свекром и другими мужчинами-родственниками мужа без головного убора или босоногой. Даже в самую жаркую пору при мужчинах ей не полагалось снимать головной убор или обувь. В юрте свекра и свекрови она не должна была ступать на мужскую половину и т.д.

Вообще тувинским женщинам полагалось придерживаться многих запретов. О некоторых из них, касавшихся поведения женщин, например, на святых местах, уже было сказано. Особо она должна была вести себя и по отношению к реке. Ей, к примеру, не позволялось полностью окунаться в ней: омовение она должна была совершать, только набрав воды в посуду.

Выше также было сказано, что исполнителя горлового пения окружали всеобщей любовью. Это касалось мужчины. Со стороны же девочки (взрослая женщина не делала этого) даже простые попытки исполнить горловое пение пресекались со всей строгостью. По словам информанта О. Маржымала, горловое пение – это чисто мужская прерогатива, угодная божествам, и девушка, нарушившая порядки высших сил, накликала беду на мужчин своего рода. По этой причине традиционно тувинцы не просто строго, а с негодованием останавливали нарушительницу этого порядка.

Этикет, основанный на ряде запретов, соблюдался также и в отношениях «хозяин – гость». При кочевом образе жизни, когда круг общения замыкался в общем-то членами одного хозяйства – *аала*, любой путник являлся желанным гостем. Гостю при этом полагалось придерживаться ряда правил, которые в целом сводились к запретам. Например если он ехал верхом на лошади, то приближаясь к *аалу*, должен был спешиться, не доезжая примерно 50 м до ближайшей юрты. Входя в юрту, снаружи он должен был оставить ружье, если оно было при нем. Вынимался также нож из ножен и держался свисающим вниз. Острие ножа у тувинцев вообще не полагалось даже на короткое время поднимать вверх, по направлению к небу.

Со стороны же хозяев этикет не позволял задавать вопросы относительно имени гостя, его возраста и т. д. Все это раскрывалось постепенно, в ходе разговора, первостепенной же задачей хозяев было накормить гостя, предложить ночлег.

При госте дети не должны были шуметь, присутствовать при разговоре и тем более вмешиваться в него. Кроме того, детям запрещалось проходить перед взрослыми. При необходимости они должны были обойти человека сзади. Этого правила придерживались в отношении не только гостей, но и всех взрослых в семье, особенно пожилых и старых людей.

Таким образом, в тувинском мировосприятии человек являлся частью природы, населенной разумными божествами и духами разного уровня. И поскольку этот невидимый мир

сильнее человека, он подчинялся ему. Это проявлялось прежде всего в смиренности, которая выражалась в соблюдении разного рода запретов. По представлениям тувинских кочевников, именно смиренное поведение способствовало гармоничному существованию с окружающим миром. Помимо смиренности, от человека требовалось и поклонение невидимому миру, для чего были выработаны целые циклы обрядов, направленных на умилостивление божественных сил. Такое воззрение тувинского кочевника исходило из его практического опыта, а именно кочевого образа жизни, благополучие которого полностью зависело от окружающего мира, главным образом, природно-климатических обстоятельств. Будучи полностью зависимым от природы и климата, кочевник окончательно уверовал во взаимозависимость окружающего мира и человека, поэтому мировосприятие тувинских кочевников зиждалось на целостности окружающего мира.

Примечания

1. Тыва улустуц алгын-йөрээлдери. – Кызыл, 1990. – С. 64.
2. Там же. – С. 86.
3. РФ ТИГИ, т. 57, д. 253, л. 69.
4. Шын, 18 декабря 1993.

Л. К. Хертек

Обряд саска дагыры у тувинцев

В обстановке быстрых изменений, произошедших в современном мире, особый интерес приобретает всестороннее изучение традиционной культуры тувинцев. За последние несколько десятков лет в результате кардинальных преобразований в социальной структуре, хозяйственной деятельности и быте многие её элементы утеряны, забыты, а в некоторых случаях остались лишь фрагменты воспоминаний очевидцев, записанные исследователями, однако не введенные до сих пор в научный оборот. Существуют также отдельные упоминания об элементах культуры в записях путешественников, посещавших Туву в конце XIX – начале XX века.

Как известно, традиционная культура любого народа складывается в течение многих веков и представляет собой целостную систему, состоящую из структурно и функционально взаимосвязанных элементов.¹ В сфере духовной культуры «элементы новой культуры не сметают и не сменяют элементов старой, а проникают в нее, уживаются с ней, вступают в различного вида соотношения (синонимии, дополнительного распределения, вариантиности и диалектности в географическом плане)».² Поэтому имеется возможность воссоздать некоторые обряды и лежащие в их основе мифологические представления тувинцев посредством комплексного анализа отдельных элементов, зафиксированных в архивных материалах и трудах исследователей, путешественников, в контексте всей культуры.

В данной статье впервые сделана попытка изучения обряда *саска дагыры* (коллективные моления *саска*), бытовавшего в Туве до 30-х годов XX в., выявления в нем элементов, присущих буддизму и традиционной культуре тувинцев, анализа его религиозно-мифологических основ.

В воспоминаниях очевидцев подчеркивается, что обряд *саска дагыры* проводили только ламы. Однако мотивация, время и место проведения, а также структура и предметная сторона обряда показывают, что в данном случае мы имеем буддийское наслаждение на традиционную основу. Как известно, процесс распространения буддизма в Центральной Азии, в частности в Туве, носил двусторонний характер. С одной стороны, буддизм оказывал определенное влияние на традиционную культуру, с другой, буддийская бытовая обрядность претерпевала некоторые изменения в зависимости от особенностей той обрядовой системы, на которую она накладывалась. Так как культура сама по себе представляет интегрированную систему, происходило не простое наслаждение элементов одной культуры на другую, а взаимопроникновение не только отдельных элементов, но и их внутрисистемных связей. На начальных этапах взаимодействия буддизма и традиционной культуры тувинцев определяющая роль

принадлежала системе традиционной культуры, поскольку новое проникает в установившуюся и функционирующую систему только при условии, если в данной среде имеется «благодатная почва для заимствования: ведь если такая основа не развилаась на собственной почве, то не может быть и заимствования, ибо не выработалась потребность в необходимости заимствования».³ Если же имеются причины и предпосылки для заимствования, то в результате взаимодействия в течение определенного времени появляется новая система, синкретическая по своей структуре и содержанию.

В тувиноведческой литературе до настоящего времени обряд *сасска дагыры* не был освещен. Некоторые сведения о проведении данного обряда имеются в материалах Рукописного фонда ТИГИ⁴, из которых следует, что он не был распространен повсеместно, а зафиксирован только в земледельческих районах центральной и западной Тувы.

Обряд *сасска дагыры* подробно описан в материалах Чая-Хольской фольклорной экспедиции 1963 года на тувинском языке⁵ и совместной тувинской историко-культурной экспедиции ТНИИЯЛИ и Института этнографии АН СССР (СТИКЭ) 1983 года на русском языке⁶. Обряд проводили во время роста колосьев (*тараа баш тыртын турап үеде*), т. е. в конце июня – начале июля. Культовое сооружение в виде небольшого домика, называемое *сасска* очевидцами проведения обряда, находилось на открытой возвышенности (гора, холм, сопка). По данным А.Ч. Ашак-оола со слов информанта Т. Б. Топула, *сасска* сооружается в местах, где имеются большие магистральные каналы – обычно на горах у основания каналов. Следует также отметить родовой характер этих молений – на Чая-Холе были *сасска* Тюлюшай, Улуг-Тюлюшай (в местечке Бош-Даг), Адыг-Тюлюшай (в местечке Чус-Терек Караг-Тала), Монгушай, Кыргысов (в Эйлиг-Хеме) и т. п.⁷ Однако впоследствии родовой характер бытования обряда утратил свое значение, так как, по воспоминаниям информаторов, на гору, где находилась *сасска*, во время проведения обряда

поднималось так много людей, что ее почти не было видно, — на празднике участвовали все жители Чая-Холя и араты соседних близлежащих сумонов⁸, т.е. представители разных родов.

Подготовкой обряда занимался так называемый начальник оросительного канала *буга даргазы*, руководящий всеми земледельческими работами. О празднике извещали за несколько дней, готовили обильное угощение для жертвоприношения и для празднества, ритуальные жертвоприношения (*чалама*, *кадак* и пр.), обязанности распределял *буга даргазы*.

Обряд проводили ламы, читали священные книги — сутры на тибетском языке. Информаторы сообщают, что произносились также молитвы на тувинском языке, краткое содержание которых сводилось к следующим заклинательным выражениям: «*Улуг-Хемим, тайга-сыным, өршээ! Чон амыдыразын, тараа чаагай болзун! Хар-долу дүүшпезин, вскээр барзын, чыс чагзын!*» (букв. ‘Помилуйте, Улуг-Хем мой, тайга и хребты мои! Пусть народ живет (счастливо), будет хороший урожай хлеба. Пусть пройдут стороной град и снег, пусть пойдет дождь!’).⁹ Не указывается, кем произносились моления, однако можно предположить, что это был либо начальник оросительного канала *буга даргазы* (иногда его называют *тараа даргазы*), учитывая его большую роль в процессе подготовки и проведения данного обряда, а затем и выделения части зерна ламе за проведенный обряд, либо старейшина рода или уважаемый почтенный старец. На празднике устраивались спортивные состязания, которые были традиционными при коллективных молениях тувинцев: конные скачки *аът чарыжы* и борьба *хүреш*.

Ритуальное оформление *саска* мало чем отличается от оформления других культовых сооружений тувинцев. Впереди *саска* на расстоянии двух метров устанавливали на земле два шеста *өрген ыяши*, *чалама ыяжы* (диаметром около 15 см, высотой 4–5 м), расстояние между которыми 3,5 м. Между ними натягивали волосянную веревку *чеп хендир*, на которую развесивали пучки волос конской гривы, разноцветные тканевые и бумажные ленточки *чалама*, кожаные ленточки

дадаазын, обрядовые шелка в виде шарфа *кадак*. Внутри культового сооружения находились изображения божеств *бурган*,¹⁰ ламы зажигали лампадки *чула*, изготовленные из теста, и раскладывали жертвенную пищу¹¹. В долине Оргу-Шөл, недалеко от входа в ущелье на левом берегу Эйлиг-Хема, внутри бревенчатого срубного домика *саска* были помещены деревянные фигуры барана-производителя и рогатого быка, а внутри дощатой крыши – куча камней¹², представлявшие собой символические жертвоприношения.

«Результативная направленность» (по Н. И. Толстому) данного обряда, по словам информаторов, состоит в призывании верховного божества, чтобы он ниспоспал людям здоровье, обеспечил хороший урожай зерна, благоприятную для него погоду – послал своевременные дожди, предотвратил град и ранние заморозки¹³. Исходя из этого, можно предположить, что адресат обряда, от которого зависит кроме всего прочего и погода, обитает на небе, к тому же его называют верховным. Он приглашается на культовое сооружение, обычно имеющее вид жилища (каменный или срубный домик, шалаш из молодых ветвей тальника или ивы), на время проведения обряда, здесь ему готовят жертвоприношения. Место проведения обряда – возвышенность у основания оросительного канала. Сроки проведения обряда – во время колошения зерна, т. е. моления о дожде приурочены к засушливому периоду во второй половине июня, по другим данным – в конце июля (с целью предотвратить град, ранние заморозки).

Несмотря на то, что данный обряд проводили ламы и название обряда имеет санскритское происхождение, о чем будет сказано ниже, все же анализ всего обрядового текста позволяет сделать вывод, что он частично ассимилировал в себе черты обряда освящения оросительного канала, традиционно проводимого во время созревания колосьев. Об этом свидетельствуют такие коды обряда, как проведение его во время колошения зерна на возвышенном месте, откуда берет начало магистральный канал *буга бажы*, определенными родоплеменными группами;

подготовительные работы к обряду проводил руководитель работ по оросительному каналу *буга даргазы* (он же распределял поля, отвод каналов), выделял ламе часть урожая от каждой семьи; ритуальное оформление культового места традиционно, в том числе и наличие деревянных фигур барака-производителя и рогатого быка как символов плодородия в самом широком смысле этого слова. Функцию обращения к божеству дублирует по-тибетски лама, в то время как традиционное моление с просьбой о благополучии остается в силе. Что же тогда нового, кроме чтения тибетских сутр и использования буддийских ритуальных атрибутов, привнес буддизм в традиционный земледельческий обряд тувинцев? Что представляет собой *саска*, есть ли буддийские эквиваленты данному культовому сооружению и понятию, вкладываемому в термин *саска*? По какой причине стало возможным объединение двух культур в данном обряде?

По материалам Чая-Хольской экспедиции, *саска* как культовое сооружение встречается в виде: 1) небольшого храма (мавзолея) из каменных плит (гора Баш-Даг); 2) небольшого срубленного домика из бревен с дверью, крыша двускатная, дощатая (по конструкции напоминает традиционные жилые и хозяйственные постройки тувинцев, сохранившиеся в Улуг-Хемском кожууне, размерами «чуть большие тувинского сундука *аптара*»)¹⁴.

В материалах Чая-Хольской экспедиции отмечена одна очень интересная деталь Эйлиг-Хемского *саска* – на двускатной крыше серии на самом верху фронтальной части установлено деревянное изображение полумесяца (луна на ущербе)¹⁵. Вполне вероятно, что данное изображение – не простой декор, а имеет глубоко символическое значение, так как является частью культового сооружения, связанного с оросительным каналом (водой).

В религиозно-мифологических воззрениях многих народов известна связь луны (месяца), быка и воды. Сивый бык *Кэк Буга* является хозяином водных объектов у тюрksких народов, в том числе и у тувинцев. Как отмечает М. И. Боргояков, у тюрков

бык ассоциируется с понятиями «вода», «река» и «плодородие», его мифологический образ связывался с источником воды, дающим жизнь. В некоторых случаях понятия «бык» и «река» совмещались, так как, по представлениям древних, бык обитал в воде, в реке¹⁶. В связи с этим интересно отметить, что название реки Ус, знакомое нам в русской графике, в устах тувинцев, проживающих в той местности, звучит как *Үүс*¹⁷, что можно сопоставить с тюркским названием быка *үгүс* или *өгүс*, как вариант с выпадением интервокального согласного (эта же основа содержится в гидронимах Бирюса, Минуса). У тувинцев совмещаются понятия «бык» и «магистральный оросительный канал» – обозначаются одним словом *буга*, в обрядах освящения канала *буга бажы дагыыр* и *буга дагыыр* в жертву приносили сивого или черного быка. Жертву закалывали особым способом – связанного быка заводили в воду, голову его опускали в воду и надрезали в области шеи так, чтобы его кровь капала в воду. Кровь постепенно растекалась и расходилась по полям, что должно было обеспечить их плодородие¹⁸. Хозяину быка убыток возмещали зерном все участники обряда¹⁹. Впоследствии под влиянием буддизма кровавую жертву заменили бескровной – из муки, смешанной с топленым маслом, лепили фигурку быка и закапывали ее в основание канала головой вверх по каналу, в том направлении, откуда текла вода²⁰.

В связи с вышеизложенным кажется чрезвычайно интересным условие, при котором можно победить Сивого Быка в алтайском эпосе «Малчи-Мерген». Жена богатыря Малчи-Мергена учит мужа, как одолеть быка: Малчи-Мерген не должен подходить к Синему морю при *ущербной луне* (курсив мой. – Л.Х.) – тогда Сивый бык одолеет его, подходящим же временем является ночь полнолуния, когда Сивый Бык будет спать²¹. В данном случае очевидна ассоциативная связь быка с луной, при молодом месяце его рога только начинают отрастать, при ущербной луне – рога полны сил, а при полной луне рогов не видно, поэтому в эпосе он, безрогий, следовательно, и лишенный сил, спит.

Таким образом, деревянное изображение луны на ущербе, установленное на крыше Эйлиг-Хемского саска, по всей видимости, символически связано с быком, полным сил, обеспечивающим плодородие полей, так как мифический бык связан не только с земными водами, но и с небесными. Кроме того, в мифологии тувинцев от быка, хозяина озера, повышается плодовитость крупного рогатого скота, находящегося у этого озера²². Как божество, обитающее на небе, о чем говорит его эпитет *Көк* (Сивый), имеющий также значение Небесный, он ведает погодой (ср. представления тувинцев и бурят о громе как о столкновении двух быков – сивого и пестрого). Кроме того, вполне возможно, что здесь имеет место и культ предка в образе быка-totема²³. Следует обратить внимание и на то, что в некоторых случаях на центральном столбе культового сооружения *оваа*, называемом *оваа хини* (букв. ‘пуп *оваа*’), устанавливали либо голову рогатого быка, либо его деревянное изображение²⁴ (о связи *оваа* с культом предков будет сказано ниже).

Особый интерес представляет то, что тувинцы термином *саска* называют не только вышеуказанные культовые сооружения. В словаре дано следующее толкование: *саска* уст. 1) куча плоских камней, сложенных в виде какой-либо фигуры (*обычно на горе*); 2) каменный саркофаг²⁵. В первом томе «Истории Тувы» слово *саска* употреблено для обозначения жертвенника, по описанию напоминающего один из видов *оваа*, указано, что во время проведения летних молений небу и горам «на горе, где освящали ыдыка-лошадь или ыдыка-быка, устраивали жертвенник (*саска*) в виде шалаша из молодых деревьев и хвороста (курсив мой. – Л. Х.), перед которым молились не только шаманы, но и ламы, а иногда и те и другие одновременно»²⁶. Ф.Ш. Сегленмей говорит о маленьком доме типа буддийской часовни *дуган*, внутри которого находятся изображения божеств²⁷.

В художественной литературе слово *саска* встречается в произведении К.-Э. К. Кудажы при описании трагических событий 30-х годов прошлого века, когда сжигалось все

относящееся к религии: «Ол дуне Баян-Сагаан қырында саска чалбыштылып турда, өөнүн хөлөгезинге чаштып алгаш, Чүрек-Кадай ийи холун тейлей туткаш, ак хаваан кара черге төккүледир үзүп-ле орган.

— Ой, бурган кончуксун²⁸! Бак-ла чүве ыңай турзун...»²⁹.

Из текста видно, что горело деревянное сооружение, следовательно, упоминаемое *саска* здесь также относится к культовому сооружению.

У Степана Сарыг-оола слово *саска* встречается в другом контексте, связанном с описанием ритуальных предметов, применяемых ламами при проведении похоронного обряда: «Өт иштинде хамык-ла бурган-чудээн, дагыл-балың, үруме, *саска* (курсив мой. – Л. Х.) делгээш, чула-күжүүн кызыскаш, шаң, кенгиргезин аскаш, хамык лама олуурпкан»³⁰. После проведения обряда с чтением сутр ритуальные предметы, в том числе и *саска*, уносят вместе с телом покойной на кладбище³¹. В данном случае *саска* представляет собой один из атрибутов похоронного ритуала; здесь не дается его описание, однако из контекста видно, что это не похоже на культовое сооружение в виде жилища, так как перечисляемые в тексте ритуальные предметы установлены на алтаре.

В материалах Рукописного фонда ТИГИ имеются сведения, что словом *саска* обозначали глиняные фигуры, для изготовления которых применяли специальные латунные формы с надписями. Форму заказывали кузнецам. После высыхания глиняную фигуру вынимали и устанавливали надписью вверх на доски³². В Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартынова в основном фонде под номером 402 хранится вывезенная из Тувы «*сацца*» – глиняная пирамида с квадратным основанием, с орнаментом из черточек. Указано, что «*сацца*» делается также и из свинца, употребляется в качестве искупительной жертвы за всякий недозволенный поступок. В 1981 году от К. М. Дөртен-оола из Бай-Тайги в Рукописный фонд ТИГИ поступила, как написано в акте принятия и в инвентарной книге, бронзовая форма *цаца*.

Она записана как мунгаты под инвентарным номером 45 этнографического фонда и представляет собой глиняную пирамиду с квадратным основанием 8,5x8,5 см, высотой 6,5 см. На четырех гранях у основания пирамиды имеются рельефные изображения буддийских божеств (по одному на двух противоположных гранях, и по два – один над другим – на других гранях). По нижнему краю пирамиды имеются рельефные узоры, по всем граням – черточки.

Исходя из того, что обряд проводили исключительно ламы, в культовом сооружении находились изображения божеств, в понятие *саска* входит и обозначение глиняных фигур, применяемых в буддийской похоронной обрядности, мы можем предположить, что название культового сооружения произошло от названия глиняных фигурок божеств (пирамидок, конусов, дисков с изображениями божеств), и связать тувинское *саска* (встречаются варианты написания «сацца», «цаца») ссанскритским словом *саска* (санскр. *sāccha*, тиб. *tsha-tsha*), обозначающим обычно миниатюрные конические фигурки из глины, которые во множестве ставятся на выступы субурганов в качестве подношений³³. Интересно, что у тувинцев бытует санскритский вариант произношения этого слова (что, вероятно, можно связать с его более ранним заимствованием из уйгурского языка), тогда как у тибетцев оно звучит как «ца-ца», и в этом виде перешло в монгольский и бурятский языки (монг.-письм. *sacca*, бур. *цаца*).

В литературе по традиционной обрядности монголов нами не обнаружено бытование обряда освящения *саска* в Монголии. Однако во Внутренней Монголии (современный Китай) ежегодно 13 июля одновременно проводят обряд освящения целого комплекса: гор, *овaa*, священного раскидистого дерева *sanši*, *саца* (*саска*). Культовая постройка «часовня саца» (письм.-монг. *sacca-yin süm-e*) сооружалась на возвышенности, однако по имеющимся сведениям их количество незначительно по сравнению с количеством *овaa*, например, у монголжинов³⁴

насчитывается всего 17 *саца*, тогда как *овaa* – 274³⁵. К сожалению, в имеющихся у нас материалах нет описания «саца» во Внутренней Монголии, однако немаловажным фактом является то, что она представляет собой культовое сооружение в виде часовни, находится в одном культовом комплексе с *овaa* и ежегодно в середине лета проводятся обряды освящения с участием лам.

Исследователи отмечают связь *овaa* с погребально-поминальными сооружениями. К. М. Герасимова пишет, что несмотря на этнорегиональные различия формы тюрко-монгольских *обо* и тибетских *лабцзе* (тибетские культовые сооружения наподобие *обо*) в них много сходных вариантов, и все они связаны с похоронными обычаями и сооружениями для поминальных обрядов³⁶. Так, у казахов, несмотря на влияние ислама, каменные *обо* с воткнутыми ветвями устанавливались на наиболее памятных надгробных сооружениях³⁷. Наземные захоронения в сооружениях типа жилища известны и у других народов Саяно-Алтая, в том числе и у якутов, исторически связанных с данным регионом. Имеются данные В. П. Дьяконовой о бытованиях в Туве погребальных сооружений в виде гробницы-помоста, срубного домика с двускатной крышей и конического шалаша (вероятно, прототипа одного из видов *овaa* в виде конического шалаша из ветвей) для служителей культа – шаманов. Погребение в срубных камерах объясняют тем, что будучи похороненным в срубе шаман еще в течение трех лет может продолжать борьбу со своим противником, т.е. несмотря на то, что его телесная сущность потеряла жизненность, он все же остается сильным шаманом. В с. Нарын одного очень сильного шамана похоронили в шалаше, внутри которого еще была сооружена срубная камера³⁸, таким образом, возможно, шаманская сила обретает еще более длительную способность воздействия в этом мире, и в течение этого времени к шаману, похороненному в таком сооружении, можно будет обращаться за помощью, устраивая моления.

На Тодже Д. Каррутерс встретил комплекс *овaa* («обос») необычной конструкции. «На вершине холма находилось квадратной формы сложенное из плах строение, увенчанное конусообразной крышей, совершенно заваленное сверху большими сучьями деревьев и лиственничными кольями, украшенными полотнищами белой материи. Внутрь этого здания вели два дверных отверстия. С северной и южной сторон возвышались еще шесть аналогичных, но только меньшего размера, конической же формы «обосов», сделанных из сучьев и хвороста и украшенных «обетными» кольями. Внутренность центрального «обоса» была заполнена низкой платформочкой, на которой положены были одна на другую еще четыре, но только меньшие по размерам, платформочки. Их увенчивала деревянная пирамида, со всех сторон испещренная какими-то священными надписями. Платформа была уставлена подарками и приношениями, что должно было служить выражением радушия по отношению к ожидаемому прибытию бога; тут же находились глиняные диски со сделанными на них надписями и изображениями Будды (курсив мой. – Л. Х.). Все главнейшие виды животных, обитающих в округе, были представлены в форме деревянных изображений; не забыто также приношение пищи богу, к услугам которого подготовлен был и лучший кумыс, помещавшийся в медных чашах»³⁹. Как видно, внутри центрального *овaa* было построено деревянное сооружение с надписями, напоминающее по своей конструкции *субурган*, и рядом установлены глиняные *саска* в виде дисков. Здесь проводились коллективные моления *овaa*, однако это не было связано с земледельческим культом, встречающимся в центральной и западной Туве.

Выше уже отмечалось, что тувинцы термином *саска* обозначали и разновидность *овaa*, построенную из ветвей в виде шалаша⁴⁰, что, по-видимому, связано с наличием внутри него глиняной фигурки *саска*. Так, в 1989 году этнографическая экспедиция Читинского пединститута в Бурмосоне Читинской области на *обо* (*овaa*) обнаружили «*сасэ*» (*саска*), которая была изготовлена в специальной мастерской Бурмосона⁴¹.

В культовой системе тибетского буддизма саска (как символ тела умершего) неразрывно связан с похоронным обрядом светских и церковных правителей. К.М. Герасимова приводит описание Т. Уайли похоронных обрядов правителей *сакъяны* аристократического клана *khon-rigs*, которые кремировали своих покойников. «Пепел собирали в кусок шелковой ткани, а кости – в большой серебряный сосуд, орнаментированный изображениями тигров, львов, драконов, орлов. Этот сосуд с костями стоял в комнате умершего в течение 30 дней. Затем кости измельчали, смешивали с медицинскими специями (среди которых главным был мирбалан *a-ru-ra*, дарующий долголетие и жизненную силу), кремационным пеплом и глиной. Из этой массы формировали пирамидки *tsha-tsha* (символ тела умершего), раскрашивали их красной и золотой краской и помещали в индивидуальный мавзолей из позолоченной меди, который воздвигался в храме в честь умершего иерарха. Серебряные сосуды для костей вторично не использовали, а хранили в подвальном этаже дома»⁴². Здесь же сообщается, что *ца-ца* из пепла жен сакъяских правителей выбрасывали в реку или помещали на скальных выступах окрестных гор, а *ца-ца* из измельченных их костей помещали либо в постамент Зеленой Тары, стоящей в храме, либо в индивидуальный мавзолей⁴³.

Подобный похоронный обряд бытовал и в Бурятии – после проведения обряда очищения четырех элементов тела (земли, воды, огня, воздуха) от грехов, очищения души, изгнания злых духов мертвых душу отправляли в рай, после чего сжигали не сам труп, а его замену – *минчжсан* (тиб. *ming-can*, букв. ‘имеющий имя’), представляющую собой листок бумаги с ксилографическим изображением человека, сидящего на лотосе. Пепел *минчжсана* смешивали с глиной и делали по числу пяти скандх и дхьяни будд пять глиняных пирамидок «ца-ца» с рельефным изображением будд, что символизировало объединение тела покойного (его пяти скандх) с телом пяти дхьяни будд, возвращение тела в свое исходное дхармовое состояние. Затем их уносили на место захоронения,

на бүмханы, на обо⁴⁴. Для нас большой интерес представляет в этом сообщении то, что ца-ца уносят на бүмханы или на обо, т. е. на культовые сооружения, где проводятся ежегодные обряды освящения. А приведенный выше отрывок из романа Степана Сарыг-оола связан с саска, по всей видимости, изготовленной из пепла минжана, ее унесли на место захоронения, так как в данном случае покойница не принадлежала к числу духовных или светских высокопоставленных лиц, в отношении которых обычно проводилась кремация тела покойного.

Что же представляют собой бурятские и монгольские бүмханы? Н. Л. Жуковская в 1985 г. посетила некрополь пяти последних нойонов Дзасактуханского аймака Монголии, находящийся в местности Шарилийн-Цагаан-Чулуу (букв. ‘Белый камень телесных останков великих людей’) на территории сумона Цэцэрлэг Хубсугульского аймака. Некрополь находится на вершине горы и представляет собой пять срубных построек (монг. бүмхан от тиб. *sprungs khang* ‘часовня, гробница’), каждая из которых является глухой, не имеет окон и дверей. Внутри внешнего сруба помещен внутренний сруб, где находится саркофаг с телом покойного. Тело не разлагалось благодаря каменной соли, заполняющей все оставшееся пространство саркофага, и можжевельнику на его дне⁴⁵. Н. Л. Жуковская пишет, что «после того как сруб окончательно заколачивался, ламы совершали последнюю жертву духу умершего: на четырех (по числу стран света) жертвенных камнях, находившихся с южной стороны кладбища, жгли можжевельник, ставили «белую пищу» (молоко, молочную водку, сыр и др.). Затем все покидали место погребения, и отныне для всех, кроме специально выделенных лам, оно становилось запретным. Дважды в год – зимой, в канун Цагаан сара (Нового года), и в начале первого месяца лета – пять лам приезжали на кладбище и совершали обряд жертвоприношения душе умершего. Делали они это все тем же способом – возжигали можжевельник и ставили молочные, т. е. священные, «белые», продукты. Они продолжали это делать и после разрушения некрополя»⁴⁶.

В Бурятии *бумханы* или *мунханы* представляют собой небольшие ритуальные срубные деревянные домики, сооружаемые на культовых местах. Исследовательница традиционной культуры сойотов Иркутской области Л. Р. Павлинская в своей работе приводит следующие виды *обо* (*оваа*), к которым она причисляет и вышеуказанные *бумханы*: 1) конусообразная каменная насыпь (наиболее характерный тип для центральноазиатского региона); 2) шалаш из ветвей хвойных деревьев; 3) деревянный сруб; 4) каменный субурган. Она отмечает, что сруб и шалаши сойотов называли *бурханай мунхан* (*бурят.* *бурхан* ‘бог, божество’; *мунхан* ‘часовня’). Описание сруба в комплексе *обо* в некоторой степени сближает его с культовым сооружением тувинцев в виде срубного домика, называемого *саска*. Высота его около 1,5 м. Обряд на *мунхане* проводили ламы в конце июня, просили общего благополучия для всех собравшихся (здоровья для людей и рождения детей, благополучия для скота и большого приплода и т. п.). В срубе находились изображения божеств, выполненные на ткани или бумаге, медные чашечки для жертвоприношений *суксэ*, медные статуэтки богов⁴⁷. Здесь нет упоминания ни о *цаца*, ни о глиняных фигурах. Однако сближает с тувинцами культовая постройка в виде небольшого срубного домика, функциональное предназначение которой, вероятно, ранее было «жилище мертвых», куда во время поминальных обрядов призывали душу покойного вместе с другими предками, а позже и с божествами.

Таким образом, *бумхан* или *мунхан* у монголов и бурят – это культовое сооружение. У монголов Хубсугульского аймака оно связано с погребальным обрядом светских правителей аймака, представляет собой срубное сооружение в виде домика для покойных. Обряд жертвоприношения проводили ламы в определенное время дважды в год, другие же люди сюда не допускались. Обряд освящения *мунхана* проводится в конце июня, Л. Р. Павлинская связывает его с днем летнего солнцестояния (22 июня) и с культом солнца⁴⁸. Однако у сойотов обряд освящения

мунхана не связан с земледельческим обрядом, что наблюдается у тувинцев центральной и западной Тувы. Все же их объединяет то, что на традиционном культовом сооружении, связанном или в своем генезисе восходящем к погребально-поминальному сооружению, обряды проводят ламы, читают сутры, используют культовую атрибутику, присущую буддизму.

В конце XIX – начале XX века *саска* у тувинцев была также связана с погребальной обрядностью и кремацией тела покойника. Это слово в виде «сацца» зафиксировано в Туве Ф. Я. Коном в значении «пирамидка из глины, замешенной на кремационном пепле умершего». Он пишет, что почетных лиц, таких как Дүктүг-соржу (у Кона «Тюхтиюх-сوردжи»), «клали в сруб и отгораживали от хищных животных, а затем, когда труп высыхал, его сжигали, пепел собирали, смешивали с глиной и делали «сацца» (небольшие пирамидки), которые помещались в укромных местах»⁴⁹. Упоминание о том, что Дүктүг-соржу является почетным лицом, и, по-видимому, вторая часть его имени является названием его должности (*соржу* от тиб. *chos-rje* ‘лама, главенствующий на богослужениях’), указывает, что речь идет о буддийском духовном лице. Помещение *саска* в укромные места сближает данный похоронный обряд с тибетским, где его оставляли в скалах или выбрасывали в воду⁵⁰.

Имеются и другие сведения о кремации трупов лам высших чинов с последующим изготовлением *саска*, например, Н. Ф. Катанов отметил такой случай у жителей Тарбагатайского округа (Западная Монголия) и Каа-Хема (Тыва): «Если умирает лама, то духовенство, отовсюду собравшееся, обкладывает его ватою, обливают конопляным маслом и предают сожжению. Жгут вообще только наиболее чтимых (курсив мой. – Л. Х.). Потом собирают пепел от сожженного трупа великого ламы и, смешав его с водой, делают из него тесто, которое вмешивается в глину, разведенную для лепки какого-нибудь идола (бурхана). Калмыки и урянхайцы говорят, что покойник, преданный здесь сожжению, на том свете будет чистым, святым»⁵¹.

В данном случае мы видим, что *саска* представляет собой скульптурное изображение божества.

Этот же обряд упоминается в воспоминаниях С. Д. Тумата о похоронах настоятеля Хендергинского хурээ⁵². О более позднем случае захоронения в *субургане* и последующей кремации ламы сообщает В. П. Дьяконова. Последний настоятель Нарынского хурээ, разрушенного в 1929 г., Ай-ловун лама был похоронен в *субургане*. Перед смертью он попросил осмотреть его труп спустя месяц, и если на нем не окажется следов от птиц, насекомых, то сжечь его. В указанный срок тело ламы было сожжено вместе с *субурганом*⁵³. Хотя здесь нет указаний об изготовлении *саска*, мы можем лишь допустить, что пепел от кремации ламы высокого чина должен был быть использован согласно буддийским предписаниям для изготовления глиняного *саска*, что практиковалось до этого в Туве, как указано выше.

Данный обряд отражен и в тувинском фольклоре. В эпосе «Тон-Аралчын хаан» по совету белобородого старика, на белом быке обезжающем три раза за ночь весь мир, герой коронит родителей по новому обычаю – кремирует, затем изготавливает *саска*.⁵⁴ На то, что в Туве похоронный обряд с изготавлением *саска* из пепла листка бумаги *минчжан* применяли и в отношении светских правителей, может, по-видимому, указывать следующий факт. В воспоминаниях Ф. Ш. Сеглемея упомянуто, что нояна Даа кожууна Хайдыпа Угер-Даа похоронили в погребальном сооружении *саска*, который находится на хребте между Хөндергеем и Шеми⁵⁵. В работе М. В. Монгуш отмечено, что по одной версии прах его был установлен в специальном *субургане* во дворе Верхнечаданского хурээ, по другой – тело его, предварительно девять раз обернув белой тканью, положили в деревянный ящик на постаменте в местечке между Хөндергеем и Шеми, что недалеко от его чаданской ставки. По мнению М. В. Монгуш, «вторая версия выглядит более достоверно, так как традиция устанавливать в *субурганах* прах наиболее отличившихся своими заслугами людей, столь хорошо известная в Тибете и Монголии, в Туве практически не имела распространения»⁵⁶.

Что же подразумевает под словом *саска* Ф. Ш. Сегленмей, видно из материалов, записанных от него в 1989 году А. К. Кужугет и Р. С. Чакар: «*Сасса дагыыр*» – маленький дом типа дугана. Внутри посажен бурхан. Приглашали шамана, проводили конные скачки, состязания в борьбе хуреш»⁵⁷ (особый интерес вызывает упоминание, что на обряд освящения *сасска* приглашали шамана).

По данным В. П. Дьяконовой, в Туве практика захоронения в *субурганах* все же имела определенное распространение – умерших лам высоких званий сжигали или хоронили в *субурганах*⁵⁸. У тувинцев, как она отмечает, *субурганы* различались как по назначению, так и по способам воспроизведения, при этом некоторые из них не имеют аналогий с монголо-тибетскими (*субурганы* типа гробницы на столбах, а также в виде срубного домика-гробницы, в которых хоронили лам высокого духовного звания)⁵⁹.

Таким образом, можно предположить, что срубный домик-гробница для светских и духовных высокопоставленных лиц является функциональным аналогом срубного домика, куда помещают уже не само тело покойного, а глиняную фигурку *сасска* как символ тела умершего. Однако в имеющихся у нас материалах нет данных об обрядах, проводимых ежегодно летом у домиков-гробниц с телом усопших. Мы можем лишь допустить, что захоронения в *субурганах* в дальнейшем становились объектами поклонения. Хотя, как сказано выше, в Хубсугульском аймаке Монголии ритуалы проводились дважды в год только ламами, коллективных молений не устраивали.

Следует отметить, что *субурган* (санскр. stupa, тиб. mchod-rlen) в буддийских источниках, это, во-первых, мандала, где обитают все будды, во-вторых, это мавзолей для телесных останков земных будд (нирманакая). В ступу помещают три вида останков или их символов: 1) символ останков дхармакая – это дхарани; телесные останки – шарира или шарил; 3) изображения умершего⁶⁰. Из этого следует, что культовые сооружения тувинцев, называемые *сасска*, являются своего

рода субурганами, где помещены символические заместители умершего лица (при жизни занимавшего высокое положение в обществе), содержащие его прах. Название культовое сооружение получило от названия глиняных фигур *саска*, которые помещались в него.

Следовательно, есть все основания утверждать, что погребальный обряд высокопоставленных лам и чиновников в культовом сооружении с предварительной кремацией трупа и последующее ежегодное освящение *саска* в середине лета отражает культ предков. Душа с дымом кремационного костра взлетала в небо (ср. тув. *ыш-бile баар* – букв. ‘уйти вместе с дымом’), а тело, превратившись в пепел, соединяется с глиной (с матерью-землей). Принадлежностью и местом отправления культа предков является культовое сооружение в виде жилища (срубный домик, каменный саркофаг, шалаш из веток), а вместилище праха – глиняная фигурка *саска* – связывало воедино идею культа предков и магическое содействие предков благополучию потомков. В данном конкретном случае находящиеся на небе предки могли воздействовать на погоду, предотвратить град и заморозки и тем самым обеспечить не только хороший урожай, но и общее благополучие потомков.

Глиняная *саска* заменила собой других символов-заместителей умерших предков, бытовавших в традиционной культуре тувинцев. Н. Ф. Катанов в конце XIX в. писал, что память об установке изображений умершим предкам «сохранилась у тувинцев до наших дней. Мне дважды приходилось слышать от стариков, что это были маленькие фигурки, ставившиеся на вершинах гор»⁶¹. Для этих фигурок, по-видимому, и строились первоначально культовые сооружения в виде жилища, устраивались коллективные жертвоприношения с молениями. Вместилищами души предков могли быть и камни, каменные изваяния, куклы и пр.

В пользу данного предположения можно привести следующие факты. Г. Е. Грумм-Гржимайло, ссылаясь на данные А. Ивановского⁶² (конец XIX в.), отмечал, что у тарбагатайских

торгоотов (Западная Монголия) обычай лепить изображение покойного из глины, смешанной с золой, полученной от сожженного его трупа, сменил бытовавший ранее обычай ставить каменные изваяния, в которых они чтили своих предков⁶³. Изваяние устанавливалось на том же месте, где происходило сожжение. Эти фигуры назывались по-монгольски *хөшөө чулуу*, т. е. так же, как и каменные изваяния. Замену древних каменных изваяний поздними глиняными монголы мотивировали наставлениями мифологического героя *Меркита*, а также фактом землетрясения, уничтожившего изваяния из камня. По их словам, сосуд, находящийся в правой руке изваяния, был необходим для помещения туда части пепла умершего.

Имеются сведения и о древних тюрках, устанавливавших над могилой, где захоронен пепел, здание с помещенным в него изображением умершего высокопоставленного лица. Так, основным моментом погребального ритуала каганов и высшей знати тюрков-тугю, по данным династийной летописи «Таньшу», было сожжение тела покойного, его вещей, которыми он пользовался при жизни, а также лошади, на которой он ездил. Пепел кладут в могилу в строго определенное время. При могиле строят здание, в котором устанавливают «нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни»⁶⁴.

В имеющихся материалах не указано, какие сутры, в данном случае обрядовые сочинения, читались ламами. В воспоминаниях бывших священнослужителей указывается, что при проведении обряда освящения тайги и *оваа* пользовались, в основном, одним обрядником – «*Таңды саңы*»⁶⁵.

В Рукописном фонде ТИГИ под инв. № 1029 хранится небольшая рукопись текста освящения или «оживления» *саска* (*түв.* «*саска тынгарар*» или «*саска арамайлаар*») на тибетском языке (*тиб.* *satsrsa rab-gnas bzhugs-so*). В тексте обращаются к Херуке («*пьющий кровь*»), гневной манифестации одного из важнейших идамов ануттарайога тантры *Самбхары* (*тиб.* *bde-mchog*), и его юм *Дорже-Пагмо* (*тиб.* *rdo-rje phag-mo*, *санск.* *Ваджравара*, букв. ‘*Алмазная свинья*’).

Здесь же хранятся несколько рукописей «Таңды саңы» (саң ‘воскурение можевельника артыша с приношением в жертву топленого масла и других угощений’) на тибетском и одна на монгольском письменном языке (тиб. *yul-lha i bsang-mchod dngos-grub kun-byung zhes-bya ба bzhug-so*; монг.-письм. *tangnpyin sang-un sudur orosibay*)⁶⁶, «Таңды сержими» (преподношение «золотого напитка») (тиб. *thang-nu gser-skyem bzhugs-so*)⁶⁷. Судя по написанию тибетской и монгольской графикой тувинских оронимов и гидронимов, а также по использованию монгольских слов *Баян* вместо тувинского *Бай*, гол вместо хем, тексты написаны монголами. Упоминаются Бай-Тайга (тиб. *ra-yas thas-ka*), Монгун-Тайга (тиб. *mun-gin thas-ka*), Кызыл-Тайга (тиб. *ka-tsal thas-ka*), Чадаана (тиб. *ji-da-na*), Сукпак-Тайга (тиб. *swag-phag thas-ka*), Сүт-Хөл (тиб. *sud khul*), во-видимому, Мешкен-Хөл (тиб. *mig-khen khul*), Кара-Хөл (тиб. *ka-ra khul*), Хиндиктиг-Хөл (тиб. *khing-dig-de khul*), Чаа-Хөл (тиб. *ca khul*), Хемчик-Гол (тиб. *khem-cig kwol*), Аянгаты (тиб. *a-yang-ka-ti*)⁶⁸. В монголоязычном тексте среди оронимов встречаются только Танды (монг. *Tangi*), Бай-Тайга (монг. *Bayan tayy-a*), среди гидронимов Хемчик (монг. *Kem Kemčig*), Барлык (монг. *Barliy*), Ак (монг. *Az*) и Алаш (монг. *Alaš*)⁶⁹. Вышеуказанные обрядники имеются только в рукописных вариантах, один из них под инв. № 777 написан на тетрадных листах в линейку, разрезанных в формат бодхи, что свидетельствует о более позднем времени переписки рукописи. Почерк писавшего устоявшийся, характерные неровности в начертании графем свидетельствуют о пожилом возрасте переписчика. Этот факт показывает, что несмотря на запреты, существовавшие на религию с 30-х годов XX века, потребность в литературе подобного рода существовала.

В колофонах не указаны ни автор, ни время написания текста. Можно допустить, что название «Таңды саңы» связано, по-видимому, со значительным событием в жизни тувинцев, когда в 1900 году по приглашению Хайдыпа Угер-Даа для освящения хребта Танну-Ола приезжал монгольский хутухта Нара Панчен⁷⁰. Все упоминаемые в текстах оронимы и гидронимы относятся к западной Туве.

В связи с этим интересно отметить, что в Кунгуртuge (юго-восточная Тува) при проведении обряда освящения *овaa* читали тибетский текст «*Таңды саңы*», где упоминаются те же оронимы и гидронимы западной Тувы. В материалах Рукописного фонда ТИГИ имеется магнитофонная запись чтения этого текста Д. С. Дамдыном, 1918 г. р.⁷¹ Он обращается к хозяевам следующих местностей: Баян-Тайга (Бай-Тайга), Мэнгүн-Тайга, Кара-Хөл, Кызыл-Тайга, Сүт-Хөл, Мешкен-Хөл, Хиндиктиг-Хөл, Уурун-Хөл, Чараш-Даштыг, Шапшаал, Мөнгүлек, Оргуул-Ыяш, Самына, Донгул, Чая-Хөл, Буруу Шандгастай, Аянгаты, Алаш, Хемчик, Хан-Дээр, Ишкин, Ак. Чтение обрядового текста ламами сопровождалось звуками колокольчиков – *коңга*, литавр *шаң*, маленького барабана – *дамбыра* и большого – *кеңгирge*, что придавало особые величественность и торжественность всему происходящему. После этого певцы в количестве четырех, шести или десяти человек пели тувинские народные песни о почитаемых горах Тувы, начиная, как указано, с «Бай-ла Тайгам». Все обрядовые действия посвящены Оран-Таңды, локальным хозяевам местностей. Чтением сутр и песнями, восхваляющими горы, реки и озера Тувы, они приглашались на *овaa* (или другое культовое сооружение), где им преподносили угощения, возлияния сержим, курили *саң*⁷². Все это должно было обеспечить покровительство и защиту со стороны вышеуказанных божеств, обеспечить благополучие людям и скоту, оградить от болезней и несчастий и т. п.

Выводы

1. Название обряда *саска дагыыр* связано с буддийским термином *саска*, обозначающим фигуру с изображением божества, изготовленную из глины и кремационного пепла высокопоставленного лица. Фигура может иметь вид скульптурного изображения божества, конуса, пирамидки или диска с рельефным изображением божеств и священными надписями.

2. Позднее термин *саска* стал применяться тувинцами в отношении культового сооружения, куда помещалась глиняная фигурка, представляющая собой жилище (срубный

или каменный домик, шалаш) и восходящего к погребально-поминальным сооружениям, бытовавшим у народов Центральной Азии и Южной Сибири.

3. Коллективные моления, проводимые у культовых сооружений, связаны с культом предков (первоначально зооморфных – бык, а затем и антропоморфных – особо почитаемые предки, высокопоставленные духовные и светские лица).

4. Обряд *саска дагыыр*, проводимый ламами и связанный с земледелием в центральной и западной Туве, показывает, что буддийские черты дополнены традиционную древнюю структуру обряда освящения магистрального оросительного канала *буга дагыыр*. Это свидетельствует о непрерывности этноса, занимающегося земледелием в одной и той же географической зоне, и постоянстве отношений, поддерживаемых с природой. Изначальный характер праздника – жертвоприношение верховным божествам и предкам, переселившимся на небеса, способным помочь в сохранении урожая и обеспечении благополучия.

Примечания

1. Карнейро Р. Культурный процесс // Антология исследований культуры. Том I. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – С. 422.
2. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 46.
3. Турсунов Е. Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. – Алматы, 2001. – С. 10–11.
4. Рукописный фонд ТИГИ (далее – РФ ТИГИ): РФ, т. 905, 1087; ФФ, т. 170, д. 667.
5. РФ ТИГИ. ФФ, т. 170, д. 667. – С. 2–3.
6. РФ ТИГИ. РФ, т. 905, тетрадь 4.
7. РФ ТИГИ. РФ, т. 905, тетрадь 4. – С. 88.
8. Там же. – С. 86–87.
9. Там же. – С. 10, 62; ФФ, т. 170, д. 667. – С. 2–3.
10. РФ ТИГИ. РФ, т. 1087. – С. 34.
11. РФ ТИГИ. РФ, 905, тетрадь 4. – С. 87.
12. Там же. – С. 88.
13. Там же. – С. 11; ФФ, т. 135, д. 546. – С. 61.
14. Там же. – С. 11, 88.

15. Там же. – С. 88.
16. Боргояков М.И. Гунно-туркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология. – 1976, № 3. – С. 55–59.
17. Информация предоставлена Шырыапом Омаком Кызыл-ооловичем.
18. Ср. особую роль быка как жертвенного животного в земледельческих обрядах у народов Средней Азии. В обрядах, приуроченных пуску воды в оросительный канал, быку подрезали шею и бросали его в воду, что должно было обеспечить в текущем году обилие воды в каналах и богатый урожай. См.: Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969. – С. 310–311.
19. РФ ТИГИ. РФ, т. 1087. – С. 8.
20. Курбатский Г.Н. Тувинские праздники. Историко-этнографический очерк. – Кызыл, 1973. – С. 20.
21. Цит. по: Майногашева В.Е. Некоторые сюжеты сивого (синего) и черного быка в фольклоре саяно-алтайских народов // Алтайский фольклор и литература. – Горно-Алтайск, 1982. – С. 144.
22. См.: варианты мифа о хозяине озера Сют-Холь «Адаканнын ала бугазы» – Кыс-Халыр. Тыва улустунь тоолчургу болгаш төөгү чугаалары. – Кызыл, 1974. – С. 54–60; РФ ТИГИ. ФФ, т. 200, д. 800. – С. 31–33; т. 216, д. 874. – С. 16–18; т. 265, д. 1089. – С. 16–18 и др.
23. См. о происхождении образа быка в свете этногенетической общности мифов о прародителе-быке у ряда тюркских племен: Боргояков М. И. Гунно-туркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология. – 1976. – № 3. – С. 55–59; ср. также образ Буха-Нойона – прародителя западнобурятских родов.
24. РФ ТИГИ. РФ, т. 579. – С. 16.
25. Тувинско-русский словарь. – М., 1955. – С. 355.
26. История Тувы. Т. 1. – Новосибирск, 2001. – С. 258.
27. РФ ТИГИ. РФ, т. 1087. – С. 34.
28. Кончуксун от тиб. *dkon-mchog-gsum* (санскр. *triratna*) ‘Три Драгоценности – Будда, Дхарма и Сангха’.
29. Кудажы К. К. Чүрек // Кудажы К. Дунзаа. – Кызыл, 1988. – А. 10.
30. Сарыг-оол С. А. Чогаалдар чыныздызы. 3 томнұт. – 1-ти том. Ангыр-оолдуң тоожузу. – Кызыл, 1988. – А.89.
31. Там же. – С. 90.
32. РФ ТИГИ. ФФ, т. 170, д. 667. – С. 2.
33. Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. – Вып. 7. – М., 1986. – С. 233. См. также: *isha-isha* – Chandra Das. Tibetan – English Dictionary. – Calcutta, 1902. – Р. 1019; *sa'a – tsitsha*. – Ibid. – Р. 1264.

34. Монголжины – этническое подразделение монголов Внутренней Монголии, правители которых происходили из урянхайцев.
35. Mongoljin-u šasın surtaqun. – Köke qota, 1995. – С. 98–101, 139–165.
36. Герасимова К. Г. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск, 1989. – С. 202.
37. Комментарии // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Том I. – Алма-Ата, 1961. – С. 710.
38. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л., 1975. – С. 74.
39. Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. I. Урянхайский край / Пер. с англ. Н. В. Турчанинова. – П., 1914. – С. 262.
- 40 См.: История Тувы... – С. 258.
41. Жеребцов Ю.В. Малые культовые объекты бурятского ламаизма на территории Юго-Западного Забайкалья // Orient. – Выпуск I. Буддизм и Россия. – СПб., 1992. – С. 140.
42. Герасимова К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск, 1989. – С. 118.
43. Там же. – С. 118–119.
44. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. – Новосибирск, 1983. – С. 200, 204; Герасимова К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск, 1989. – С. 97.
45. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учеб. пособие. – М., 2002. – С. 32–36.
46. Там же. – С. 32–36.
47. Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). – СПб., 2002. – С. 168–170, 173–175.
48. Там же. – С. 175.
49. Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Собр. соч., Т. 3–4. – М., 1936. – С. 41.
50. См.: Герасимова К. М. Указ. соч. – С. 119–120.
51. Катанов Н. О погребальных обычаях у тюрksких племен с древнейших времен до наших дней. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XII, вып. 2. – Казань, 1894. – С. 129.
52. РФ ТИГИ. Фонд/ф. инв. № 142.
53. Дьяконова В. П. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культуры тувинцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л., 1979. – С. 154.
54. РФ ТИГИ. ФФ, т. 170, д. 667. – С. 2, Тоц-Аралчын Хаан // Тыва маадырлыг тоолдар. Том I. – Кызыл, 1990. – А. 174.

55. РФ ТИГИ. РФ, т. 1131. – С. 5.
56. Монгуш М. В. История буддизма в Туве. – Новосибирск, 2001. – С. 49.
57. РФ ТИГИ. РФ, т. 1087. – С. 34.
58. Дьяконова В. П. О погребальном обряде тувинцев // Труды ТКАЭЭ. 1959–1960. Т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.; – Л., 1960. – С. 77–79.
59. Дьяконова В. П. Ламаизм и его влияние ... – С. 157.
60. Герасимова К. М. Указ. соч. – С. 248.
61. Цит. по: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – С. 43.
62. Ивановский А. А. а) о совместности погребения и сожжения, б) о каменных бабах и в) о намогильных камнях – по данным современной этнографии // Труды VIII Археологического съезда в Москве (1890 г.). – Т. IV. – 1897. – С. 184–185.
63. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – С. 65–66.
64. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I. – М.; – Л., 1950. – С. 230.
65. РФ ТИГИ. РФ, т. 1122. – С. 28.
66. РФ ТИГИ. РФ, т. 777, 831, 1400, 1440 (на тибетском языке), 905 (на письменном монгольском языке).
67. РФ ТИГИ. РФ, т. 1193.
68. РФ ТИГИ. КФ, 1440. – Л. 2а, Кф 831. – Л. 16, 2а.
69. РФ ТИГИ. КФ, 905. – Л. 1а, 3а.
70. Монгуш М. В. История буддизма в Туве. – С. 47.
71. РФ ТИГИ. Фон/ф, инв. № 433.
72. РФ ТИГИ. ФФ, т. 264, д. 1088. – С. 21–22.

Б. Б. Овчинникова

Древнетюркские памятники Тувы*

Первые сведения о древнетюркских племенах относятся к VI в., когда тюрки-тугю выделились из окружавших их общностей и создали влиятельный по значению и огромный

---

* Работа выполнена при поддержке Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации. Грант в области гуманитарных наук, № 38.

по территории Тюркский каганат. Произошло это в результате определенных успехов в экономике, достигнутых ими к этому времени. Как известно, господство в экономике влечет за собой и господство в политике. Преимущественное положение перед другими объединениями и группами кочевников у тюрков-тугуя состояло в их основном занятии – они освоили выплавку железа. Кроме того, выгодное географическое положение нового объединения – на перепутье между дальневосточным и средиземноморским регионами – обусловило посредничество тюрков в торговле шелком. Это, в свою очередь, способствовало включению его в систему политических и экономических отношений таких крупнейших государств того времени как Византия, Сасанидский Иран, Индия и Китай. Известно, что тюркская государственность непосредственно включала в себя элементы всех этих четырех древних цивилизаций. По образному выражению D. Sinor, Азия явилась «тем огромным котлом, в котором плавились различные элементы различного происхождения, получившие оттенок специфических черт тюркской цивилизации». Действительно, одновременно тюрки развивают и свою культуру, которая характеризуется возникновением и распространением на довольно широких пространствах у разных этнических групп общих черт тюркской языковой семьи, что наиболее наглядно проявилось в остатках материальной культуры.

В степях Тувы и ее межгорных котловинах сохранилось достаточно памятников, оставленных древними тюрками в период их могущества и упадка (VI–X вв.): курганы с каменной насыпью, четырехугольные каменные оградки, каменные изваяния, памятники рунической письменности, наскальные изображения. Большая часть их отражает некогда существовавший у тюрков обряд, дошедший до нас в памятниках погребального и поминально-ритуального характера.

Как известно, в Туве в период могущества тюрков существовали различные обычаи похорон. Самым распространенным, пожалуй, следует считать обряд захоронения

человека с конем, однако были и такие, как погребение человека без сопровождения животным; погребения, совершенные по обряду сожжения; и, наконец, сооружение оградок. Вопрос об этнической идентификации отдельных форм и типов погребений до сих пор остается на стадии выяснения¹. Изучение же самого погребального комплекса, в частности, способа погребения, поднимает проблемы не только этнического характера, но и социальной дифференциации древнетюркского общества и отражение этого процесса в погребальном обряде (разновидность погребений человека с конем), а кроме того, проблему связей погребений с конем с погребальным обрядом предшествующих эпох и, наконец, проблему соотношения поминальных оградок с погребальными комплексами человека с конем.

Погребальные сооружения древних тюрок-тугю на территории Тувы² представлены курганами округлой формы с каменной насыпью, иногда задернованной. Диаметр основания – 5–10 метров, высота – до полутора метров. Располагались захоронения чаще всего на первой, реже – второй, надпойменной террасе (рис. 1). Под насыпями развалов камней от бывших наземных сооружений (бессистемные, многоярусные, однорядовые)³ в общей могильной яме находилось захоронение умершего в сопровождении коня (иногда двух-трех) либо шкуры коня, реже – барабана. Существует и особая группа курганов-кенотафов, когда погребенный отсутствует, но все остальные обрядовые нормы сохраняются. И все же преобладает тип погребений человека с конем, в которых погребенный покоится вытянуто, на спине и, что характерно для погребенных в Туве, головой на восток. Расположенное рядом с ним животное имеет обратную по отношению к человеку ориентировку. Единственный случай существенного отклонения ориентировки человека на северо-восток зафиксирован в погребении со шкурой коня (Аймырлыг, гр XIII, курган 1 – рис. 5).

Большинство погребений древних тюрок в Саяно-Алтае имеет широтную ориентировку по оси восток-запад (50 %), но не исключается и меридиональное – по оси север-юг (10 %).

Замечу также и то, что если погребения с широтной ориентировкой встречаются по всему Саяно-Алтаю, то с меридиональной – только на границе современной Тувы и Горного Алтая.

По конструкции могильные ямы древнетюркских захоронений различны. Их можно разделить на две группы: с традиционной ямой и ямой с подбоем (рис. 3, 5, 7). Результаты исследований показали, что наряду с общими чертами для выделенных двух групп погребений, которые фиксируются в положении и ориентировке костяков, остальные детали погребального обряда имеют отличия, в частности, конструктивные особенности надгробий и внутримогильных камер. Так, для погребальных камер с подбоем наиболее вероятное сочетание признаков предполагает, устойчивую ориентировку по оси восток-запад (с небольшими отклонениями); вертикально поставленные каменные плиты, которые создают стенку, отгораживающую умершего от его «спутника»-коня; конь располагается на ступеньке во входной яме, выше подбоя и закладывается камнями до древней поверхности. В большинстве случаев над такого типа могилой сооружается цилиндрическая многоярусная постройка из камней (рис. 3, 7). Относительно могил без подбоя отмечу, что чаще всего в них умерший покоился без дополнительных внутримогильных сооружений, но если и встречались такие, то ими были либо каменные ящики, либо деревянные гробы. Встречается и разделительная стенка, отделяющая человека от животного, но весьма редко. Можно высказать предположение, что присутствие в могиле и каменного ящика, и разделительной стенки из вертикально поставленных камней могло служить признаком некогда существовавшего подбоя, который по причине несовершенной методики раскопок был упущен предшествующими исследователями или мог просесть, в результате чего такая конструкция как подбой осталась незамеченной, незафиксированной в ранее вскрытых памятниках.

Хотелось бы отметить нетипичные варианты для северных окраин Центральной Азии, когда вместо целого остова лошади

в могилу кладется шкура коня. В Туве такие погребения встречены в могильниках Саглы-Бажи (1-19) и Аймырлыг (1-XIII-I, рис. 5). Иногда вместо коня погребали овцу или барана, которые, как правило, сопровождали в загробный мир умерших женщин или детей (исключение составляет погребение мужчины в Туве – Монгун-Тайга (57 – XXXVII). Интерес представляют захоронения лошадей, у которых отсутствуют черепа (Аймырлыг⁴ и Даг-Аразы).

Довольно редко в погребениях человека с конем встречаются остатки костра: угли, прокалы, которые, как правило, расположены на дне могильной ямы или в ее засыпке. Кроме того, в засыпке обнаружены и расколотые кости животных, вероятно, остатки тризны, совершенной при захоронении. В качестве заупокойной пищи умершему клали заднюю часть туши барана и изредка ставили питье в сосудах, сохранившихся возле костяка.

Появление такой конструктивной особенности в обряде древнетюркских захоронений как подбой чаще всего объяснявшееся с точки зрения религиозных воззрений, на наш взгляд, также несет и социальную, и идеологическую нагрузку. В эпоху средневековья такие сооружения в Туве встречаются в VIII в., когда государственной религией с 763 г. становится иная религия, привнесенная на территорию Саяно-Алтая завоевателями – уйгурами. Возможно, это могло проявиться в обряде захоронения покоренных тюрок-тугю, и именно в погребениях высших слоев военной аристократии, которая берет основные положения этого религиозного учения в качестве идеологической основы своего существования. И все же более убедительным в трактовке процесса сооружения подбоя в древнетюркских погребениях человека с конем является, в определенной степени, отражение социального статуса погребенного. Замечу, что сооружение погребальной камеры с подбоем, завершающееся многоярусной каменной постройкой наземной его части, требует больших трудовых затрат, нежели традиционное погребение в яме. Об этом свидетельствует также

и тот инвентарь, который сопровождает погребенных в подбое, отличаясь своеобразием комплекса, количеством и качеством.

Интересно отметить, что среди многообразия погребального инвентаря, дающего представление об облике материальной культуры тюрок-тугю, некоторые категории вещей наиболее ярко отражают ее развитие во времени. К таким категориям вещей следует отнести наборный пояс (рис. 8 – 1), серьги (рис. 8 – 3–6), тесла, зеркала (рис. 8 – 7–9), накладки на луки, сбруйный набор, удила, стремена, подпружные пряжки, седла. Причем, в конском снаряжении древних тюрков выделяются устойчивые сочетания не только разных типов вещей, но и категорий всего класса⁵, которые характерны для того или иного временного отрезка. На основании проведенных исследований выявлены устойчивые комплексы некоторых категорий погребального инвентаря, бытовавшего на определенном хронологическом этапе существования древнетюркской материальной культуры. Таких этапов три. Они соответствуют времени могущества государственных объединений, известных по письменным источникам о тюрко-язычных народах: древнетюркский, уйгурский, кыргызский. В то же время в погребальных комплексах достаточно четко прослеживается общая линия развития единой тюркской традиции как в Туве, так и по всему Саяно-Алтайскому нагорью⁶.

Изучение погребального инвентаря с учетом новейших полевых исследований позволяет отчасти расширить представления о социально-экономической дифференциации древнетюркского общества. Различие способов захоронения у тюрков-тугю (как меры трудоемкости) и, главным образом, состав сопроводительного инвентаря отражают в определенном преломлении сложность его устройства.

В настоящий момент стало возможным сделать первые шаги к выяснению вопросов о наличии половозрастных групп и дифференциации общества. Ярче всего в плане половозрастного деления выделяется группа мужчин, в

том числе мужчин-воинов (рис.3,4). В могилу воину клади берестяной колчан, иногда укрепленный накладками. В нем, как правило, находились железные наконечники стрел разных типов. Обязательной принадлежностью являлись остатки деревянной основы большого сложного лука со срединными и концевыми костяными или роговыми накладками. На срединных накладках порой можно встретить знаки владельцев, представленные либо короткими руническими надписями (рис. 7 – 12) либо пейзажной сценой, либо другими начертаниями. Иногда при воине-мужчине находят длинные мечи (палаши) – (рис.4 – 12), и даже деревянный щит. О том, что спутник воина – конь – имел панцирный доспех, свидетельствуют фрагменты из спекшихся кусков железных пластин, обнаруженные при останках лошадей.

Состав снаряжения животных, сопровождающих погребенных мужчин, весьма однороден: это деревянное седло с невысокой передней лукой, пара стремян, железные удила с железными, эсовидными, стерженьковыми или костяными псалиями, роговые или костяные застежки от пут, а также подпружные пряжки (последние встречаются и железные). Иногда узда украшена бронзовыми, серебряными или позолоченными наременными бляхами (Монгун-Тайга, Аймырлыг I, Аргалыкты I, IX) – рис. 4,7.

Среди мужских захоронений древних тюрок можно выделить ещё две группы погребенных: со стрелами (одной-двумя) у головы умершего (МТ-57-ХХУ1, БД-31 и др.) и вообще без предметов вооружения (БТ-59-1, СБ-1-19 и др.). Положение этих двух групп в обществе, отраженное спецификой состава сопроводительного инвентаря в погребениях, пока не ясно. Из раскопанных в Саяно-Алтае погребений к группе со стрелами у головы относятся и такие, которые по составу инвентаря явно нельзя отнести к « рядовым ». Так, в захоронении могильника Улуг-Бюк в набор при погребенном вошли золотая серьга, орнаментированные костяные и роговые предметы, китайское зеркало (рис.8 – 8), лаковая чашечка, листовидный « кинжалчик »

и кинжал с навершием в виде трилистника, аналогии которому известны в погребении Монгун-Тайга XXVI.

Остатки одежды из древнетюркских погребений свидетельствуют о том, что тюрки носили не только меховую и войлочную, но также шерстяную и шелковую одежду. К поясам, украшенным бронзовыми, серебряными или позолоченными бляшками, иногда подвешивались мешочки с различным содержимым (рис. 4 – 13). В одних хранились амулеты и предметы туалета (зеркало, гребень), в других мешочках-каптаргаках – предметы для добывания огня. Подвешивались к поясу и черешковые ножи, в ряде случаев – кинжалы в деревянных ножнах. В могилах мужчин находят по одной-две бронзовой или золотой серьге с жемчужинами или без них (Аргалыкты 1, Даг-Аразы). Иногда у головы погребенного ставились деревянные плоские блюда с мясом, деревянные или металлические кувшинчики (Монгун-Тайга, Аймырлыг, Кокэль). Встречены и железные клепаные котлы (рис. 8 – 10–12).

От мужских погребений отличаются захоронения подростков и детей. В таких погребениях при коне или баране положено только одно стремя (Арг. I-VIII; Даг-Аразы). При погребенных иногда встречаются глиняные сосуды либо фрагменты керамики. Оружие в детских захоронениях отсутствует совсем, а у подростков – по два-три наконечника стрелы.

Последнее явление прослеживается и в захоронениях женщин. В их одежде много общего с мужчинами: те же халаты, подбитые шелком, золотые или бронзовые серьги (Ак-Туруг 1–5, Даг-Аразы), правда, более изящные. К поясам с наборными бронзовыми или железными бляшками обычно подвешивался нож. Иногда положение женщины в обществе подчеркивалось захоронением при ней двух коней (Даг-Аразы).

Количественный рост материалов и появление новых детально изученных комплексов сопровождающего инвентаря позволяют высказать предположение о социальной структуре.

Это существенно, поскольку письменные источники не дают четких сведений. Мы имеем дело, в большей степени, с погребальными памятниками рядовых членов общества, однако вместе с тем среди них можно выделить захоронения людей, занимавших, видимо, более высокое положение в небольшой определенной племенной группе – это погребение знатного воина, возможно, вождя (Даг-Аразы)⁷. По особому набору вещей (щит, меч, срединная накладка на лук с пейзажной сценой, железный котел, мешочек с амулетами и монетой и т. д.) и более тщательному внутримогильному устройству («ящик» из плетеного караганника) можно поставить его несколько выше в иерархической лестнице по сравнению с погребениями рядовых воинов.

К числу памятников, относящихся, на наш взгляд, к более высоким слоям общества, нежели рядовым его членам, принадлежат и другие захоронения человека с конем, выделенные в группу «подбойных». В рассуждениях по поводу такой конструктивной особенности погребальных камер у древнетюркских племен как подбой, уже отмечалось предположение о принадлежности таких захоронений к более привилегированным слоям. Подтверждением тому и служит сопровождающий погребальный инвентарь. Особенно выделяются в этой группе захоронения мужчин-воинов, которые явно отличались более высоким рангом по сравнению с рядовыми членами общества. Известно, что местная военная аристократия с приходом завоевателей находилась в непосредственном подчинении новым властям, которые стремились унифицировать культуру с целью политического объединения. Именно высший военный состав тюрков-тугю должен был служить выразителем идей и взглядов тех, в чьем подчинении он оказался. В связи с этим именно военная знать была первой из принявших чужеземные порядки и религиозные верования, на которые опирались пришедшие к власти завоеватели.

Однако отметим, что структура тюркского общества не исчерпывается только социально-экономическими институтами.

Необходимо обратить внимание и на мировоззренческую основу их ритуалов, поверий, некоторых социальных ролей (например, роли правителя). Традиционная картина мира народов, находящихся на стадии перехода к классовым обществам, отражая обыденную действительность, допускала возможность чуда. Общество включало в круг жизненно важных проблем взаимоотношения не только с реальным, но и с мыслимым окружением, стремилось к гармоничности, упорядоченности этих отношений, их надежности и предсказуемости, а будучи стесненными в возможности практического воздействия на окружающий мир, общество восполняло его недостачу в сфере знаковой деятельности⁸, а именно: в мифотворчестве, разнообразных обрядах и ритуалах и, соответственно, в идее посредничества между миром людей и миром духов. В данном случае небезынтересным будет складывающийся веками в мировоззрении тюрков институт посредничества.

Память об умерших, их имена передавались из поколения в поколение. Потомки стремились к близости с предками, к поддержанию отношений, в которых, как считалось, были заинтересованы и умершие, и живые⁹. Умершие мыслились как полномочные представители в ином мире, населенном божествами и духами. Следовательно, уход в иной мир не означал разрыва родственных отношений. У каждой стороны сохранялись обязанности по отношению друг к другу.

В воображении человека того времени на основе космогонических представлений рождалась цепь образов и ассоциаций, заключающих путь от погребения к воскрешению и приобщению к Космосу - этим объясняется присутствие охры в погребально-поминальных ритуалах: ориентация сооружений, имитация жилища в могильных сооружениях, присутствие в этих ритуалах огня¹⁰.

Сами же обряды проводились, как правило, на определенных местах-святилищах, которые служили еще и одним из инструментов общественных связей. Роль их была многосторонней: они были к тому же и центрами культов, и

центрами сходов, олицетворяли жизнеспособность общины. Вполне объяснимо, что так называемые посреднические функции, возложенные на поминаемого, оказывались связанными с так называемыми стартовыми площадками¹¹. У древних тюрков такими площадками могли быть каменные четырехугольные оградки, в которых нашел отражение поминальный обряд тугю (рис. 2).

Напомним, что каменные оградки тюрков первоначально нередко связывались с погребениями с остатками трупосожжения¹². Однако на территории Тузы нами не было выявлено в тюркских оградках кальцинированных костей человека, встречались только кости животных. На наш взгляд, весьма веские аргументы против погребальной принадлежности оградок были получены при раскопках памятников в долинах Хачы-Хову в 1966 г.¹³ и Даг-Аразы в 1976 г.¹⁴. Таким образом, становится очевидным, что оградки являлись поминальным сооружением и лишь сопровождали погребения, совершенные по обряду сожжения или по обряду трупоположения.

Несмотря на впечатление кажущегося однообразия, древнетюркские оградки все же имеют довольно широкий диапазон конструктивных особенностей. Представлены они четырехугольными каменными сооружениями, которые по принадлежности своей относятся именно к тюркам-тугю, что не вызывает сомнений. Порой оградки вытягиваются цепочками в направлении юг-север (рис. 2), отражая господствующее положение востока в идеологии древних тюрков. Унифицируется сама форма оградки: сооружение становится четырехугольным, подквадратным в плане. Также унифицируются и размеры оградки: большая – 4x4 м и малая – 2x2 м либо 1x1 м с незначительными отклонениями. Стенки оград составлены в большинстве случаев из удлиненных плит, врытых в специальные канавки. Ориентированы оградки сторонами или углами по странам света. Внутреннее пространство их забутовано валунами, галькой, плитняком либо представляет из себя плитовый настил. Часто оградки сопровождаются

изваяниями или стелами с рядами балбалов, установленных с восточной стороны; в некоторых случаях стелы и стояки находятся во внутреннем пространстве оградки. Внутри оградок встречаются дополнительные сооружения – каменные ящики, ямки, выкладки из плитняка или остатки столбов. К середине стенок с внешней стороны некоторых оградок примыкают пристройки, имеющие подквадратную форму.

Материальные остатки в тувинских оградках встречаются крайне редко. Как правило, это кости животных, угли, зола, куски дерева, еще реже встречаются вещи – коррозийные изделия из железа: серпы, ножи и прочие.

Простейшая классификация тюркских оградок в Туве предполагает деление их на одиночные и смежные. Немаловажными факторами являются размеры и ориентация оград. Классификационным показателем является наличие сопровождающих сооружений: изваяний, стел, каменных ящиков, пристроек и соотношение их друг с другом, а также с погребальными памятниками. В Туве кроме традиционно существующих типов, известных как алтайские, выделенных В. Д. Кубаревым¹⁵ и А. С. Васютиным¹⁶, выявлены новые, характерные только для центральной Тывы, – аймырлыгский и дагаразинский типы¹⁷. Они дополняют и те пять типов оградок, которые предложены были для Тувы Л. Р. Кызласовым. Главной конструктивной особенностью аймырлыгского типа является наличие пристроек – одной, реже двух – в центре оградки. Кроме того, иногда и в пристройке имеются каменный ящик либо стела (Чинге-Даг-Учжу, Улут-Ооруг и др.).

Конструктивными особенностями оградок дагаразинского типа является то, что все они одиночные, ориентированы сторонами по странам света, не имеют при себе стел, балбалов. В центре их зафиксированы каменные выкладки, наброска оградок плотная. В Туве оградки такого типа, кроме могильника Даг-Аразы, встречены на могильниках Дыттыг-Чарык-Аксы, Кокэль-19 и др. Вышеописанные оградки являются собой как бы угасание тюркских традиций в поминальном обряде, о чём

свидетельствуют подчеркнуто малый размер оградок, большие напоминающих жертвенный ящик, отсутствие важнейшей составляющей тюркского поминального обряда – изваяния и балбалов; примитивность конструктивного решения оград, сохранивших лишь вымостки и каменные ящики в их центре. Именно такие оградки получат продолжение в обряде енисейских кыргызов в Туве, но уже в погребальных камерах (Аймырлыг 2)¹⁸.

Еще раз хотелось бы обратить внимание на то, что спецификой поминального обряда тюрок является присутствие при оградках дополнительных скульптурных сооружений изваяний и балбалов. Заметим, что в период господства тюрок-тугю в Туве вносится определенный порядок в установке балбалов: они выстраиваются только с восточной стороны оградки. Вырабатываются определенные нормы при изображении представителей различных слоев населения древнетюркского общества. Под влиянием соседних цивилизаций Востока и Средней Азии появляются своеобразные художественные приемы в различных регионах тюркского мира¹⁹. Так у древних тюрок окончательно оформляется традиция сооружения в поминальном комплексе изваяний, которые получают четкое назначение: сохранение облика покойного. Поэтому, когда речь идет о памятниках, оставленных древними тюрками в Туве, следует учитывать и оградки, и изваяния, а также и то, что они вместе с курганами, содержащими захоронения человека с конем, расположенными вблизи их, входят в единый комплекс сооружений поминально-погребального характера тюрок-тугю (могильники Даг-Аразы, Аймырлыг, Улуг-Бюк и др.), которые, несмотря на все изменения, происходившие в кочевом мире, сумели сохранить то влияние, которое отразилось на формировании современных народов не только Тувы, но и соседних с ней регионов.

Примечания

1. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – М., 1949. № 9; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских

племен. – М.; – Л., 1965.; Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. 1966, № 3; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М., 1969; Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник. – М., 1973; Савинов Д. Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (Х–ХII вв.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Л., 1974. Худяков Ю. С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Северная Азия: Археологический поиск. – Новосибирск. 1980; Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск., 1990;

2. В настоящей статье не получат освещения погребения без коня VI–X вв., так как автор придерживается точки зрения Л. Р. Кызласова о принадлежности части этого типа памятников местному населению. См.: Кызласов Л. Р. Указ. соч. – С. 23. 3

3. См. типологию: Трифонов Ю. И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.

4. Овчинникова Б. Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока: сб. ст. / под ред. И.Л. Кызласова. – М.: РУСАКИ, 2004. Рис. 5, 7.

5. Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск, 1990.

6. Там же.

7. Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // СА. 1982. – № 3. – С. 210.

8. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск. 1988. – С. 4.

9. Там же. – С. 31.

10. Шилов Ю. А. Космические тайны курганов. – М., 1990. – С. 78.

11. Шилов Ю. А. Указ. соч. – С. 100.

12. Грязнов М. П. Раскопки на Алтае // АСГЭ. 1940. – Вып. I.

13. Грач А. Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. – М., 1968. – Вып. 114. – С. 105–111.

14. Овчинникова Б. Б. Семантика древнетюркских оградок в Саяно-Алтае // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1998. – С. 206–210.

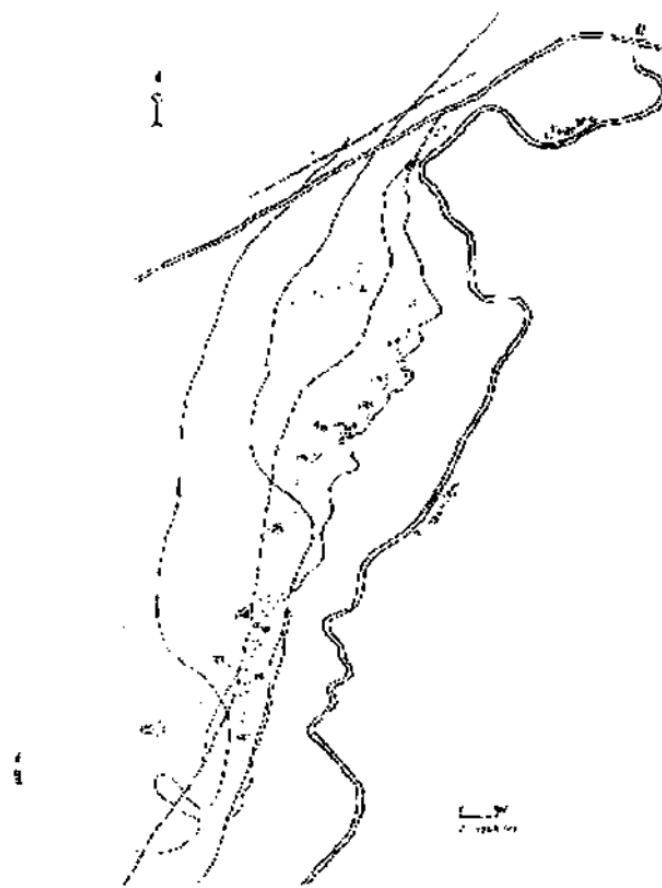
15. Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск. 1978.

16. Васютин А. С. Культовые памятники древних тюрков Горного Алтая. Дисс. канд. ист. наук. – Кемерово, 1983.

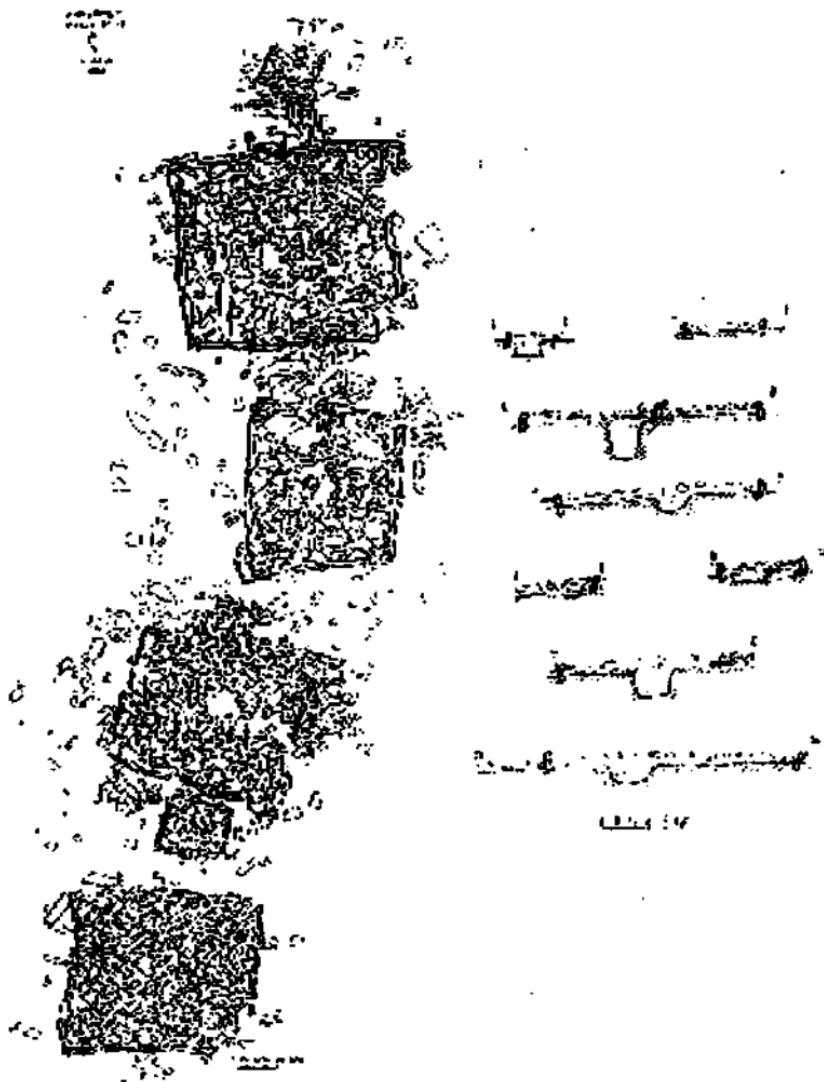
17. Овчинникова Б. Б. Семантика древнетюркских оградок в Саяно-Алтае // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1998.

18. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – С. 26.
19. Савинов Д. Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-киргызских связях // Тюркологический Сборник. 1977. – М., 1981. – С. 232–248.

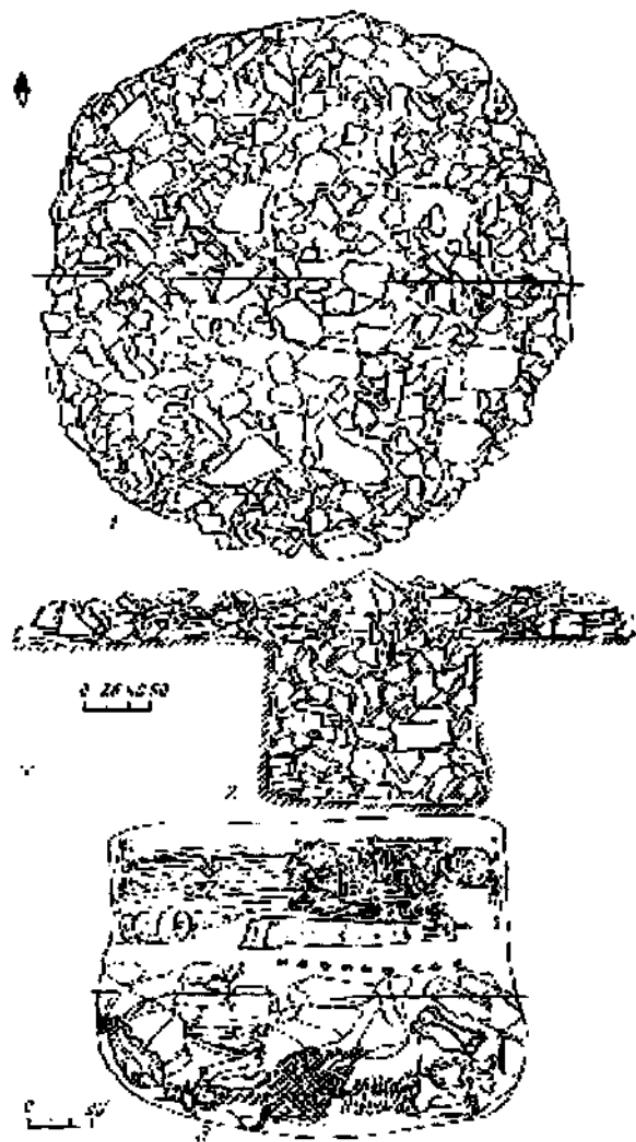
Рисунки

Рис. 1. План северной части могильника Аймырлыг (группы I–XII)

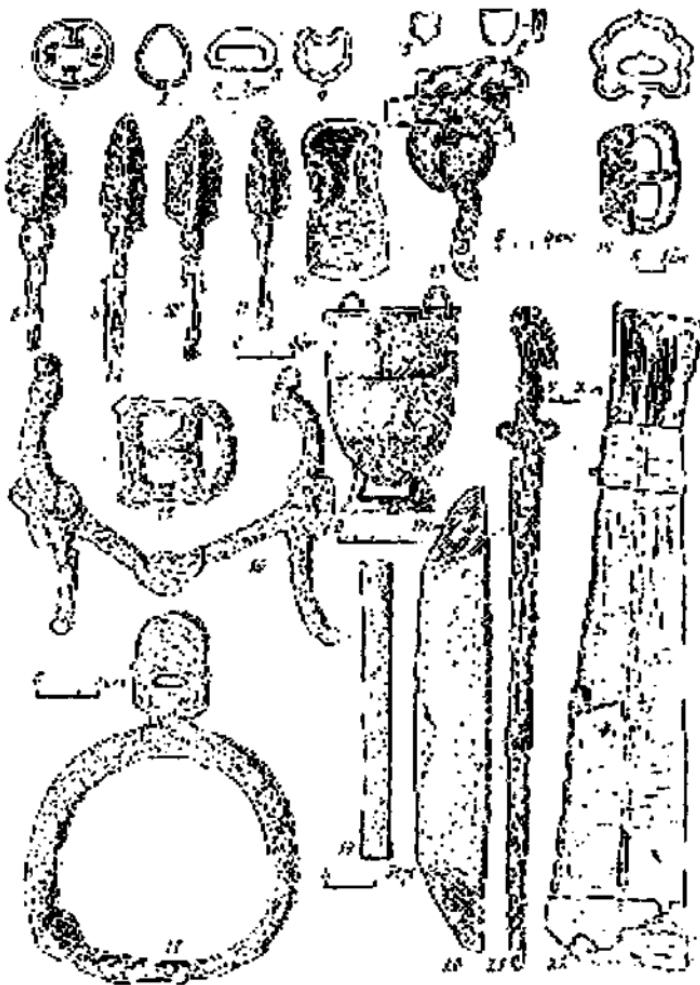

**Рис. 2. Могильник Аймырлыг. Группа IX.
Древнетюркские оградки: план сооружений после расчистки
и профили по линии север-юг.**

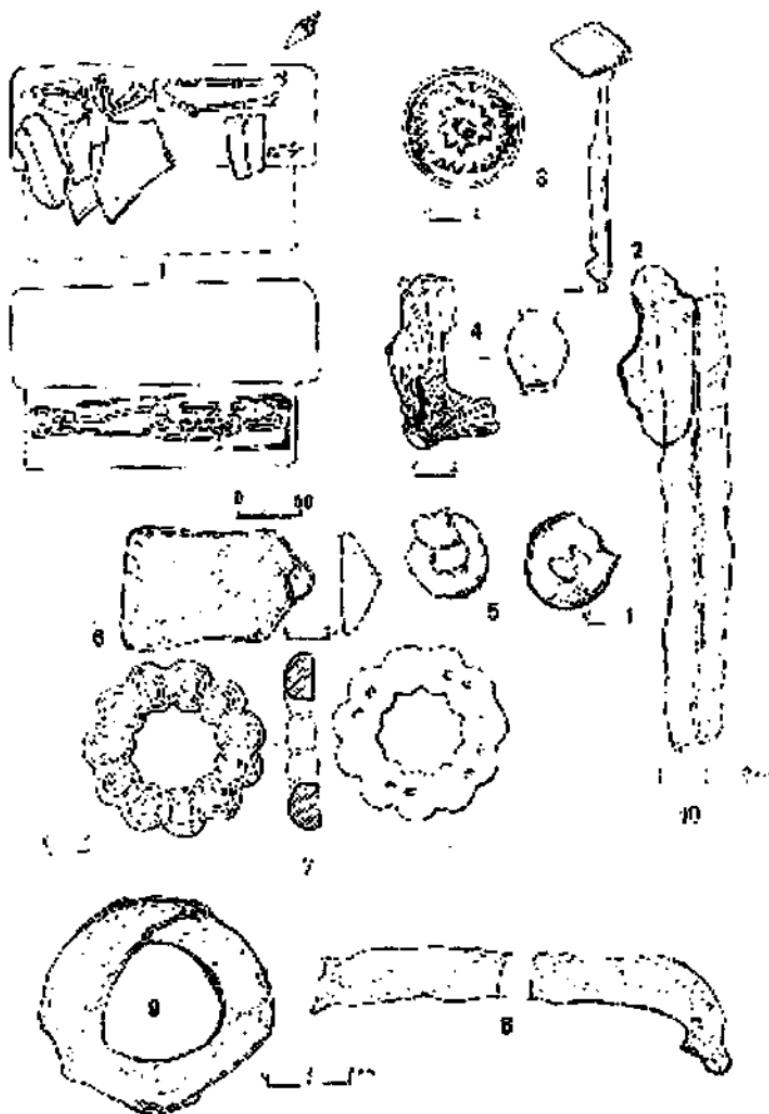
Рис. 3. Могильник Даг-Аразы (Аймырлыг 3). Группа V, курган 1.

1 – план основы наземного сооружения; 2 – разрез кургана по линии запад-восток, вид с южной стороны; 3 – план погребения.

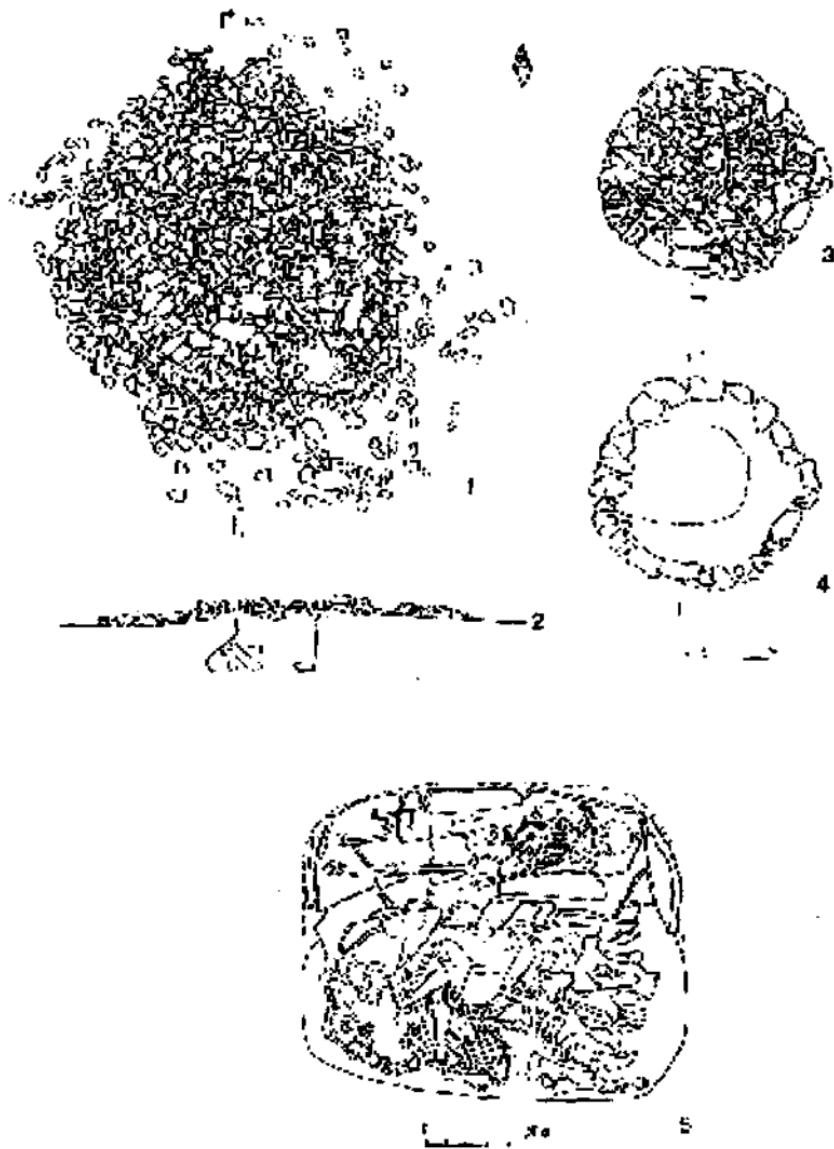
Рис. 4. Могильник Даг-Аразы (Аймырлыг 3). Группа V, курган 1.

Предметы из захоронения человека с конем: 1–7 – бронза; 8–12 – железо; 13 – реконструкция фрагмента пояса с мешочком и подвесным ремешком (кожа, бронза); 14 – бронза, железо; 15–18, 21 – железо; 19, 20 – кость; 22 – береста.

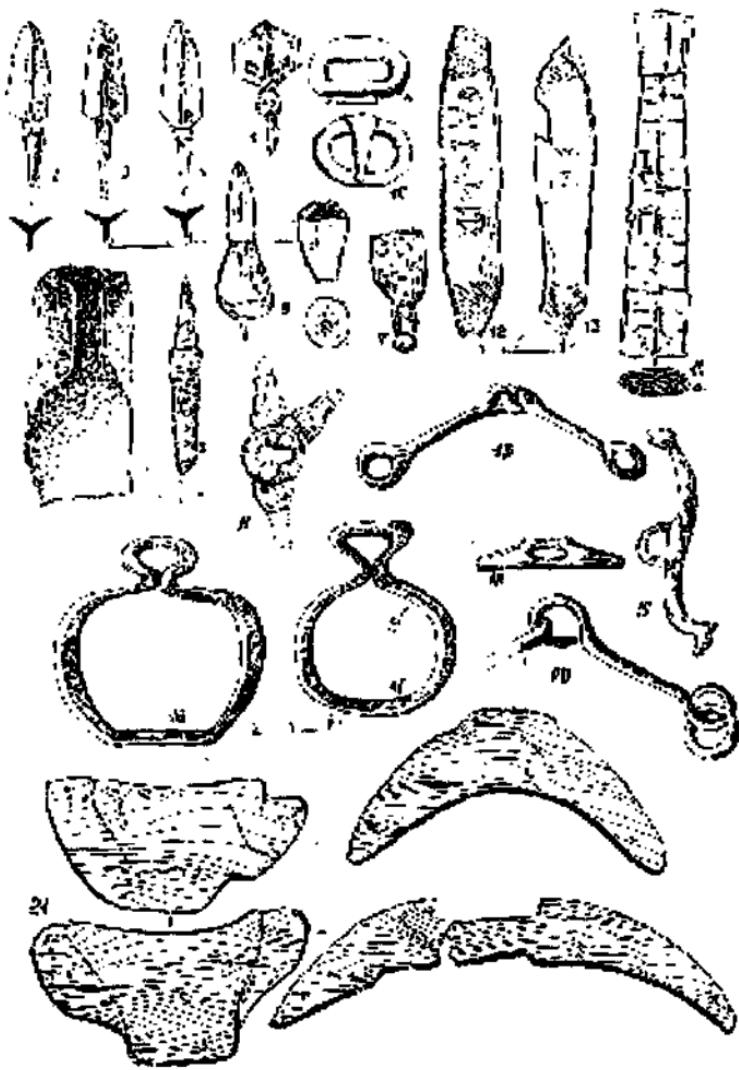
Рис. 5. Могильник Аймырлыг. Группа XIII, курган 1.

1 – план погребения со шкурой коня и человеком в колоде в подбое; 2 - кусочек простроченной ткани с ленточкой; 3 – зеркало (бронза); 4 – фрагмент сосуда (дерево); 5, 6 – пряжки (железо); 7 – бляшка (известковая вытяжка); 8 – обломок предмета (железо); 9 - кольцо от удил (железо); 10 - нож (железо).

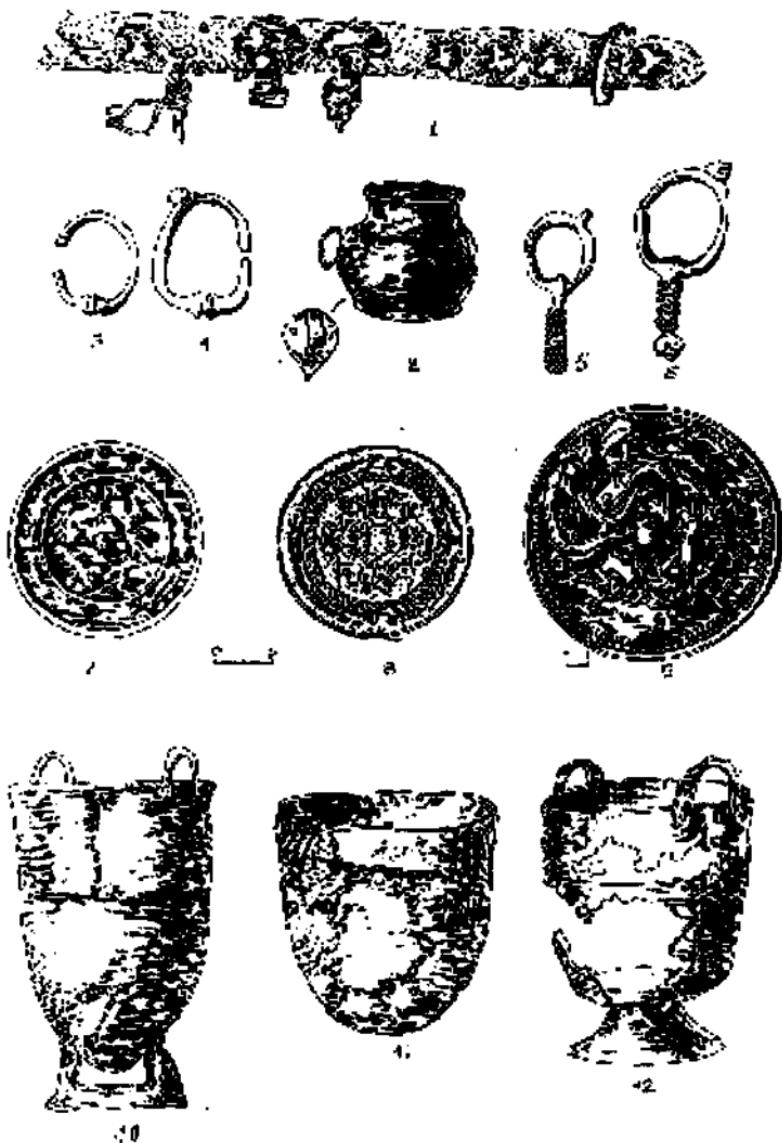
Рис. 6. Могильник Аймырлыг. Группа VIII, курган 52.

1 – план наземного сооружения до расчистки; 2 – профиль по оси север-юг, вид с запада; 3 – план сооружения после расчистки; 4 – план основы сооружения; 5 - план погребения.

Рис. 7. Могильник Аймырлыг. Группа VIII, курган 52.

Вещевой комплекс: 1-4, 7 – наконечники стрел; 5, 6 – пряжки; 8 – крюк от колчана; 9 – тесло; 10 – нож; 11 – распределитель ремней; 12,13 – накладки на лук; 14 – колчан с днищем; 15,20 – удила; 16, 17 – стремена; 18 – застежка от пут; 19 – псалий; 1-6, 8-11, 15-17, 19, 20 – железо; 7, 12, 13, 18 – кость (рог); 14 – береста, дерево; 21 – дерево.

Рис. 8. Вещи из древнетюркских могил: 1 - фрагмент наборного пояса с нашивными бронзовыми бляшками (Даг-Аразы); 2 – сосуд-латунь (Монгун-зеркала бронзовые (7-Даг-Аразы, 8-Улуг-Бюк; 9-Монгун-Тайга); 10-12 – котлы железные (10-Даг-Аразы, 11,12 – Монгун-Тайга).

Продолжение таблицы

№ №	Название памятника	Местонахождение (название даны в варианте авторов публикации Давыдовиков)	Типологическая принадлежность раскопанных (погребальных) постройки (код-во)	Датировка погребения (код-во)	Автор-раскопок	Исследователь, год раскопок	Автор-раскопок	Местонахождение (название даны в варианте авторов публикации Давыдовиков)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Ак-Даг	Сул-Хольский р-н, п. Альчи-Мадар, между реками Ак-Даг и Кок-Кинчай	курган № 1 (один) открытие № 1-3 (три)	VII-VIII вв	М.Х. Манин-ов,	М.Х. Манин-ов,		
2	Ак-Довурак	Барун-Хемчикский р-н, п. Ак-Гурт, р. Колмой-Ары	курган № 3 (один) открытие (три)	Граблен	С.И. Вайнштейн,	С.И. Вайнштейн,		
3	Аксы-Барык	Барун-Хемчикский р-н, п. Аксы-Барлык	курган (один)		1957	П.Р. Кынчалиев,	1958	
4	Бал-Гата (Биче-Шай) (БТ)	Бал-Гат, р. Биче-Шай в 15 км к зап. от п. Бал-Гат	курган БТ-59-4, БТ-59-3 (два)	открытия Биче-Шай-50-IV, V с п.в. № 25, 26 (две)	VIII-IX вв	А.Л. Грач	1958,	А.Л. Грач, 1961,
				БТ-59-6 (одна)			1966	
5	Джети-Чирек-Аксы I	Узут-Хемчик р-н, р. Хемчик 20 км выше слияния с Енисеем	курган № 1 - № 3 (три)	VIII-IX вв открытии (три)	Ю.И. Трифонов,	Ю.И. Трифонов,	1973, 1974	Ю.И. Трифонов,
6	Кокчы	Сул-Хольский р-н, п. Ишкен-Аксыр, Аксыр Аксыр-Ишкен, урочище Кончай	курган № 2, 6, 13, 21, 22, 23, 47 (семь)	открытие № № 18, 19, 20, 70, 13 (пять)	VII-X вв.	В.П. Дьяконова и С.И. Вайнштейн,	1975	1975 (информация)
7	Улуг-Бюк II	Долина Улуг-Бюк р. Хемчик, в зоне водораздела Саяно-Шушенской ГЭС	курган № 1 (один)	открытия (одна) с 2-мя стелами	VIII-IX вв	Г.В. Долженская,	1974	Г.В. Долженская, 1975 (информация)
8	Узут-Хоруу	р. Хемчик, урочище Улуг-Хоруу	курган № 54, 55 (два)	VII-VIII вв	С.А. Тешлиуков,	Л.Р. Кынчалиев,	1979	

Продолжение таблицы

9	Айнэргат I (А 1)	Улуг-Хемский р-н, п. Старый Ча-Хоть, междур. Карабей и Болы-Дж., местность Айнэргат	курган А1-У-2, 3, отрадка А1 гр Б VII-XI вв. 5, А1-VII-52; А1-XIII-1; А1-II-XV- 14, А1-XXI-3 (сети)	Б.Е. Орловцева, 1971-1973	А.М. Манакин- штам, 1972; Б.Б. Орловцева, 1973 (информация-1964) 1990
10	Ах-Түргүт дэв	Улуг-Хемский р-н, п. Ак-Түргүт, долина р. Чэ-Хоть	курган № 1 и 5 (сети)	VII-VIII вв. (6) с края (шесть)	С.И. Вайнштейн, 1957; А.Д. Григ, 1958
11	Арчалыты (Арч.)	Улуг-Хемский р-н, между г. Шагонор и с. Караг-Тай, р. Енисей	курган Агр. I гр. (1-5, гр. VIII, к 2 гр. IX к 1 (сети))	VI - первая полов. VIII вв.	Ю.И. Трофимов, 1965-1967
12	Бад-Даг (БД) (Чепет II)	Улуг-Хемский р-н, блок г. Шагонор, р. Енисей	курган 13 и 2 (72, 16 (75), 25 (84), 31 (90) (четверть))	VII-VIII вв., УШ-IX вв.	С.А. Тенбулатов, 1927
13	Дар-Арсын (Айнэргат 3)	Улуг-Хемский р-н, п. Новый Чай- хон, р. Чай-Хоть, долина Да- Арсын	курганы гр. II к. 1, 2, 3, 5, 6, 8, 13, 14, гр. III к. 1, 9, 22, 8, 10, 15, 16; гр. V, 23, гр. V к 2 к. 1 (четверть)	VII-X вв. (сети)	Б.Б. Орловцева, 1975-1977 гг.
14	Карт-Хоть 2	Улуг-Хемский р-н, г. Новий Шагонор, с. Амга-Шин гора Хайдарзия	курган № 5, 17 (сети)	VIII-X вв.	А.М. Манакин- штам, 1978
15	Кара-Тай	Улуг-Хемский р-н, г. Шагонор и п. Чай-Хоть, р. Енисей	курганы гр. I к. 3 п. 2, гр. IV к. 1, 2, 6, 7 (сети)	VIII-X вв.	Ю.И. Трофимов, 1965
16	Кара-Чогот (Хемисерс)	Улуг-Хемский р-н, урочище Кара-Чогот	курган № 4 (сети)	VIII-X вв.	С.И. Вайнштейн, 1953
17	Мулуг-Саргол	Улуг-Хемский р-н, долина р. Орхас-Саргол	курган (сети)	VIII-X вв.	Г.В. Дружинская, 1978
18	Чепет II	Улуг-Хемский р-н, по дороге Кезал-Тээн, гора Бай-Даг. р. Енисей	курган № 4 (сети)	VII-VIII вв.	А.М. Манакин- штам, 1966

Окончание таблицы

Убсу-Нурская котлованка (Юго-Западная Тува)

19	Монгун-Тайра (МТ)	Бад-Габицкий р-н, с. Ург- Нур, долина р. Карты	курганы гр. 57 («Д») XXXVI, XXXVII, гр. 58 к. IV, V, VIII, X (семь) изв. № 33, 37,	ограждки МТ- 57 «Д» № 32; 33; МТ-57 «А» № 12; МТ-58 «Б» с изв. № 33, 37, 47 (шесть)	VII-IX вв.	А.Л. Грач. 1957- 1959	А.Л. Грач. 1958- 1960, 1961
20	Саг-Ы-Бажы (СБ)	Овюрский р-н, Саг-Ы-Бажы долина, отроги хр Цаган- Шебегу, п. Сагын	курганы гр. I к I; гр. II к. 22; гр. V к. 25, 26 (четыре)	ограждки № 35 (1, 2, 3) (три)	VIII-IX вв.	А.Л. Грач. 1957, 1960-1961	А.Л. Грач. 1968
21	Үлүг-Хорум р. Сагын	Овюрский р-н, п. Кызыл-Тей, р. Сагын	курган, выпускное ограждение № 1 потреб. № 1 (один)	ограждка № 36 с VI-VII вв изванием (одна)	VII-VIII вв	А.Л. Грач, 1958 1968	А.Л. Грач. 1961. В.А. Грач. 1982
22	Аржак	Совхоз Укок, дистанция р. Укок	курган, выпускное потреб. (один)	-	VII-VIII вв изв. IX-X вв.	М.Н. Комарова 1971	М.Н. Комарова, 1973

Турано-Укокская котлованка (Северная Тува)

23	Аржак	Совхоз Укок, дистанция р. Укок	курган, выпускное потреб. (один)	-	VII-VIII вв изв. IX-X вв.	М.Н. Комарова 1971	М.Н. Комарова, 1973
----	-------	--------------------------------	-------------------------------------	---	------------------------------	-----------------------	------------------------

**О енисейских рунических надписях
из окрестностей пос. Шанчы**

29 июля 2004 года совместными усилиями научных сотрудников Института востоковедения Республики Казахстан Н. Базылхана, К. Торланбаевой и художников С. Рысбекова, С. Баширова, а также научных сотрудников Тувинского института гуманитарных исследований В. С. Салчака, Б. Б. Монгуша и К.-М. А. Симчита была проведена археографическая разведка памятников древнетюркской рунической письменности на территории пос. Шанчы Чая-Хольского кожууна. В результате разведки благодаря содействию и помощи местных жителей Данзын-оола Ховалыговича Норбу и Амира Данзын-ооловича Норбу, которым мы выражаем глубокую благодарность, были обнаружены и исследованы три стелы с древнетюркскими надписями – Е-61, Е-62 и Е-152. Ниже приводим свое чтение надписей данных стел.

Памятник Е-61 (*у Д. Д. Васильева обозначен как Суглуг-Адыр-Аксы¹, а у И. В. Кормушкина – Шанчы I²*).

Стела находится в местечке Суглуг-Адыр-Аксы в 3-х км юго-восточнее от поселка Шанчы. Надпись издавалась трижды – З. Б. Чадамба (Арагачы)³, Д. Д. Васильевым⁴ и И. В. Кормушином⁵. Надпись сделана на северо-западной стороне стелы, а на северо-восточной стороне выбита тамга (*рис. 1*). В целом состояние памятника хорошее, не считая отвалившегося от юго-западной стороны куска с верхней частью двух первых знаков надписи (*рис. 2*).

В опубликованных трудах спорным является в основном первое слово третьей строки – имя человека, которому посвящена надпись. Так, в своей статье З.Б. Чадамба (Арагачы) прочитала данное имя как Кеспик (*kespik*); у Д. Д. Васильева в транслитерации видим слово *küjik*, а у И. В. Кормушкина получается китайское имя – Люй Пек (*lüjpäk*). Мы же здесь видим имя Кёпек⁶.

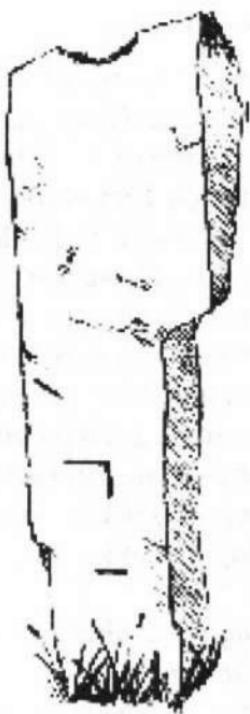

Рис. 1. Тамга на стеле

Рис. 2. Надписи на стеле

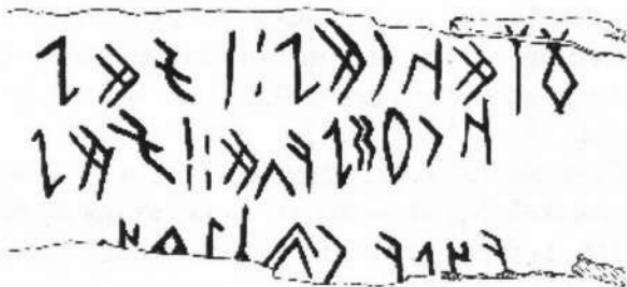

Рис. 3. Расшифровка надписи на стеле

Транслитерация:

1. elim qanıma : esizime
2. qujda kişim : esizime
3. köpek : otači ben

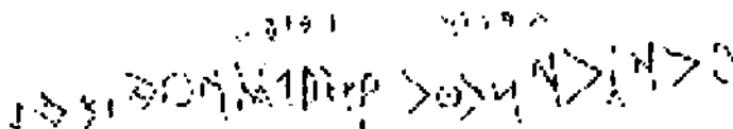
Перевод:

1. Мой эль, хан в моей памяти⁷
2. Моя супруга в тереме в моей памяти
3. Я – Кёпек-лекарь

**Памятник Е-62⁸ (*Канмылыдыг-Хову по Васильеву,
Шанчы II по Кормушину*)**

Находится на местности Чандыс-Ыргай в долине Каңмылыдыг-Хову в 9 км к северу от поселка. Надпись на памятнике издавалась дважды – З.Б. Чадамба (Арагачы)⁹, Д.Д. Васильевым¹⁰. Она нанесена на юго-западную сторону памятника. Верхняя строка надписи плохо сохранилась, сейчас еле различимы отдельные знаки. Состояние памятника хорошее.

В работах З.Б. Чадамба (Арагачы) и Д.Д. Васильева первые шесть знаков интерпретированы как јоқ соқ и јиқ : չиқ. Мы думаем, что первый знак – это перевернутое b¹, а не j², и поэтому у нас получилось имя Букачук¹¹.

Рис. 4.

Транслитерация:

1. ... [e].j² [s²] p [k]....j¹ ma . e . [m]....
2. биқаңық шүрің жүз жарық qanıma esizime

Перевод:

1. <.....>
2. Букачук урунту Юз Яныг мой отец в моей памяти

Памятник Е-152 (*по Кормушину Шанчы III*)

Стела стоит в местности Үзүк-Аксы или Ийи-көжээ примерно 10 км к северо-западу от поселка. В 100 м от нее

находятся две стелы без надписи. К северо-востоку в 2-х км через гору Кара-Даг стоит стела Е-62. Надпись впервые опубликовал в своей книге И.В. Кормушин¹². Первые две строки надписи с тамгой сделаны на юго-восточной стороне, а остальные две – на противоположной стороне стелы. Состояние памятника хорошее.

По нашему мнению, у Кормушина неверно отражены в первой строке: шестой знак k, когда мы видим j²; девятый знак j² – где мы видим k. Из-за этого меняются перевод и чтение надписи. Нам кажется, что правильнее читать первые 6 знаков второй строки как имя – Эн Элиг-чур¹³.

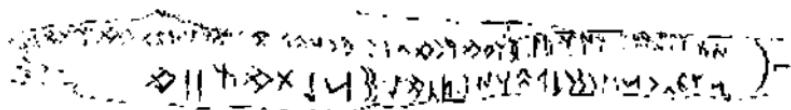

Рис. 5

3. Ј»ЧИЈ»Ј>ҮГ»Т9
4. Ј»ЧИ:Ј»)»>Ј

Транслитерация:

1. öz elin jeti : körti : elim jumušıja joritip : beş elke : tegdim : erdemli : üçün
2. en elig čur : īmanču alp tarqan : atačima : adırlıtmız : esisim
3. jerime subıma esizime
4. bodunıma : esizime

Перевод:

1. Свой эль [он всего] семь [раз] видел. Поведя посольство своего эля [я] достиг пяти элей, ради доблести.
2. [От] Эн Элиг-чур ынанчу Алп-тархана, моего старшего дяди [мы] отделились в моей памяти.
3. Моя земля, мои реки в моей памяти.
4. Мой народ в моей памяти.

Примечания

¹ Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983. – С. 34.

² Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М., 1997. – С. 139.

³ Арагачы З. Б. Новые эпиграфические находки в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ, 1963, вып. Х. – С. 250–252.

⁴ Васильев Д. Д. Указ. соч. – С. 34.

⁵ Кормушин И. В. Указ. соч. – С. 139–141.

⁶ Это имя с древнетюркского переводится как ‘собака’ (Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 317.). Такое же имя имел половецкий (кыпчакский) хан Кобяк (Кёпек), упоминаемый, в древнерусских летописях (Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М., 1985. – С. 153.).

⁷ Здесь мы даем свой перевод древнетюркского слова esizime. По нашему мнению, корнем этого слова, является слово es, которое в казахском, киргизском и в некоторых других тюркских языках имеет значения ‘память, ум, разум’ (Базылхан Б. Қазақша-Монголша сөздік. – Уланбатыр, 1977. – С. 100–101; Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. – М., 1940. – С. 233.), т. е. es + iz (окон. сущ. и прил.) + m (суфф. притяжения 1-го л.) + e (окончание дат. п.) можно перевести в моей памяти’.

⁸ Местные жители называют данный памятник Маска-Нама көжәэзи или Ховалыг-хелиң көжәэзи, по имени ламы, раньше освящавшего эту стелу.

⁹ Арагачы З. Б. Указ. соч. – С. 253.

¹⁰ Васильев Д. Д. Указ. соч. – С. 34.

¹¹ Вицаңиц (вица+чиц) переводится как ‘бычок’ (Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 125 и 651.).

¹² Кормушин И. В. Указ. соч. – С. 149–150.

¹³ Слова Эн (en) и Элиг (elig) входят в состав древнетюркских должностных имен, например, en ḫanč tutuq (Древнетюркский словарь. – М., 1969. – С. 173). Данное имя можно перевести как ‘самый верховный чур’.

II

Б. И. Татаринцев

Тунгусский след в этнонимии Южной Сибири

О языковых контактах между народами Южной Сибири (Саяно-Алтайского региона) и народами тунгусо-маньчжурской языковой семьи писалось неоднократно и по-разному, хотя и сравнительно немногочисленными авторами. В настоящее

время можно говорить о трех не согласуемых друг с другом точках зрения на эту проблему, высказанных, кстати говоря, на материале апеллятивной лексики.

Согласно первой точке зрения, существовали очень интенсивные контакты, в частности, между тунгусскими языками амурской ветви и южносибирскими тюркскими языками, что якобы проявилось в заимствовании последними из первых анатомической лексики¹. Эти данные уже рассматривались нами: они вызывают недоверие; приводимые сопоставления (сближения) в целом неприемлемы².

Вторая точка зрения сформулирована Е. А. Хелимским, рассматривавшим в этимологическом аспекте определенные тематические группы лексики одного из самодийских, ныне мертвого языка, который исследователь именует «маторско-тайгийско-карагасским» (МТК) или просто «маторским». Этимологический анализ привел Хелимского к выводу о том, что «культурная лексика МТК целиком состоит из элементов самодийского, тюркского, монгольского и – в небольшой мере – русского происхождения... Наши данные фактически исключают возможность того, что в бурных политических событиях в Присаянье и смежных областях Южной Сибири за последние две тысячи лет ... активно участвовали.., например, тунгусо-маньчжуры...»³.

Эта точка зрения ближе к истине, нежели первая, но представляет собой другую крайность и является излишне категоричной, особенно если учесть недостаточную изученность проблемы.

Согласно третьей точке зрения, указанные выше контакты считаются реальными для конкретных языков региона, например, для тофаларского. При этом обнаруживаются, однако, лишь единичные тунгусско-тофаларские лексические соответствия и одновременно высказываются сомнения в том, являются ли подобные соответствия (параллели) тунгусскими (эвенкийскими) по происхождению, или это результат случайного совпадения⁴.

Вместе с тем В.И. Рассадин отмечал, что «исторически эвенки проживали в Приангарье, территория их расселения соприкасалась с территорией расселения предков тофаларов...»⁵.

Согласно точке зрения С.И. Вайнштейна, «в древности территория расселения предков эвенков простиралась до Восточного Присаянья», и они периодически проникали в Саяны. Былые связи между предками эвенков и восточных тувинцев (тоджинцев) прослеживаются в близости их антропологических данных и в определенной общности материальной культуры⁶. И, наконец, высказывается даже мнение о локализации прародины тунгусов на территории, в которую входят Саяно-Алтай, Западная Монголия и юг Байкала⁷.

Третья точка зрения на тюркско-тунгусские (конкретно эвенкийские) языковые контакты (высказанная, кстати, раньше двух первых) представляется в целом наиболее взвешенной и, пожалуй, перспективной, хотя следует предварительно заметить, что здесь трудно рассчитывать на заметный положительный результат, в частности, на обнаружение сколько-нибудь значительных тунгусских (эвенкийских) заимствований.

Напротив, последние, если и сохранились, должны быть скорее малочисленными или даже единичными, иметь скрытый и как бы полустергтый характер и представлять собой не более чем след прошлых языковых контактов, что проявляется, к примеру, в лексике упоминавшегося выше МТК. Так, отмечено, что в ней «оба термина, связанные с огнестрельным оружием, – тюркского происхождения: *tar* ‘порох’, *aldyn(g)aj* ‘винтовка’»⁸. Относительно первого из них сомнений не возникает, однако со вторым термином дело обстоит сложнее: относительно его говорится, что «непосредственный источник не установлен, но очевидно связан с тюркским словом *aldy* ‘дичь’»⁹.

Подобная связь возможна, хотя ее характер не вполне ясен. Во всяком случае сложно истолковывать *aldyn(g)aj* как непосредственное производное от тюркского *aldn*. Вместе с тем, вероятно, не случайно сходство этого названия винтовки с эвенкийским *алаңā* ~ *алаңга* ‘лук (оружие)’. Следует

отметить, что в подобном случае мы имеем дело с бесспорным эвенкизмом, с одной стороны, в якутском диалектном *алаңаа ~ алыңаа* ‘лук; арбалет, самострел’, а с другой, – в одном из северносамодийских языков, нганасанском, где отмечена форма *aliNaa* ‘лук для стрельбы’¹⁰.

В данных ситуациях не возникает проблемы, связанной с реальностью контактов соответствующих языков с эвенкийским, в отличие от Южной Сибири, где такая проблема существует и где однозначное истолкование слова *aldyN(g)aj* затруднительно. Может быть, оно представляет собой результат контаминации указанных тюркской и эвенкийской форм, претерпевших еще и другие изменения (в том числе и семантические). Впрочем, здесь нет ясности и в вопросе о том, произошло переосмысление слова на базе заимствующего языка (МТК) или оно вошло в этот язык в сравнительно позднее время из какого-то эвенкийского диалекта, где данное слово могло быть уже названием огнестрельного оружия.

Можно, думается, с определенной долей вероятности говорить и о тунгусском следе в ономастике или, конкретней, – в этнонимии рассматриваемого региона, но это требует более пространного изложения. Начнем с того, что среди тюркоязычных народов Южной Сибири в той или иной степени сохранились следующие этнические наименования: тув. *маады*, алт. *модор* или *моодор*, хак. *модар*. Они же или их варианты могут выступать и в качестве личных имён (ср., напр. хак. *Модар*, *Модарах*), причем их предполагаемые варианты заметно отличаются по своей форме от соответствующего этнонаима. Так, отмечено алт. личное имя *Мааты ~ Бааты*¹¹, отличное от алт. *Моодор*, но близкое к тув. *маады*. Вместе с тем соответствие указанным тюркским этнонимам фигурирует и как этническое название части южносибирских самодийцев (ныне не существующих), каково, в частности, *mådor(lar)* (камасинск.), более известное в варианте *матор(ы)* (раньше также *мотор(ы)*).

Наиболее ранняя фиксация соответствий указанным этнонимам приходится на начало – первую половину XVII в., когда в русских деловых бумагах, составленных «служилыми людьми», с одной стороны, отмечено название *мат(ы)* и производные от него (*Матцкие люди*, *Матцкая земля*, *Матцкая степь*)*; оно считается ранней формой тув. этнонаима *маады*. С другой стороны, в этих документах фиксируются различные варианты этнического названия *матор* и также производные от него, в том числе *матарцы*, *маторцы*, *муторцы* и под.¹².

Первоначальной формой первого этнонаима была, по-видимому, *маты (с вероятной долготой гласного *a* : *мааты), но в начале XVII в. у него существовал односложный вариант *мат* (*маат*), употреблявшийся как в русском языке, где *маты было осмыслено как форма множественного числа на -ы от некоей основы *мат, так, отчасти, и в тюркской речи (в первую очередь, хакасской), где -ы мог быть осмыслен как аффикс принадлежности 3-го лица при подобной же основе, хотя в данном случае не исключено и другое объяснение появления варианта *мат***. Вероятно, такова же была и самодийская (маторская) форма слова (см. об этом ниже).

Ученых нет единого мнения по вопросу о том, каковы отношения между этническими названиями *маты (и, далее, *маады*) и *матор*, связаны ли они родством между собой и существовали ли генетические связи между их носителями – тюркоязычными (как предполагается) маады и самодийскоязычными маторами.

Относительно самих названий высказывались как точка зрения, согласно которой между ними существует не более

* «Матская степь» была под самым Красноярском»¹⁶.

** Это может быть результат уподобления *маты другим словам, контаминации с ними. Такими словами могли являться, например, хак. *магат* ~ *мацат* (> *маат*, *мат*) ‘добрый, честный, справедливый; очень хороший’, *март* ~ *мат* ‘важный, умеющий себя держать; солидный’, *матлама* ‘правильный человек, не выходящий за рамки приличия; прилежный’ ср. также алт. диал. *мат* ‘честный, степенный’; ‘честный, верный’¹⁷.

чем звуковое сходство¹³, а между их носителями также нет никакой связи, так и версия противоположного характера. Так, С. И. Вайнштейн сближает друг с другом и названия, и самих их носителей¹⁴; высказывается также предположение, согласно которому «маторы и маты представляют собой части одного и того же племени, и, следовательно, маты генетически являются самодийцами»¹⁵, что, думается, чрезвычайно упрощает ситуацию.

Что касается нашего мнения, то мы считаем, что названия *маты* и *матор* определенно родственны между собой. Относительно последнего предварительно заметим, что для русских документов XVII в. первоначально были характерны колебания в огласовке последнего: наличие вариантов без огубления вообще (*матарцы*) и, реже, с огублением гласного только первого слога (*Мутарская земля*) или только второго слога (*маторские люди*), тогда как в источниках XVIII в. можно встретить уже варианты, где огублению подверглись гласные обоих слогов (*модур*, *модор*). При этом меняется и качество интервокального согласного: происходит его озвончение*.

Представляется, что в этих вариантах зафиксированы изменения внешнего облика этнонима. Наиболее ранняя из дошедших до нас форм, похоже, не имела лабиализации и характеризовалась глухим интервокальным *t* (*матар*). Таким образом, скорее всего, передана *маттар – тюркская (конкретнее – южносибирско-тюркская или, в данном случае, скорее, хакасская) форма множественного числа от *мат*, где аффикс *-тар* в позиции после шумного смычного *t* преобразовался в вариант *-тар*.

Форма *маттар* существовала реально и сохранена в трудах языковедов первой половины XIX в. (сначала – Г. Ю. Клапрота, а затем – М. А. Кастрена). По всей вероятности, это была форма названия, данная со стороны, условно говоря, хакасская. Сами «маты» называли себя несколько иначе, хотя также употребляли

* Эпизодически вариант *модор* отмечается и в материалах по XVII в.¹⁶

при этом форму множественного числа, о чем свидетельствует такой источник второй половины XVIII в. как «сочинение» Егора Пестерева, где приведено название *матларский род* (*матлар*)¹⁹, и труд уже упоминавшегося Клапрота, где наряду с *мattar* приведена и форма *matlar*²⁰. *Матлар* (*matlar*) может быть формой множественности только от варианта типа *маты (~ *мааты), т.е. с конечным узким гласным, не отраженным в приводимых выше записях этнонима; ср. современное тувинское *маадылар*.

Вернемся, однако, к форме *матар* или, точнее, – *маттар*. Очевидно, она довольно рано попала в другую, нетюркскую языковую среду, где и претерпела заметные изменения в характере вокализма и консонантизма. Скорее всего, эта среда была самодийской; в ней и произошло огубление гласных и преобразование *m(m)* > *đ* (последнее – в камасинском варианте).

От самодийцев (скорее всего, от камасинцев) этноним снова вернулся в некоторые языки южносибирских тюрков, став в них, таким образом, самодийским заимствованием, какими являются, в первую очередь, хак. *модар*, а затем алт. *модор* (*моодор*), попавшее в алтайский язык, вероятно, через хакасское посредничество.

Родство названий *маты* и *матор*, таким образом, сомнений не вызывает, и, по всей вероятности, оно отражает историческую общность соответствующих этносов. Не случайно, согласно И. Георги (по данным на вторую половину XVIII в.), «маторы называют сами себя *матами* (очевидно, от *мат* или *маты*. – Б. Т.) и *матор-аймаками*»²¹.

Выше мы частично касались вопроса о происхождении указанных названий, в частности, *матор*, о котором можно определенно сказать, что эта форма имеет не самодийскую, а, скорее, тюркскую этимологию. Сложнее обстоит дело с формой *маты, которая, судя по некоторым данным, также не является самодийской по происхождению. Не случайно А. Йоки пытался найти для *мат(ы)* тюркские соответствия²², хотя эту попытку трудно оценить как удачную.

Нам известна и другая попытка выдвинуть тюркскую версию происхождения данного этнонима, которая, однако, вызывает серьезные сомнения²³.

Возможно, поиски тюркской этиологии для *маты отчасти стимулировались имевшим хождение в прошлом представлением о том, что в одном из енисейских древнетюркских рунических памятников якобы зафиксирован этноним маты, хотя последующими чтениями текста данного памятника наличие в нем подобного слова подтверждено не было²⁴.

Скорее всего, *маты имеет нетюркское происхождение.

Добавим к сказанному, что нет достаточных оснований для поисков источника данного этнонима и в монгольских языках. В этом плане значительный интерес представляют данные тунгусских языков (эвенкийского и эвенского), где *маты соответствует эвенкийское *мата* ‘чужеродец; гость; сосед; незнакомец; человек, приехавший издалека, пришелец; свойственник’ и, наконец, – ‘старинное самоназвание эвенков (при общении друг с другом)’; ср. также эвенское *мāта* (*маата*) ‘чужой, незнакомец, пришелец, путник, странник; гость’, *мāтак* (*маатак*) ‘зять (муж дочери); чужеродец...’²⁵.

Относительно эвенкийского *мата* в качестве этнонима можно в добавление сказать, что это одно из средневековых самоназваний тунгусов, по-видимому, предшествовавших появлению этнонима эвенк,²⁶ и что значение этнонима у *мата* определенно вторично: его появление, очевидно, было обусловлено наличием семантики, связанной с родством по браку (‘свойственник’).

По своему внешнему облику и семантике данное тунгусское (в частности, эвенкийское) слово, можно сказать, идеально подходит в качестве исходного для южносибирско-турецкого *маты и тув. *маады*. Последнее, в отличие от ранее указанных хакасских и алтайских форм, сохранило наиболее древний вариант слова, имеющего связь с *мата*. Появление в *маады* долготы является следствием передачи ударного качества гласного первого слога или же долготы последнего (ср. эвенское

мата, где она присутствует), а гласный *ы* передает редукцию конечного гласного; переход *t > d* в интервокале также закономерен. Возможно, то же происхождение имеет алтайский антропоним *Мааты ~ Бааты*.

Трудно сказать, было ли слово *мата* заимствовано уже как «готовый» этноним или как нарицательное слово типа термина родства, который был затем переосмыслен и стал этническим названием. Во всяком случае, второй вариант заимствования также возможен, о чем свидетельствует одно любопытное соответствие *маты и *маады*.

Речь идет об этнониме *маду* (вариант *мадду*), названии части северосамодийской народности энцев, так называемых «тундровых» энцев, которых так именуют энцы лесные. По другим данным, указанный этноним представляет собой самоназвание тундровых энцев. *Маду...* также неоднократно сопоставлялся с этнонимами Южной Сибири, в том числе и с *маады*²⁷, однако подобные сопоставления вызывают неоднозначную реакцию, в том числе и возражения (например, со стороны Б. О. Долгих). Он, вместе с тем, дал интересное для нас объяснение происхождения вышеупомянутого названия тундровых, или хантайских, энцев: «Что касается названия *маду* (*мадду*), то есть сваты (родственники по женам), то это несколько ироническое, полуутягивое прозвище дали им лесные энцы»²⁸.

Обращает на себя внимание заметная общность между энецким *маду* и тунгусским *мата*, которая, вероятно, неслучайна. Возражая против сближения друг с другом названия *маду ~ мадду* у энцев и южносибирских этнонимов типа *матор*, Б. О. Долгих писал: «Мы думаем, что энцы не связаны своим происхождением с районом обитания камасинцев, кашинцев и маторов...»²⁹. Скорее всего, в этом ученый был прав, но, вместе с тем, указанные этнонимы, не будучи прямо связанными друг с другом, могут иметь общее происхождение, если предположить, что они в том и в другом случае представляют собой, в сущности, одно и то же тунгусское заимствование, а таковые в лексике языков северных самодийцев отмечены³⁰.

В каком бы значении ни была заимствована форма *маты*, несомненно, что она первоначально не была самоназванием, а дана со стороны и являлась аллоэтнонимом. Возможно, он относился к представителям первоначально чужого, но ставшего со временем (через заключение браков) рода или племени нетунгусского происхождения и был дан тунгусами, которые в период средневековья еще могли жить в Южной Сибири, а затем, хотя бы отчасти, слиться с другими местными этносами (самодийцами, тюрками).

Г. Ю. Клапрот в свое время высказал мнение о том, что койбалы (позднее – часть хакасов) происходят от эвенков (тунгусов). Отметим в связи с этим, что ранее, в XVII веке, койбалы были «отдельным родом самодийскоязычных маторов»³¹. Клапроту позднее (в 1845 г.) возражал П. А. Чихачев, считавший, что разделять хакасские племена качинцев, сагайцев и бельтиров, с одной стороны, и койбалов – с другой, по происхождению «было бы рискованно», поскольку у всех у них язык, внешний вид, нравы, обычаи и религия весьма схожи³². Возражение это слабо аргументировано, тем более, что у Клапрота, вероятно, были какие-то основания, чтобы высказывать подобное мнение.

С тунгусоязычным этносом в прошлом могли быть связаны и тувинские маады. Во всяком случае, связи их с маторами определенно имели место. М. А. Кастрен утверждал, что у маады существовало предание об их происхождении от маторов, а в 50-х годах прошлого столетия у маады еще сохранялась память о том, что они пришли в Туву из-за Саян³³.

Л. П. Потапов считал, что «маты или матцы были типичными скотоводами-кочевниками в отличие от маторов – звероловов-охотников». Вместе с тем в том же труде говорится о существовании в XVII в. двух групп маторов: коневодов-скотоводов и так называемых «каменных» (горных) маторов, звероловов и рыболовов, однако маты сопоставляются фактически почему-то с одной только последней группой³⁴.

Неясно также, на чем основано утверждение о том, что маты являлись «типичными скотоводами», тем более что в то время маады были еще очень слабо изучены в

историко-этнографическом плане, чем впоследствии (в 80-е гг. XX в.) занималась В. П. Дьяконова. Из ее недавних публикаций явствует, что особенность хозяйственно-культурного типа маады составляла пешая охота и собирательство (в чем неожиданно проявилась общность с «каменными» маторами), причем еще «до 40-х гг. [XX в.] у маады сохранялся древний способ охоты, пешее преследование в тайге»³⁵. В связи с этим отметим, что «все тунгусоязычные народы (и эвенки в первую очередь) были прежде всего охотниками» (причем в основном охотниками пешими)³⁶.

Интересно также, что у маады до недавнего прошлого сохранялись и определенные традиционные представления, находящие соответствия, в частности, в культуре эвенков³⁷.

Маты (маады) и маторы противопоставлялись друг другу и по языковой принадлежности: первые считались тюркоязычными, а вторые – самодийскоязычными; впрочем, о первых как о тюрках говорится с оговоркой: «Тюркоязычность их несомненна по крайней мере с XVIII в.»³⁸. Как с этим обстояло дело до указанного столетия, остается неясным. Вызывает определенные сомнения и та уверенность, с которой говорится о тюркоязычности маады, учитывая, что какие-либо языковые материалы по их языку, как и по тувинскому вообще, относящиеся к XVIII в., неизвестны.

Языковая принадлежность предков тувинцев, принадлежащих к родоплеменной группе маады, думается, пока неясна. Это могли быть как тюрки, так и тюрокизированные нетюркские этносы (самодийцы и, что не исключено, тунгусы). Возможно, дальнейшие исследования смогут пролить свет на эту проблему.

Примечания

1. Дыбо А. В. Заемствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Часть первая. – М., 1989.
2. См.: Татаринцев Б. И. О предполагаемых уральских и тунгусо-маньчжурских заимствованиях в лексике тюркских языков // Языки коренных народов Сибири, вып. 5. – Новосибирск, 1999. – С. 197 и след.

3. Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. – М., 2000. – С. 290. Ср. также: Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб., 1994. – С. 124.
4. Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ, 1971. – С. 94.
5. Там же.
6. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. – М., 1972. – С. 115–116.
7. Ермолова Н. В. Возвращаясь к тунгусской проблеме: поиск этнических истоков эвенков – и новые предположения // Сибирь. Древние этносы и культуры. – СПб., 1996. – С. 123, 128.
8. Хелимский. Указ. соч. – С. 288.
9. Там же.
10. Диалектологический словарь якутского языка. – М., 1976. – С. 43; Хелимский Е. А. Указ. соч. – С. 97, 113.
11. Алтай калыктың аттары. – Алтайские личные имена. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 37, 72.
12. Указанные этнические названия и производные от них формы приводятся в основном по работе: Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан, 1957.
13. Потапов Л. П. Указ. соч., с. 120; Он же. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969. – С. 17 (примеч. 10).
14. Радлов В. В. Из Сибири. – М., 1989. – С. 599, 600, 732 (примечания и указатель С. И. Вайнштейна).
15. Васильев В. И. К проблеме этногенеза северносамодийских народов // Социальная организация и культура народов Сибири. – М., 1974. – С. 137.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. – М.–Л., 1941. – С. 563.
17. См.: Хакасско-русский словарь. – М., 1953. – С. 100, 102; Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995. – С. 60; Он же. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – С. 59, 60; Грамматика алтайского языка. – Казань, 1869. – С. 218; Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). – М., 1972. – С. 232. За консультацию по хакасскому материалу выражаем свою благодарность канд. ист. н. И. К. Кидиековой.
18. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. – М.; – Л., 1937. – С. 324.
19. Дулов В. И. Сочинение Егора Пестерева о Туве // УЗ ТНИИЯЛИ, – Вып. III. – Кызыл, 1955. – С. 74.
20. Klaproth J. Asia Polyglotta. – Paris, 1823. – S. 148–149, 152.
21. Цитируется по работе: Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. – Кызыл, 1971. – С. 71–72.

22. Joki A. Die Lehnwörter der Sajansamojedischen. – Helsinki, 1952. – S. 222.
23. См.: Самаев Г. П. К вопросу происхождения и переселения родов ара и модор // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С. 167 и след.
24. См.: Вайнштейн С. И. Очерк этногенеза тувинцев // УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V. – Кызыл, 1957. – С. 194; Сердобов Н. А. Указ. соч., с. 71-72; Кормушин И. В. Тюркские енисейские epitafii. Тексты и исследования. – М., 1997. – С. 257-259.
25. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. I. – Л., 1975. – С. 533.
26. Ермолова Н. В. Указ. соч. – С. 140.
27. Васильев В. И. Указ. соч. – С. 134.
28. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – С. 136. Ср.: Он же. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М., 1970. – С. 224.
29. Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – С. 224.
30. Хелимский Е. А. Указ. соч. – С. 280.
31. Радлов В. В. Из Сибири. – С. 590.
32. См.: Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. – М., 1974. – С. 206.
33. Вайнштейн С. И. Очерк этногенеза тувинцев. – С. 193.
34. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 108, 122.
35. Дьяконова В. П. Тувинский этнический компонент маады // Культурное наследие народов Сибири и Севера. – СПб., 2000. – С. 104–105.
36. Василевич Г. М. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1972. – С. 184 и след.
37. Дьяконова В. П. Обстановка и предметы обихода жилища тувинцев // Памятники материальной культуры народов Южной Сибири. – СПб., 1994. – С. 41.
38. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. – С. 122; Радлов В. В. Из Сибири. – С. 599.

Заимствование как способ обозначения новых реалий в лексике тувинского языка

Одним из источников пополнения словарного состава языка являются заимствования. Лексические заимствования занимают значительное место в истории развития различных языков мира¹. Они представляют собой сложное, многогранное явление, издавна привлекавшее к себе внимание языковедов².

В словарном составе тувинского языка слова, заимствованные из других языков, также весьма многочисленны. Это результат различных взаимосвязей тувинцев с другими народами. Так, в результате господства маньчжуро-китайских захватчиков и, в связи с проникновением китайских купцов в Туву, с распространением среди тувинцев буддизма (ламаизма) в тувинский язык вошло определенное количество слов из китайского, тибетского языков и санскрита. К ним относятся названия предметов торговли, быта, термины религии, названия титулов, собственные имена и некоторые другие слова³. Есть мнение, что в словарном составе тувинского языка имеются слова кетского и самодийского происхождения⁴.

Издревле на лексику тувинского языка сильное влияние оказывал монгольский язык. Монголизмы в тувинской лексике занимают значительное место. Отмечается, что они составляют не менее 40 % тувинской лексики⁵.

Значительный удельный вес монгольских заимствований объясняется существованием давних тувинско-монгольских языковых контактов. Но к концу 30-х годов монгольские заимствования стали постепенно сокращаться, а с начала 40-х годов прекратились⁶. В те времена многие монголизмы перешли в пассивный словарь тувинского языка.

Основную роль в обогащении словарного состава тувинского языка сыграл и продолжает играть по сегодняшний день русский язык.

Необходимо заметить, что русским заимствованиям всегда уделялось определенное внимание. Изучению русских заимствований в тувинском языке посвящены многие работы. Начало этому положил Н.Ф.Катанов в своем труде «Опыт исследования урянхайского языка...» (1903). Посетив Туву в 1889 году, он зафиксировал бытование в тувинском языке некоторых русских имен, названий предметов быта, заимствованных устным путем. Малый объем материалов по русским заимствованиям, приводимых в данном исследовании, отражает начальный этап русско-тувинских отношений⁷.

Основными исследовательскими работами по русским заимствованиям в тувинском языке являются работы Б. И. Татаринцева «Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского языка» (АКД, Новосибирск, 1968) и «Русские лексические заимствования в тувинском литературном языке» (Кызыл, 1974), где всесторонне изучен этот вопрос. Этой теме также уделено внимание в работах Д. А. Монгуша и С. Ч. Сата «Совет уеде Тыва дылдын хөгжүлдэзи» (Кызыл, 1967); Ш. Ч. Сата «Формирование и развитие тувинского национального литературного языка» (Кызыл, 1973) и т.д.

Из вышеотмеченных работ видно, что особенно благотворное влияние русского языка на развитие лексики тувинского языка отмечается в советскую эпоху. В результате экономического, политического и культурного развития новые заимствованные русские слова вливались в тувинский язык.

В целом дореволюционные и послереволюционные монгольские заимствования, а также русские заимствования советского времени вошли в словарный состав литературного тувинского языка, и составляют значительную его часть.

Социально-экономические преобразования второй половины 80-х годов вошли в историю как эпоха перестройки. В результате перестройки произошел распад Советского Союза⁸. Именно в этот переломный период в истории страны многие слова и их значения вышли из употребления, тем самым стали архаизмами и историзмами. Например: *обком*, *райком*, *СЭКП* (КПСС)

и т. д. В эпоху перехода общества от одной экономической формации к другой и смены форм государственности, периода начавшихся глубоких реформ и по сегодняшний день появилось в употреблении очень много новых заимствованных слов, в том числе кблек. Эти новые слова по их лексико-семантическим признакам можно разделить на следующие тематические группы:

1. общественно-политические термины: *парламент, демократия, бот-догуннаан күрүнө «суверенное государство», соңгулдалар технологиязы «выборные технологии», тиар, рейтинг, брифинг, консенсус, альтернативтиг «альтернативный», референдум, инаугурация* и т. д;

2. экономические термины: *корпорация, холдинг, компания, ипотека, менеджмент, олигарх, хостуг өртектер «свободные цены», квота, офшор, офшорлуг девискээр «оффшорная зона», офшорлуг акшалар «оффшорные деньги, деткичи «спонсор», индексация, лизинг, конвертация, консалтинг, консорциум, бизнес, дотация, ваучер, инфляция, чижилге «конкуренция», тендерлиг садыглажсыштыннар «тендерные торги», банкомат, монополия, наркобизнес, дивиденд, демпинг, рейтинг* и т. д;

3. технические и бытовые термины: *компьютер, монитор, ксерокс, факс, принтер, модем, сканер, сотовуг телефон «сотовый телефон», роутинг, картридж, сайт, файл, миксер, тостер, ростер, шейкер* и т. д;

4. слова, связанные с профессией, должностью: *президент, вице-президент, менеджер, мэр, суд приставы «судебный пристав», эптеҗилге судьязы «мировой судья», сайгарлыкчы «предприниматель», продюсер, промоутер, дилер, брокер, спикер* и т. д;

5. названия учреждений, организаций: *департамент, КУБ (күрүнениң унитарлыг будурүлгези) «государственное унитарное предприятие», кызыгаарлаттынган харысалгалыг ниитилел «общество с ограниченной ответственностью», хуу будурүлгө «индивидуальное частное предприятие»* и т. д;

6. слова, используемые в средствах массовой информации: реклама, рекламалыг ролик «рекламный ролик», теледебаттар «телебаты», телемост и т. д.

7. названия блюд продуктов: пицца, гамбургер, чизбургер, хот-дог, чипсылар «чипсы», кириешкалар «кириешки», чупачупс, чоко-пай, самса, «Баунти», «Сникерс», «Марс», «Роллтон», «Доширак», йогурт и т. д;

8. названия детских игрушек: трансформер, «Барби» (кукла), «Бумер», «Бетмен», эзремчик кижи «человек-паук», «Лего», «Сега», киборг и т. д;

9. спортивные термины, а также названия некоторых игр или видов спортивных занятий, ставших модными и популярными в последнее время: боулинг, дайвинг, скейтборд, сноуборд, сноублэйд, байкер, шейтинг, фитнес, кикбоксинг и т. д;

10. термины, употребляемые в косметологии: лифтинг, пилинг, скраб и т.д;

11. названия некоторых явлений музыкальной культуры, культуры вообще: хит-ырылар «песни-хиты» имидж, имиджмейкер, дизайн, постер, блокбастер и т.д;

12. названия канцелярских принадлежностей: степлер, штирих, файл, органайзер, кейс и т.д;

Принимая заимствования, русский язык сам является источником, из которого другие языки черпают свои ресурсы⁹. Так, основная часть новых слов имеет иностранное происхождение: они пришли в тувинский язык через посредство русского путем прямого заимствования.

Например: слово менеджер от английского *manager* означает нанимаемый руководитель предприятия, фирмы и подразделения¹⁰.

Некоторые новые слова не соответствуют своим прямым значениям, заимствованы в совершенно новом значении. Например, слово тендер < англ. *tender*, имеющее следующую семантику:

1. ‘особого рода устройства вагон с запасом топлива, воды и других материалов, прицепляемый непосредственно к паровозу (тепловозу);’

2. ‘винтовая стяжка для натягивания тросов или проволоки при сооружении самолетов’;
3. ‘парусное судно’¹¹.

А в тувинском и русском языках слово *тендер* имеет другое значение: словосочетание *тендерлиг садыглажсышкыннаар* «тендерные торги» используется в значении ‘конкурсные торги’.

В настоящее время происходит актуализация монгольских заимствований, потерявших свою актуальность в советскую эпоху. Такие слова можно разделить на следующие тематические группы:

1. слова, являющиеся названиями государственных учреждений, судебных органов: *яамы* ‘министерство’, *иүүргү* ‘суд’, *каайлы* ‘таможня’, *кожуун* ‘район’;

2. слова религиозно-культового назначения: *ном*, *судур* (религиозные книги), *хуурак* (послушник в буддийском монастыре), *хүрээ* «буддийский монастырь» и т. д.;

3. приобрело актуальность и слово высокого стиля *дээрги* ‘господин’ (п.-монг. *degereki* «находящийся сверху, верхний»)¹².

Тувинский язык, особенно в последнее десятилетие, ощущает небывалый наплыв новых слов, которые приходят путем прямого заимствования или, реже, калькирования.

Наиболее заметной перестройке подверглись экономика и политика. Поэтому соответствующие данным сферам деятельности тематические группы слов и значений испытали наибольший наплыв заимствований. Наиболее чутким индикатором этих языковых изменений являются различные средства массовой информации. Вместе с тем многие новые для тувинского языка слова не зафиксированы в словарях и не понятны большей части населения. Потребность в толковании новых слов и значений особенно остро испытывают читатели и слушатели современной прессы и литературы.

Примечания

1. Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. – Кызыл, 1974. – С. 3.
2. Татаринцев Б. И. Там же. – С. 3.
3. Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. – Кызыл, 1973. – С. 115.
4. Татаринцев Б. И. О лексических заимствованиях в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XV. – Кызыл, 1971. – С. 156–157.
5. Татаринцев Б. И. Двуязычие и заимствованные русские слова в современном тувинском литературном языке // Конференция молодых ученых и специалистов. Гуманитарные науки. Тезисы докладов. – Новосибирск, 1966. – С. 62.
6. Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. – Кызыл, 1973. – С. 122.
7. Татаринцев Б. И. Указ. соч. – С. 11.
8. Орлова А. С. История России. – М., 2001. – С. 452–466.
9. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. – М., 1973. – С. 7.
10. Новые слова и значения // Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. – М., 1984.
11. Универсальный словарь иностранных слов русского языка. – М., 2000.
12. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2002. – С. 332.

E. M. Күулар

Образование падежных форм в юго-восточном диалекте тувинского языка

Система падежей в юго-восточном диалекте (далее ЮВД) не имеет больших отличий от литературной. Падежей как в тувинском литературном языке, так и во всех диалектах семь: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, направительный. Рассмотрим морфологические особенности падежей в отдельности.

Именительный падеж. Морфологическим признаком данного падежа, как и в других тюркских языках, является

отсутствие особого падежного аффикса (нулевой показатель падежа): *кым?* ('кто?') *кижси* 'человек', *акаа* 'брать', *чүү?* ('что?') *хоорай* 'город', *бэрү* 'волк' и т. д. Форма основного падежа является исходной, начальной точкой для образования всех остальных падежей.

В разговорной речи носители эрзинского и тес-хемского говоров ЮВД вместо именительного падежа употребляют существительное с аффиксом дательного падежа: *Ол дагга шаандан тура кончуг дилгилиг турган* 'На той горе с давних пор имелось очень много лис' (лит: *Ол даг шаандан тура кончуг дилгилиг турган*) 'Эта гора с давних пор имела очень много лис'.

Родительный падеж. Он в ЮВД, как и в тувинском литературном языке и в его диалектах, оформляется аффиксом -ның и его вариантами -нин, -нун, -нүн, -дың, -дин, -дун, -дүн, -тың, -тин, -тун, -түн в зависимости от последнего звука основы и характера ее вокализма.

В речи отдельных носителей всех говоров рассматриваемого диалекта при прибавлении аффикса родительного падежа после сонорного звука л не наблюдается процесса диссимилияции, характерного для тувинского литературного языка: *малның* (лит. *малдың*) 'скота', *оолнүң* (лит. *оолдуң*) 'мальчика', *шилниң* (лит. *шилдин*) 'стекла'. В предложениях данная форма выглядит следующим образом:

Чылның-на каңнат турар, от-сиген бахай турар 'Каждый год засуха, трава плохая бывает' (лит. *Чылдың-на каңнат турар, оът-сиген багай унуп турар*) 'Каждый год бывает засуха, трава растет плохо'.

Малның деңгели эки эвес турар-дыр oo (лит. *Малдың деңгели эки эвес-тир*) 'Упитанность скота не очень хорошая'.

Из других диалектов тувинского языка ассимилятивный вариант аффикса родительного падежа встречается в тоджинском [Чадамба 1974, 97], например: *херелниң* вм. *херелдин* 'луча' и т. д.

В тофаларском языке аффикс родительного падежа *-ның* также не имеет вариантов *-дың*, *-дин*, как и в части диалектов тувинского языка. В тофаларском языке к основам на *-л* прибавляются *-ның*, *-ниң*: *оолнуң* / *оолның* ‘сына, сыновий’, *хөлнуң* / *хөлниң* ‘озера, озерный’ [Рассадин 1978, 31].

Наиболее отличительной чертой в системе падежей является то, что существительные в ЮВД могут иметь двойные падежные аффиксы. Двойные падежи в тувинской речи монголоязычных тувинцев, как и в некоторых диалектах монгольского языка, образуются в основном от родительного падежа, и вопросы, которые задаются от определяемых слов, тоже идентичны.

Двойные падежи

Двойные падежи известны почти во всех диалектах монгольского языка. По этому поводу Г. Д. Санжеев писал: «Суть двойного склонения заключается в том, что некоторые падежные формы образуются не только от основы имен, но еще и от других падежных форм, т. е. склоняемыми оказываются не только основы, но и некоторые падежные формы, преимущественно такие, которые в предложении могут быть определениями...» [Санжеев 1953, 177–178].

Употребление двойных падежей в монгольской речи хорошо говорящих по-монгольски людей наложило определенный отпечаток на их тувинскую речь. Этой грамматической формой они пользуются при изложении своих мыслей на тувинском языке, естественно, заимствуя ее из монгольского языка.

В речи коренного населения Качыка, Нарына, Булун-Бажы, Тере-Холя и, частично, в речи эрзинцев зафиксирован очень необычный для тувинской речи случай, когда к основе существительного присоединяются два падежных аффикса: родительного и пространственного падежей (исходного и местного). Примеры присоединения к основе аффиксов родительного и исходного падежей, отвечающие на вопрос *от чьего (дома)?*: *авамныңнан*, *угбамныңнан*, *эжимниңнен*. *Авамныңнан келдим* ‘Пришла от матери’. В тувинском

литературном языке это предложение строится следующим образом: *Авамның бажыңындан келдім* ‘Пришла из дома матери’. В некоторых случаях к основе прибавляются три падежных аффикса (местного, винительного и исходного): *Херимдениден. Херимдениден кудусту дүжүруп кел* (лит. *Херимден матраңты дүжүруп эккел*) ‘[Сними и] принеси с забора матрац’.

Другой случай присоединения аффиксов двух падежей: родительного и местного. Примеры: *менниңде* < мен + -ниң + -де ‘у меня’, *бистиңде* < бис + -тиң + -де ‘у нас’. *Бивиш бис-тиң-де видик көрүп тур*, имеется в виду *Бивиш бистиң бажыңывыста видик көрүп олур* ‘Бивиш (имя мальчика) у нас дома смотрит видик (видеофильм)’. *Мен-ниң-де билир чүве чок, чүве чугаалавазыйым* (лит. *Мээн (или менде) билир чувем чок, чүве чугаалавас мен*) ‘Я ничего не знаю, ничего не буду говорить’.

Данные примеры показывают, что подобные формы двойных падежей образуются от имен и личных местоимений, которые обозначают людей.

Появление двойных падежей в речи коренного населения объясняется влиянием монгольского языка, где двойные падежи имеются во всех его диалектах. Например, в ордосском диалекте монгольского языка от родительного падежа образуются родительно-местно-дательный падеж, отвечающий на вопросы: *к кому? у кого?* (*багшанду* ‘у учителя’, ‘в доме учителя’), родительно-направительный падеж, который отвечает на вопрос по направлению *к чему? к кому?* (*манду* ‘к нам’). В бурятском языке, как и в ойратском, калмыцком образуется родительно-исходный падеж, отвечающий на вопрос *от чьего* (дома)? (*ахинһ* ‘от брата’, т. е. ‘из дома брата’) [Санжеев 1953, 177]. Употребление двойных падежей в монгольских языках в некоторых случаях объясняется отсутствием наречий, выражавших те значения, которые обозначали бы существительные с двойными падежными формами.

Дательный падеж. Он оформляется аффиксом -га и его фонетическими вариантами -ге, -ка, -ке. В тес-хемском и эрзинском говорах исследуемого диалекта, как и в тоджинском [Чадамба 1974, 54], наиболее распространенным является огубление начального согласного аффикса под влиянием впереди стоящего губно-губного звука: *ачампа* (лит. *ачамга*) ‘моему папе’, *ыдымпа* (лит. *ыдымга*) ‘моей собаке’, *дуңмампа* (лит. *дуңмамга*) ‘моей сестре (младшей)’, *чембе* (лит. *чемге*) ‘пище’, *хембе* (лит. *хемге*) ‘реке’ и т. п. Например: *Хембе баргаш эжинип алыңар силер* (лит. *Силер хемге баргаш эштип алыңар*) ‘Идите на речку, искупайтесь’.

Огубление начального согласного аффикса дательного падежа под влиянием предшествующего губно-губного [м] зафиксировано нами также в языке тувинцев Северо-Западной Монголии: *Наадымба* вм. *Наадымга* ‘Наадыму (празднику животноводов)’, *арчуулумпа* вм. *аржыылымга* ‘моему платку’, *малымпа* вм. *малымга* ‘моему скоту’ и т. д. В данных словах произошла прогрессивная, смежная и частичная ассимиляция конечного согласного основы и начального звука аффикса.

Отличительной чертой ЮВД в сравнении с литературным тувинским языком являются случаи употребления одной падежной формы вместо другой. В данном случае вместо литературной формы дательного падежа с формой прошедшего времени употребляется местный падеж в значении дательного (локальном), например: *Мен авамда чордум.* (лит. *Мен авамга чордум*) ‘Я был у мамы’. *Нарынта чурттар турар.* (лит.: *Нарынга чурттарунхен мен*, *Нарында чурттар турар мен*) ‘В Нарыне родился, в Нарыне проживаю’. *Бистин төрелдер Моолда чурттар турган* (лит: *Бистин төрелдеривис Моолга чурттар турган*) ‘Наши родственники жили в Монголии’.

Такое же употребление названных падежей зафиксировано в речи кобдоских тувинцев: *Оон иелэн эдержин чоруп турар, чоруп турар бир черге келирде, бир улуг ак айтыг, бир кизси хой кадарын чоруп турган* (лит. *келирге*) ‘Дальше вдвоем дружно шли, шли, пришли в одно место, где один человек на большом белом коне пас овец’.

Баарда маңтайында чаңгыс карактыг кижи чоруп тур иргин (лит. *Баарга хаваанды чаңгыс карактыг кижи турган иргин*) ‘Когда подошел, стоял человек с одним глазом на лбу’ [Уламсурэнгийн 2000, 68]. В данном случае произошло смешение падежей. Здесь, очевидно, сказывается монгольское влияние, потому что тувинские дательный и местный падежи соответствуют одному дательно-местному падежу монгольского языка с аффиксом -д (а) // -т (а).

Подобное употребление данной формы зафиксировано еще в некоторых тюркских языках Сибири, например, в хакасском, алтайском. Смешение пространственных падежей отмечалось также в древнетюркских памятниках письменности. Более того, в языке памятников дательный падеж оформляет объект, обозначающий место, время и срок совершения действия [Кондратьев 1970, 13–14]. В современных тюркских языках эти значения передаются местным падежом.

По этому поводу Э. В. Севорян пишет: «Имевшиеся наблюдения позволяют даже реконструировать такую эпоху в истории тюркских языков, когда речь обходилась меньшим числом падежей с нерасчлененными внутри каждого падежа значениями (родительный - винительный, местный - исходный), остатки чего в виде своеобразной «путаницы» в употреблении падежей наблюдаются в громадном большинстве тюркских языков и их диалектов вплоть до наших дней, а также в древних памятниках письменности» [Севорян 1956, 46].

Винительный падеж. Оформляется он аффиксом -ны и его фонетическими вариантами -ни, -ну, -ну, -ды, -ди, -ду, -ду. В говорах рассматриваемого диалекта в речи старшего поколения и детей, примерно до десяти лет, варианты с начальным носовым согласным не употребляются: *тонду* (лит. *тонну*) ‘шубу’, *даңды* (лит. *даңны*) ‘зарю’, *харды* (лит. *харны*) ‘снег’, *акымды* (лит. *акымны*) ‘брата’, *хойду* (лит. *хойну*) ‘барана’. Пример в предложении: *Даңды атсы карак шимбединис* (лит. *Даңны атсы карак шимбединис*) ‘До самого утра глаз не сомкнули’.

Данное явление зафиксировано в речи жителей Кара-Холя бай-тайгинского говора [Доржу 2002, 42]: *караганды оккулар* ‘топить караганником’, *кээргенди боолаптар* ‘выстрелить в кедровку’ и т. д. В алтайском языке после основ на согласные *r, л, й, н, нь, м* прибавляются варианты аффикса винительного падежа *-ны, -ды, -ди*, например: *кырды* ‘хребта’, *койонды* ‘зайца’, *куйды* ‘пещеру’, *дъерди* ‘землю’ и т. д. [Дыренкова 1940, 63–64]. Но в данном случае затруднительно говорить о влиянии алтайского языка на речь определенной группы носителей ЮВД.

Местный падеж. Он оформляется аффиксом *-да* и его вариантами *-де, -та, -те*. Наиболее отличительной чертой речи коренного населения Качыка, Нарына, Булун-Бажы является то, что к основе существительного присоединяются одновременно аффиксы местного и винительного падежей. Например: *ыяши + -та + -ны, орун + -да + -ны, суг + -да + -ны, өг + -де + -ни, хем + -де + -ни* и т. д. В предложении эта форма будет выглядеть следующим образом: *Мен херимдени кылыптым* (лит. *Мен херимде чүвени кылыптым*) ‘Я отремонтировал то (место) в заборе’. При помощи названного двойного падежа одновременно выражаются место и объект. В монгольских языках имеются двойные падежи, но соединения показателей местного и винительного падежей в них не фиксируется; в данном случае, видимо, юго-восточные тувинцы уже сами под монгольским влиянием образовали указанную форму двойного падежа.

Зафиксировано также одновременное употребление аффиксов местного и дательного падежей: *хемдеге эштир* вм. *хемге эштир* ‘плавать по реке’, *өгдеге чурттаар* вм. *өгге чурттаар* ‘жить в юрте’ и т. д. В монгольских языках, (в частности, в халхаском и ойратском) имеется дательно-местный падеж с аффиксом *-да* и его вариантами, который выражает дательно-местные отношения.

В тувинском языке, в отличие от других тюркских языков, ‘аффикс местного падежа *-да* обозначает место, когда он употребляется с глаголом настоящего времени, а с глаголами

прошедшего и будущего времени употребляется форма дательного падежа» [Исхаakov, Пальмбах 1961, 134]. Данный двойной падеж в их речи образован, безусловно, также под влиянием монгольского языка.

Исходный падеж. Отвечает на вопросы *кымдан?* ‘от кого?’, *чүден?* ‘откуда?’, ‘от чего?'; В ЮВД, как и в других диалектах и в литературном языке, оформляется аффиксом *-дан* и его фонетическими вариантами *-ден*, *-тан*, *-тен*. Варианты *-дан*, *-ден* преимущественно используются только в речи носителей тес-хемского говора. В говорах ЮВД наиболее распространенной является форма, когда после сonorных согласных основы слова присоединяются варианты *-нан*, *-нен*, *-ан*, *-ен* вместо литературного *-дан*, *-ден*: *авамнан* (лит. *авамдан*) ‘от мамы’, *шайнан* (лит. *шайдан*) ‘чая’, *бодуганнан* (лит. *бодагандан*) ‘от верблюжонка’, *кара бичишинен* (лит. *кара бичишден*) ‘с раннего детства’. В основах, оканчивающихся на гласный, происходит стяжение согласного *-н-*: *бодунан* (лит. *бодундан*) ‘от себя’, *бажынан* (лит. *бажындан*) ‘с головы’, *аразынан* (лит. *аразындан*) ‘из, из-за (откуда-либо)’, *төөгүнен* (лит. *төөгүден*) ‘из истории’.

Из других диалектов тувинского языка варианты *-нан*, *-нен* аффикса исходного падежа обнаружены в западном диалекте еще в начале 60-х годов XIX в. В. В. Радловым [Сат 1964, 20–23], в 60-х годах XX столетия – Г. Ф. Бабушкиным [1961, 249–252], в более позднее время – М. Д. Доржу. Этот же вариант исходного падежа встречается в речи коренного населения Дзун-Хемчикского и Сут-Хольского районов [Сеглемей 1983, 146–158]. Следует отметить, что эта особенность сохранилась до настоящего времени в речи представителей названных районов, правда, в произношении молодого поколения встречается параллельное употребление вариантов названного падежного аффикса *-дан*, *-ден* и *-нан*, *-нен*.

Вариант аффикса исходного падежа *-нан*, *-нен* нами замечен в речи кобдоских тувинцев, а из других тюркских языков –

в алтайском, где варианты *-нан*, *-нен* присоединяются к основам на *и*, *и*, например: *канин* ‘из крови’, *эмнен* ‘от лекарства’, *үннен* ‘от голоса’ и т. д. [Дыренкова 1940]. Исходный падеж в речи кобдоских тувинцев обозначает не только исходную точку, но и употребляется в значении орудного падежа: *далганинан* ‘из муки’, *макимнен* ‘от безрукавки’, *ааджаснан* ‘от моего папы’, *бодунун хувузунан* ‘сам лично’, *хотуннан* ‘из [носа] хотуна (название птицы)’, *шеригнен* ‘из армии’. Со значением орудного падежа зафиксированы следующие примеры: *мээн таңмамнан кымыйлаар* (от *кымый-* ‘тот самый, тот - о знакомом человеке’) ‘поставить [печать] с моей тамгой’, *машииннен көжер* ‘перекочевывать с машиной’, *аъттан чоруур* ‘ехать на лошади’, *эхчимнен кады чурукка алсыр* ‘сфотографироваться вместе с сестрой’.

Подобное употребление нами было зарегистрировано еще в речи носителей Тере-Холя, например: *Школаның тутуун холдан ундурудуус* ‘Школу (стройку) выстроили от рук’ (лит. *Школаның тудуун хол-бile доостувус*) ‘Стройку школы закончили руками’, т. е. имеется в виду, что школу построили вручную, без всякой техники.

В речи населения Эрзинского и Тере-Хольского районов используются существительные с вариантами аффикса исходного падежа: *-тан*, *-тен*, так как в фонетическом плане глухие согласные на этой территории встречаются во всех без исключения позициях: *эшинтен* (лит. *эжинден*) ‘от его товарища’, *картынтан* (лит. *картындан*) ‘от его корки’, *дахтан* (лит. *дагдан*) ‘с горы’ и т. д.

Зафиксирован случай употребления существительного в исходном падеже вместо винительного, который указывает на объект действия, например: *Ат бажынан дозукай кел* (Бай-Даг) (лит. *Аът бажын дозукай кел*) ‘Иди, останови (пасущихся) лошадей на месте’. *Аши-чемнен боттары алыр* (Кунгургук) (лит. *Аьши-чемни боттары алыр*) ‘Еду приносят сами’.

Кроме того, существительное с аффиксом исходного падежа употребляется вместо именительного. Примеры: *Рынок*

уезинде хуу бүдүрүлгө сүм бодунан хандырттынар (лит. *Рынок уезинде хуу бүдүрүлгө бүрүзү боду хандырттынар*) ‘Во время рынка (рыночной экономики) каждое частное предприятие самообеспечивается’. *Хар майыктан, дискектен чагган* (лит. *Хар майык, дисек хире чагган*) ‘Снег выпал до стопы, колен’. *Көшерде шыырак оолтардан келген болса, дусалашкан болса* (лит. *Көжерде шыырак оолдар келген болза, дузалашкан болза*) ‘При перекочевке пришли бы парни посильнее, помогли бы’.

Направительный падеж образуется при помощи двух разных аффиксов: *-че*, *-же* и *-дыва*, *-диве*, *-тыва*, *-тиве*, *-дува*, *-дүве*, *-тува*, *-түве*. Например: *тайгаже* или *тайгадыва* ‘к тайге’, *менче* или *мендиве* ‘ко мне’ и т. д. В повседневной бытовой речи в основном употребляются существительные с аффиксом *-дыва* / ... О происхождении аффикса *-дыва* / ... в «Грамматике тувинского языка» сказано: «Тувинский послелог-аффикс имеет общую этимологию с послелогом таба // тебе // табан // таман..., встречающимся в ряде современных тюркских языков и употребляемым в них вместе с существительным в дательном падеже» [Исхаков, Пальмбах 1961, 141].

Существительные с таким же аффиксом встречаются также в речи носителей западного диалекта тувинского языка, например: *пажыңдыва* (лит. *бажыңче*) ‘к дому’, *ооргазыңдыва* (лит. *ооргазынче*) ‘к спине’, *эдиндинде* (лит. *идиниче*) ‘к обуви’ и т. д.

В отличие от других говоров рассматриваемого диалекта, в речи терехольцев параллельно с литературной формой направительного падежа употребляется диалектная форма, которая оформляется аффиксами *-гыды*, *-гиди*: [Сат 1968, 112] *аскыңкыды* вм. *аксынче* ‘к твоему рту’, *дагкыды* вм. *дажже* ‘к горе’, *Кызылкыды* вм. *Кызылче* ‘в Кызыл’, *эжиккиди* вм. *эжикче* ‘к двери’, *сириккиди* вм. *циркче* ‘(в отделение) цирка’, *сүгкүду* вм. *сүгже* ‘к реке’, *хөлкүдү* вм. *хөлче* ‘к озеру’ и т. д.

Существительные с аффиксом *-гыды* зафиксированы, кроме того, еще в тоджинском диалекте [Чадамба 1974, 97–98]. По мнению автора, этот аффикс восходит к слову *куду* ‘вниз’,

например: *хем куду* > *хемгиди* ‘к реке’. Действительно, в речи старшего поколения жителей Тере-Холя *куду* произносится не как падежный аффикс, а как отдельное слово. А в речи носителей молодого и среднего возраста слово *куду* перешло в разряд аффикса направительного падежа.

Неоформленные падежи

Следует сказать и о случаях отсутствия падежных аффиксов в словах описываемого диалекта. Падежные аффиксы могут отсутствовать как в именах с аффиксами принадлежности, так и в именах, не имеющих этих аффиксов. Известно, что их наличие или отсутствие имеет связь с категориями определенности и неопределенности, так как категория определенности связана всегда с полным грамматическим оформлением, а категория неопределенности – с заменой оформленных падежей неоформленными. В ЮВД неоформленными могут быть, как и в других диалектах тувинского языка, аффиксы родительного, дательного, винительного, направительного падежей, например: *авам чагыы* – *авамың чагыы* (III тип тюркского изафета) ‘завещание матери’, *уруун эккел* – *урууну эккел* ‘приведи дочку’ (винительный), *хоорай чурттаар* – *хоорайга чурттаар* ‘жить в городе’ (дательный), *бажыңч чанар* – *бажыңче чанар* ‘идти домой (направительный) и т. п.

В целом, в говорах ЮВД представлены все падежные формы тувинского языка. Часть из них характеризуется некоторыми особенностями, отличающими их от соответствующих форм в литературном языке и ряде других диалектов и говоров. При склонении существительных, основы которых оканчиваются на сонорные звуки, в родительном, исходном падежах расподобления (диссимилияции) звуков, характерного для литературного языка, не происходит.

Вместо дательного падежа в отдельных говорах ЮВД употребляется аффикс местного падежа, при этом аффикс дательного падежа имеет значение места. Здесь представители

данных говоров заменяют одни аффиксы другими, потому что в монгольском языке, которым они владеют, существует один общий дательно-местный падеж [Уланова 1988, 12].

Направительный падеж в говорах исследуемого диалекта имеет три разных аффикса с их вариантами: *-че*, *-дыва*, *-кыды*.

Таким образом, возникновение основных морфологических диалектных различий говоров ЮВД можно в значительной степени объяснить влиянием монгольского языка. Как видно из примеров, в области морфологии из монгольского языка заимствуются в основном структурные модели, а их материальное «наполнение» является тувинским.

Литература

1. Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. – Кызыл, 1974. – С. 97; 54; 97–98.
2. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978. – С. 31.
3. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. – М., 1953. – С. 177–178.
4. Уламсурэнгийн Ц. Особенности языка сказки «Ак сагыштыг и кара сагыштыг» // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности. – Кызыл, 2000. – С. 68.
5. Кондратьев А. Н. Очерк грамматики древнетюркского языка. – Л., 1970. – С. 13–14.
6. Севорян Э. В. Категория падежа // СИГТЯ. Морфология. – М., 1956. – С. 46.
7. Доржу М. Д. Бай-тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. – Кызыл, 2002. – С. 42.
8. Дыренкова Н. П. Грамматика Ойротского языка. – М.; – Л., 1940. – С. 63–64.
9. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М., 1961. – С. 141.
10. Сат Ш. Ч. Тыва дылды шинчилеп келгенинин төөгүзүүнүн очерктери. – Кызыл, 1964. – С. 20–23.
11. Сат Ш. Ч. Диалектные материалы как источник создания исторической грамматики тувинского языка // Вопросы тувинского языкознания. – Кызыл, 1993. – С. 16.
12. Бабушкин Г. Ф. Материалы по монгун-тайгинскому говору // УЗ ТНИИЯЛИ, – Вып. IX, – Кызыл, 1961. – С. 249–252.

13. Сегленмей С.Ф. Особенности речи населения Дзун-Хемчикского района // Вопросы тувинской филологии. – Кызыл, 1983. – С. 146–158.
14. Сат Ш. Ч. О говоре населения Тере-Холя // Сборник научно-методических статей. – Кызыл, 1968. – С. 112.
15. Уланова А. Э.-Г. Особенности монгольского языка юго-восточной Туви. Автореф. канд. дисс. – Улан-Удэ, 1988. – С. 12.

O. M. Saaya

Долгие гласные, восходящие к комплексу с интервокальными согласными в/w, м

$V_{\text{в/w}} > V$:

В тувинском языке при образовании вторичных долгот в основах выпадают согласные ε, N , что привлекало внимание исследователей еще с прошлого века [Катанов 1903; Исхаков 1956; Исхаков 1957; Пальмбах 1961; Сат, Салзынмаа 1980]. Кроме этих согласных, выпадению подвергаются также интервокальный губно-губной спирант v/w , а также сонант m . Спирант v/w выпадает реже, чем ε, N еще реже происходит выпадение сонанта m . В статье рассматриваются тюркские и монгольские основы, в которых образована долгота вследствие выпадения интервокальных билабиальных согласных $v/w, m$.

Интервокальный согласный w в тюркологической литературе часто упоминается в историческом аспекте. В СИГТЯ говорится, что b в интервокальной позиции встречается нечасто, наблюдаются случаи, когда он переходит в $[v], [w], [u]$ [1984: 183–184]. Н. К. Дмитриев не упоминает v/w среди согласных, которые выпадают в тюркских языках [Исследования по СГТЯ 1955: 181–188]. Лишь Э. В. Севортьяном указываются, как подверженные выпадению, сонорные согласные: $p, l, n, \varepsilon, \dot{\eta}$. Он также оговаривает редкое выпадение губно-зубного v , который чаще ослабляется, переходя в билабиальный сонант $[w]$ или беглый гласный u . В положении между гласными, если один

из них узкий губной в может редуцироваться. Исследователем приводятся только турецкие примеры: тур. *tavuk* (произносится часто таук) ‘курица’, *dıvüy* (часто произносится *dəvüy*) ‘драка’ [Исследования 1955: 289–292].

w/w включается в число согласных, вследствие выпадения которых образуются вторичные долгие гласные в языках тувинском, тофаларском, диалектах тувинцев Северо-Западной Монголии (мончаков, которые И.В. Кормушиным объединяются в группу тобаских языков) [СИГТЯ. С. 15. Региональные реконструкции 2002: 608].

Выпадение интервокального *w/w* с образованием долгот зафиксировано также в монгольских языках [Владимирцов 1989; Рассадин 1982: 41–42]. Указывается, что в общемонгольском языке имелся интервокальный билабиальный спирант *v* или *w*, который в положении между двумя гласными давал сочетание, соответствующее монгольско-письменному комплексу *V+g~w~b+V*, и в большинстве случаев долгому гласному в халхаском и других современных монгольских языках [Владимирцов, 1989: 207]. Он приводит следующие примеры:

awa > *aga* > *a*:

халх. *devga* ‘жеребенок на втором году’, п.-монг. *dagagaa*. Тюрк.: тур. *varaq* ‘жеребенок-сосун’. Монг. < *dawa (Владимирцов 1989: 208). Ср. тув. *chavaa* ‘жеребенок-стригун’;

халх. *tb-*, п.-монг. *tara-* ‘отгадывать’. Тюрк: уйг. *tar-* ‘найти’ (Владимирцов 1989: 208). Ср. тув. *tyip-* < (*tan-*) ‘найти’;

халх. *tbl-*, п.-монг. *tarala-* ‘любить, нравиться, быть приятным, ...ласкать’. Тюрк: уйг. *tar* ‘склонность, желание’, *tar-la* ‘любить’, монг. < **tawa-* (Владимирцов 1989: 208). Ср. тув. *taala-* ‘наслаждаться, испытывать удовольствие’ (< монг.);

iwa > *iwa~iba~iga* > *e*:

п.-монг. *xiwa*, байт. *xfi*, халх. *xywa*. Тюрк: тел. *куба*. Монг. < *qiwa (Владимирцов 1989: 210). Ср. тув. *хува* ‘светло-желтый, соломенно-желтый, бледный’, а также *xoo* (в *xoo-сарыг*) в том же значении;

owi > *ogi* > *ф*:

п.-монг. *toburag*~*togurag*~*tobrag*~*toprag* ‘прах, земля’, халх. *тфрок*. Тюрк: уйг. *Topraq*, монг. < *towu (Владимирцов 1989: 210). Ср. тув. *доъвурак*, диал. *доърак*, *доорак* ‘земля, почва, пыль’.

Опираясь на подобные примеры, Б. Я. Владимирцов предположил, что древнемонгольский спирант *w между двумя гласными исчез раньше *g*~*g*, находившихся в тех же условиях. Это доказывается тем, что в письменно-монгольском языке на месте *w в большинстве случаев оказывается *g*~*g*, которым искусственно обозначали гиатус [Владимирцов 1989: 219]. Но исследователем указывается, что интервокальный *g*~*g* (чаще перед *i*~*ь*) также переходил в *w*. В данном случае этот спирант был вторичным и исчез позже. Поэтому не следует его отождествлять с исконным *w* [Владимирцов 1989: 214–216].

Если сравнить приведенные Б. Я. Владимирцовым тюрко-монгольские соответствия, можно предположить, что этот спирант *w* в монгольских языках был менее устойчив, чем *g*~*g*, а в тюркских языках в тех же примерах, в частности, в тувинском, он более устойчив.

Ср. тув. *чаъваа* < *уарааг-a < *уараq-a* ‘жеребенок на втором году’ (Владимирцов 1989: 208), в монгольском соответствии которого выпал *w*, вследствие чего образовалась долгота в первом слоге: халх. *двга* < п.-монг. *dагаган* < *dawa* ‘жеребенок-сосун’ (Владимирцов 1989: 208). А в тувинском выпал интервокальный *g*, и долгота возникла во втором слоге;

тув. *хува*, тел. *куба*, алт. *кубагай* ‘светло-желтый, соломенно-желтый, бледный’, ср. байт. *хф* < п.-монг. *хуша* ‘светло-желтый, бледный’, из которого заимствована другая словоформа в том же значении: тув. *хоо* в слове *хоо-сарыг*. В южносибирских языках не произошло выпадения спиранта, исключение составляет заимствование;

тув. *доъвурак*, диал. *доърак*, *доорак* ‘земля, почва, пыль’, ср. халх. *тфрок* < п.-монг. *toburag* ‘прах, земля’. В литературном соответствии спирант восходит к тюркскому варианту с сильным

согласным, на ослабление которого указывает фарингализация предыдущего гласного. В диалектном варианте *доорак* также образовалась долгота, возможно, это следствие монгольского влияния.

В современных монгольских языках имеется интервокальный губно-губной *w*. В положении между гласными *b в халхаском, калмыцком, ордоском, дагурском и других монгольских языках переходит в щелевой звук *w* [Рассадин 1982: 71]. Таким образом, это рефлекс спирантлизированного *b*, и он представляет собой вторичное образование.

Несмотря на устойчивое в целом положение интервокального губно-губного спиранта в тюркских языках, в тувинском языке имеются основы с долгими гласными, которые образовались вследствие выпадения *v/w*.

Рассмотрим, какого качества долготы образовал комплекс *Vb/wV*:

[a:] < [ава]:

чааш ‘спокойный, смирный, тихий, послушный’. Соответствия: тоф. *hsa:ъ*, алт., тел. *jobaš*, хак. диал. *jobaš*, ‘смирный, короткий’, хак. чабас, др.-уйг. *jawaš* ‘смирный, спокойный’ (ЭСТЯ IV, 51-52);

[э:] < [eve]:

хээрек ‘непрочный, недоброкачественный, хрупкий’. Соответствия: шор. *кебрек*, кеебрек, алт. *кебрек*, хак. *кібрдк*, тел. *кя:рдк*, кибрек (РСл II, 1198), др.-турк. *кеврек* (ДТС, 304) ‘хрупкий, сухой, высушенный, ломкий’. Тув. *хээрек* < **кеб(е)рек*;

[ə:] < [овы]:

тооргу ‘кабарга, кабарговый’. Соответствия: алт., тел. *тфргы*, *тфры*, шор., хак. *тобырга*. Тув. *тооргу* < *тобургу. Вероятно, тувинское *тооргу* восходит к варианту с огубленными гласными в непервых слогах. Если бы ему соответствовала основа типа хак. *тобырга*, то в тувинском языке оно выглядело бы как *торга*;

[y:] < [ywY]:

хуулар (хуул-) 1) ‘превращаться, видоизменяться, преобразовываться’, 2) ‘осложняться, раздражаться, воспаляться (о ране)’. Соответствия: п.-монг. *хубил-*, алт. шор. *кул-*, *кубыл-*, хак. *кубу:л-* (РСл, IV, 1037). Ср. тув. диал. *хувулгаазын* ‘волшебство’, которое также является заимствованием из монгольского языка, видимо, рannim и сохраняющим интервокальный согласный. Тув. *хуул-* < *хувул* < *хубил*;

хуу-салым ‘судьба, участь, доля’. Соответствия: п.-монг. *qubi*, монг. *хувь* ‘удел, доля’, тув. *хуу* < *хуву* < *хуви*;

[Y] < [ywY]:

сүүр 1) ‘сопка, пик’, 2) ‘острый, конусообразный’, диал. сүүүр. Соответствия: алт., тел. *ся:ря* ‘острый’. Тув. *сүүр* < *сүүүр*;

[ы:] < [ывы]:

сыы ‘квадратный железный инструмент, которым очищают кожу от мездры’. Соответствия: тоф. *сы:* ‘скребок для обработки шкуры’. В тувинском языке есть глагольная форма *сыырар* (*сыыр-*) ‘сдирать, содрать’. Можно предположить: *сыы* < *сыыы* < *сыыы*.

При выпадении интервокального *w* < в образуются долготы и в некоторых русских заимствованиях. Это происходит в нескольких часто употребляемых словах и обычно фиксируется при непринужденном разговоре, когда говорящие не следят за своей речью. В подобных случаях выпадает билабиальный спирант, образуя долгие гласные по первому широкому гласному: [*столо:й*] вм. *столовая*, [*авто:c*] вм. *автобус*, [*телэ:зор*] вм. *телевизор* – хотя литературной нормой являются варианты с интервокальным согласным: *столовая*, *автобус*, *телевизор*.

Сохранение интервокального *w* в тувинском языке прослеживается в основном между неогубленными гласными без фарингализации. Таких основ, по нашим подсчетам, 80: *ава* ‘мама, мать’, *саваң* ‘мыло’, *эвес ~ эмес* ‘нет’, *тавак* ‘тарелка’, *даван ~ даман* ‘конечность’, *иви* ‘олень’, *шиви* ‘ель’, *сыыр-‘гонять, изгонять’*, *хевир* ‘форма’, *девиде-* ‘волноваться’, *эвилел* ‘союз’.

Вместе с тем, напротив, в пяти основах *v/w* сохраняется между огубленными разнотипными нефарингализованными гласными: *Төвүт* ‘Тибет’, *чөвүлөл* ‘совет’, *чүве ~ чүме* ‘вещь, предмет, тело, существо’, *овур* ‘форма’, *Өвүр* ‘Овюрский кожуун’.

Основ с неогубленными гласными, где сохраняется интервокальный *v/w*, в тувинском языке больше, чем основ с огубленными гласными, где он выпадает чаще, что характерно также для турецких слов с долготным комплексом, включающим узкие губные гласные, но, в отличие от тувинского языка, в подобных случаях не происходит образования долготы [Исследования по СГТЯ 1955: 289].

Спирант сохраняется в интервокальном положении, если первый гласный комплекс фарингализованный. Отмечено 16 основ, где интервокальный *v/w* следует за фарингализованными гласными, свидетельствующими о том, что в этих основах *w* – вторичный и восходит к [р^е]: *кавай* [ка́вай] ‘колыбель’, *чевен* [че́вен] ‘неумелый, неискусный, грубый’, *тыва* [ты́ва] ‘тувинец, тувинский’, *чүүрүүр* [чүүшүүр] ‘брюки’, *дүүү* [дүүшүү] ‘метель’.

Если привлечь для сравнения работы по южносибирским тюркским языкам, рассматривающие образование вторичных долгот, то обнаруживается, что в них не фиксируется выпадение этого согласного в интервокальном положении [Грамматика хакасского языка 1974; Дыренкова 1940; Хакасско-русский словарь 1953; Ойротско-русский словарь 1947; Рассадин 1971; Исследования по СГТЯ 1955: 193–203; Исхаков 1956].

В тувинском языке основы с долгими гласными нередко имеют варианты, в которых сохраняется интервокальный *v/w*.

Интересно выпадение в диалектах интервокального *v*, следующего за фарингализованным гласным: *довурак* [оъ] ~ *доурак*[оъ] ~ *доорак* ‘пыль, земля’, *довурзак* [оъ] ~ *доорзак* ‘тюбетейка’, *довук* [оъ] ~ *доук* [оъ] ‘коленная чашечка’ *көвүк* [өъ] ~ *көүк* [өъ] ‘пена’.

Первый пример имеет три варианта произношения: первый – с фарингализованным гласным без выпадения согласного, второй – с фарингализованным гласным и без интервокального согласного (надо заметить, что долгота такого гласного на слух не меньше долготы чистых долгих гласных), третий – с долготой и без фарингализации. Третий вариант может быть связан с влиянием монгольской формы типа п.-монг. *тобураг*, монг. *төвөргөг*, *тоорог* 'пыль', а второй может восходить к тюрк. *топурак 'пыль'.

Примеры, подобные двум последним, не очень показательны для тувинского языка. Хотя интервокальный спирант *v*, восходящий к [r], выпадает, образованию долготы, видимо, препятствует фарингализованность предшествующего гласного. Так как *у* и *ү* в этих основах сильно редуцированы, здесь возможна тенденция к выпадению второго слога, и правильнее транскрибировать слова так: [доъ'к], [көъ'к]. Это редкое явление чаще наблюдается в речи жителей западной диалектной зоны. Для носителей центрального диалекта оно не характерно.

Существуют и другие вариативные основы:

VB/wV	VV	значение
лит. доъурак	танд., пин-х. дообрак, доорак	земля, почва, пыль
лит. доъурзак	пин-х. доорзак	тюбетейка
лит. хоаган	пин-х. хооган	бабочка
лит. дүвүр	запл. дүүре	волноваться, тревожиться
лит. хууразын	запл. хууразын	междометн. слово
лит. боурзак	лит. боорзак	жареное печенье
лит. хуулгаазын	лит. хуулгаазын	волшебный
лит. хувискаал	собст. имя хуссаал	революция
лит. субурган	лит. суурга	ступа
лит. субузун	лит. суузун	жемчуг
лит. хуурак	лит. хуурак	монах-послушник
лит. доөүчүчүс	диал. дөөңчек	склон горы
лит. шивегей	тандын шүүгей	шило

Когда выпадает интервокальный *v/w*, образуются долгие огубленные гласные.

$$VmV > V:$$

Согласный *m* также подвержен выпадению между огубленными гласными, хотя, как правило, он более устойчив,

чем остальные рассматриваемые согласные. Э. В. Севортьяном отмечается, что в тюркских языках чаще выпадают сонорные согласные, за исключением *m* [Исследования по СГТЯ 1955: 289]. В СИГТЯ также говорится, что в середине слова *m* является весьма устойчивым и мало подвержен изменениям и выпадению [1984:317]. Интервокальный *m*, выпадая, образует назализованные долгие гласные, так же, как и сонант *N*:

[a:] < [амы]:

хааржак 1) ‘ящик, шкатулка’; 2) ‘коробка’; 3) ‘гроб’. Соответствия: тоф. *ha:gъlaq*, алт. *кайырчак*, шор. *карчак*, хак. *харчах*, *харачах* ‘ящик’, др.-турк. *qabnruaq* ‘ящик, сундук, погребальные носилки, гроб’. (Рассадин 1971: 187) Ср. п.-монг. *кагурчак* ‘ящик’. Долгий назализованный гласный в этом случае может восходить к др.-турк. *qabnghiaq*: тув. *хааржак* < *qatnghiaq* < *qabnruaq*. Не исключено, что тув. *хааржак* < *каньырчак* < *кагурчак*, но это маловероятно, учитывая семантику;

саар- 1) ‘студить, остиживать’; 2) ‘веять, провеивать’; 3) перен. ‘пускать в обращение товар, деньги’; 4) ‘выгодно продавать’, диал. *самыр-*. Соответствия: алт., тел., шор. *сабыр* (РСЛ). Тув. *саар* < диал. *самыр* < *сабыр*:

[o:] < [ому]:

доос-кара ‘жук’, тодж., зап. томус-кара. Соответствия: уйг. томуз, чагат. томузган ‘жук’. (ЭСТувЯ II, 201), тув. *доос* < *томус*.

В последних двух примерах долгие гласные в некоторых диалектах тувинского языка произносятся без назализации. Различие можно объяснить утратой оттенка назализованности, кроме того, назализация иногда может выступать как факультативное явление.

хоормак тодж. ‘дудник’. Соответствия: тоф. *ho:rmaq* ‘дудник’, хак. *хоормах*, шор. *кобрах* то же. По шорскому *кобрах* можно предположить, что первоначальная форма выглядела как *кобырмак*. Поэтому тув. *хоормак* < *комырмак* < *кобырмак*.

[ү:]<[үму]:

хууа ‘ведро’, зап. диал. хумун. Здесь назализация могла быть результатом как выпадения м, так и влиянием конечного N.

Сонорный м также выпадает чаще между огубленными гласными.

VmV	VV	значение
монг.-т., хав-х. хумүү лит. демир-хомус лит. дөмөй	лит. хүүү танд. демир-хүүс, демир-хоос түв. диал. сев-зап. монг. дөний	ведро железный хомус 1) похожий, подобный, одинаковый; аналогичный; 2) 'на всякий случай, как бы то ни было'
диал. чумурга диал. самыр-	лит. чуурга лит. саар-	яйцо остуживать

Возможно, причиной выпадения согласных в/w, м между огубленными гласными является то, что и гласные и согласные артикуляционно близки между собой. Поэтому согласные легче “стираются” в позиции между указанными гласными.

Интервокальный м выпадает очень редко и притом, в основном, в тех случаях, когда он восходит к b, что имеет место в приведенных выше основах: хааржак < qatnruaq < др.-турк. *qabnruaq* ‘ящик, сундук’, саар < диал. самыр < сабыр ‘студить’, хоормак < комырмак < кобырмак ‘дудник’, хуүү < хумүү < п.-монг. *qubing* ‘ведро, подойник’ (БАМРС, 4-155), хоос < хомус < др.-турк. *qovuz* ‘железный хомус’ (ДТС, 451). Исконным м является только в одном примере: чуурга < чумурга ‘яйцо’, что было замечено еще Н. Ф. Катановым, наряду с примером д:р ‘он сосет’ [1903: 108] вместо эмер-. В примере димей ‘одинаковый’, интервокальный м чередуется с н: алт. төңей (ЭСТувЯ II, 232-234). А в одном случае не исключается чередование м ~ N: доос-кара жук’ < томус < тоңус ‘толстый’, ср. в значении ‘свинья’ в огузских языках.

Интервокальный в/w сохранился в тувинском языке в 100 основах, из них в 16 – с фарингализованными гласными, в

84-х основах без фарингализованных гласных. Спирант в/в в интервокальном положении ведет себя иначе, чем другие выпадающие согласные в той же позиции. Он имеет тенденцию к выпадению между огубленными гласными, вследствие чего образуются огубленные долгие гласные.

Очень редко он выпадает в позиции после фарингализованных гласных. В данных основах фарингализация гласного препятствует образованию долготы, при этом узкий гласный последующего слога сильно редуцируется.

В тувинском языке м в интервокальной позиции выпадает редко и в основном – между огубленными гласными.

Это происходит в тех случаях, когда он восходит к b, или чередуется с N.

Долготные комплексы V_{b/w}V, V_mV чаще сохраняются в литературном языке, а в диалектах функционируют варианты с долгими гласными. Диалектные варианты записываются с устной речи. Литературный язык имеет и устную, и письменную формы. Поэтому нельзя исключать также произношение с долгими гласными, без интервокальных согласных, и в устной форме литературного языка при непринужденной речи. Таким образом, варианты с долгими гласными, характерны скорее, для разговорной речи, а с интервокальными согласными фиксируются в письменной речи и при литературном произношении.

Литература

1. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969.
2. Баскаков Н. А., Инкюжекова-Грекул А.И. Хакасский язык. Фонетическая структура, словарный состав и грамматический строй // Хакасско-русский словарь. – М., 1953. – С. 361–484.
3. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I–IV. – М., 2001.
4. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. – М., 1989.
5. Грамматика хакасского языка. – М., 1975.
6. Дмитриев Н. К. Вторичные долготы в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. – М., 1955. – С. 198–202.

7. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
8. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. – М.; – Л., 1940.
9. Исхаков Ф. Г. Хакасский язык. (Краткий очерк по фонетике). – Абакан, 1956.
10. Исхаков Ф. Г. Тувинский язык. Очерк по фонетике. Материалы для научной грамматики. – М., 1957.
11. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. – М., 1961.
12. Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. – С. 22–101.
13. Кормушин И. В. Тобаская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М., 2002. – С. 600–660.
14. Ойротско-русский словарь. – М., 1947.
15. Пальмбах А. А. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1955. – С. 175–181.
16. Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ, 1971.
17. Рассадин В. И. Очерк по исторической фонетике бурятского языка. – М., 1982.
18. Сат Ш. Ч., Салзынмаа Е. Б. Амги тыва литературлуг дыл. – Кызыл, 1980.
19. Севорян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I – IV. – М., 1974.
20. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 1984.
21. Татаринцев Б. И. О происхождении назализованных гласных в тувинском и других тюркских языках // Гуманитарные исследования в Туве. – М., 2001. – С. 13–22.
22. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. I–II. – Новосибирск, 2000–2002.
23. Щербак А. М. Сравнительная грамматика тюркских языков. Фонетика. – М., 1970.

К вопросу о создании машинного фонда тувинского языка

Бурная компьютеризация, начавшаяся с середины 90-х годов XX века, не обошла стороной тувинское общество, но почти не коснулась тувинского языка. Между тем по прогнозам, где-то к середине XXI века развитые страны войдут в период сплошной информатизации, когда значительная часть информации будет храниться в безбумажном виде – в памяти компьютера. Это означает, что основная масса материала для исследователей современных языков, независимо от их воли и желания, будет находиться в компьютерной форме, а определенная часть ее никогда и не увидит бумаги. Языкознание может попросту потерять один из главных источников знаний о современном языке, если вовремя не перейдет к компьютерным формам обработки источников. Более того, основные продукты лингвистического труда, например, словари, потеряют ценность, если не станут доступными для использования в компьютерной форме.¹ Конечно, сказанное напрямую не касается тувинского языка, но это лишь вопрос времени. При дальнейшем общественном развитии для тувинского языка и литературы этот вопрос вполне может стать актуальным.

Исследование любого яруса языка, в том числе составление многотомных словарей, с точки зрения языковеда означает работу с обширными массивами текстов. Это достаточно трудоемкий процесс, требующий не только интеллектуального напряжения, но и затраты времени, особенно на подготовительных этапах. Поэтому переход к новым методам сбора материала, его анализа и новым формам лингвистических источников, которые не только существенно повысят производительность труда, но и откроют путь новым методам и направлениям исследования тувинского языка, неизбежен.

Анализ данной проблемы показывает, что для ее решения необходимо создание локальных машинных фондов языка².

Предложение по созданию машинного фонда тувинского языка определяет фонд как систематизированное собрание лингвистических банков данных, предназначенных для последующей комплексной автоматизации научных исследований и прикладных разработок в области тувинского языкознания, реализуемых на персональном компьютере.

Для многих идея создания машинного фонда тувинского языка непонятна, а для тех, кто ее понимает, преждевременна. Однако, на наш взгляд, тувинский язык уже на современном этапе своего развития вполне соответствует основным требованиям, необходимым для обладания национальным машинным фондом. Во-первых, весь письменный фонд тувинского языка, по сравнению с аналогичными фондами мировых языков, таких как английский или русский, насчитывающих миллионы единиц, конечно, невелик. И, как нам представляется, перевод всего фонда тувинского языка, состоящего из нескольких сотен единиц, на электронный вариант будет относительно нетрудным и недорогим. Он будет вполне по силам небольшому коллективу при налаженной работе в течение нескольких лет. Во-вторых, несмотря на свое младописьменное прошлое, тувинский язык на современном этапе активно функционирует в письменной и устной формах во всех сферах жизнедеятельности тувинцев.³ Основываясь на этом, можно утверждать, что тувинский язык имеет достаточно высокий потенциал для своего будущего развития. А будущее любого языка в эпоху информационно-компьютерных технологий – интегрированное развитие с ними.

Для понимания важности поднятого вопроса здесь уместно процитировать одного из основоположников создания машинного фонда русского языка А. П. Ершова, который еще в 1985 году писал: «Создание Машинного фонда русского языка – это фундаментальная проблема, решение которой будет иметь очень большую научную, общекультурную и прикладную ценность и окажет огромное влияние на саму лингвистику и ее место в обществе».⁴

При разработке концепции и составлении программ фонда, безусловно, необходимо обратиться к опыту других языков. Наиболее полно эти системы разработаны не только по ведущим европейским языкам, к которым мы можем причислить и русский язык, но уже достаточно активно разрабатываются и по отношению к таким тюркским языкам, как казахский⁵ и татарский⁶. Поэтому представляется возможным заимствование технологий и процедур, применяемых к этим языкам.

На пути создания машинного фонда тувинского языка лежит, конечно, и много трудностей, прежде всего организационных. Формой организаций таких работ может стать группа (служба, лаборатория) по созданию машинного фонда тувинского языка при ТИГИ. Главная задача такой группы состоит в разработке принципиальных положений (концепции), касающихся исходных теоретических установок, которые будут определять в дальнейшем его сущность. Далее – составление и претворение в жизнь программ мероприятий; организация работ по функционированию, хранению и пополнению фонда, пропаганде и представлении баз данных и специальных компьютерных программ фонда исследователям тувинского языка, налаживании контактов с профессиональными разработчиками специального программного обеспечения для компьютера и т. д.

Среди первоначальных проблем, требующих решения на ранних этапах, большое место занимает локализация тувинского языка, т. е. проблемы стандартных шрифтов и раскладок клавиатур тувинского языка.⁷

Как показывает практика, в первую очередь машинный фонд предусматривает создание иллюстрационно-текстового фонда тувинского языка, состоящего из нескольких компонентов-составляющих:

1) собрание полных авторских текстов, куда входят литературные произведения тувинских писателей независимо от жанра и объема;

2) собрание текстов устного народного творчества, в том числе и диалектного характера;

3) архив электронного варианта печатной периодики (газет и журналов).

Поскольку проект иллюстрационно-текстового фонда тувинского языка предусматривает перевод в память компьютера по мере возможности всего письменного фонда тувинского языка, то он должен состоять из двух направлений, к которым относятся:

1. «Перспективное» направление, подразумевающее работу по пополнению электронными вариантами новых печатных произведений, изготавляемых на компьютере. Думается, формой организации данного направления является тесное сотрудничество с издательствами и редакциями. Да и авторы произведений (и их правопреемники), как нам кажется, будут заинтересованы в том, чтобы эти произведения автоматически становились не только объектами будущих исследований, но и надежного долгосрочного хранения, при котором они в течение любого времени будут находиться в готовом для полиграфического воспроизведения виде.

2. «Ретроспективное» направление, включающее планомерную систематизированную работу по переводу на электронный вариант литературных произведений тувинских писателей, вышедших с момента возникновения тувинской литературы и вошедших в золотой фонд тувинской литературы. Создание этого компонента фонда будет ускорено, если к работе по набору текстов, помимо самих специалистов, подключаться и частные лица. Думается, что посредством заказов, договоров и соглашений достичь этого вполне возможно. В связи с этим, естественно, возникает проблема оплаты их труда. Вопрос этот необходимо решить перед осуществлением практического этапа проекта.

Уже сегодня в различных учреждениях, особенно в книжных издательствах и редакциях газет, накапливаются в электронном варианте значительные текстовые фонды на тувинском языке. Эти данные при известных организационных и технологических условиях могут стать базой машинного фонда тувинского языка.

На основе иллюстрационно-текстового фонда с использованием специальных программ (напр. программ по лемматизации, т.е. программ по преобразованию текстовых форм слов в словарные) нужно составить генеральный словарь машинного фонда тувинского языка. Генеральный словарь должен стать источником для образования словарей новых словарей. В основу его может быть положена картотека Толкового словаря тувинского языка, составленная коллективом сотрудников сектора языка и письменности ТИГИ. В дальнейшем состав словарика может пополняться новыми словами путем фильтрации новых поступлений иллюстрационно-текстового фонда. При этом попутно можно будет определить не только частотность употребления любого слова, но и все контексты применения данного слова в различных текстах тувинской литературы.

С использованием данных генерального словарника будут разработаны прикладные программы по автоматизации редактирования, куда в качестве составных частей войдут и некоторые лингвистические программы, например программы переноса слов в соответствии с орографией тувинского языка, проверки и исправления орографии.

Со временем, возможно, машинный фонд тувинского языка послужит базой для создания работ по автоматизации лингвистических исследований, автоматическому переводу, автоматической лексикографии, автоматической обработке текстов и общению с компьютером на естественном (тувинском) языке.

Но это возможно только тогда, когда мы все поймем необходимость и неотвратимость интеграции тувинского языка с информационно-компьютерными технологиями, осознаем ее научную, культурную и практическую важность для тувинского общества.

Литература

1. Андрющенко В. М. Машинный фонд русского языка: Постановка задачи и практические шаги // Вопросы языкоznания. – М., 1985, № 2. – С. 51–53.

2. Автоматическая обработка текста // ЛЭС. – М., Советская энциклопедия, 1990. – С. 14–15.
3. Мартан-оол М. Б. Сфера функционирования тувинского языка // Гуманитарные исследования в Туве. – М., 2001. – С. 43–56.
4. Ершов А. П. Машинный фонд русского языка (Внешняя постановка задачи) // Вопросы языкознания. – М., 1985, № 2. – С. 54–64.
5. Джубанов А.Х. Подготовка тюркоязычного текста для получения словоуказателя произведений индивидуального писателя на ЭВМ // Советская тюркология. – Баку, 1988, № 1. – С. 115–122.
6. Ибрагимов Т. И. Опыт синтаксико-семантического анализа предложений в автоматизированных информационных системах на примере татарского языка // Тюркология-88. – Фрунзе, 1988. – С. 174–176.
7. Симчич К-М. А. Проблемы графики тувинского языка в аспекте информационно-компьютерных технологий // УЗ ТИГИ, Вып. XX. – Кызыл, 2004. – С. 338–344.

Ч. Б. Бултысова

Двуязычие как отличительная особенность регионального телевещания в национальных субъектах России

Исследователи в области современных телекоммуникаций отмечают тенденцию регионализации телевидения во всем мире. Она обусловлена возможностью регионального телевидения более точно учитывать особенности региона, так как региональная медиапродукция адресована конкретной аудитории, объединенной территориальной общностью. Одной из таких особенностей национальных субъектов многонациональной страны является билингвизм.

По Е. П. Прохорову, деятельность журналиста направлена на в том числе и телевизионного вещания, является не только одним из важных «предпочтений» региональной аудитории, но и необходимостью обеспечивать конституционное равноправие граждан многонациональной России. Идеология журналистики в данном контексте направлена на сохранение и развитие национальной культуры в целом, национального языка как части культуры народа и на взаимное обогащение культур народов, проживающих бок о бок. «... Местные программы

служат как бы дополнением центральной, раздвигая панораму жизни за счет более подробного отражения событий и проблем данной местности»², - писали в свое время Э. Багиров и И. Кацев. С учетом заданной темы можно было бы дополнить классиков отечественного телевидения мыслью о расширении «панорамы» за счет вещания на национальных языках. Более того, региональное телевидение формирует языковую культуру в двухязычной среде. Передаваемая посредством языка смысловая информация при переводе пропускается через богатый спектр особенностей исторического пути народа, культуры, национального характера. Информация, прозвучавшая на двух языках, только на первый взгляд кажется дублированием. По сути, каждая из них содержит в себе свою особенность, становясь при переводе с языка на язык самостоятельным сообщением.

Вещание на двух языках ведется практически во всех национальных субъектах страны. В некоторых из них - не только на двух языках: на (общегосударственном русском и языке коренной национальности), но и на трех, и даже четырех. Например, в Чеченской Республике, кроме чеченцев, на своем родном языке телевизор могут смотреть еще ряд малых народностей. Есть также частные студии, на которых превалирует чеченский язык. Соотношение чеченского и русского языков на государственном канале – 50 на 50.

В Карелии телевизионное вещание ведется на карельском, финском, немецком и русском языках. В Удмуртии проблема сохранения и развития удмуртского языка контролируется со стороны местных властей. В 2001 году решением Правительства Удмуртии создан телеканал «Моя Удмуртия», с элементами вещания на русском как основном и удмуртском, а также татарском языках. Обязательным условием при этом являются субтитры на русском языке, поясняющие суть материала. Тематика программ вне зависимости от языка вещания самая разнообразная – детские, развлекательные, публицистические, информационные и даже документальное кино. Из ответа

главного редактора телеканала «Моя Удмуртия» Светланы Санниковой на наш запрос следует, что во время выхода программ на национальных языках рейтинг канала не падает. Это утверждение частично опровергает опасения владельцев конкурирующих телекомпаний того, что зритель может переключиться на другой канал.

Главный редактор муниципальной телекомпании «Вся Уфа» Ирина Моторина пишет, что выход в эфир информационных выпусков на башкирском языке является обременительным обязательством. Муниципальная и региональная власть настаивает на подготовке и выпуске в эфир программ на башкирском языке несмотря на то, что их смотрят меньше десяти процентов телезрителей, проживающих в столице. В день выходит три выпуска новостей – два из них на русском языке, один – на башкирском. Передачи на башкирском языке для большинства уфимцев являются просто приложением к русскоязычным программам, так как основным языком общения для горожан давно уже стал русский язык. Более востребованными являются передачи ГТРК на башкирском языке, ориентированные на сельских жителей. Одним из приоритетных направлений государственной политики в Башкирии является сохранение и развитие национальной культуры, в том числе и национального языка. Политика государства благоприятно сказывается на работе национальных редакций местных телестудий.

Рейтинг передач на национальном языке зависит не только от процентного соотношения зрителей, владеющих национальным языком. Важным фактором является также уровень профессиональной подготовки журналистов, работающих над передачами на национальном языке. В. Л. Цвик упоминает о кадровой проблеме в национальном вещании как об одной из самых трудных: «Проблема кадров остро вставала перед каждой вновь создаваемой телестудией. Если в Рязани и других городах Нечерноземья кадровый вопрос хотя бы частично решался путем миграции творческих работников, то при открытии Ненецкой, Адыгейской, Усть-Ордынской и

других телеорганизаций, призванных вести телевещание на национальном языке коренного населения, неизбежно возникали почти непреодолимые трудности»³.

В некоторых двуязычных студиях, как, например, в хакасской, при приеме на работу предпочтение отдается билингвам. В Горно-Алтайской студии знание двух языков является одним из условий приема на работу. Это вызвано практическими соображениями: одна творческая бригада может привезти из командировки материал и выдать его в эфир сразу на двух языках. Однако если исходить из необходимости соблюдения в эфире правильности как национально-этнического, так и общегосударственного русского языка, подобное решение видится не совсем оправданным. Основания для такого вывода дают простые наблюдения, показывающие, что два языка у одного человека часто бывают сформированы в разной степени. Координативный билингвизм (одинаковое владение двумя непересекающимися языковыми системами) встречается крайне редко. О влиянии первого языка на второй при смешанном билингвизме писали Л. В. Щерба⁴, Э. Кассирер⁵ и другие ученые. Это вызвано тем, что наши восприятия, интуиция и понятия неотделимы от терминов и форм родного языка. Еще одним аргументом против языковых ограничений могут быть «лица» на экране. Предпочтительней, чтобы на региональном телевидении языковое и тематическое разнообразие дополнялось и разнообразием «формы глаз».

В Тувинской студии государственного телевидения проблема билингвизма неоднозначна. На противоположных чашах весов – предпочтения большей части населения (80% этнических тувинцев) республики, с одной стороны, и соображения о рейтинге – с другой. По мнению руководства компаний, резкие переходы с одного языка на другой не способствуют увеличению количества зрителей у домашних экранов. Однако никому и в голову не приходит ставить гамлетовский вопрос «быть или не быть». Билингвизм СМИ в Туве, как и в других национальных автономиях, есть данность.

Обеспечение двуязычия эфирного вещания обусловлено рядом серьезных проблем, включая сугубо организационные вопросы по сбору материала для информационных выпусков на разных языках. Для выпускников новостей информация собирается на том языке, на котором работает журналист. Для того, чтобы взять «синхрон» для коллег из другой редакции, просто «подставляют микрофон» с просьбой сказать то же самое и на тувинском (русском) языке. Чаще всего это корреспонденты русской редакции для выпусков на тувинском языке. Журналистам-билингвам несколько проще, так как они имеют возможность быть участниками разговора, задавать уточняющие вопросы, другими словами, взять полноценный комментарий-интервью. Сценарий пишет тот, кто выдает сюжет в эфир. Такая практика далеко не идеальна. Известно, что всякая информация не может быть полностью объективной, поскольку подается через восприятие конкретного журналиста. В нашем случае до зрителя информация доходит уже через «третьи руки»: а) источник информации, б) корреспондент, в) корреспондент-пересказчик. Имеет значение и разница в уровне профессиональной подготовки корреспондента как передаточного звена и того, кто выступит в эфире как автор. Чтобы минимизировать эти и другие недостатки в двуязычном вещании, особое внимание следует обратить на проблему кадровой подготовки.

При выполнении задачи обеспечения двуязычия вещания телекоммуникаторы неизменно сталкиваются с проблемой перевода текстов. Разумеется, для освещения событий в двуязычном обществе необходимость перевода текстов возникает и перед корреспондентами русскоязычной редакции. Но несравненно большие трудности все же приходится испытывать журналистам, работающим на тувинском языке. Передавая информацию, тувинские редакторы радио и телевидения стараются толковать её: перевода этих слов в языке нет, а обилие малопонятных слов-заимствований часто производит весьма комичное впечатление. Перевод-толкование

делает язык медлительным, препятствует соблюдению динамики новостей. С другой стороны, неторопливая степенность отвечает менталитету тувинцев.

В пользу заимствований выступают их лаконичность и точность в определении понятий. Именно поэтому часто в речи интервьюируемых можно услышать сначала перевод-толкование слова, а потом для доступности приводится еще и его русский вариант с оговоркой, что по-русски это звучит так-то... Разумные, оправданные заимствования усиливают выразительность, экспрессивность языка. Однако отсутствие четкой политики, слабое понимание проблемы со стороны государства, отсутствие стимула отнюдь не способствуют регулированию неконтролируемых языковых изменений.

Соблюдение всех языковых норм со стороны редакторов радио и телевидения не гарантирует чистоты эфирного языка еще и потому, что речь выступающих – героев передач – в телевизионных программах заполнена неоправданными заимствованиями и словесным мусором. Это такие слова как «уже», «вообще», «но», которые не несут никакой смысловой нагрузки. В русской речи встречаются «так», «значит», «как бы» и т. д. Особенno трудно приходится на телевидении, где «почистить» звук технически намного труднее, чем на радио, где легче скрыть стыки или склейки. Эфирный язык – отражение языковой ситуации в целом по республике. Понятно, что невозможно добиться чистоты эфирного языка отдельно от состояния языка в целом.

Качество знания русского языка для журналистов национальных редакций, несомненно, играет важную роль в их профессиональном успехе. В целом по республике слабое знание русского языка также становится препятствием для поступления в вузы, устройства на работу. До 90-х годов прошлого века престижным считался транслингвизм (уход в чужую языковую среду), когда знание родного языка не являлось условием распространения привилегий на индивидуума,

принадлежащего к коренной национальности по рождению. В новых социально-психологических условиях ситуация кардинально изменилась. Возросла потребность в специалистах самого широкого профиля, владеющих двумя языками – русским и тувинским – одинаково хорошо. Но наиболее актуальным это условие стало для журналистов радио и телевидения. Однако высокий уровень знания двух языков необходим, по меньшей мере, для обеспечения максимальной точности переводимой информации. Интересны на этот счет слова африканского писателя Б. Дадье: «Двуязычный писатель не прибегает к переводу: язык произведения рождается где-то в глубине его сознания..., представляет собой как бы точку, где в результате слияния двух потоков рождается нечто новое... Многоязычие ...служит ...делу распространения человеческой мысли, делу взаимопонимания и солидарности»⁶.

В тувинской студии телевидения, как и во многих студиях других регионов, национальные редакции «варятся в собственном соку». О продуманной кадровой политике, повышении профессионального уровня с учетом особенностей двуязычной среды не приходится говорить вообще. Между тем опыт Украинской телекомпании показывает, что решение языковой проблемы находится в прямой взаимосвязи с качеством телевизионной продукции в целом – качеством изображения, режиссуры, доступности и уровня редакторского текста.

По наблюдениям главного редактора телеканала «1+1» Юрия Макарова, стремление к качеству стало условием успеха в осуществлении «сенсационного» решения вещать на украинском языке в преимущественно русскоязычной стране: из каждого ста украинцев в быту русским языком пользуется пятьдесят семь, украинским – сорок три. Русских в составе населения – одна пятая. И язык здесь как бы ни при чем: «...украинский язык на телевидении внезапно стал ассоциироваться с качеством. ...Есть одно непременное условие успешного внедрения: качество». Лишний раз подтверждается аксиома о первичности картины на

телевидении! Получается, что даже требования к соблюдению языковых норм отступают на задний план перед «форматностью, грамотной сеткой вещания, качественным кинопоказом, стильным и функциональным дизайном, хорошим светом и высокими требованиями к операторской работе, осмысленным отношением к межпрограммным блокам, эффективной системой промоутирования, едва ли не индустриальной раскруткой «лиц канала». «Впечатления зрителя от такой революционности были настолько сильны, что, когда впоследствии вещание сделали двухязычным, рейтинг украиноязычной части вещания оставался стабильно высоким». Этот опыт, безусловно, может считаться положительным для тех, кто ориентирован на пропаганду национальной культуры, национального языка в эфирном вещании и сохранение национальных языков в регионах в целом. В то же время другой подход украинских коллег, основанный на смешении языков, скорее всего, не найдет поддержки у ревнителей чистоты национальных языков и их сохранения как отличительной особенности любой нации. Юрий Макаров, в частности, говорит: «Не будешь же, скажем, в новостном сюжете переводить русское интервью, покрывая его украинской начиткой!»

Смеясь над подобным опытом иностранных супервайзеров под эгидой «Интерњюс», руководитель украинской студии телевидения считает, что «они...не понимали, что рождают чепуху, позу и наигрыш. Весьма распространена сегодня смешанная модель, знакомая старшему поколению по бессмертному дуэту конферансье Таралуньки и Штепселя: один ведущий говорит по-русски, другой отвечает по-украински. Для стороннего, то есть российского, наблюдателя такое соединение, вероятно, содержит комический эффект, но для местного потребителя ничего смешного в этом нет – довольно тривиальное отражение улицы. Сегодня к этому приему прибегают не только в развлекательных, но и в серьезных аналитических программах». Возможно, для таких родственных языков как русский и украинский этот подход приемлем. Кроме того, целевая аудитория

канала «1+1» соответствует возрастной группе моложе 44 лет. Это может быть еще одной причиной терпимости аудитории к смешиванию языков. Однако вряд ли тривиальное отражение улицы может соответствовать государственной политике страны. На большинстве национальных территорий ведется борьба со смешиванием языков: билингвизм обусловлен стремлением к сохранению национальных языков, национальной самобытности через сохранение языков как важной отличительной черты каждой национальности и их коммуникативного значения. Говоря о языке вещания, следует помнить о формирующей функции телевидения, которая, поддерживая коммуникативное предназначение национального языка среди его носителей, формирует языковую культуру.

Феноменом регионального телевидения также стало следующее наблюдение: в Туве не так уж редки случаи, когда передачи на языке коренной национальности смотрят те, кто не владеет им. Это в основном люди, которые по долгу службы заинтересованы в прослеживании информации, или те, кто просто хочет быть в курсе местных событий. Они могут не понимать передаваемое во всех нюансах, зато по видеозображению, по отдельным словам-заимствованиям, по эмоциональной окраске речи говорящих могут получить минимум необходимой информации. Не будем забывать, что даже немая картинка может быть носителем информации. На региональном телевидении могут быть информативными даже появление на экране всем известной персоны или показ какого-то объекта, местности и т.д. Передачи на непонятном языке смотрятся не так внимательно, как бы между прочим. Тем не менее это обстоятельство дает основания частично опровергнуть опасения по поводу потери зрителей из-за резких переходов с одного языка на другой во время трансляции местных передач. По свидетельству постоянных моноглазых зрителей местного телевидения, в их домах обычно не переключаются каналы вещания с началом передач на национальном языке.

ГТРК Бурятия вещает на трех языках: русском, бурятском, эвенкийском. Однако основное время вещания отводится

русскому и бурятскому языкам. Информационные выпуски на русском языке выходят под названием «Вести-Бурятия», на бурятском – «Байгал». На двух языках освещаются региональные проблемы социальной сферы, образования, здравоохранения, культуры и жилищно-коммунального хозяйства. Названия передач в региональном телевизионном вещании подтверждают билингвизм вещания на канале: «Тамир-Спорт» - о спортивных событиях и проблемах спорта; передача «В песне - душа народа» знакомит зрителя с творчеством ведущих артистов местной эстрады; передача о нравственности, об обычаях и традициях бурятского народа именуется «Гуламта».

Основная часть программ национальной вещательной компании «Саха» ведется на двух языках – русском и якутском. Часть передач выпускается также на языках малочисленных народов, проживающих в республике: юкагирском, эвенском, эвенкийском. Сегодня программы НКВ «Саха» вполне соответствуют государственной концепции о качественном вещании на национальном языке и выполнении телевидением как части СМИ своих социальных функций. Выделены финансовые средства на приобретение и установку 250 приемно-передающих станций, что позволит смотреть программы НКВ «Саха» буквально каждому жителю республики. Большой популярностью пользуются передачи «Простой интерес», «Заметки обывателя», «Кэпсиз», «Амтан», «Отражение». Появились новые проекты «Театральная гостиная», «Место встречи – на НКВ «Саха», «Нескучный вечер», «Алгыны кытта», «Домашний адвокат». Положительные отклики получили и молодежные программы «Тэтим», «Метаморфозы», «Сэргэлээх-экспресс», «Новая программа», «Сэргэлээх уоттара», «Сэргэлээххэ». Чрезвычайно важным моментом здесь является их доступность для населения самых отдаленных районов региона. До 2003 года среднесуточный объем вещания составлял 2 часа 20 минут. В сентябре 2002 года Компания заключила с ФГУП «Космосвязь» договор об аренде нового спутника «Горизонт-145» с более стабильной орбитой и

новыми возможностями, что позволило расширить зону охвата, улучшить качество передаваемого сигнала. Появление нового спутника явилось важным шагом к открытию собственного телевизионного канала и переходу на цифровое вещание. С марта 2003 года компания перешла на собственный канал с объемом вещания 6 часов каждый день.

Доступность информации следует рассматривать в двух направлениях: а) доступность эфирных волн; б) смысловая и ментальная доступность. Стремительный темп и ритм переполненных множеством непонятных модных словечек центральных информационных программ вряд ли может быть в полной мере воспринят кочевником-чабаном, который живет вдали от шума цивилизации, олицетворяет собой степенность жизни на природе. Думается, что главной составляющей политики вещательного канала региона является это обстоятельство.

Целую волну недовольства в регионах вызвала последняя реорганизация системы телерадиовещания. Позиция ВГТРК, по всей видимости, исходит из необходимости обеспечить регионы минимумом эфирного времени для новостных передач. Освещение региональных проблем, пропаганду собственного положительного опыта, детские, молодежные, краеведческие передачи предлагается проводить за счет собственных источников финансирования. При этом центральные каналы, переполненные в основном боевиками, сериалами, бесодержательными шоу, ничего не могут предложить взамен тематическим программам регионального телевидения, направленным на формирование духовности. Менталитету глубинки не всегда понятна информация, которую им пытаются донести из центра. Она бывает непонятна не только по содержанию, но и по форме. Усугубляет проблему совпадение по времени реформы телевидения и реформы местного самоуправления в стране. Регионы болезненно переживают необходимость разделения полномочий, передачу многих финансовых обязательств на места. Для бюджета такой дотационной республики как Тыва дополнительная финансовая нагрузка по поддержке

программ местного телевидения на данный момент оказалась неподъемной. Наиболее болезненно реформа отразилась на передачах на тувинском языке. На фоне возникших проблем по обеспечению социальных гарантий голоса немногочисленных ученых, ревнителей языка и сторонников показа тематических передач на региональном телевидении остались пустым звуком. Многие усматривают в централизации телевидения причину недостаточной информированности населения относительно проводимых в стране социально-экономических и политических реформ.

Проблема взаимоотношений между ветвями власти и СМИ в регионах носит различный характер. Если в Туве вопрос ставится о доступе представителей властных структур к местному эфиру, то, например, в Ханты-Мансийске «достаточно электронных СМИ, которые в полном объеме, глубоко и со знанием дела решают задачи информационного обеспечения деятельности власти и информирования населения, в том числе и взаимосвязи властных органов с жителями ХМАО». Проблема – в затрудненном выходе региональной власти, ее представителей на федеральные средства массовой информации. В условиях, когда федеральные СМИ практически игнорируют возможности региональных средств массовой информации, можно говорить о «федерализации навыворот»: навязывании установок федерального центра вместо глубокого анализа процессов, происходящих в регионах.⁷

Менее болезненно, чем, например, в Туве, переживают сегодняшнюю «федерализацию» региональных студий телевизионщики Татарстана. Там еще в 2001 году на базе ГТРК была создана телерадиовещательная компания «Новый век» (ТНВ). Сигналы передаются через спутник на всю территорию республики. В условиях конкуренции разработчики проекта сделали ставку на национальный язык, учитывая, что население республики говорит преимущественно на татарском языке и велик интерес к национальному вещанию⁸. Более того, канал с учетом интересов аудитории на периферии предусмотрел разделение эфирной аппаратной на два канала: один – на

Казань, другой – на районы. При этом районы могут давать свою рекламу, а местные студии могут подключаться к передачам канала с собственной программой новостей. Соотношение языков – 50 на 50.

На ТНВ существует хорошая студия, которая занимается дубляжом сериалов и мультфильмов для детей. На канале поставлена задача совершенствования эфирного татарского языка, который в предыдущие годы был несколько «запущен». Практикуются также субтитры, при этом считается, что они станут существенным подспорьем для тех, кто хочет изучить татарский язык.

Проблема двухязычного телевизионного вещания отнюдь не ограничивается чисто лингвистическими, культурно-национальными аспектами. Это и социальные, политические, культурные, экономические проблемы. Двухязычное вещание несет особую функциональную нагрузку, направленную на взаимообогащение культур, сохранение спектра национального разнообразия самобытных народностей. Необходимость регионального двухязычного вещания связана также с правом населения на получение оперативной информации через СМИ с учетом специфики региона и ментальности людей, проживающих на его территории.

Рассмотренный опыт двухязычного вещания в некоторых национальных регионах показывает, что специальной, продуманной политики по улучшению телевизионного вещания на национальных языках нет. Нет также определенной линии по обеспечению эффективного билингвизма в эфире. Для решения этих задач, возможно, могут быть использованы следующие выводы:

- для эффективного рейтинга вещательного канала, а также для выполнения задач по развитию как общегосударственного русского, так и национального языка посредством телевидения может быть полезным опыт украинского канала, связанный с качеством телевизионной продукции в целом, включая качество съемки, монтажа, грамотной эфирной сетки и т. д. ;

- кадровая политика – одно из главных условий качественного двуязычного регионального вещания;
- регионализация телевидения с учетом языковых, ментальных особенностей субъекта способствует доступности информации;
- опыт татарских коллег о разделении вещательной аппаратной на два канала максимально приближает телевидение к аудитории. Адресность журналистской работы способствует повышению эффективности воздействия;
- билингвизм не оказывает существенного влияния на рейтинг из-за смены языка вещания на телевидении;
- важную роль в обеспечении качественного билингвизма на телевидении играет поддержка со стороны государственных структур.

Примечания

1. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. – М.: Аспект пресс, 2001.
2. Багиров Э., Кацев И. Телевидение, ХХ век. – М., 1968.
3. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика. История, теория, практика. – М., 2004.
4. Щерба Л. В. Избранные работы по языкоznанию и фонетике. – Л., 1956.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М., 1998.
6. Дадье Б. Под и между двумя языками // Иностранный литература. – 1968. – № 4.
7. Волостригов П. СМИ и власть // Информационный проект «Общее дело». – М., 2005. – № 14.
8. <http://www.telesputnik.ru/archive/>

III

У. А. Донгак

С. Сүрүн-оолдуң «Анай» деп чечен чугаазы болгаш авторнуң нинити чогаадыкчы стили

Чечен чогаалга авторнуң уран сөзү, мерген угаадыы, амыдыралчы дуржулгазы каттышкаш, номчукчуларга эстетиктүг өөрүшкүнү, амыдырал дугайында чаа билиглерни, ажыдышыкыннарны сөңнөп келир.

Сураглыг прозачы, Тываның улустун чогаалчызы Салим Сазыговиң Сүрүн-оолдуң чогаадыкчы өнчүзүнчө хая көрнүп, чоок өнүктөривис апарган номнарындан авторнуң мерген, уран тывыштарын ажыдары-бile ук чүүлдү бижидивис.

«Анай» деп чечен чугаа «Улуг-Хем» альманагының «Бичии номчукчуларга» деп кезээнге 1965 чылда үнген. С. Сүрүн-оолдуң чогаадыкчы намдарының барык эгезинде бижиттинген бо чогаал сураглыг прозачының хөй санныг литературлуг чедиишкеннериний бирээзи. Авторга тыва номчукчуң хүндүткелии, ынакшылын чаалап берген уран-чечен чедиишкеннер, чогаадыкчы онзагай аргалар бо қыска чечен чугаада тодазы-бile илереп келген.

Бичии уругларга бижээн «Анай» деп чечен чугааның эстетиктиг уран-чеченин сайгарып көрээлиңер. Рассказтың баштайгы сөстеринден эгелеп, номчукчу чогаалдың кол маадыры болу берген анай-бile кады девидеп, коргут, берге байдалдардан үнеринге оон-бile кады сагыш човаан дег болу бээр: «Хөлчокла изиг хүн болган. Калбак даштарны базарга, таваңгайны хаарып кээр; чалымнар чаны-бile эртерге, чалынныг чүве дег, изии кынныр». А эртенинде, чогаалдың төнчүзүнде чурааны, нези ону кыйгырып дилей бээрge, аңаа уткуштур оон халып ора, ёөрээн, хангыны чүгэ дэннээр! Ону база-ла чогаалдың номчукчузу боду чурттап эрткен ышкаш болур.

«Анай» чангыс тыныш-бile, салдыкпайн номчуттуна бээр чогаал. Чечен чугааның маадыры – чаш анай. Изиг хүнде оъттааш, шаа төнген, авазы өшкүден чыдып калган уйгужу анай. Оон дайзыны – араатан-куш. Коданындан үстү бергенин билип кааш, уш-баш чок маңнап-маңнап, улуг даш кырынга үнүп келгеш, авазын кыйгырып турар.

Чогаал номчукчу кижиғе чаа билиглер болгаш эстетиктиг таалалды арттырар. «Анайны» номчуп тура, бичии номчукчу төрээн чериний оран-байдузунун дугайында хөй-ле чаа чүүлдерни билип алры чугаажок. Азырал болгаш черлик амытаннар: өшкү, бөрү, дилги, сарлык-деге. Күштар: үгү,

эзир, улар, кызыл-дүмчуктар. Оларның шуптузунуң кажан, каяа, кандыг сорулгалыг көстүп келири, канчаар «чаңап», амыдыраары. Берү - анайның чыдын билип апкан, «А-уу!» деп улуп турар. Сарык-деге – салбагар салдыг күске. Дилгинин карактары дүне ногаарарып көстүп келир, ол кеденип чоруй, «Аң! Ану!» деп ээрип, анайны оптут-кажары-бile болунче кыйгырып турар. Даң адыш кээрге, эн-не баштай кызыл-дүмчуктар деп күштар хөлзеп үнер, оларның соондан уларлар «Хү-үү-үйт!» деп эдип турарлар.

Адаанывыс чечен чугааны номчуп тура, бойдустун бо чурумалдарын бичии уруглар улуг кижилер-бile кады элдепсинип кайгап көрүп, бистерни долганып турар амылыг бойдусту төрелсинип келир. Харын-даа улуг номчукчунун оондаа өске бодалдарын оттура бээр: чанывыста мындыг чарааш амыдыралды эскерип көрген бис бе, а ол, амылыг болгаш амы чок бойдус, бөгүн бистин хайгааралывысты, камгалалывысты манап турбаан деп бе?

С. Сүрүн-оолдуң база бир чогаадыкчы онзагайы мында илереп келгенин эскербейн эрттириптер аргавыс чок. Чогаалчының номнарының кижи-бile ден эргелиг маадырлары – дириг амыттаннаар. 1984 чылда чырыкче үнген «Ак-Төш» – чоок өннүүнүң дугайында тоожу бооп тыва номчукчунун сөткилингэ артып калган. Ээзинге кагдырган аңчи ыттын түрөгдели. Аваангыр, угаангыр Ак-Төш алыс шынны угаап, чөптүг, чөптүг эвес чоруктарны ылғап билири-бile хирелиг кижилерден дээрэ болган. «Чанынга баргаши, бажын суйбадым. Шимчеведи. Карактарын көөрүмгө, бир-ле чүвеге хомуудаан, хорадаанаа даа ышкаши, борбак-борбак чаштар-даа карактарындан бадып турар. – Чүү болду, Ак-Төш?»

Дараазында чурумалдың кыска чижээн сактып, чараашсынып көрээлицер. «Оларның (бора-хирилээлерниң) амыдыралында онзагай талалар база бар чорбадыве. Оларның чамдызызын чаа эскерип чор мен. Бирээде, берге үеде бот-боттарын деткижери – азыранчыры кончуг-дур. Соок кыжын оранның

чүү-даа аңы хырнынга кызагдады бээр болгай, а хар улуг дүшкенде чүден дора. Хоорай чурттуг бора-хирилээлерде үүже чүү боор, чүгле кижи-ле сартыы манаар ышкакжык. Хөөкүйлер боостааже ажсырынтар чем дилеп, хүннү бадыр далбаңайнып-ла хүнзээрлер» («Бора-хирилээлер»).

Салим Сазыгович Сүрүн-олдуң Ак-Төш дугайында тоожузы тыва литератураның чечектелип келиринге база-ла улуг салдарлыг болганы чугаажок. Дараазында салгалдарга сураглыг чогаалчының ол дег ындыг тывыштары үлөгердээ болгулаан. Михаил Дуюнгарның «Чалбак-Мыйыс» деп чечен чугаазы бо теманың дорт уланчызы деп билип турар бис. Чогаалдың маадырынга бир-ле аңы азы азырал дириг амытанны шилип алгаш, ооң чүгле чүзүнүн, аннаар-амыдыраар «чаңын» эвес, а харын-даа иштинде бодап, кижи ышкаш, сеткип чоруур сеткил-бодалдарын шынныы-бile көргүзери – улуг чедишишкин, уран-чечен ажыдыышкын-дыр. «Мокулчак моюннуг, монzugур бажында ооң чараш, чаагай, харын-даа сүртөнчиг көстүр чоргаарланыр-ла чүвези – иий талазынче кара туразында чалбарып чоруткаш, шиши баштары өрү көрүндүр эглип келген чоон мыйыстары. Чалбак-Мыйыс оларынга кедергей менэргенир, ыңай-бээр көшкен өөрүнден бо-ла астыгып чыдып каар. Ындыг бардам чаяңы бо эрткен чайдан бээр мырыңай кедереп калган». Чалбак-Мыйыс, Ак-Төш ышкаш, бистерге кончуг чоок, эргим апаар. Олар кайызы-даа хостуг болгаш чоргаар чуртгаарын күзеп чоруур, дайзынның кахарын, алыскак-чиксээн, айыылдын билип турарлар. Көрүп көрүнер даан: Салим Сүрүн-оолдуң Ак-Төжү болгаш Михаил Дуюнгарның Чалбак-Мыйызы бистерге, оларның чанында амыдырап-чурттаан чоруур кижилерге, амыдыралдың алыс шынын ажыдып берип, үлөгер-чижек болуп чоруур-дур.

Шак-ла ынчаар, иези болур өшкүден чыдып калган анай дүнекинин дайзыннарындан чаштынып хоруп хонган, араатан күштүң аспаанга кирбээн, авазынга уткуужуп келген. Чүгле бичии уруглар эвес, а бис база аңаа өөрүвес аргавыс чок.

«Чалбак-Мыйыстың» автору Михаил Дуюнгар «Анай» болгаш «Ак-Төштү» бижээн башкызы С. С. Сүрүн-оолдуң изеп каан оруун уламчылап, «амылыг бойдустан өөренип көрээлиңер» деп идеяны дараазында бедикче үндүрүп экелген-дир.

«Анай» деп чечен чугаада С. Сүрүн-оолдуң база бир чогаадыкчы онзагай бот-шынары көстүп келген. Чогаалчының кол уран-чечен, тургузукчу аргазы – солун болуушкуннарлыг чидиг сюжет. Авторнун сорулгазы – номчукчунун сонуургалын элдептиг болуушкуннар, оларның солчулгазы-бile хаара тудуп алыры. «Анайда» демдеглээнивис солун болуушкуннарлыг чидиг сюжет канчаар илереп келгенил? Чогаалдың тургузут-схемазын мынчаар көргүзүп болур: онзагай байдал болгаш маадырның аңаа харыы-хөделиишикиннери.

ОНЗАГАЙ БАЙДАЛ, БОЛУУШКУН

Изиг хүн.
Шум сът.
Хүн ажа берген.
Дүн дүшкен.

Үгү.
Бөрү.
Сарык-деге.

Дилги.

Даң аткан.

МААДЫРНЫҢ ХӨДЕЛИИШКИННЕРИ

Анай удууп калган.
өшкү оглун уттуикан.
Анай аалын тыппаан.
Анай куйга хоруп
чыдыпкан.

Анай ыыттаваан.
Анай ыыттаваан.
«Кичээн!» - деп
сагындырып турарын
анай билген.

Анай хаяны өрү үнс
берген.
Анай дидимненип келгеш,
куду бадыпкан, авазын
кыйгырып алгырган.

Мындыг «чалгааранчыг» схема чуге херегил? Авторнун номчукчунун сонуургалын канчаар оттуурп турарын, оон уран-

чечен аргаларын схема көргүзүп турар. Сураглыг прозачы, тыва номчукчунүң ынак чогаалчызы С. Сүрүн-оолдунң сюжедининң онзагайы болур кезектер – анаа эвес байдал болгаш маадырның анаа харыбы-хөделиишкиннери. Оон-бile кады тоожуушкунну салдыкпайн дыңрап, номчуп кээринче албадаптар уран-чечен аргалар: композицияның дең-дескизи база болуушкуннарның дүрген солчулгазы. А анаа чүү шаптыктап болурул? Артык, идеяга чуну-даа немевейн турар делгем чурумалдар болгаш болуушкуннүң ээлгир эвес солчулгазы. «Анай» деп чечен чугаада болуушкун бүрүзүн чуруп көргүскен кезек-сөзүглелдерниң хемчээли колдуунда дең болуп турар: оргумаа-бile он хире кыска домактарлыг абзацтар. Чогаалчының сюжетти чедимчелиг ажыглаан поэтиктег аргазы «Анайда» кыска болгаш чиге хевиринде көзүлген деп демдеглээн бис, а оон ёске тоожу болгаш романнарында база көssку. Прозачы Салим Сүрүн-оолдун бижээн чогаал бүрүзүнүң көssку онзагайы, ылгавыр демдээ: солун болуушкуннарлыг тоожулал.

«Ийи чагаа» – таныжы оолду шагдаалар тудуп хоругдап алган, акызының чажыт чагаалары номчуттунган.

«Лейтенантының даалгазы» – ыраккы суурнун чурттакчызы фронтудан дескен, ырбакчыны тудары-бile башкы хөделип эгелээн.

«Ынакшыл-дыр» – суурга аныяк чарааш орус башкы келген, Хеймеректиң ыды оон платьезин ора тыртып каар, а Хеймерек школада ажылдай берген.

«Өске кадай» – аныяк ие ажыл-даа, өөредилгэ-даа чок, оон чеден беш харлыг авазы ийи харлыг чаш оолду боду азырап турар.

«Тывалаар кускун» – аныяанды суг акпас эдержил чораан эжишикилер бөгүн бот-боттарын көруүшлес болган.

Улуг хемчээлдиг жанрларга, тоожу болгаш романга, кол болуушкуннар сайзырап чорбушаан, оларның чанында немелде болуушкуннар сайзырап, катчып чоруй баар, деткижип хөгжүп олуурар. Чижээлээрge, «Лейтенантының даалгазында» ырбакчы

кижини тудар деп сорулга салып алган, аңаа немей аныяк кижилер ополченнерни белеткеп турар. «Ынакшыл-дыр», «Кымның оглұ?» болғаш өске-даа чогаалдаарда кол сюжетке немелде сюжеттіг шугум – ынакшылдың сайзырап келирин чурааны.

Шагдан бээр кижи солун ужураддар, солун кижилер дугайында дыннақсаар турған. Оон-на тоолдар, тоолчургу болғаш төөгү чугаалар тыптып келген. А бөгүн, бистиң үевисте, болған чүүлдерниң дугайында бистерге чогаалчылар тоожуп берип чоруур. Ырак чурттар, болған кайғамчық таварылгалар дугайында чугаалар кижиниң чуртталгага сонуургалын қыпсып чоруур, үлегер азы оваарның келир чижек болуп чоруур.

Чижәләэрге, «Оржууңмаа биле Балдай-оол» деп чечен чугаада – ийи кижиниң аразында ынакшыл канчаар сайзырап келирил, аныяк оол биле қыс салымнарын кадып чурттай бээр бе, оларның мурнунда кандыг моондактар туруп турарыл? – дәэн ышкаш айтырылгар, сонуургал анаа-ла хоозун эвес деп билип турар бис.

Хәй санныг проза чогаалдарының автору С. Сүрүн-оол – солун тоожукчу. Оон чечен чугаа, тоожу, романнарынын арыннарындан номчукчулар үежилеринин, ырак-чоок кижилеринин, боттарының амыдыралынга болған таварылгаларны танып, билип, сонуургап номчуп келир. Номчукчу ол болуушкуннарның дорт херечизи апаар. С. С. Сүрүн-оол элдептиг таварылгалар, онзагай кижилер дугайында тоожуп бээринге ынак турған. А салым-чаяанның, мерген тоожукчунун чугаалары эки-бакты ылғап билир кылдыр өөредип, мәзүлүг маадырларның чижәэн здерер, мәзү чок кижилерниң чазыгларындан кичәэндирип чоруур. Сөстүң уран күжүнде чидиг чөрүлдәэлиг сюжет мындыг ужур-уткалыг деп чувени утпаалынар.

Прозачы Салим Сүрүн-оолдуң чуруп көргүзүп турар кол чүүлү - кижиниң хууда амыдыралы. Совет үеде чечен чогаалга тергиидеп турған угланыштың өске турған. Ыланғыя 1950-60 чылдарның нам, чазактың иletкелдерин база литературулуг 242

сайгарылгаларын көөр болзувусса, негелде чанғыс аай: чечен чогаалдың кол маадыры – нийтилелдиң кижизи. «Амғы шагның төлептіг маадыры – нийтилелдин үстүнчө үне берген, кандығ-бір онзагай кижи эвес, а коллективтың кижизи-дір. Ол коллективтен депшип үнүп кәэр болгаши ооң тұра-соруун, билигерин, бодалдарын шиңгээттишаан, бодунуң ылғавырлығ үзүлүн чидирбейн турад. Коллектив-біле, а оны дамчыштыр бұғы нийтилел, чурт-біле тудужу төлептіг маадырның бадыткаптынарының әң-не чугула социал-төөгүлүг байдалы болур. Бол боттук шынны реалистіг илередири чогаалчыларның нарын, ыңчалзажек чайлай баспас чогаадыкчы сорулгазы болур» (А.К. Калсан «Кижи болгаши идеал»). Ол үенин төөгү-нийтилелчи байдалындан үнген бо негелде авторларның эстетиктіг туружу, уран-чечен принциви болған. С. Сүрүн-оол база-ла ындығ поэтиктіг көрүүшкүнүт чогаалдарны бижәэн. Ыңчалза-даа кишиниң нийтилелге кирипп чоруур үлгү-хуузу оон хууда амыдырал-чуртталгазындан кончуг хамааржыр деп чогаалчы билип чораан. С. С. Сүрүн-оолдан бот-онзагай чогаадыкчы көрүүшкүнү, уран-чечен принциви ындығ турған.

«Гвардейжи» деп очеркти чижек қылдыр сактып көрээлиңер. Дайын киржикчизи, чоннуң эрес-маадыр оғлунга тұрасқааткан чечен үзүл. Автор номчукчуны әң-не баштай чүнүң-біле сонуургадып алғаныл? Очерктын маадыры Төгүлдүн хууда амыдыралының болуушкуну-біле: дайынчы фронтуга бир-ле кижиғе бүдүү ынакшып турған. Гвардейжиниң намдарындан бо үзүл сөөлүнде бадыткаптынмай артып калыр. Ыңчаарга, автор бо эпизодту үзге чогаалынче кирип турары ол? Номчукчуларның сонуургалын қысыптар чогаалчының уран-чечен аргазы-дыр. Бирәзде, кичәэнгейни хаара тудуптар, ийиде, Ада-чурттуң дайынының киржикчизи – гвардейжи Төгүлдү номчукчуга чоокшуладып, «бистер ышкаш кижи-ле-дир» деп көргүскен.

Амыдыралга таваржып келген онза байдалды чурттап эртип келгенин көргүзери дәэрge-ле – маадырның кижи болуп хевирлеттинип келирин көргүзери-дир. Чамдық маадырлар 16*

мөзү-бүдүштүг шынарларын быйыглап, бергелерге торулбайн, чанында кижилерге дузалап чоруур. Өскелери мөзү чок талаларын көргүзүп, оларга алзып, кижилерниң дузазы чокка бергедээшкіндөн үнүп шыдавас болур. Кижиниң мөзүү ынчаар илереп келир, а оон сагыш-сеткили хөй-ле дадагалзаашкын, мүйчулуушкун, дүвүрээзиннерге бүргедир.

Адаанывыс «Анай» деп чечен чугаада прозачы Салим Сүрүн-оолдун көску чогаадыкчы онзагайын эскербес арга чок. Мондактарга таварышкаш, човал, түреп, чурттап эрттип турар үезинде, аарышкыны канчаар хүлээп ап, сеткип турганын чуруп көргүсken. Чечен чогаалга ону «психологизм» деп адап турар. Маадырның иштики байдалы хөделиишкіннериниң дөзүнде чыдар, ацаа идиг болган сагыш-сеткилдин база мага-боттуң байдалы-дыр деп тодарадып болур.

«Анайда» психологизм мынчаар илереп келген:

АНАЙНЫҢ ИШТИКИ БАЙДАЛЫ

1. ... хаарып кээр(ге),
изиш кынныр(га),

2. Ээн-уун-на чүве,

3. Бөрүден корткан.

АНАЙНЫҢ ХӨДЕЛИИШКИННЕРИ

Анай чыдыпкаш, удуй
берген.
деридип,
шаа төнген,
эгиштеп чоруур апарган.

Анай аалын тыппаан.
уткан, шаа төнген,
уу ышкындырган,
дериткен,
эгииш-тыныжы хөлчок,
ыглаксаазы келген,
кортканындан карак чажы
келбээн.

Анай куйга хоруп
чыдылкан.
Анай ыыттаваан.
дээш оон-даа ыңай.

Кижиниң амы-хууда байдалы – С. Сүрүн-оолдуң прозаында эң-не кол уғланысыштың, чогаадыкчы принцип болганда, маадырларның иштики байдалы канчаар ажыттынып келгенин хайгаарал көрээлинер.

«Лейтенантының даалгазында» дүнен кедеп, истеп чоруп турган кижизи бо кирип кээрге, ыяткан, корткан башкы Мелькин ашакты көөрге, оон даштыкы хевири кажангызындан сүрлүг көзүлгөн, а бодун бодап кээрге, оон чанынга кээргенчиг-ле көстүр болган. Адаанда сөзүтлөдө гипербола биле литота (чүвениң хевириң хөөредип улгаттырар болгаш бичеледир аргалар) маадырларның девидээн, эпчоксунган сеткилини илередирде ажыглаттынып туар. «Ону моң мурнунда чеже көрбөдим дээр, а ам көрүп турарымга, кажангызындан-даа хөрлүг ышкаш. Бажы база улуг. Мойну бир-ле дулгу дег. Дөңмектери – ийи согааш-ла. Чудуруктары – ийи бала базыла. Хырны дээргэ, езулуг шуурун. Аныяанды болза, та чүү хире күштүг турду ыйнаан. Ыспагар бодум харын сестин-даа ор мен...».

«Ынакшыл-дыр». Мында маадырның бодалдары дорт чугаада звес, а авторнуң сөстеринден чайгаар дыңналып келир («несобственно-прямая речь» деп уран-чечен арга), ынчан чогаалдың маадыры Хеймеректиң эң-не чажыт азы бодунуң эндевээни бодалдар үнүп келир: «Оон Хеймерек та канчаары ол, башкы же шивейликтир көрүп турукан. А, богда, ориээ хайыракан, ындыг чарааш кысты кым көрүп чораан боор!»

«Ак-Төште» - ыттың шимчээшкүннериин дамчыштыр соң хомудаанын, хорадаанын билип каар бис: «Ондар сени канчап садыпты, Ак-Төш?»

«Ыы, чүжес?» - деп ылавылаан дег, боду шимчеш дивезе-даа, ийи караан база-ла менче хере көрүпкен чыдыр. Сактырымга, «ондар» деп сөс соң мээзинде чык-даа диди ышкаш. Сөстерни шөө арак, база айттырдым:

- Он-дар, он-дар, аан, сээн ээн, сени канчап садыпты?

Богда-а, ыдым, туруп келгеш, ийи кулаан сүүрертипкеш,

ынды-бетин шала ырады хараттынды. Кара думчуунуң танактарын-даа дарбаңнаткылаар».

Маадырның иштики байдалын илередирде, чогаалчы үстүнде көргенивис аргалардан өске диалогту хәй ажыглап турар. «Анай» деп чогаалывыста маадырның онзагай байдалын көргүзерде, анайга хамаарыштыр: а) «бодаан», «билген» дән ышкаш сөстерни; б) мага-боттун байдалын илереткен сөстерни ажыглап турар.

Чижээ: а) утту каапкан, кайнаар-даа барганы билдинмес; б) думчуунга чыт чедип келген, шаа төнген, хаарып кээр, дериткен.

Михаил Дуюнгарның «Чалбак-Мыйыс» деп чечен чугаазындан чогаалдың сөзүглели колдуунда авторнуң сөстери бооп турар, ынчалза-даа Чалбак-Мыйыстың бодалдарын дыңрап, билип турар ышкаш болур бис. Сарлык малдың байдалын дамчыдарда: а) угаан-бодал; б) аажы-чаң илередир сөстер хәй кирип турар.

Угаан-бодал илередир сөстер: «Чалбак мыйызының кайы хире ажыктыын ол ынчан билген». «Чалбак-Мыйыс күзезе элейтип кээр, күзевезе бажы-бile баар». «Чоогада каратыр изеттинип калган мал оруун ол эндевес». «Ууттунмасстан калган балыг бел демги кизжи оглу-бile көдүржүт тургузуп каар боор деп ал идегеп чыткан».

Аажы-чаң илередир сөстер: «Иий талазынче кара туразында чалбарыт чоруткан мыйыстары». «Чалбак-Мыйыс оларынга кедергей мензэргенир». «...Туразы улуг шулбус боор!» «...Ол ынчан соонда чораан ээзинче карактарының ужу-бile хыйыртай көрүп каан». «Ол бажын артында чааргандан шинчилиг чоргаар силгигилээн».

Сагыш-сеткилдин онзагай байдалын илередирде, чамдыкта авторнуң сөстери тускай тургузулуг апаар. Чугааның кезектери аразында аяннапкан, бот-бодунга деннежип эгелээр. Ынчан домактарга хәй синонимнер, нарын сөстер, катаптаашкыннар ажыглаттынар, а сөстерниң ажык үннерииниң саны колдуунда деннежип турар болганда, шулуктээн аян, ритм дыңналып, сагыш-сеткилдин көдүрлүүшкүнүг хөөнүн илереди бээр.

Біндүг чижекти «Анай» деп чечен чугаадан көрээлинер:

а) аяннажылға – «*Чалымнар чаны-бile эрттерге, чалының чuve дег, изиши кынныр*». «Девидеп тұра халып келирге, сарықдеге салын салбайтыпкан, хөкпее берген сиригейніп олуруптур».

б) синонимнер – «*Бұгү-ле чuve амылыг чүвелер ону мактап, ырлап, аңаа өөрүп, ооң чылыныга дөгеленип, ооң чырының ачызында ажыл-ииче кирип, амыдырап кирипкен*».

в) катаптаашкын – «*Анай авазынга, өнику-угбаларынга, эш-өөрү айналарга база кадарчыға уткуштур мұнғаш хаяларны оя-оя, чалымнарның ара-аразы-бile маңнап бадыпкан*».

г) нарын сөстер – «*Ыңай-бәэр маңнап, ол-бо дилеп, боску тунгуже кый деп чадап каан. Өөрү база чанып бадыпкан*».

Ук чүүлдү доозуп тұра, Салим Сүрүн-оолдуң «Анай» деп чечен чугаазының тыва литературага уран-чечен ажыдынышкыннарын база катап тодарадып саналтаалыңдар:

1. Ужураддар дугайында солун чугаа.

2. Чогаалдың маадыры болур айналың дүвүррәзиннерин, коргуушкуннарын, өөрүшкүзүн көргүскени.

3. Амылыг бойдустун кижиден өске төлдери – дириг амьтаннарның аажы-чанын бүзүренчиг шын чурааны.

4. Сөстүң уран аргалары хөй кирген, оларның эстетиктиг, кижилизиг күжүнүң дәэштіи.

Салим Сүрүн-оолдуң нийити чогаадыкчы аяны, стили бо чогаалда чиге чарашиб хевиринде көску. Чидиг сюжет, амыхуунун туружу, сагыш-сеткилдин дүвүрелинин дугайында тоожуулал – бо шынарларның ачызында чогаалчы эң-не хөй номчукчуларлыг тыва автор болғаны билдингир. Амыдыралдың шапкын ағымынга моондактарны ажып, чурттап эрттип тұра, кижи янзы-бүрү болалдарға, сеткилдерге алзып, чутула щилилгени қылыр; ынчан ол кижи мәзүзүн салбайн, бодунга, ескелерге чуртталғаның дәэди үнезин ажыдар.

Древнетюркские трехстишия

В изучении трехстишных форм, имеющих место в традиционной культуре, несомненный интерес представляют древнетюркские трехстрочные надписи на каменных стелах.

Памятники орхено-енисейской письменности, зафиксированные в бассейне р. Енисей, являются в основном образцами эпитафийной лирики древних тюрков VI–XII вв., относящихся к древнетюркскому (552–744 гг.), уйгурскому (745–840 гг.), древнекыргызскому (IX–XII вв.) [1, с. 5] историческим периодам.

Древнетюркские памятники, определенные И. В. Стеблевой как историко-героические поэмы – «Малая надпись в честь Кюль-тегина», «Большая надпись в честь Кюль-тегина», «Надпись в честь Тоньюкука» (все датируются VIII в.), – находятся на берегу р. Орхон в Монголии.

Литературоведческому анализу орхено-енисейских памятников посвящены работы известных тюркологов В. М. Жирмунского, А. Н. Бернштама, А. М. Щербака, которые считают, что древнетюркские памятники являются *прозаическими* произведениями, а енисейские надписи характеризуют как «примитивные и непритязательные тексты» [2, с. 79]; И. В. Стеблевой, которая рассматривает орхено-енисейские надписи как *поэтические* тексты, построенные в рамках стихотворного канона [3].

В данной статье древнетюркские памятники рассматриваются нами как письменное наследие древних тюрков, выявляются аналогии и признаки преемственности по отношению к современным трехстишиям тувинской поэзии (*ожук дажы*), которые, на наш взгляд, могут дать толчок в решении вопроса об отнесении древнетюркских текстов к поэтическим произведениям.

На основе изданий и переводов с древнетюркского языка памятников орхено-енисейской письменности, представленных

в работах В. В. Радлова, С. Е. Малова, И. А. Батманова, А. Ч. Кунаа, З. Б. Арагачи (Чадамба), Д. А. Монгуша и других, нами выявлены памятники, имеющие трехстрочную поэтическую форму. Стихотворная форма надписей этих памятников была определена учеными визуально, без стихотворной реконструкции. Естественно, учитывался тот факт, что эти надписи высечены на камнях.

Енисейские древнетюркские надписи на стелах, названные С. Е. Маловым «кладбищенской поэзией» [4, с. 8], представляют собой небольшие тексты, описывающие основные события из жизни древнетюркских воинов и выраждающие сожаление, горечь расставания. Данные эпитафии содержат в основном обращение от первого лица – от лица погибшего знатного доблестного героя. Вероятно, оставляя память о герое близкий ему человек, знаящий его биографию, важные даты его жизни, доблестные поступки, семью.

Енисейские эпитафии написаны большей частью в одной художественной форме, стиле и композиции, что говорит о существовании общей древнетюркской литературной традиции маркировки надгробных памятников знатных полководцев, героев. Возможно, были специальные «поэты», освещавшие жизнь достойных людей той исторической эпохи, глубоко чувствующие сожаление и скорбь человека, уходящего в мир иной. Например:

Сиз окунч эб бөкмедин
Токуз йашда тоглык канка тапдым эрдим
Билмедин буным Он эрмиш [5, с. 46].

Вами печальным домом я не насладился
В девять лет я стал служить бунчужному хану
Я не знал своей печали Десять было

(Пер. И. А. Батманова)

Особенности стиля и выражения, поэтичность данных строк, на наш взгляд, здесь налицо.

Художественными особенностями, характеризующими эпитафии как поэтические произведения, являются структура текста, метафоры, сравнения, анафора, параллелизм и т. д.

Несмотря на краткость, енисейские эпитафии имеют в основном единую композицию текстов:

- 1) указываются имя героя, его становление (не во всех эпитафиях), титул, чин и возраст;
- 2) отмечаются геройские поступки;
- 3) лирическое сожаление и горечь расставания.

В данной статье мы акцентируем внимание на поэтических особенностях древнетюркских трехстиший как одного из возможных истоков изучаемого жанра. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие близость енисейских эпитафий с *ожук даҗсы*.

Канымка, Элимке бәкмәдим

Күйда күнчүйумка адырылдым

Кансыз калдым [4, с. 33]

Я не насладился моим ханом государством

Я оторвался от моей княжны в тереме

Я остался без отца

(Пер. И. А. Батманова)

Отличительными от прозы чертами древнетюркских текстов являются не только стихотворная форма (разбивка на строки), но и стилистические, и синтаксические признаки, присущие только поэтическому произведению. Данная триада носит структурный характер: приводятся параллельные явления, чтобы углубить драматизм героя.

Аналогично *ожук даҗсы* в вышеприведенном древнетюркском трехстишии, несмотря на свободную форму стихосложения, наличествуют следующие конструктивные признаки ритмической организации:

- 1) синтаксический параллелизм – характерная черта стиля;
- 2) анафорическая аллитерация (перекрестная начальная рифма);
- 3) рифмовка грамматического типа (смежная конечная рифма, в других эпитафиях встречаются и ассонанс, и рифма-эхо);
- 4) сквозная аллитерация (или звукопись, аллитерирующие звуки – *к, м*).

Безусловно, в древних текстах средства звуковой организации находятся в эмбриональном развитии. Исследуя стиховую организацию древнетюркских текстов, У. А. Донгак пишет: «Информацию о зарождении, развитии элементов стиха содержат эмоционально-экспрессивные, стилистически неровные тексты. Уподобление – главное условие эмоциональной речи. Эмоциональный повтор приводит к созвучию, аллитерации. Аллитерация здесь нерегулярна, рифмуются соседние, смежные слова. Это простейшие созвучия. О равносложности в древнетюркских памятниках мы придерживаемся мнения академика В.М.Жирмунского: «Чем архаичнее текст, тем менее он равносложен» [6, с. 13].

В отличие от *ожук дажы* и загадок-триад в древнетюркских трехстишиях не наблюдается силлабической равносложности. В определении версификации древнетюркских текстов ученые имеют разные мнения: А. М. Щербак относит к силлабической системе [7, с. 122], Ф. Е. Корш – к силлабо-тонической [8, с. 139], И. В. Стеблева – к тонико-tempоральной системе [9, с. 35–36]. На наш взгляд, древнетюркские трехстишия являются досиллабическими, дисметрическими свободными стихами, состоящими из неравносложных строк, построенных в зависимости от художественной интонации.

Нами также выделены древнетюркские трехстишия, идентичные *ожук дажы* в композиционном отношении.

Например:

Бег санун эр атым

Санун тутук бен уры учун... бену тике бердим

Көк тенриде күн ай азыдым [10, с. 245]

Мое мужское имя Бег-Сангун

Я Сангун тутук для мужского потомства воздвиг вечный памятник

Солнце и луну на голубом небе я не стал ощущать

(Пер. С. Г. Кляшторного и И. У. Самбуу)

В следующей древнетюркской надписи также наблюдается стройная композиция:

II памятник Ихе-Асхете

Үзе тейгри эрклиг м... кмс

Адрылмыс өлүгиме йыглайу бертим

Ч... эр бедизмиш [11, с.46]

Вверху сильное небо

Оплакивало удалившегося от меня покойника...

... герой устроил (памятник)

(Пер. В. В. Радлова)

Итак, в процессе небольшого анализа трехстиший мы выяснили, что *ожук дажды* и енисейские трехстишия имеют некоторые общие черты в ритмической организации, структуре и композиции. Естественно, не следует забывать, что древнетюркским эпитафиям присущ лапидарный стиль, поэтому они проще по организации, чем *ожук дажды*.

Памятники орхоно-енисейской письменности с трехстрочными надписями были зафиксированы на территории Тувы, Монголии, Киргизии и Хакасии. Пока нами выявлено около 20 памятников эпитафийной лирики, оформленных в виде трехстиший. Определено также, что из 60 рассмотренных нами

(опубликованных) памятников надписей в три строки намного больше, чем в 2, 4, 5 строк.

Этот факт дает возможность предположить, что миниатюрные формы, в частности, трехстишные, существовали в письменной культуре древних тюрков и дошли до нас в виде застывших в вечности текстов. Они продолжали жить в устной форме в виде плачей, причитаний, благословений, которые, вероятно, представляли собой одно неразрывное целое.

Далее приводим список памятников с надписями в виде трехстиший, найденных на территории Тувы:

1. I памятник с Барыка /Е-5/
2. IV памятник с Барыка /Е-8/
3. I памятник с Элегеста /М., стр.70; УЗ, IX/
4. II памятник с Элегеста /М-72/
5. Памятник из Саргал-Аксы /УЗ, X/
6. Памятник с Кара-Булуна /Г-1/
7. II памятник с Чая-Холя /Е-14/
8. III памятник с Чая-Холя /Е-15/
9. IV памятник с Чая-Холя /Е- 16/
10. V памятник с Чая-Холя /Е-17/
11. VII памятник с Чая-Холя /Е-19/
12. IX памятник с Чая-Холя /Е-21/
13. Памятник из Суглуг-Адыр-Аксы /УЗ, X/
14. Памятник из Улуг-Хема (р. Демир-Суг) /УЗ, XV/

В данный список не включены памятники, содержащие более одного трехстишия. Это следующие памятники Тувы:

1. Памятник из Уюк-Турана /Е-3/: 3 строки – на передней стороне, 3 строки – на задней стороне.

2. Памятник Е-49, М-22: 3 строки – на передней стороне, 1 строка – на правой стороне.

3. Памятник с р. Хемчик /УЗ, XVI/: 3 строки – в первом фрагменте стелы, 3 строки – во втором фрагменте.

Памятники-трехстишия зафиксированы также и в Монголии, Киргизии, Хакасии и других регионах. Например:

1. II памятник с Ихе-Асхете /М, с. 46/
2. IV памятник Хойто-Темира /М, с. 49/
3. V памятник с долины Талас /М, с. 62/
4. IV памятник с Уйбата /Е-33/
5. II памятник с Тубы /Е-36/
6. III памятник с Тубы /Е-37/

Памятники с несколькими трехстишиями:

1. Памятник с долины Означенной /Е-25/: трехстрочная строфа – на передней стороне, 1 строка – на боковой стороне, 3 строки – на задней стороне.

2. I памятник с Алтын-Холя /Е-28/: три трехстишия – на передней, правой и левой сторонах.

В качестве примера изучения и творческого переосмысления памятников орхоно-енисейской письменности в создании новых произведений, можно привести поэму А. А. Даржая «Бурунгунун изи-биле» («По следам древности»). В ней автор обращается к истории, древней культуре предков и в некоторых фрагментах поэмы использует трехстишную форму, заимствуя и творчески совершенствуя композицию, исконно поэтические средства, ритмико-звуковую организацию стихотворных надписей памятников. Например:

Ындыг-ла болзунам!
Чер-иевис ыйба хул бооп хуулбазын,
Чечектелип, карак өөргүп, мөнгө турзун!

Да будет так!
Пусть мать-земля не превращается в пепел,
Пусть вечно цветет, радуя глаз.

Определяя место древнетюркских памятников в традиционной художественной словесности, мы считаем, что их можно рассматривать как среднее звено между фольклором и

литературой, так как устно-поэтическое творчество народа, как известно, первичнее всей письменной литературы.

Прямой преемницей древнетюркских надписей являются появившиеся в тувинской поэзии в 90-х годах эпитафии. Характерным примером, в частности, может служить эпитафия, написанная Ю. Ш. Кюнзегешем. Эта эпитафия состоит из трех Улуг ожук дажы, приведем один из них:

*Өжүп калган чула дег, чырының чидип,
Өөрүңден, Ай, Хүн, Чер-Сүгдан адырылдың.
Өөң ишти, ажы-толңң өскүс калды.*

*Амыдырыл – чыргал эвес: чыдын чыттайн,
Анай кара чажыңдан-на иженген сен –
Аартык, моондак берге арттар турду ийин.*

*Мөңге черниң хөрзүн-сайы, чымчак чүг дег,
Мөчү-бодуң шуглан алды. Чуртталгага
Пөкпээниң дээши, тос-карактан сүдүм чаштым.*

Как погасшая свеча, свет твой исчез (погас).
От друзей, Луны, Солнца, Земли-Воды ты отделился.
Жена твоя, дети твои сиротами остались.

Жизнь – не блаженство, не покладая рук,
Трудился ты с малых лет,
На пути твоем встречались перевалы преград.

Вечная земля, как мягкий пух,
Тело твое укрыла. Жизнью
Ты не насладился – кропилом разбрызгиваю молоко.

Из этих строк видно, что Ю. Ш. Кюнзегеш, используя элементы древнетюркской лирики, обогащает и совершенствует внутреннее богатство и эмоциональный строй своей эпитафии.

Например, это связано с характерными словами эпитафий «отделился», «не насладился». Енисейские памятники, как правило, написаны от 1-го лица, а данная эпитафия выражена от 2-го лица. Искусные сравнения, метафоры играют большую роль в выражении скорби, плача и боли: «Как погасшая лампада», «От друзей, Луны, Солнца, Земли-Воды ты отделился (расстался)» и т. д.

Эпитафии Ю. Ш. Кунзегеша по своему строю и стилю открывают новую страницу в тувинской поэзии.

Нужно отметить, что литературные достоинства енисейских памятников не в полной мере оценены. Например, без проникновения в эмоциональный мир древнетюркской лирики трудно, подчас невозможно, уловить весь трагизм и поэтичность слова «адырылды́м» из енисейских эпитафий, который на русский язык переводится мало что говорящими словами «я отделился», тогда как в контексте надписи, помимо горечи расставания и прощания, слышится горестный вздох и даже рыданье. Данное слово на тувинском языке звучит так же и несет в зависимости от контекста ту же смысловую нагрузку. Необходимо также отметить, что слово «адырылды́м» используется в текстах как метафора – при наличии в древнетюркском языке слов «өлүт» смерть, «өл-» умирать, «көт-» уходить, исчезать, умирать.

Метафорично также использование слов «күпсүүт» принцесса моя, «бөкмөдүт» не насладился и др. Данную нашу точку зрения об интерпретации енисейских надписей могут подтвердить слова С. Е. Малова: «Я все же хочу прибавить, что этот суровый отзыв (акад. В. В. Радлова. – Л. М.) о языке надписей частично можно объяснить нашим плохим знанием или, лучше сказать, незнанием древнего тюркского языка юга Сибири. Ведь я думаю, можно предположить, что язык этих надгробий – это кладбищенская поэзия V века нашей эры! Разница между нашим временем и тем очень большая, и мы многого не знаем и в языке и в тех обычаях... [12, с. 8]. (Позднее установлено, что эти памятники относятся к VII–XII вв.)

Небезынтересно также отметить, что трехстишную форму имеют не только надписи орхено-енисейских памятников,

но и миниатюры древнетюркской «Книги гаданий» (IX в.). Стихотворная реконструкция сделана И. В. Стеблевой, которая установила, что «поэтические особенности текста такие же, как и в орхоно-енисейских сочинениях. Поэтому «Гадательная книга» является важным звеном в цепи непрерывной традиции развития тюркских поэтических форм» [13, с. 12]. Например:

Кара йол тенри мен
Сынкуыңын сепер мен.
Узукицин улайур мен.

Кара чолдун дээри (бурганы) мен
Сыныгыңын эдер мен.
Үзүгүңү улаар мен.

(Пер. на тув. Д. А. Монгуша)

Я черный Бог судеб (букв. путей)
То, что у тебя сломано, я соединяю.
То, что у тебя разорвано, я связываю.

(Пер. И. В. Стеблевой)

Илиг итмиш мен.
Эдгүси болзун тир.
Анча билиндер: (эдгү ол).

Эл чургту тургускан мен
Экизи болзун! – дээр.
Мынчаар билиндер: (экизи ол!)

(Пер. на тув. Д. А. Монгуша)

Я тот, кто создал народ (государство)
Да будет ему благо! – говорят.
Так знайте: (это хорошо).

(Пер. И. В. Стеблевой)

Эти трехстишия представляют собой лаконичные стихотворения с некоторыми особенностями стихотворной организации, присущими трехстишиям.

Вышеизложенное позволяет предположить, что древнетюркские трехстишные миниатюры могут рассматриваться как одно из звеньев в эволюции трехстишных форм, ярко выраженной в современной тувинской поэзии в виде жанра *ожук дажы*, ибо, как отмечает И. В. Стеблева, «достижения древней культуры народа не исчезают бесследно, но в том или ином виде проявляются в культурах более поздних эпох» [14, с. 145].

На наш взгляд, факт существования в тувинской литературе трехстишной формы *ожук дажы*, которая по фундаментальным признакам аналогична древнетюркским трехстишиям, зафиксированным в основном в бассейне р. Енисей, подтверждает преемственность традиций древней и современной литературы.

Литература

1. Күлтегин. Бурунгу түрктерниң Енисей-Орхон бижииниң тураскаалдары / Эгэ сөс – Ю. Л. Аранчын, З. Б. Самдан. – Кызыл, 1993.
2. Жирмунский В. М. Орхонские надписи – стихи или проза? // НАА, 1968, № 2.
3. Стеблева И. В. Пoэзия тюроков VI–VIII веков. – М., 1965.
4. Малов С. Е. Енисейская письменность тюроков. – М.; – Л., 1962.
5. Памятники древнетюркской письменности Тувы (под ред. Батманова И. А. и Кунаа А. Ч.). Вып. I, – Кызыл, 1963, – С. 46.; вып. II, 1963. – С. 33; вып. III, 1965.
6. Донгак У. А. Тувинское стихосложение. Автореф. канд. дисс. – Якутск, 1999.
7. Щербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник. – М., 1970.
8. Корш Ф. Е. Древнейший народный стих турецких племен. ЗВОРАО. 1909, т. IX.
9. Стеблева И. В. Указ. соч.
10. Кляшторный С. Г., Самбуу И. У. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 15. – Кызыл, 1971.

11. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.; – Л., 1962.
12. Там же.
13. Поэзия древних тюрков VI-XII веков. /Переводы А. Преловского. Стих. реконстр., науч. перевод, вступ. статья, комментарии И.В. Стеблевой/ – М., 1993.
14. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М., 1976.

Ж. М. Юшиа

Роль словесного компонента в охотничих обрядах тувинцев*

Охотничий промысел у тувинцев наряду со скотоводством был весьма значимой отраслью хозяйства. Однако до сих пор вербальные тексты, входящие в структуру охотничьего ритуала, не стали предметом специального анализа. Исследователи традиционной обрядности тувинцев обращали внимание лишь на сам ритуал как составную часть всего обрядового комплекса [1]. При таком подходе обрядовый текст, являющийся смысловой и сюжетной доминантой ритуала, оставался вне поля зрения ученых.

Целью данной статьи является определение роли и места вербального компонента в структуре охотничьего обряда. По мифологическим верованиям тувинцев, звери были собственностью духа-хозяина тайги. Поэтому успех в охоте зависел не столько от умений и мастерства охотников, сколько от доброго отношения духов-ээ. Охотникам они показывались в образе красивых молодых девушек, любящих пение и музыку.

Охотник, прибыв к предполагаемому месту промысла, первым делом угощал духа-хозяина тем, что было у него из провизии, привязывал жертвенные полоски материи – чалама

* Статья подготовлена в рамках Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН №151.

к дереву и обращался к духу (ээ). Поэтические тексты, сопровождающие этот обряд, представляют заклинания – чалбарыглар с просьбой к духу-хозяину об удачной охоте.

Промысловые обряды охотников, проводимые ими с целью успешной охоты или при длительных неудачах на промысле, могут относиться и к коллективным, и к индивидуальным обрядам, в зависимости от числа участников. И, соответственно, заклинания произносились либо одним человеком от лица всего коллектива, либо индивидуально. Основной обрядовой функцией заклинаний как одного из обязательных звеньев проводимого обряда является испрашивание милости и покровительства, удачи и счастья для себя (при индивидуальных обрядах) или для всех сородичей (при коллективных обрядах).

Заклинание, в отличие от других обрядовых жанров: благопожеланий, восхвалений и проклятий, сопровождается обязательным подношением дара – (жертвоприношения / угощения) духам-хозяевам. Это делается перед произнесением или во время произнесения заклинаний. Дароподношение можно объяснить тем, что простой смертный человек, вступая в «диалог» с могущественными духами, пытался их умилостивить.

Каждый охотник мог сочинить, сымпровизировать заклинание от своего имени. Тексты были короткими или длинными, в зависимости от мастерства исполнителя. Основная канва, каноническая структура текстов сохраняется, хотя в них отчетливо проявляется и вариативность.

Произнося чалбарыг, охотник в меру своей способности и таланта, например, так начинал живописать тайгу, услаждая слух божества:

Салаа кирбес шыргайлыг,

Имеющая густые леса,

Салғын өттес мээстиг.

куда не просунуть и пальца,
Имеющая лощины,
куда не проникнуть и
легкому ветерку,
Имеющая марала

Адыр мыйыстыг сынныг,

Адыгыр кудуруктуг аңыг,
Алдын тандым, хайыракан!

Эзимниг аргазында
Элик-хүлбүс дешкилешкен.
Аар ийин, бээр ийин

Аргар-кошкар аңы долган.
Девээлиг хаязында,
Те-чунмазы дешкилешкен,
Алдын тандым, хайыракан!

Аштаан амытан
Адал келир,
Мактап ханмас
Алдын тандым, хайыракан!

с раскидистыми рогами,
Имеющая зверя
с пушистым хвостом,
Моя золотая тайга,
хайыракан!
В твоем таежном лесу
Косули резвятся.
[Горные] склоны
с одной и другой стороны
Полны зверями-архарами.
На скалах в тенистых местах
Дикие горные козлы резвятся,
Моя золотая тайга,
хайыракан!
Изголодавшееся существо
Обращаясь к тебе, приходит,
Не устаю [тебя] восхвалять,
Моя золотая тайга,
хайыракан!

[2].

Восхваляя богатства горной тайги, заклинающий выражает не только свое уважение и почтение к ее духу-хозяину, но и пытается всеми силами овладеть его вниманием, добиться расположения. Порой тексты заклинаний – *чалбарыг* бывают и краткими:

Ак пөзүмнү ёргүп тур мен,
Артыжымны кыпсып тур мен.
Санымны салып тур мен,
Чажымны чажып тур мен.

Преподношу свою белую
материю,
Зажигаю свой
можжевельник.
Возжигаю жертвенный
костер,
Окропляю тебя.

[3].

Композиционно все анализируемые нами тексты заклинаний, независимо от их тематики, сходны. Они состоят из трех смысловых блоков: **обращения / восхваления – описания угощения-жертвоприношения – просьбы к духам-хозяевам**. Они не имеют строгой последовательности: некоторые смысловые блоки могут меняться местами или вовсе отсутствовать. Обязательным же, устойчивым смысловым блоком для всех заклинаний является изложение просьбы. Следовательно, исходя из композиционной структуры заклинаний, их условно можно разделить на три группы:

1 – трехчастные заклинания, содержащие все три смысловых блока: обращение / восхваление – описание угощения-жертвоприношения, преподносимого им, – просьба к духам;

2 – двухчастные заклинания, которые содержат два блока из трех: просьбы к духам – описание угощения-жертвоприношения или обращение / восхваление – просьба к духам;

3 – одночастные заклинания, имеющие только один блок с просьбой, обращенной к высшим силам.

Примером первой группы является следующее заклинание охотника, обращенное к духу-хозяину тайги, состоящее из трех смысловых блоков:

1. Кара шайым хайындыргаш,	Вскипятив свой черный чай,
2. Хамык чемим делгеп салгаш,	Всю имеющуюся еду расставив,
3. Алдайның алды кырлыг	С хребтов Алтая [взятый] шестигранный
4. Артыжын өргүп салдым.	Можжевельник я зажег.
5. Бажында менгилиг,	С вечным снегом на вершине,
6. Баарында көшкелиг,	С обвалами у подножия,
7. Аштаан чүве	[К тебе] голодный,
8. Айтырып кээр,	Расспрашивая, приходит,
9. Сускаан чүве	[К тебе] жаждущий,
10. Сураглап кээр,	Расспрашивая, приходит,

11. Ачылыг, хайыралыг
12. Алдын-кызыл тандым!
13. Идик – хевим элетпе,

14. Ал-ботту могатпа,

15. Ийистинц эжин,
16. Чангыстың бодун,
17. Кырган диженцинден,
18. Кыдыг – кызыгаарындан,
19. Кулаан
20. Кумнап,
21. Караан
22. Хантап,
23. Өршээ хайыралап,
- 24 Өргүп берем, тандым!

Благодатная, милостивая,
Красно-золотая моя тайга
Обуви-одежде моей не дай
износиться,
Меня утомляться не
заставляй,
Из пары зверей – одного,
[Если] один [зверь] – то его,
Старого-престарого,
Худшего [из всех зверей]
Уши
Затыкая [ему],
Глаза
Заволакивая [ему],
Милуя-щадя,
Преподнеси, моя тайга!

[4].

В данном заклинании I блок – описание жертвоприношения (строки 1–4); II блок – текст обращения-восхваления (строки 5–12); III блок – текст просьбы (строки 13–24).

Ко второй группе можно отнести заклинание, где I блок – обращение-восхваление (строки 1–4); II – просьба (строки 5–7).

1. Бурунгу өгбелерниң чурттап чорааны [Край, где] жили предки мои древние, –
2. Буурул баштыг Алдай тандым! Моя седоголовая Алтай-тайга!

3. Эрте-бурун өгбелерим чурттап чорааны [Земля, где] жили предки мои древние, –
4. Экти бедик Алдай тандым! Моя высокогорная Алтай-тайга!

5. Экини хайырланар,
6. Бакты чайладынар,
7. Хайыралыг Алдай тандым! Одарите хорошим,
Отстраните дурное,
Моя милостивая Алтай-тайга!

[5].

Примером заклинания, состоящего только из одного компонента – просьбы, является заклинание охотника, в котором он просит у духа-хозяина тайги подарить определенного зверя:

Удур уткуп, доора дозуп,

Выходи навстречу, сделай засаду,

Алды араатандан хайырла.

Одари [меня] зверем-соболем.

Кара киштиң караандан изе,

Шкуру черного соболя дай нанизать за глазницы,

Эрээн киштиң эрнинден дизе...

Шкуру светлого соболя дай нанизать за губы...

[6].

Как было отмечено, в большинстве случаев заклинания начинаются с обращения к духу-хозяину, с восхваления его достоинств. Это связано с существовавшим народным поверьем, что перед просьбой необходимо «усладить слух» божества, красочно представить его достоинства. Затем следует описание жертвоприношения, сделанного духу-хозяину. Только после такого «умилостивительного» вступления человек, произносящий заклинание, излагал свою просьбу. В некоторых случаях словесный рассказ о жертвенных дарах мог отсутствовать, хотя само обрядовое действие обязательно исполнялось (окропляли чаем, угождали щепоткой табака, развешивали жертвенные полоски материи и т. д.).

В лексико-стилистическом плане заклинание имеет ярко выраженный просительный тон, так как человек устанавливает контакт с духом-хозяином и обращается к нему с определенной просьбой. Уничтожительные самохарактеристики, к примеру: *самдар чолдак хептиг мен* ‘в старой рваной одежде я’; *аитадым, суксадым* ‘изголодался я, жажду я’; *түредим* ‘измучился я’; *ядыы-мөчү улус бис* ‘бедные-нищие люди мы’ – в текстах заклинаний существуют с архаичной лексикой высокого стиля (*өршээңер* – ‘пощадите, помилуйте’; *хайыргаңар* – ‘помилуйте, подарите’; *чайладыңар* – ‘отведите [беду]’) и использованием

в монологе глагольной формы 2-го лица множественного числа (*силер – вы*), подчеркивающей уважительное отношение к духу:

Аштаан ботту төттуруңар,

Меня, голодного,

насыщайте,

Альдым-хөлүм могатпаңар,

Лошадь мою не утомляйте,

Алдын тандым,

Моя золотая тайга,

Авыраңар, ёршээнер!

Пощадите, помилуйте!

[7].

В своих просьбах охотники могли обходиться и без уничтожительных самохарактеристик, используя только глагольные формы 2-го лица множественного числа. Например, охотник просил духа-хозяина тайги помочь ему следующим образом:

Көөр караан көжегелеп,

Видящие глаза [зверя]

закройте,

Дыннаар кулаан

Слышащие уши [его]

Дүүшкүннеп көрүнер,

Заткните, хайыракан!

хайыракан!

[8].

Другой пример:

Артынчаам долдуруп

Мою суму наполните,

Өршээнер, тандым!

сжалитесь, моя тайга!

Диленген дизиим долдуруп

Мою низку наполните,

Өршээнер, тандым!

сжалитесь, моя тайга!

В обрядовой поэзии других сибирских народов, когда человек обращается к одному духу-хозяину, подобные синтаксические обороты не встречаются. Например, якуты (саха) к духу охоты *Байанаю* обращаются на «ты» - (ен):

Туора тобуктааххыттан

[Зверей], выпуклые

коленные суставы

имеющих,

Тосхоллоон кулу даа!
Адаар муостааххыттан
Анаан кулу даа!
Ардай анылааххыттан
Айан кулу даа!

Үрүн түүлээххиттэн
Өлдөйдөөн кулу даа!

Ко мне [Байанай] направь,
пожалуйста!
Развилистые рога имеющих
Мне дошли, пожалуйста!
Острые клыки имеющих
Мне предназначь,
пожалуйста!
Белую шерсть имеющими
Меня одари, пожалуйста!

[10].

На наш взгляд, применение высокого стиля в заклинаниях тувинцев обусловлено мифологическими воззрениями народа: уважительным отношением к духу и жизненно необходимой ситуацией прошения.

«Общение» со сверхъестественными силами предполагает присутствие в заклинаниях обращений. Например: *таңдым* – «моя тайга»; *бедик таңдым* – «высокая моя тайга» и т. д. Они по применению в тексте могут быть:

Инициальными:

Авыра, азыра Алдай тандым!
Дилгининц кызылындан,
Дырбактыгныц шокарындан,
хайырла!

Помилуй, сжался, моя
Алтай-тайга!
Если лису, то рыжую,
Если рысь, то пеструю,
подари!

[11].

Медиальными:

Чораан ботка
Човаг чок болзун, артым!

Чорук айдынга
Соодуг чок болзун.

[Пусть] мне самому
Не будет препятствия, мой
перевал!
[Пусть] коню моему
Не будет нужна остановка на
отдых.

[12].

Финальными:

Өөрүшкү-маннайдан,
Олча-омактан хайырла,
Бедик тандым!

Радости,
Добычу-удачу подари,
Высокая моя тайга!

[13].

В заклинаниях люди, обращаясь к духам, наделяли их эпитетами, которые со временем становились устойчивыми формулами:

Ачылыг-хайыралыг,
Алдын-кызыл тандым!

Благодатная-милостивая,
Золотисто-красная моя
тайга!

[14].

Подобные образные выражения являются не только художественно-изобразительным средством, но и одним из смысловых блоков композиционной структуры заклинаний – обращением.

В заклинаниях, главным образом, употребляются простые глаголы, имеющие семантику «прощения и дароподношения»: чалбарыр «просить милости», чажар «окроплять», тейлээр «молиться», өргүүр «преподносить», хайырлаар «миловать, дарить». Они в текстах указывают на преклонение человека перед сверхъестественными силами, его просьбу и описывают даруемую «жертву», приносимую духу-хозяину данной местности.

В некоторых заклинаниях охотник не ограничивается восхвалением духа-хозяина тайги. Он просит духа-хозяина помочь ему в охоте, подробно излагая свою просьбу, даже иносказательно называет определенных зверей, которых хотел бы получить от него:

Дазыл дег мыйыстындан

Имеющего, как корень,
[ветвистые] рога,

Дазагар эмиглиинден,
Соп чиир чилиглиинден,

Имеющего [раздутое] вымя,
Имеющего вкусный
костный мозг;

Сорулаар чаглыындан,
Дыңнаар кулаан дүүшкүннеп,
Көөр караан көжегелеп,
Удур уткудуп,
Доора дозудуп,
Хайырла, хайыракан!

Имеющего жирное мясо
(зверя),
Закрыв [его] слышащие
уши,
Закрыв [его] видящие глаза,
Выведи навстречу,
Поставь поперек,
Подари, хайыракан!

[15].

Использование охотниками иносказаний обусловлено запретом на прямое называние зверя, так как считалось, что они, как и люди, могут услышать человеческую речь и почувствовать угрозу. Кроме того, употребление обычного имени зверя могло оказаться «недостаточно почтительным и навлекающим на охотника неудачу» [16]. Словосочетание «имеющего, как корень, [ветвистые] рога» подразумевает марала, а «имеющего [раздутое] вымя» – маралуху.

Зверей, находящихся в самых труднодоступных и непрходимых местах, не называя их, не перечисляя, охотник просит спустить на видное место или показать ему:

Бедиктээзин
Оргаа дүжүрүнер.
Шыргайдаазын
Акка өткүдүнер.

Высоко находящихся
На равнину спустите.
В дебрях находящихся
На открытое место
выводите.

[17].

Не пользуясь терминологическими называниями зверей, охотник дает понять, что ему нужны именно такие:

Чоон чодалыындан,
Хайышкак кырылыындан,
хайыракан!
Чара кагар сөөктүгден,

С толстой голенью,
С кривой локтевой костью
[зверя подари], хайыракан!
Имеющего [трубчатую]
кость, чтобы надвое
расколоть,

Саргарар чаглыныңдан
Авыра!

Имеющего желтый жир
[зверя],
Помилуй, подари!

[18].

Такие же описательно-табуированные характеристики широко использовали в своих заклинаниях и охотники-якуты. Например:

Кыңам дайдыга
Кылааннаах туулээххин
Быңа кымннылаанын,
Элиэ дайдыга
Эргэнэ мустааххын эрчийэн,
Тогой сиргэ
Дьорогоно сотолооххун
тосхойон
Биэрэ турдагын буоллун!

В узкие проходы
Драгоценный мех носящих
Кнутом подгоняй,
К загородям
Ветвисторогих приучая,
К излучинам [рек]
Длинноголенных направляя,
Нам промышлять всегда
позволяй!

[19].

При богатой добыче охотник тоже делал жертвоприношение, чтобы и в дальнейшем ему также сопутствовала удача. Следующее заклинание о том, как охотник благодарит духа-хозяина за содействие в охоте:

Аар ийинден алдым,
Бээр ийинден бердин.

Туманга дутлавадын,
Турутта чажырбадын, тандым!

Арзагарым алган,
Аксы мурнаан диве.

Чилиглиимни чиген,
Чилби-чазый диве.

С заднего склона взял я,
С переднего склона ты
отдала.

В тумане ты не скрывала,
В утесе ты не прятала, моя
тайга!

Не говори, что жадный я,
Что зверя твоего большого
взял,

Не говори, что
прожорливый я,
Что зверя твоего,

Аксымны шимчеттин,
Холумну үстедин,
Кожумну долдурдун, тандым!

имеющего костный мозг,
съел
Рот мой ты пошевелила,
Руки мои ты смазала жиром,
Ты суму мою наполнила,
моя тайга!

[20].

В данном заклинании, которое исполнялось после удачной охоты, видно, что мольбы уступают место благодарности божеству за добычу.

При длительных неудачах на промысле охотники вновь приносили жертвоприношения духу-хозяину и с помощью заклинания просили о добыче. Подробно перечисляя все свои беды, невзгоды, они старались найти самые убедительные слова:

Идиктиң эви хаяда калды,
Эдектиң эви хараганда калды.

Обувь осталась на скале,
Подол остался на
караганнике.

Канчалдың, чоондун, тандым!

Что делаешь, как же так,
моя тайга?

Эр бодум элей бээдим,
Эдик-хевим элей бээди,

Я устал, утомился,
Моя обувь-одежда

Ал бодум човай бээдим,
Аштаан хырным туттуруп көр,
тандым!

износилась,
Сам я измучился,
Насыть мой голодный
желудок, моя тайга!

Саным салып, чажым чажып,
Чалбарып тур мен, тандым!

Возжигаю жертвенный
костер [и] окропляю,

Аштаан хырным туттуруп,

Молюсь тебе, моя тайга!

Ал бодум дыштандырып көр,
тандым!

Постарайся насытить
мой голодный желудок,
Дай мне отдохнуть,
моя тайга!

В степных районах юго-восточной Тувы охотились и на сурков. Их добывали ради шкурок, мяса и жира. Особо ценился

людьми внутренний жир сурков, обладающий целительными свойствами. Люди, промышляющие сурков, также приносили духу-хозяину жертвоприношения и просили у него добычу. Охотники Монгун-Тайгинского района, например, перед промыслом произносили такое заклинание:

Мургун мурнат,
Тачың дагжат.

Кадыг чериң чымчат,
Хая-дажың божат,

Ырак дувүң чоокшулат,
Удур уткут, тандым!

Своего самца толкай вперед,
Свою самку заставь
производить шум.
Твердую землю смягчи,
Скалы-камни [сделай]
шаткими,
Дальний конец норки
приблизь,
Выводи [их] навстречу, моя
тайга!

[22].

Говоря об охотничих обрядах, необходимо также отметить, что в устно-поэтическом творчестве тувинцев до сих пор широко бытуют мифы и предания о духах-хозяевах тайги, об охотниках. Они, по нашему мнению, служат средством закрепления определенных правил охоты, почтения к духам природы, поведения самих охотников на промысле.

Таким образом, можно утверждать, что роль заклинаний в структуре и семантике всего охотничьего ритуала чрезвычайно велика. Именно словесная часть ритуала определяет его магическую направленность. Верbalный компонент как обязательное звено в структуре охотничьих обрядов призван выражать уважение к духу-хозяину, затем смоделировать ситуацию прошения, чтобы дух среагировал на просьбу, от чего зависел успех или неуспех промысла. Обязательное применение в заклинаниях высокого стиля, присутствие обращений почтительного называния божества и иносказаний обусловлены мифологическими воззрениями народа.

Литература и источники

1. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969; Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. – М., 1991; Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск, 1980.
2. РФ ТИГИ, т. 169, д. 2020.
3. Там же, т. 266, д. 1095.
4. Там же, т. 75, д. 315.
5. Там же, т. 301, д. 2154.
6. Там же, т. 75, д. 315.
7. Там же, т. 39, д. 168.
8. Там же, т. 17, д. 53.
9. Там же, т. 57, д. 252.
10. Обрядовая поэзия саха (якутов) // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 2003. – Т. 23. – С. 138-139.
11. РФ ТИГИ, т. 14, д. 62.
12. Там же, т. 233, д. 944.
13. Там же, т. 57, д. 252.
14. Там же, т. 266, д. 1095.
15. Там же, т. 179, д. 667.
16. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск, 1900. – С. 64.
17. РФ ТИГИ, т. 236, д. 964.
18. Там же, т. 184, д. 729.
19. Обрядовая поэзия саха (якутов) // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 2003. – Т. 23. – С. 144 -145.
20. РФ ТИГИ, т. 193, д. 1095.
21. Там же, т. 266, д. 1095.
22. Там же, т. 57, д. 253.

Э. Таубе

Заповеди и запреты, связанные с рассказыванием богатырских сказок и других эпических текстов

В прошлом у многих народов шаманские и другие ритуалы исполнялись только после захода солнца. Также после захода солнца рассказывались сказки и сказания эпического характера. Об этом ещё в 30-е годы XX века писали Д. К. Зеленин и П. Сартори (1, с. 21–31; 2, с. 215–240).

С чем же связана данная традиция? И почему грозит смерть тому, кто не захочет рассказать сказку? На эти и другие

вопросы я искала ответ во время своих полевых исследований. Но на некоторые из них я ответа не нашла и поняла, что примера только одного народа или одной этнической группы недостаточно, нужны комплексные исследования.

Известный немецкий монголовед В. Хайссиг пишет, что в 1943 г. в Восточной Монголии попросил у одной семьи на время текст эпоса о Гесере, чтобы сравнить его с ксилографом 1716 г. Однако вскоре та семья попросила вернуть книгу, говоря, что у них заболел скот и они хотели бы вылечить его с помощью рукописи. Члены семьи были уверены в том, что скот у них заболел именно из-за того, что они отдали книгу в чужие руки (3, с. 410–411).

Очевидно то, что текстам о Гесере приписывалась магическая сила воздействия, которую можно подвергать опасности, отдавая их в чужие руки. У восточных монголов, как видно из данного примера, Гесер считается хранителем от болезней и природных стихий. В шаманских песнопениях он выступает как тенгри – небесное божество. Во время бедствий просили грамотного человека, чтобы он прочитал текст, носили книгу вокруг юрты по ходу солнца – верили, что таким образом приводится в действие текст, подобно тому как, крутя молитвенный цилиндр, буддисты приводят в действие написанные на бумаге и положенные внутрь цилиндра слова.

В августе 1967 г. сказительница Албачы уруу Бааяа (70 лет) рассказала мне, что когда она была еще ребенком, ее отец исполнял 61 историю Джангыра (Жанғырның алдан бир түүкүзү). Она говорила: «Жанғырның түүкүзүнде меге деп шын болган» («В историях Джангыра ложь стала правдой»). До того, как ее отец начинал рассказывать о Джангыре, он зажигал саң – жертвенный огонь. Это явно указывает на то, что исполнение данного эпического текста считалось не профанным действием.

Немецкий алтайст Ерг Бэkkэр писал, что некий Янгар Бекпеев сообщил ему, что до Октябрьской революции сказители

исполняли эпос о Джангаре только тогда, когда присутствовали хотя бы 25 слушателей, потому что у этого сказания имеется дух-хозяин (4, с. 56).

В 1967 г. во время моих полевых исследований в ценгельском сумоне МНР произошел один любопытный случай. Сказитель Доржу оглу Дагваа остановил рассказывание сказания о богатыре Хевис Сүүдүр, едва приступив к нему. Причиной этому послужило то, что слушателей было мало. Тогда дети пригласили еще людей из соседней долины, и только после этого сказитель стал рассказывать сказание.

Знаменитый алтайский сказитель Николай Кокурович Ялатов, объясняя, почему он до сих пор не сказывает эпос о Джангаре, сказал, что «вообще лучше оставить этот эпос в покое, тем более что даже великие сказители его не трогают» (4, с. 56). По его свидетельству, алтайцы хорошо знали эпос о Джангаре, просто сказители нечасто его сказывают, ибо в нем речь идет о страданиях (*кыйын*), мучениях (*шыра*), печали (*комудал*), восстаниях (*тайналган*), жестокой борьбе (*тагтабас тартыжы*). Поэтому он исполнялся там, где были болезни, горе, смерть, и людям верилось, что он может избавить их от горя и страданий.

Примерно такое же говорил мне известный ценгельский сказитель Маннай оглу Хөйтүвек относительно богатырской сказки «Эргил-оол» (5). Сказитель обозначил ее как *лайтбас тоол* – сказка, которую нельзя рассказывать часто, потому что «не годится часто слушать о стране мертвых с ее страданиями и мучениями». Можно предположить, что эта сказка, наверное, рассказывалась, когда умирал кто-то, равно так же, как эпос о Джангаре рассказывался во время болезни или смерти. Данное предположение подкрепляется тем, что в другом варианте сказки, записанном от сказителя Байынбат оглу Семби (5), речь идет не только о мучениях и страданиях в царстве Эрлика, но и о награждениях за доброту и милосердие, оказанное ближним при жизни, а это может успокоить умирающего. К сожалению, от Хөйтүвека сказка «Эргил-оол» записана

мною лишь фрагментарно, потому что он успел рассказать только первую часть (до этого он рассказал длинную сказку о Хан Төгүсвеке), на следующий же день он был вызван к стаду верблюдов, как мне сказали. Дожидаться его возвращения не было возможности, и мне тоже пришлось уехать. Спустя время, я стала думать, какова же была причина на самом деле? Может, Хейтүвек сомневался, правильно ли рассказывать чужому человеку именно эту сказку? Если опираться на традиции, это действительно было злоупотреблением. Может, сказитель избежал этой затруднительной ситуации, уходя к верблюдам? Через два года я попыталась встретиться с ним еще раз, но из-за наводнения невозможно было верхом перебраться через реку Годан к его юрте. После этого только через 13 лет мне удалось (за свой счет) побывать в Ценгеле, но, к сожалению, не застала М. Хейтүвека в живых. За три недели до моего прибытия он в 60-летнем возрасте «дээ оранга барган» – ушел в другой мир.

Будучи в таких отдаленных краях, как Ценгел, не остаешься не затронутым. Серьезность людей, даже молодых и детей, их вдумчивость, благородное, а также их веселый нрав, что вовсе не тождественно легкомыслия, – все это оставило во мне глубокое впечатление, и я часто вспоминала давние времена, проведенные с родителями и с бабушкой и дедушкой в горной деревушке. Тогда я услышала рассказы о странных событиях, которые воспринимались взрослыми всерьез, узнала о старинных поверьях и обычаях. Наверное, поэтому мне не было трудно вжиться в ценгельский мир. Здесь же люди еще более серьезно относились к своей вере, к устным преданиям. Слушая сказки, они воспринимали их как что-то, связанное с ними самими, с собственной жизнью. Я это понимала, наблюдая за ними. Может, именно по этой причине Хейтүвек прервал свою сказку «Эргил-оол»? Над этим вопросом я думала часто. В 1968 г., когда мне стало известно о кончине сказителя Байынбырээда (1903–1968), я подумала, могут ли в Ценгеле связывать его кончину с тем, что он передал мне много сказок из своего репертуара. Ведь были известны случаи, когда, например,

старый монгольский шаман отказался передать шаманские гимны своему сыну, учителю, который хотел записать их, чтобы они не ушли в забвение. Шаман сказал сыну: «Я бы тебе все передал, если б ты хотел стать шаманом, а так ради любопытства – нет!» (6, с. 314).

У сказителя Хөйтүвека я записала еще одну сказку «Тоолучу джүге джыгатпас» («Почему сказителю не следует заставлять просить себя») (5).

Это короткая сказка, через ряд лет толкнувшая меня заняться темой, которая разрабатывается в данной статье. Я была удивлена, когда сказитель сразу согласился рассказать сказку. Думая, что я ищу монгольские сказки, сказки из книг, люди часто отвечали: «Билвес мен, уруум». Вместо объяснения, почему он сразу согласился, М. Хөйтүвек рассказал названную сказку. В ней говорится, что во время свадебного пира гости просят жениха, учившегося искусству рассказывания, рассказать сказку, но тот отказался. Когда начали кушать мясо, то оказалось, что нет ножа. Отправляют за ним младшего брата невесты. Подойдя к соседней юрте, он услышал разговор и, осторожно заглянув вовнутрь, увидел у очага трех мужчин, голова каждого из которых располагалась на ногах другого. Они беседовали о том, что жених дурной человек, утаивает сказки, зная их, поэтому не имеет права дальше жить. Договорились, что завтра, когда жених будет отводить невесту в свой аал, они будут убивать его. Каждый из этих трех говорит, каким способом он это сделает. Затем все добавили: «Того, кто расскажет, о чем мы сейчас говорили, в тот же миг унесет вода, и он в ней погибнет!» Это были хозяева знаний. В следующее утро, когда жених с невестой собирались в дорогу, мальчик просится провожать их, но ему отказывают. Тогда он ловит черного ягненка и говорит: «А знаете ли вы, что сказал этот ягненок?» Затем он рассказывает обо всем, о чем услышал вчера, – и тут же «разверзлась земля, хлынул поток воды, и не успели они моргнуть глазом, как черный ягненок утонул в нем».

Мне известны еще два варианта данной сказки: 1. Тувинская – записана от Дагба Николая Кыргысовича (Тува, с. Терлиг-Хая Кызылского района. Год рожд. 1941) (7, с. 270–275). 2. Казахская – опубликована в 1983 г. (8, с. 125–126). Начальные мотивы во всех трех вариантах одинаковы, но в тувинском и казахском вариантах вместо младшего брата выступает младшая сестра. Однаковы и способы убивания жениха. В казахской сказке отсутствует мотив наказания того, кто расскажет обо всем. Идея всех трех вариантов состоит в том, что человек, который знает сказки и не рассказывает их, не имеет права жить. Как мне сообщили в Ценгеле, и шаман обязательно должен идти туда, куда его на помощь позвали, независимо от того, близко или далеко, большое или маленькое вознаграждение он получит.

Согласно старинной вере, шаманский и сказительский дар – это дар духов. По материалам монгольской сказки (9), Эрлик одаривает даром сказительства почтительную душу, заранее прибывшую в его царство. Одаренная душа вернулась на землю в теле слепого юноши Тарваа, знающего не только все сказки, но и искусство гадания и предсказания. Несомненно, это указывает на нередко встречающееся единство – шаман и сказитель в одном лице. В предании, связанном с происхождением эпоса о Джангаре и которое опубликовано впервые Б. Бергманном, рассказывается, как знаменитый исполнитель эпоса будучи простым человеком пережил, очевидно, предсмертное состояние и через 12 месяцев вдруг сумел исполнить целую песнь Джангара. На вопрос, откуда он знает этот текст, он рассказал историю той монгольской сказки (10).

В 1978 г., когда вышла моя вторая книга с тувинскими сказками, в комментарии к сказке о сказителе, который отказался рассказать сказку, я просто сделала ссылку на веру в духов и магическую силу слова, но что же все-таки в этом кроется, я не смогла раскрыть. Скорее всего, такие сказки доносят до нас мысль, что каждый обязан использовать свои способности и силы на благо тем, с кем он живет, ведь все мы живем в обществе. В кочевых культурах можно увидеть, что

этот закон непререкаем для каждого человека уже с детских лет. Только таким образом кочевые общности могли и могут существовать. Кто пренебрегает своей способностью, своим даром, тот тратит его попусту. Так и сказитель, который отказывается рассказать сказку, не только пренебрегает даром, данным ему, и обижает хозяев сказки, но и не доставляет, по современным понятиям, радости близким. Но почему же такое тяжелое наказание за отказ? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, остановимся на запрете, который не совсем был понятен мне, – запрете рассказывать сказку или другой эпический текст, если не знаешь и не помнишь точно имя одного из главных героев, включая коня. Нынче, как известно, для нас в этом проблемы не существует. Но в научной литературе упоминаются случаи, когда сказитель отказывался рассказывать именно по этой причине. В моей практике также был случай такого отказа. Осенью 1985 г. тувинка Джумук из Ценгела, проживавшая тогда в Центральном аймаке Монголии, согласилась было рассказать сказку. Мы договорились встретиться на следующий день. Однако утром она пришла и извинялась, что не сможет рассказать сказку, потому что не помнит имя богатырского коня. Причину запрета она не смогла назвать, просто сказала, что так нельзя.

Вернувшись в Улан-Батор, я рассказала об этом своему коллеге Д. Церенсадному. Он тоже рассказал случай, когда во время фольклорной экспедиции в Бөхмөрөн-сум и Увс-Аймак в 1964 г. один из сказителей отказался рассказывать эпос об Эгел-Мергене из-за того, что забыл масть одного из богатырских коней. В чем заключается причина этого, мой коллега тоже не смог сказать. Возможно, этот запрет связан с магией слова. У нас, например, до сих пор говорят: «Не рисуй черта на стене!», то есть не говори о чем-то нежеланном, вредном. Произнося слово, можно вызвать названное, а это в конечном счете может быть как доброе, так и плохое. Но вместе с тем можно предположить, что, может, сказитель отказывается рассказать сказку в случае, если забыл что-то из нее, опасаясь

сделать героя или событие несовершенными. Например, если забыто имя богатыря, то он не сможет появиться, если имя богатырского коня – богатырь останется без коня, а это равнозначно беде, поражению, так как он не сможет победить врага. Пример того, каким может быть последствие искажения имени или слов, наглядно демонстрирует небольшой текст типа үлгер «Дерикиниң джурээнің гүжү» («Сила сердца дерики»): «Две шулмусихи ищут свежее мясо и у одной юрты видят молодую женщину. Одна из шулмусих делает так, что та женщина должна будет побежать в сторону мостика, другая же шулмусиха будет ее там ловить. Все на самом деле и происходит так. Женщину вдруг охватывает страх, и она начинает читать молитву, однако не может вспомнить точно слова, и молитва получилась искаженной. Когда первая шулмусиха прибежала к мостику, вторая сидела там с пустыми руками и говорила, что та женщина не проходила, а прошла мимо лишь хромающая дерики. Молитвенные слова могут превращать человека в дерики – небесную фею. Но из-за неточности молитвенной формулы дерики появилась в несовершенном виде» (11, с. 33–34).

Вызывает ли сказитель, рассказывая сказки – прежде всего богатырские, – положительные силы в сложные критические моменты? Один из моих информаторов сказитель Бодогон оглу Джоксум говорил, что он всегда исполняет сказки во время Нового года. Как и ночь, время перехода со старого в новый год является незащищенным: защиты старого года уже нет, а нового – еще не действует. Это относится ко всем переходным моментам, а также к свадьбе. У кочевников Центральной Азии свадьба – это и переход в новый социальный статус (для невесты также переход в род мужа), и локальный переход – переезд из аала родителей невесты в аал жениха, путь к которому не защищен. Разные ритуалы, совершаемые в переходные моменты, и создают защиту. Жених, отказавшийся рассказать сказку, на самом деле отказался от действия, создающего защиту во время завтрашнего переезда из аала невесты в свой.

По сообщению Е. П. Лебедевой, нанайцы верили, что ницман (часто переводится как сказка. – Э. Т.), несмотря на наличие в них фантастических элементов, рассказывают о событиях, которые когда-то действительно произошли, и эта вера у них была жива вплоть до начала 80-х годов XX века (12. с. 13).

В книге «Долганский фольклор», принадлежащей перу этнографа-фольклориста А.А.Попова, содержится весьма интересный материал, который вносит существенную ясность в рассматриваемую нами проблему. Основываясь на материалах 30-х годов XX в., он пишет: «Долгане не только верят в реальность всего того, что рассказывается в их устных произведениях, но и как бы видят образы, созданные их фольклором. По верованиям долган, все образы, которые рисуются сказителями, способны превращаться в видимые миражи, в тени. При этом персонажи фольклора не только способны как бы материализоваться, но и могут вмешиваться в жизнь людей, помогая им в лечении болезней, в охотничьем промысле. Так называемая «магическая функция» фольклора в данном случае мыслится не как влияние слова на ход событий, а как прямое или косвенное вмешательство персонажей, созданных творческим воображением. К этому вторжению в жизнь людей привлекает их сказитель. Рисуя образы героев, их борьбу, счастливый исход событий, сказитель направляет действие героев былин в нужную ему сторону» (13, с. 16). «Образы-понятия», как называет А. А.Попов персонажей сказаний, в представлениях долган существовали реально: могли вселяться в человека, покидать его, могли становиться видимыми, несмотря на то, что являются непостоянными тенями (14, с. 89–90).

В киргизском предании «Живые герои Манаса» путник вечно безлюдной степи вдруг видит одинокую юрту и встречает там чалую лошадь, большую борзую собаку, молодую женщину и почтенного старика, разговаривающего с белым соколом. Они его угощают, после чего старик раскрывает тайну о том, что он сам Бакай, а все находящиеся с ним являются персонажами эпоса

о Манасе. Прощаясь с путником, старик благословляет: «Пусть в твоем народе люди почаже рассказывают о Манасе!». Когда путник, пройдя некоторое расстояние, оглянулся – оказалось, что «на том месте, где стояла юрта, ее уже не было...» (15, с. 326–327).

Материалы фольклора разных народов показывают: существует представление о том, что персонажи сказок и сказаний любят, когда про них рассказывают. В частности, в тувинских сказках иногда хозяин или хозяйка местности слушает, как вечером охотники рассказывают сказки (7, с. 28). В вышеупомянутом предании наставление старика Бакая «почаже рассказывать о Манасе» звучит как желание сохранять в памяти эти тексты и рассказывать их на благо людей.

По сказительским традициям, нельзя обрывать, недорассказывать эпический текст. Если сказитель оставит сказку или сказание незаконченным, то те герои, о которых он пел, обидятся и проклянут его, и он потеряет свой дар и будет наказан смертью. Об этом говорит, например, хакасское предание «Сказитель Агол», где сказитель почувствовал себя плохо и оборвал свою сказку. Ночью же он тайком уехал на лошади. Вдруг из темноты ему послышалось: «Эй, сказитель наш, почему ты нас бросил в пути? Почему не дал нам завершить наши богатырские дела? Теперь нам вечно страдать в дороге...» (8, с. 100–103).

Таким образом, из изложенного видно, что сказительству, как и шamanству, приписывалась функция защиты людей от опасностей, недугов и других бед. Сказитель, не осуществляя данную функцию, лишает людей этой защиты. За это должно следовать наказание.

Литература

1. Sartori, P.: Erzählen als, Zauber, в: Zeitschrift für Volkskunde NF 2, Berlin, 1930, 40–45; Zelenin, D. K.: Die religiöse Funktion der Volksmärchen, в: Internationales Archiv für Ethnographie, 31, Leiden, 1932.
2. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // Сборник в честь акад. С.Ф.Ольденбурга. – Л., 1934.
3. Heissig (в: Tucci, Giuseppe, und Walter Heissig: Die Religionen Tibets und der Mongolei), Stuttgart, 1970.

4. Becker, J.: Zu einem neu aufgefundenen altaischen Epos, in: Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn (далее ZAS) 18, 1985.
5. Таубе, Э.: Сказки и предания алтайских тувинцев. – М., 1994 [Сказки и мифы народов Востока] (далее СПАТ), № 2; нем.: Taube, в кн. *Heldensagen aus aller Welt* (ed. R. Hansel), Berlin, 1988.
6. Bischoff, Friedrich A., und Walter Kaufmann: Die Melodie der Gesänge des Bulgan-Schamanen, in: ZAS 10, 1976.
7. Самдан З. Б. [сост.]: Тувинские народные сказки. – Новосибирск, 1994.
8. Казиев В.Ш. [сост.]: В стране сказок. – Алма-Ата, 1983.
9. Монголчуудын дунд Үлгэр хаанаас үүссэн тухай // Ш.Гаадамба, Д. Цэрэнсодном: Монгол ардын аман зохиолын дээж бичиг, Улаанбаатар, 1978, с. 141; нем.: Taube, E.: *Volksmarchen der Mongolen* (перев., сост. и коммент.), нр. 1.
10. Bergmann, Benjamin: Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803, Riga 1804, 1805 (Reprint: Oosterhout / Niederlande 1969), 2/ Teil, S. 207 ff.
11. Таубе Э. СПАТ, №34; нем.: Taube, Das leopardenscheike Pferd.
12. Лебедева Е.П. Предисловие к А.В.Аворин: Материалы по нанайскому языку и фольклору. – Л., 1986.
13. Попов А.А.: Долганский фольклор. – М., 1937.
14. Попов А.А.: Пережитки древних дорелигиозных воззрений долган на природу // СЭ 1958, № 2.
15. Брудный Д. и К. Эшмамбетов: Киргизские народные сказки. – Фрунзе, 1981.

A. Д.-Б. Монгуш

Некоторые проблемы осмыслиения интонационной природы музыкального фольклора тувинцев

Традиционную музыку тувинцев относят к пентатонной зоне, распространенной у многих народов Евразии. Исследователи до настоящего времени рассматривают тувинскую музыку в рамках мажорной и минорной пентатоники¹. Однако подобный интонационно-ладовый анализ не выявляет сущности данной традиции. Об этом пишет исследователь тувинской музыки

В. Ю. Сузукей, которая считает, что «устоявшиеся методы музыковедческого анализа ... во многих случаях позволяют судить о традиционных культурах лишь по различиям от известных систем звуковой организации, создавая иллюзию полноты и не раскрывая при этом внутреннюю логику их становления»².

А. Н. Аксенов, изучая ладовый строй тувинской народной песенной мелодики, ввел термины «ладовые ячейки в объеме терции и кварты», каждая из которых состоит из трех звуков, где два являются ладовыми опорными, а третий – не опорным: $(g^1 - b^1 - c^2)$; $(c^2 - d^2 - e^2)$; $(d^2 - e^2 - g^2)$ ³. По сути дела, автор одним из первых упомянул в имплицитной форме о составности (позже данный термин введет С. П. Галицкая) так называемой мажорной и минорной пентатоник⁴.

Наличие своеобразной гармонии, основу которой составляют малая терция и большая секунда (т. е. речь идет о трихордах в кварте), отмечает З. К. Кыргыс. Автор пишет о соотношении данных интервалов как о «совершенно самостоятельной терцовой ладовой структуре»⁵. Проблему лада в тувинской музыке поднимает в своих исследованиях и В. Ю. Сузукей, которая подчеркивает необходимость нового научного подхода⁶.

Итак, в тувинской музыкальной фольклористике проблема интоационно-ладовой стороны национальной музыки обозначена, однако исследована не в полной мере.

Учитывая некоторые несоответствия терминов классического музыказнания для выявления характерных особенностей тувинской музыки, мы обращаемся к ряду уточняющих понятий современных исследователей.

Новую систему взглядов представляет дальневосточная музыковедческая школа, которая предлагает рассматривать музыку как часть этнокультурной целостности, в контексте с мировоззрением народа. В этой связи, необходимым становится обращение к таким феноменам как «традиционная картина мира» (ТКМ) и «традиционная модель мира» (ТММ),

которые были предложены С. Б. Лупинос. Под картиной мира подразумевается исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, а под моделью – упрощенное и сокращенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции в виде определенной модели (схемы, структуры, знаковой системы)⁷. Традицию Лупинос С. Б. рассматривает как динамичное явление, состоящее из суммы прошлого опыта и настоящего, становящегося. Мы обратимся к исследованиям С. Б. Лупинос и Е. М. Алкон, в которых разрабатывается методологическая база для подобного рода работ.

Необходимо отметить фундаментальную роль интонационной теории Б. В. Асафьева при анализе образцов фольклора и важность его высказывания о том, что “музыка – искусство интонируемого смысла”⁸, ставшее основным импульсом для вышеназванных исследований.

Музыкальную культуру тувинцев, по классификации Е. М. Алкон, можно отнести к устно-письменной традиции⁹, под которой понимается преобладание устного способа фиксации над письменным. Тувинцы только в XX веке в музыкальной практике стали использовать традиционную нотную систему записи. До этого времени музыкальный фольклор существовал в устной форме. Однако в духовной культуре тувинцев наряду с шаманизмом значительную роль играл буддизм в форме ламаизма, использовавший в своей практике систему невменных знаков. Исходя из этого, по отношению к музыкальной культуре тувинцев до XX столетия, мы не можем утверждать об исключительной устности данной традиции. По мнению С. Б. Лупинос, противопоставление устности и письменности уходит своими корнями в глубокую древность «...в оппозицию субкультур неолита и связанных с ними средневековых культур Востока, в которых человек – культура - природа образуют системную триаду»¹⁰. Данная системная триада соотносится с великим триадическим принципом синкрезис – анализ – синтез, который лежит в основе культурогенеза¹¹.

В связи с этим укажем, что музыкальное мышление тувинцев обнаруживает глубинную связь с мировоззренческим комплексом и до настоящего времени характеризуется высокой степенью сохранности архаичной модели мира. Основной идеей ТММ данного народа является единство природного и человеческого, отраженное в традиционной культуре.

С. Б. Лупинос считает, что «ТММ и ТКМ являются в устно-письменных музыкальных культурах своеобразными метатеориями, метанотационными системами, композиционными моделями ... метатекстами, интромузикальной и экстрамузикальной семантикой интонационных процессов, формой и содержанием последних»¹². В связи с этим напомним, что в основе тувинского шаманизма лежит «триадичная модель мироздания: Небо – Земля – Подземный мир (пространственная структура), прошлое – настоящее – будущее (временная структура) и центральная вертикальная ось мира, соединяющая три космические зоны»¹³.

Е. М. Алкон выдвигает «гипотезу о возможности соотнесения фольклора и профессиональной музыки устно-письменной традиции с определенным типом музыкального мышления, который предлагается назвать мифологическим»¹⁴. Автор выделяет две разновидности музыкального мышления мифологического типа: 1) мифологическое (наиболее выраженное в устных традициях, в фольклоре); 2) религиозно-мифологическое (связанное с устно-письменными традициями)¹⁵. Музыкальное мышление тувинцев можно отнести ко второй разновидности. Тот же автор в традициях, в которых превалирует мифологический тип, выявляет принципиально незвукорядные нормы музыкального мышления, где «структурными элементами мелодического развертывания являются не отдельные звуки (дискретные единицы), а связывающие их (континуальные) интервалы»¹⁶. Для обозначения этих «континуальных знаков» как структурных элементов она вводит понятие «ладоакустического поля», в котором подчеркивается пространственное значение интервала¹⁷. Континуальность как

имманентное свойство мифосознания автор считает «основной структурно-функциональной единицей музыкального мышления мифологического типа¹⁸.

Исследуя природу ритмической организации в музыкальном мышлении мифологического типа, Е. М. Алкон предлагает ввести понятие «ладометрическое поле», коррелятивное ладоакустическому полю¹⁹, означающее время – пространство музыкального ритма. По ее мнению, в квантитативной системе, в которой акцентность значения не имеет, действуют принципы равномерности и неравномерности организации музыкального времени. Равномерный принцип соотносится с симметричностью, а неравномерный, асимметричный принцип лежит в основе, к примеру, ямбической модели «краткий – долгий»²⁰.

В качестве важнейших структурных архетипов музыки Востока и Запада, тесно связанных с мифологическим типом мышления, Е. М. Алкон выделяет ладовую модель типа «трихорд в кварте», которая состоит из двух акустически неравных расстояний – большее и меньшее²¹.

С. Б. Лупинос отмечает, что трихордовая структура в кварте чаще всего доминирует в культурах, в которых функционировал или функционирует шаманизм²². Три структурные единицы – ступени в вышеназванной интонационной системе могут быть соотнесены с трехчленным делением мира в религиозных воззрениях народа.

Особенностью этой ладовой модели является его «антропоморфная асимметричность, то есть релевантность оппозиции мужской/женский, главенствующий в наборе семиотических оппозиций модели мира» (Т. Цивьян)²³. Через призму оппозиции мужской/женский Е. М. Алкон считает возможным рассмотрение асимметрии и симметрии ладовых архетипов в музыке²⁴. В свою очередь, меньшее и большее в терминах временной продолжительности могут быть соотнесены понятиям «краткий», «долгий».

Исследователи тувинской музыки часто указывают на ее монодийную природу²⁵. Учитывая наличие в тувинской

музыкальной культуре искусства горлового пения с бурдонным двухголосием, традиционных музыкальных инструментов (игил, бызаанчы, хомус) с бурдонно-обертоновой основой звукообразования (термин В.Ю.Сузекей), а также буддистско-шаманистский синкретизм в религиозной культуре, мы полагаем, что данную традицию не следует рассматривать в рамках монодии. Согласно исследованиям Алкон Е. М., мышление, в котором доминирует континуальное начало, связано с мелодикой модально-монодического типа. Для этого типа характерна «однолинейность» (линейность.— А. М.), которая определяется С. П. Галицкой как «функциональная однослойность, когда музыкальное движение реально базируется на последовательном взаимодействии функционально осмысленных звуковысотных элементов»²⁶. В этой связи С. Б. Лупинос считает, что «ни монодический, ни гетерофонный мелосы, не предполагающие гармонизации, не могут рассматриваться в целом как сфера сугубо принципиального одноголосия и однолинейности»²⁷. По его мнению, различие монодии и гетерофонии заключается в том, что гетерофония развивается под знаком центробежности, а монодия – под знаком центростремительности, что ведет к возникновению унисона при коллективном интонировании»²⁸. В пользу того, что музыкальное мышление модально-монодического типа соотносится с мифологическим типом, в котором доминирует континуальность, свидетельствует то, что в мелодике данного типа функционируют принципиально незвукорядные нормы музыкального мышления, отмеченные ранее. При этом следует подчеркнуть «взаимообусловленность изустности, линейности, принципа узкообъемности ладовых структур»²⁹.

Из всего вышеприведенного следует, что ладовое мышление тувинцев можно рассматривать как мышление ладоакустическими полями и их гранями, как континуально-дискретное.

В контексте отмеченной ранее трихордовой сущности мелоса тувинского фольклора А. Н. Аксеновым, заслуживает

внимания мысль Е. М. Алкон о принципиальной секундовой незаполняемости трихордов в кварте, поскольку превращение трихордности в тетрахордность свидетельствует о более высоком уровне дискретности в музыкальном мышлении³⁰.

В структуре «трихорд в кварте» также необходимо отметить его двойственность. Е. М. Алкон, указывая пространственно-временное толкование данной структуры, состоящей из двух ладоакустических полей, пишет, что «... в реальной практике интонирования он образуется тремя звуковысотными точками – ступенями» и что при переходе от одного ладоакустического поля к другому возникает момент соприкосновения – точка-высота, которая представляет собой дискретное начало³¹.

Поскольку в тувинском этнокультурном комплексе функционируют и традиционные ритуальные религии (шаманизм), где в качестве письменных знаков выступает орнамент, одежда и атрибуты шамана, и такое учение как ламаизм с мощной системой письменных знаков невм, то логично полагать, что в музыкальном мышлении функционирует единораздельность континуального и дискретного.

Составность структуры ТММ и ТКМ тувинцев предопределил составность структуры пентатоники в ладоинтонационном мышлении. Основное ядро тувинского мелоса представлено в виде симметричных ($b_2 + b_2$) и асимметричных ($m_3 + b_2; b_2 + m_3$) ладовых объемов, состоящих из ладоакустических полей. Наиболее типичным является соединение указанных ладовых объемов методом взаимопроникновения (к примеру, e-g-a; g-a-h). Как указывалось выше, асимметричный трихорд соотносится с оппозицией мужское/женское, а симметричный символизирует, по мнению Е. М. Алкон, «сглаженность непринципиальность оппозиции мужской/женский для непродуктивного возраста дети/старики»³². Наличие разных трихордов в качестве основного стержня в тувинской музыке характеризует полный социум (мужчины/женщины, старики/дети). По мере расширения диапазона мелодий симметричный трихорд может находиться как наверху, так и внизу.

Квартовые ладовые объемы соединяются между собой методами наложения ($d-g + g-c$), разделения ($c^1-f^1 + g^1-c^2$), взаимопроникновения ($c-f + d-g$)³³.

Доминирование квартово-квинтовых соотношений звуков в тувинской музыке не случайно. Согласно мнению С.Б.Лупинос, Е. М. Алкон «ладовое мышление в логических границах чистой кварты отражено в терминах системы гун-че, восходящей к традициям кочевого мира, ... в которых системы ориентированы на ладовое мышление в разделенных и соединенных квартовых плоскостях»³⁴. Структуры из двух соединенных и разделенных квартовых плоскостей широко представлены в настройках тувинских инструментов дошпулуур (в кварту), чанзы (в кварту-квинту), игил (в квинту, редко в кварту), бызаанчы (в квинту, редко в кварту).

Наиболее распространенным в тувинской музыке также является соединение двух большетерцовых трихордов, образующих тритон ($f-a + g-h$). Интересно заметить, что данная модель ярко представлена в колыбельных и песнях сироты. Колыбельные, действительно, можно соотнести с категорией детей (по вышеуказанной классификации), а песни сироты об умерших родителях – с категорией стариков.

В интонационном развертывании материала встречаются в сочетании друг с другом все формы плавного мелодического движения (прямое, непрямое, челночное) по классификации Е. М. Алкон³⁵. Однако, также очень распространеными являются ломаные и зигзагообразные линии, не входящие в понятие линейности.

На основе древнеиндийской ритуальной традиции Е. М. Алкон выявляет «громкостно-динамическую модель мира», где «звучащий мир» выражен противопоставлением двух уровней динамики – громкого и тихого, однако, смоделированный как бинарная структура³⁶. Автор считает, что «целостная громкостно-динамическая модель ритуала отражает концепцию высшего знания как скрытого и непроявленного»³⁷. По отношению к тувинской музыкальной культуре последнее

положение находит отражение в феномене горлового пения, где присутствует два уровня: слышимый (проявленное), который представлен бурдоном и обертонами, и не слышимый (непроявленное) в виде сонорного фона. В. Ю. Сузукей указывает, что сонорный фон – «...звуковое пространство не “пустое”, оно заполнено взаимодействием “свободных” обертонов, не принимающих участия в образовании мелодической линии»³⁸.

Кроме этого, в данной традиции мы также можем обнаружить некоторые аналоги громкого и тихого. Звукоподражания, по мнению В. Ю. Сузукей, представляли собой скрытый пласт музенирования тувинцев, так как являлись музенированием «для себя» подобно пению «про себя»³⁹. Известно, что основным занятием тувинцев-скотоводов было пастушество. Находясь на лоне природы, для собственного развлечения они изготавливали музыкальные инструменты из подручных материалов – из листьев, стволов зонтичных и зерновых культур, кусков или веток деревьев (к примеру, бурулер, мургу, ыяш-хомус, чарты-хомус, терезин эдиски, шоор и др.) Естественно, что звуки, издаваемые на них, отличались особой тонкостью, своеобразным тембром и тихой динамикой. Если обратиться к некоторым видам тувинских традиционных инструментов как игил (смычковый), бызаанчы (смычковый), хомус (варган), то заметим, что природный материал (струны игила и бызаанчы изготавливались из конского волоса), способ звукоизвлечения (при игре на игиле и бызаанчы струны не прижимались к шейке инструмента, а звуки извлекались легким прикосновением пальцев к струнам), маленькая форма (традиционного тувинского варгана) не позволяют исполнения на них громкостных динамических оттенков. Пением «про себя», отчасти, на мой взгляд, можно назвать горловое пение, поскольку обERTоны хорошо прослушиваются, если находиться недалеко от исполнителя.

По мнению В. Ю. Сузукей, «...При трехуровневой внутренней организации исходной звуковой единицы (тувинских традиционных инструментов и горлового пения), камерность

общего звучания является одним из внутренне присущих, специфических свойств этих инструментов, обеспечивающих сбалансированность одновременному звучанию бурдона, сонорного фона и мелодических обертонов»⁴⁰.

Напротив, аналогом громкого, на наш взгляд, является форсированная и открытая звукоподача, характерная для народной манеры пения при исполнении особенно узун ырлар (долгих, протяжных песен). В. Ю. Сузукей считает, что при такой манере исполнения наиболее ярко проявляется «объемный эффект эха»⁴¹.

В настоящее время решение вопроса о темброво-акустических особенностях тувинской музыки представляется достаточно сложным, поскольку для более точного определения таких особенностей в данной традиции, на наш взгляд, необходимы компьютерные технологии (к примеру, для расшифровки горлового пения, шаманских камланий). Однако, решение данной проблемы мы видим в русле «темброво-динамико-артикуляционно-звуковысотного синкрезиса», выявленного в традициях, связанных с буддийской культурой, С. Б. Лувиносом⁴².

В современном музыказнании имеет место точка зрения «... о возможности существования на начальных этапах развития человеческой культуры музыкальных систем, основанных на тембре, что обусловлено спецификой архаичного мышления»⁴³. Как указывает С. Б. Лувинос, «... мышление на уровне системы тембров содержит звуковысотную кодификацию на уровне поляризующихся тембров (регистров)»⁴⁴. В этой связи Халтаев Л. А. замечает, что: «Проявление принципа расслоения интонационного пространства на высокий и низкий регистры, соотносимое с членением мифологического пространства на верх и низ, можно наблюдать в сфере бурдонного многоголосия: выдержаный нижний бурденирующий тон и верхний интонационный комплекс, основанный на обертонах нижнего тона, обладает ярко выраженной темброво-регистровой противоположностью»⁴⁵.

Поскольку в музыкальной культуре тувинцев именно горловое пение занимает центральное место, напомним глубокую древность данной традиции. Есть точка зрения, что искусство хоомей (хоректээр⁴⁶) «... изначально возникло в виде звукоподражания (водопаду, шуму ветра, голосам животных) и имело сакральное значение как способ общения с духами природы еще до возникновения культовых обрядов»⁴⁷. В. Ю. Сузуки считает, что «... при бурдонно-обертоновом способе звукотворчества основную семантическую нагрузку несет не интонационно-звуковысотная линия и даже не ритмика, а тембр. Тембр, как первооснова музыкального мышления, на который ориентирована эстетическая установка интонационной культуры тувинцев, одно из ярких особенностей инструментальной музыки в целом. Именно спецификой темброво-регистрового интонирования обусловлено и изобилие в культуре инструментов с нефиксированной высотой и продолжительностью тона»⁴⁸. Автор полагает, что практика использования инструментов в обрядовых действиях тесно связана с верой в то, что определенный комплекс звукошумовых сообщений, передаваемых с помощью инструментов, производит какое-то действие, что при посредстве инструментов можно общаться с духами⁴⁹. В связи с этим интересно заметить, согласно традиционным представлениям тувинцев: «... струнные музыкальные инструменты служат для услады слуха небесных божественных сил и хозяев – духов тайги, земли, воды и т.д. Духовые и ударные инструменты и свист (особенно пронзительный) больше привлекает внимание потусторонних злых духов»⁵⁰. «Особенно тембр дунгура (шаманского бубна), задействованного в контексте религиозной символики, воспринимался только на фоне космогонических представлений участников обряда»⁵¹.

Итак, в тувинской музыкальной традиции тембру придается особое значение: он неразрывно связан с мировоззрением и понятием окружающего пространства. Это природное гармонизующее начало, с помощью которого люди могли

общаться, устанавливать естественную связь между разными мирами. Из этого следует, что в музыкальном мышлении тувинцев присутствует более архаичный пласт – мышление темброрегистрами.

Методологию исследований последнего времени, в которых интонационное структурирование рассматривается в контексте с мировоззрением этноса, мы считаем наиболее приемлемым для анализа тувинской музыки. Возможно, данный подход поможет музыке занять свое достойное место в этнокультурном комплексе тувинцев.

Литература и примечания

1. Цыбикова-Данзын И. А. Фортепианное творчество композиторов Тувы. Дис. ... канд. иск. – Улан-Удэ, 2004.
2. Сузукей В. Ю. О музыкальном наследии кочевников Центральной Азии // Ученые записки. – Вып. X IX. – Кызыл, 2002. – С. 113.
3. Аксенов А. Н. Тувинская народная музыка. – М., 1964. – С. 42, 44.
4. Там же. – С. 47–48.
5. Кыргыс З.К. Тувинское горловое пение. – Новосибирск, 2002. – С.64.
6. Сузукей В. Ю. Проблема лада в тувинской народной музыке. – Кызыл, 1989.
7. Шушкова О. М. О понятиях «картина мира» и «модель мира» // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад, Вып. 8. – Владивосток, 2002. – С. 163.
8. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. – М., 1971. – С. 344.
9. Термин С. Б.Лупиноса. Классификация Е. М. Алкон изложена в исследовании: Алкон Е. М. Музыкальное мышление Востока и Запада: континуальное и дискретное. – Владивосток, 1999. – С. 5.
10. Лупинос С. Б., Монгуш А. Д-Б., Родкина Т. А. Внемузыкальное музыкальное в культуре // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад, – Вып. 6, 7. – Владивосток, 2000. – С. 42.
11. Об этом см.: Лупинос С. Б., Маничева И. В., Горбунова И. С. «Верх/низ» в ладовых структурах Востока и Запада // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад, Вып. 8. – Владивосток, 2002. – С. 242.
12. Лупинос С. Б. Проблема глубинной структуры в каноне музыкального интонирования // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад, – Вып. 8. – Владивосток, 2002. – С. 236.

13. Мижит Л. С. Триада как основополагающий элемент шаманского мировоззрения. // Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам, – Т. 7, ч. 2. – Москва – Абакан – Кызыл, 2001. – С. 234.
14. Алкон Е. М. Музыкальное мышление Востока и Запада: континуальное и дискретное. Автореф. ... дисс. док. иск. – Владивосток, 2002. – С. 12.
15. Там же.
16. Алкон Е. М. Музыкальное мышление Востока и Запада: континуальное и дискретное. Исследование. – Владивосток, 1999. – С. 19
17. Е. М. Алкон дает следующее определение ладоакустическому полю: «акустические пределы, в которых интонация видоизменяясь, остается функционально отождествляемой с определенным интервально-структурным элементом ладовой модели». Там же. – С. 20.
18. Там же.
19. Ладометрическое поле автор определяет следующим образом: «временные пределы, в которых ритмоинтонация, видоизменяясь, остается функционально отождествляемой с определенным структурным элементом временной модели». Об этом см.: Алкон Е. М. Об универсальности ямбического принципа и о понятии «ладометрическое поле» // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад. Вып. 6, 7. – Владивосток, 2000. – С. 116.
20. Там же.
21. Алкон Е. М. Музыкальное мышление Востока и Запада: континуальное и дискретное. Исследование . . . – С. 20.
22. Мнение приводится по: Гомбоева О.А. Музыкальное мышление в ламаистском ритуале. Дипломная работа. – Владивосток, 1991. – С. 36.
23. Алкон Е. М. О проявлении оппозиции мужской/женский в ладовом мышлении и функциональной теории // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад, – Вып. 2. – Владивосток, 1995. – С. 204.
24. Там же. – С. 205.
25. В частности, Г. А. Осиенко пишет «Наиболее непосредственно генетические связи симфонической музыки (тувинских профессиональных композиторов. – А. М.) с фольклорными истоками осуществляются через тематизм (преимущественно мелодический, что обусловлено монодийной природой тувинской народной музыки). Осиенко Г. А. Формирование тувинской симфонической музыки (1957–1980). Дисс...канд. иск. – Л., 1985. – С. 14.
26. Цит. по: Алкон Е.М. К вопросу о классификации линейного движения в мелодике модально-монодического типа // Культура Дальнего

Востока России и стран АТР: Восток-Запад, Вып. 6, 7. – Владивосток, 2000. – С. 112.

27. Лупинос С. Б., Шуянова М. М. Монодия и гетерофония в контексте проблемы субфактуры // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад, Вып. 1. – Владивосток, 1994. – С. 106.

28. Там же. – С. 107.

29. Алкон Е.М. Сочинение мелодии в курсе русской подголосочной полифонии // Научно-теоретическая конференция «Проблемы культуры Дальнего Востока» (тезисы докладов). – Владивосток, 1991. – С. 39.

30. Алкон Е. М., Исупова Т. С. Традиционная модель звуковысотных норм музыки Юго-Восточной Азии // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад, Вып. 6, 7. – Владивосток, 2000. – С. 120–124.

31. Алкон Е. М. Музикальное мышление Востока и Запада: континуальное и дискретное. Исследование. – Владивосток, 1999. – С. 23.

32. Алкон Е. М. О проявлении оппозиции мужской/женский ... – С. 202

33. Типы соединения ладовых объемов разработаны Лупинос С. Б.

34. Лупинос С. Б., Алкон Е. М. Музикальная культура Кореи и окружающий мир: древность и средневековые // Проблемы культуры Дальнего Востока, науч. конф. Тезисы докладов. – Владивосток, 1993. – С. 45.

35. Алкон Е. М. К вопросу о классификации линейного движения в мелодике модально-монодического типа ... – С. 112.

36. Алкон Е. М. Музикальное мышление Востока и Запада. Автореф. дисс. ... док. иск. – Владивосток, 2002. – С. 32.

37. Там же.

38. Сузукей В. Ю. Бурдонно-оберточная основа традиционного инструментального музицирования тувинцев. – Кызыл, 1993. – С. 56.

39. Там же. – С. 27.

40. Сузукей В. Ю. Бурдонно-оберточная основа ... – С. 78.

41. Сузукей В. Ю. О музикальном наследии кочевников Центральной Азии // Ученые записки. – Вып. XIX. – Кызыл, 2002. – С. 119.

42. Лупинос С. Б. Канон как принцип функционирования музикального наследия в свете проблем кэвволюции и синергетики // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад, Вып. 5. – Владивосток, 1999. – С. 77.

43. Лупинос С. Б. Музикальное наследие Японии: традиционная модель мира и музикальное мышление // Этнос и культура. – Владивосток, 1994. – С. 186.

44. Цит. по: Лупинос С.Б. Музикальное наследие Японии ... – С. 175

45. Там же. – С. 175.

46. Термин хоректээр (букв. «петь грудью») для тувинского горлового

пения предлагается З. К. Кыргыс, как наиболее точное обозначение, связанное с основным приемом звукоизвлечения. Об этом см.: Кыргыс З. К. Тувинское горловое пение, 2002.

47. Кыргыс З. К. Указ. соч. – С. 62.

48. Сузукей В. Ю. Бурдонно-обертоновая основа . . . – С. 30.

49. Там же. – С. 24.

50. Там же. – С. 16.

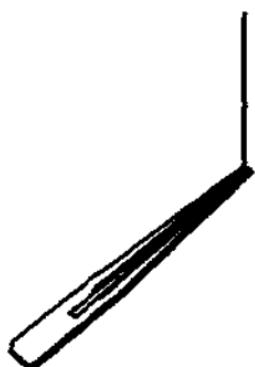
51. Там же. – С. 17.

M. A. Ондар, В. Ю. Сузукей

Сходства и различия в звукообразовании некоторых музыкальных инструментов и хомуса

Хомус – древний музыкальный инструмент, музыка которого составляет особый пласт в культуре тувинцев и других коренных народов Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока.

Рис. 1

Инструмент представляет собой небольшой камертон, свободно размещающийся в ладони (рис.1). В его конструкции отсутствует резонатор. Он прост в изготовлении, непрятязателен к настройке и условиям хранения. Несложна также техника игры на нем: – прижав «щечки» инструмента к слегка разжатым зубам, нужно привести язычок в колебание. Тогда из слабых, дребезжащих звуков язычка в голосовом аппарате человека рождается многократно «усилен-ный» звук.

«Живучесть» мелодий хомуса определяется тем, что он органично вписывается в уклад жизни тувинцев, а его мелодии соответствуют музыкально-вокальным представлениям народа.

Рис. 2

Мелодиям хомуса своеобразный колорит придает постоянно звучащий низкочастотный опорный звук, названный Н. А. Аксеновым / 1 / остинатой или В. Ю. Сузкой – бурдоном / 2 /. Типология хомусов и вопросы образования их мелодий обсуждались на I-й Всесоюзной конференции «Варган (хомус) и его музыка / 3 /.

Однако для более глубокого понимания работы хомуса все же необходим сопоставительный анализ механизма формирования его звуков и звуков академических музыкальных инструментов. Авторы данной статьи попытались восполнить этот пробел путем сопоставления физических основ образования звуков хомуса и некоторых академических инструментов.

Рассмотрим сначала общие принципы возникновения звуков в струнных инструментах, гармонях, духовых инструментах и хомусе.

Первичным источником звука у язычковых музыкальных инструментов, например у гармоней, является вибрирующая стальная пластина, в щипковых инструментах - колеблющаяся струна. В формировании звуков медных духовых инструментов участвуют мундштуки инструмента и губы музыканта. Первичным источником звука у хомуса является его язычок.

Колебания первичного источника звука: язычков, струн, мундштуков у отмеченных выше инструментов вызывают колебания воздуха в резонаторах. В качестве резонаторов в гармонях служат входные камеры, в щипковых инструментах – корпус и дека, а в духовых инструментах – труба. Колебания воздуха в них избирательно «усиливаются» и возбуждают звуки в окружающем воздухе, воспринимаемые слушателями как мелодия.

Из такого сопоставления видно, что общие физические принципы звукообразования как у хомуса, так и у классических инструментов одинаковы и происходят по схеме: первичный источник звука – резонатор – звуковые колебания внутри и за пределами резонатора. Такое чисто внешнее сходство физических принципов в свое время послужило основой для попытки переделать тувинские музыкальные инструменты под классические инструменты, которая закончилась тем, что традиционные инструменты потеряли звуковой колорит.

Принципиальные различия в работе инструментов обнаруживаются при сравнении резонаторных систем и, следовательно, способов формирования мелодий: хомус вобрал в себя акустические особенности некоторых классических инструментов. Он по источнику звука является язычковым инструментом; по способу возбуждения язычка относится к щипковым; по использованию дыхательного и голосового аппарата – к духовым инструментам.

Различия резонаторных систем хомуса и академических инструментов особенно ярко проявляются при сравнении механизма формирования мелодий. В язычковых инструментах (рис. 4) в качестве резонаторов используются небольшие деревянные ящики – входные камеры-резонаторы, в которые вмонтированы стальные язычки. Геометрические размеры входных камер подобраны так, чтобы они резонировали на обертонах, созвучных с основным тоном язычка.

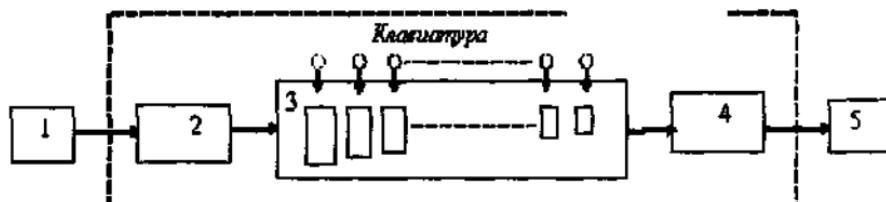

Рис. 3. Схема процесса звукообразования в гармошке.
1. Внешнее воздействие. 2. Первичный источник звука. 3. Входные камеры (резонаторы).
4. Упругая среда (воздух). 5. Приведение звука.

В щипковых инструментах колебания струны передаются резонаторной системе, состоящей из корпуса и деки, которые имеют собственные резонансные частоты. Например, корпус гитары имеет три резонансные частоты 140 Гц, 190 Гц, 350 Гц / 4 /. Высоту звуков духового инструмента изменяют путем регулирования скорости потока воздуха и длины воздушного канала нажатием клавиши, т. е. путем изменения объема резонирующей трубы.

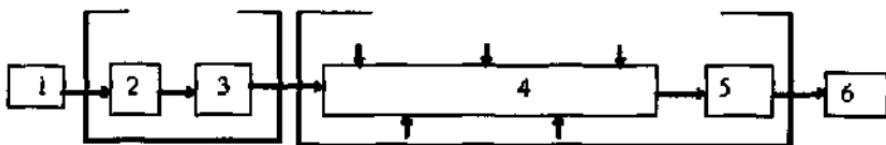

Рис. 4. Схема процесса звукообразования у хомуса.

1. Источник изометрического воздействия
2. Язычок хомуса.
3. «Щечки» хомуса.
4. Полость голосового аппарата.
5. Удлинитель среды (воздух)
6. Протекание звука

В хомусе колебания его язычка через «щечки» хомуса и костную систему челюсти передаются в полость голосового аппарата человека (рис.4). Параметры резонаторной системы хомуса – объема и конфигурации полости голосового аппарата определяются артикуляцией человека.

Из рисунков 3 и 4 видно, что основное отличие хомуса и гармоней заключено в различии их резонаторов. В академических инструментах используются резонаторы, заранее настроенные на звук строго определенной частоты. Поэтому академический музыкальный инструмент представляет собой набор резонаторов с фиксированными частотами. Мелодии в них формируются нажатием клавиши гармони, соответствующей нотной записи, и состоящие из звуков дискретной (прерывистой) природы.

У хомуса параметры резонатора управляются мозгом и изменяются плавно, поэтому он является музыкальным инструментом, у которого параметры резонатора динамически меняются. Несомненно, такого академического музыкального инструмента с гибким резонатором пока еще не существует.

Мелодия хомуса формируется из бурдона – звука язычка хомуса. Бурдон органично входит в состав мелодии хомуса, наряду с динамично меняющимися обертонами, рожденными голосовым аппаратом исполнителя. Их диапазон ограничен только диапазоном изменения параметров резонаторов голосового аппарата. Участие бурдона в процессе образования звука хомуса и придает его мелодиям своеобразный колорит. Система музицирования на хомусе основана на натуральном звукоряде. Гибкость резонаторной системы хомуса позволяет исполнителю придерживаться несколько иной логики звукового мышления и слуховой ориентации, чем мышление и логика исполнителя в академической системе фиксированными звуками.

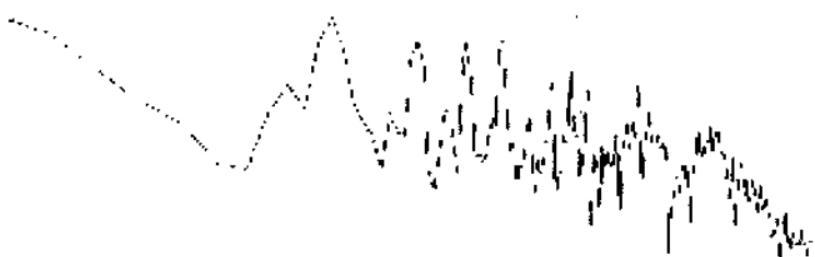

Рис. 5. Звук пианино.
Выдых звуки частотами 220 Гц, 440 Гц, 880 Гц, 1320 Гц

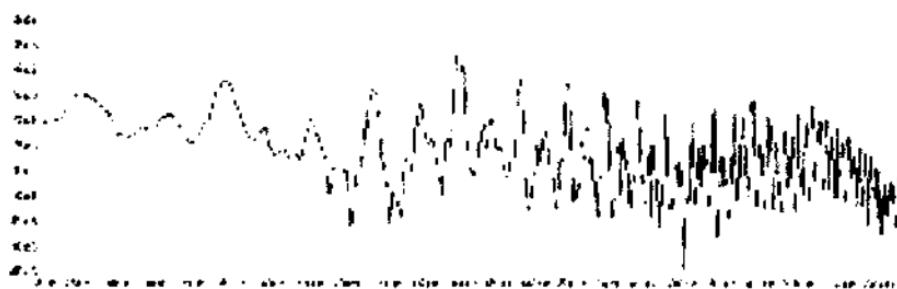

Рис. 6. Спектр звука хомуса в полости голосового аппарата при свободных колебаниях связок

Отличия звуков хомуса от звуков классических музыкальных инструментов очевидны из спектров звуков пианино (рис. 5)

и звуков свободных колебаний язычка в голосовом аппарате (рис. 6). Так, при нажатии сразу четырех клавиш «ля» пианино на спектрах видны четыре основные линии спектра. А в спектре хомуса сразу видны три группы звуков, не кратных друг другу, из которых соответствующей артикуляцией извлекаются нужные мелодии хомуса.

В заключение следует отметить, что детальный сравнительный анализ хомуса и некоторых классических инструментов показывает наличие в звуковых системах хомуса и классических инструментов принципиальных отличий, обусловленных различиями резонаторных систем и в управлении процессами формирования их мелодий. Обнаруженные авторами различия в механизме формирования мелодий в изученных инструментах позволяют обоснованно утверждать, что наряду с классической музыкальной системой существует другая музыкально-звуковая система, вобравшая в себя особенности инструментальной музыки с бурдонно-обертоновой организацией и элементы вокального искусства, у которой структура нотнозвуковой записи имеет существенные отличия от академической записи. Отличия эти определяются гибкостью резонаторной системы хомуса, позволяющей исполнителю свободно импровизировать мелодии в отличие от исполнителя на академическом инструменте, строго придерживающегося предписаний в нотной записи.

Литература

1. Аксенов А. Н. Тувинская народная музыка. – М., 1964.
2. Сузукей В. Ю. Бурдонно-обертоновая основа традиционного инструментального музцирования тувинцев. – Кызыл, 1993.
3. Варган (хомус) и его музыка. Материалы I-й Всесоюзной конференции. – Якутск, 1991.
4. Кузнецов Л. А. Акустика музыкальных инструментов. – М., 1989. – С. 181.

Материалы и сообщения

Краткая биография Салчака Тока

M. C. Байыр-оол

Подробная биография С. Тока, тем более его историческая биография, до сих пор не написана, если не считать справок в академических изданиях и диссертационных работах последнего времени. В начале 2005 г. мною написана «Салчак Токаның төөгүлүг намдары» (Историческая биография Салчака Тока), которую опубликовала газета «Шын» в феврале и апреле¹. Ниже вниманию читателя впервые предлагается краткий перевод биографии С. Токи на русский язык с малоизвестными страницами.

В своей краткой автобиографии, написанной 27 февраля 1941 г., С. Тока писал, что родился в 1901 г. у речки Мерген около Сарыг-Сепа Каа-Хемского кожууна². Большинство людей старшего поколения, в том числе читатели повести «Тос чадырда» (В берестяном чуме), убеждены, что Салчак Тока родился в Мергене. В главе «Мерген» читаем: «моя родная речка Мерген», «когда впервые моя мама вывела меня из чума, то сразу увидел мой родной Мерген».

На самом деле он родился в живописном уголке Тоджи на берегу озера Моон-Холь. Весть о том, что «Тока – из Тоджи» давно распространилась по всей Туве. Однако каахемцы возражали: «Нет, Тока наш земляк, почтайте его произведения». Почти за год до ухода из жизни, летом 1972 г., С. К. Тока побывал на озере Моон-Холь. Своим спутникам он указал на вековую лиственницу и сказал: «Мать меня родила под этой могучей лиственницей». Когда его не стало, по указанию партийных властей в Моон-Холь были отправлены три вертолета, набрали полные борта веток и, согласно русскому обычаю, бросали хвойные ветки по пути следования кортежа, когда хоронили С. Тока.

Если внимательно читать главу «Тас-Баштыг», где он писал о своей матери, то становится ясно, что они откуда-то перекочевали. Он писал, что «однажды мать, созвав детей, сказала, что они будут жить на новом месте.

У матери нас было пятеро: сестры Албанчи и Кангый, братья Шомуктай, Пежендей и я – самый младший. Отца я не помню. В шестером, с небольшой поклажей за плечами, добрались мы до нашей первой стоянки на Мергене. Мать выпросила у одного дровосека топор и в самом красивом месте, на берегу Мерген, где кончается предгорье, соорудили из бересты маленький чум³. Таким образом, письменно подтверждается, что Тывыкы, так звали раньше С.Тока, родился в Моон-Холе Тоджи, и когда ему было четыре года они в шестером пешком пришли в Каа-Хем и стали жить на берегу таежной речки Мерген.

В автобиографических очерках «Слово арата» С. Тока писал, что настоящего имени у его матери не было, соседи называли ее Тас-Баштыг, у них было три козы и собака Черликпен. Информатор из Тоджи, его родственник, партработник Ажылчын Даржаевич Кол в 1977 г. сообщил нам следующее: «Когда Салчак Тока был маленьким, звали его Тывыкы. Пока мать была молода, звали ее Кадынай, она была хороша собой, умная, находчивая и сноровистая, всегда находила выход из трудного положения. Когда она стала пожилой, ей дали прозвище «Тас-Баштыг». Семья имела 40–50 голов мелкого рогатого скота и 4–5 коров. Поэтому она сумела вырастить пятерых детей».

И, действительно, имея всего несколько коз, невозможно накормить и вырастить пятерых детей. Но на самом деле, по тем временам, семья Тас-Баштыг относилась к категории бедных. Забегая вперед, отметим, что, по переписи 1931 г., семья, имеющая пять бодо или 40–50 голов мелкого рогатого скота, считалась бедной. В то время в Каа-Хеме никакого скота не имели 28 семей. Семья Тас-Баштыг числилась в бедняках, дети ее занимались наемным трудом. В «Слове арата» в главе «Тас-Баштыг» (Лысоголовая) говорится, что богачи, у которых было много скота, сторонились бедняков. Если в чум и заходил кто-либо из окрестных богатеев и чиновников, то лишь со словами: «На, выделай мне эту кожу», «Сшей мне эту шубу», «Подбей мне эти идики».

Все это следовало из естественных взаимоотношений между имущими и неимущими, любой человек должен зарабатывать себе на жизнь. Сестры и братья маленького Тывыкы нанялись работать у зажиточных русских крестьян. Позже пришло и его время работать по найму у Михайловых и Кайгородовых. Он ухаживал за скотом, занимался заготовкой кормов, помогал в уборке урожая, заготовке дров. В детстве Тывыкы видел, как тувинские чиновники пользовались страшной пыткой шаагай, не разбираясь, кто виноват, а кто нет. Он испытывал страшную ненависть к Таш-Чалану, который пытал его мать за подозрение в краже хлеба. В целом у него сложилось негативное отношение к зажиточным соседям и чиновникам старой Тувы.

В своих очерках С. Тока не указывал фамилию своего хозяина, в семье которого он работал, жил и прошел социализацию как личность. В главе «Я становлюсь возчиком» он писал о Чолдак-Степане, у которого трудился возчиком. В своей автобиографии от 27 февраля 1941 г. он писал, что «был баграком у Михайловых и Кайгородовых». Наши информаторы подтвердили, что Тывыкы работал и вырос в семье Михайлова.

В «Слове арата» С. Тока писало Чолдак-Степане (С. Михайлове) с партийно-классовых позиций. Это неудивительно – такое было время. К такому подходу его научили в КУТВе в г. Москве. Но на самом деле С. Тока не мог не понимать, какую роль сыграл С. Михайлов в его жизни. Наши информаторы сообщили о том, что после конфискации собственности «феодалов» в 1931 году С. Михайлова тоже сорвали с насиженного места и послали работать на паром у Баян-Кола. Однажды, когда С. Тока по делам приехал в Баян-Кол, он встретил на пароме С. Михайлова. В присутствии людей С. Тока признался: «Благодаря этому человеку я стал тем, кем есть сегодня». Тогда он был Генеральным секретарем ЦК ТНРП. Поэтому вполне мог позволить себе сделать такое смелое публичное признание, несмотря на исключительно сложную политическую ситуацию тех времен. Однако исходя из своих классовых принципов, он не смог заступиться за Михайлова при конфискации его имущества и

переселении в отдаленные места. Может быть, глубоко в душе он и переживал за свою излишнюю политическую радикальность, а может быть, был и убежден в том, что все это правильно.

Однако, работая у С. Михайлова в течение длительного времени, подросток Тывыкы приобщился к крестьянскому труду, получил настоящую трудовую закалку. Всякий человек начинается с детства. Не зря же у тувинцев говорят: «Кижи болуру чажындан, айт болуру кулунундан» (Скакуном становится с жеребеночка, а удальцом-молодцом – съязмальства). Как и все работники Степана Михайлова (Чолдак-Степан), он тоже жил в землянке, вставал утром рано, вместе с зарей, целый день работал возчиком и ложился спать поздно вечером. Такова обычная крестьянская жизнь. Конечно, всякое бывало, случалось, что утром проспит, за что заслуживал естественные упреки хозяина .

Однако в основном Тывыкы жил в сфере традиционной тувинской культуры, в том числе языка и фольклора. Вместе с ним в землянке жил дедушка Тарбаган, который по вечерам рассказывал интересные истории. Эти рассказы крепко запали ему в душу. Позднее С.Тока выпустил книгу «Кодур-оол и Бичекыс» (Кызыл, 1971).

Однажды семья Тас-Баштыг перебралась из Мергена и разбила чум на берегу Каа-Хема, в устье Дерзига, среди больших и высоких лиственниц с наплывшей из стволов смолой. В то время там уже жили русские крестьяне. Сначала Тывыкы следил за играми русских детей, старался понять и запомнить их движения. Играющие дети тоже стали к нему притягиваться. Первый знакомый Тывыкы, к которому он осмелился подойти, когда тот сам с собой играл в городки, был мальчик Ванька Родин. Летом он при всякой погоде ходил без рубахи, в коротеньких штанах из некрашеного холста. Тывыкы тоже был одет очень бедно. Это сблизило их, они стали дружить и вместе обороняться от других. Новые друзья Тывыкы жили в маленьких избушках, крытых соломой, но эти лачуги казались ему сказочными шаграми.

Мальчик Тывыкы, вместе с Родиным и его сверстниками, играл, ходил за ягодами, рыбачил, пел русские песни, питался крестьянской пищей, впервые в жизни он мылся в русской бане. Но перед баней его друг Ваня отрезал его черные косы, за что тот сильно обиделся и даже хотел его побить, но потом после бани они помирились. С тех дней детство Тывыкы прошло в русской крестьянской среде в близком общении с детьми, с малых лет он усвоил русский язык.

Поэтому вполне логично то, что его первой любовью была Анна Нифантьевна Лубошникова (в «Слове арата» она обозначена как Вера). В своих воспоминаниях он очень тепло отзывался о ней: «С Верой мы встречались редко, больше издали, но своим присутствием она скрашивала жизнь батраков. С ее приходом в нашей землянке становилось как будто светлее. Славная девушка. Я несколько раз замечал, как на меня грустно и задумчиво смотрела Вера. Её пристальный взгляд смущил меня. Вера шлепнула меня по плечу и, крикнув: «Догоняй!» – побежала. Забыв обо всем, я метнулся за ней. Вера бежала, громко смеясь. Чем больше я приближался к ней, тем веселее становился ее смех. «Не догнать, не догнать», – кричала она. «Догоню, догоню» – задыхаясь, вторил я. Вот и догнал. Я отбежал в сторону, быстро нарвал одуванчиков и заячьих лапок и подал Вере большой букет. Вера закрыла лицо цветами и одним смеющимся глазом взглянула на меня. Потом отошла в сторону и запела:

Бор горит, густой горит,
Горит в бору сосеночка...
Не полюбит ли меня
Молоденький мальчиночка?

В это время до нас долетел крик Чолдак-Степана. Вера остановилась. Лицо ее стало совсем другим».

По воспоминаниям Д. Зайцева, «С. Току его хозяин Михайлов решил женить на Анне Нифантьевне Лубошниковой, проживающей в Медведевке. Анна была староверка, а Тока – «некристь», поэтому и решил его сначала покрестить.

А крестили в проруби, ее вырубили шириной примерно с метр, рядом положили половичок. Крестил Току батюшка Евсей, а мы, пацаны, рядом на самодельных коньках каталась и, помню, кричали громко: «Нехристя крестят, нехристя крестят!» Он сбросил с себя шубенку, валенки, а батюшка берет его за волосы и куряет в эту прорубь! Помню еще, что назвал его при крещении Титом Прокопьевичем.

Когда Енисей стал, Току и Анну этот же батюшка Евсей венчал в медведевской церкви. Думаю, что я остался одним из живых свидетелей крещения С. К. Токи. Но потом, часто встречаясь с Салчаком Калбакхорековичем, я никогда на эту тему с ним не говорил. Отец Анны отдал им избушку и помог сплавить ее в Кызыл и поставить ее там, на берегу Енисея. Стояла она недалеко от парка культуры, чуть поодаль от Токи жила моя двоюродная сестра Анна и ее муж Георгий Дресвянников, тоже из Медведевки. Жили, по рассказам сестры, бедно, но дружно.

Когда Току отправили учиться в Москву, он написал оттуда жене Ани, чтобы она переехала тоже в Москву, чтобы семья не разлучалась, ведь у них уже была дочка. Но родители Анны запретили ей уезжать в «антихристианский» город. Дочка их умерла от скарлатины, будучи лет восьми⁴.

Так С. Тока женился в первый раз, о чем умолчал в своей автобиографии. Но при жизни он не забывал тех, с кем был связан в юности. Лубошниковых тоже хорошо отзываются о нем. В исторической литературе имеется и другой Михайлов, который был репрессирован 13 мая 1941 года, — Дмитрий Захарович. По-видимому, это родной брат Степана Захаровича Михайлова⁵.

В связи с возникновением новой политической системы (1921 г.) встал вопрос о подготовке новых партийных кадров, способных заменить политическое руководство ТНР — бывших нойонов и лам. С этой целью осенью 1925 г. ЦК ТНРП, который в то время возглавлял М. Буян-Бадыргы, отправил в Москву на учебу в Коммунистический университет трудящихся востока 20*

им. И. В. Сталина десять человек, в том числе бывшего курьера (посыльного) Правительства ТНР и переводчика Кол Тывыкы. Из них только четверо сумели получить партийное образование.

Известный австрийский ученый Отто Менхен-Хельфен, посетивший в 1929 г. ТНР, достаточно откровенно писал об этом учебном заведении: «Этот университет в Москве на Старой площади представляет собою своеобразное учреждение. Позади большого монастыря, именем которого называется площадь, стоит непрятливое двухэтажное здание, в котором фабрикуются люди-бомбы. Сотни юных восточных – якуты, монголы, тувинцы, узбеки, корейцы, афганцы, персы – воспитываются в продолжение 3-х лет для того, чтобы у себя на родине взорвать все старое⁶.

Во время учебы в Москве, в жизни Тока произошли два важных изменения: во-первых, он вторично женился – на Александре Алехиной из Свердловска, во-вторых, в 1926 г. он вступил кандидатом в члены ВКП(б) в Красноармейском райкоме партии г. Москвы. Вернувшись домой в 1929 г., он стал членом партии в райбюро ВКП(б) РСТК и получил билет № 1563003, став первым коммунистом из тувинцев.

Во второй половине 1929 г. по указанию исполкома Коминтерна в ТНР проводились собрания классовой борьбы и чистка партии от бывших чиновников и лам Урянхая, занимавших руководящие посты. 16 октября 1929 г. на заседании политбюро, где принял участие С. Тока, 16 бывших руководителей партии и правительства, в том числе бывший генеральный секретарь ЦК ТНРП М.Буян-Бадыргы, подверглись репрессии. Вскоре на VII съезде ТНРП (20.09–10.11 1929 г.), где собирались в основном безграмотные бедняки, генеральным секретарем ЦК ТНРП избран И.Шагдыржап, секретарем – С. Тока⁷. Решение партийного съезда о конфискации собственности «феодалов» и преувеличенные слухи о нём серьезно встревожили кочевников. 17 марта 1930 г. вспыхнул второй Хемчикский вооруженный мятеж, где по

неполным данным приняли участие 270 человек из всех слоев кочевников Хемчика. А через два года в Тере-Холе – новый вооруженный мятеж. Все это заставило власти принять действенные ответные меры. Вероятно, по подозрению в тайной организации Хемчикского мятежа 25 апреля 1930 г. сотрудниками политической охраны арестован и через два года расстрелян М. Х. Буян-Бадыргы. В 1935 г. теми же чиновниками в сумонах Дус-Даг, Солчур, Тес и Бай-Холь арестованы и репрессированы всего 43 человека⁸.

28 июня 1930 г. тувинская письменность на основе новотюркского латинизированного алфавита была введена декретом Правительства ТНР. В кампанию по ликвидации неграмотности было привлечено все население страны. В системе народного образования существовало три типа школ: школы-интернаты, летние школы и школы приходящего ученичества. Было много финансовых проблем. Помогал СССР. Однажды С. Тока приехал в Дзун-Хемчикский кожуун, собрал всех руководителей и выдвинул требование: открыть начальные школы в кожууне, во всех сумонах и учить в них детей аратов. Участники собрания приняли это предложение, но спросили у министра из центра: нужны ведь деньги, где их достать? Последовал ответ: «Деньги находите сами. Сколько тут у вас баев-богатеев? Вот их и обложите большими налогами, сберете денег. Если этого не хватит, надо будет конфисковать имущество самых богатых, реализовать его, а вырученные деньги направить на нужды культуры и образования». Но из этого ничего не получилось, кроме недовольства кочевников. Был вынесен вопрос о персональном деле члена ТНРП С. Тока с целью снятия его с должности секретаря ЦК ТНРП и министра культуры ТНР. Однако благодаря заступничеству секретаря ЦК ТНРП О. Байыра он остался на своих постах⁹. Позднее за активную работу по организации изучения тувинской письменности С. Тока был награжден орденом ТНР.

Согласно решению IX съезда (март 1932 г.) ТНРП, где С. Тока выступил с докладом о колхозном строительстве в ТНР,

ставилась задача в течение пятилетки в основном завершить коллективизацию. В том же году на партийном совещании С. Тока отчитывался, как выполняются решения VIII съезда ТНРП, где, в частности, отмечал, что в 1931–1932 гг. закрыты 22 монастыря и ламы обречены вести кочевой образ жизни¹⁰. Но год спустя «левое» руководство ЦК ТНРП было вынуждено признать «допущенные политические ошибки» «перегибы в колхозном строительстве». И чрезвычайный объединенный пленум ЦК и ЦКК ТНРП (22–28 октября 1933 г.) осудил допущенные нарушения принципа добровольности при коллективизации аратских хозяйств. Считалось, что 74 % аратов стали колхозниками. За год поголовье скота сократилось на 18 %, от джута пало 84761 голова скота. На том пленуме С. Тока пришлось признать свои ошибки. В связи с тем, что И. Шагдыржап тяжело заболел, пленум избрал Председателем Президиума ЦК ТНРП С. Тока¹¹.

Решающую помощь ТНР в подготовке национальных кадров учителей и других специалистов оказывал Советский Союз. Только в 1925–1940 гг. в различных высших и средних учебных заведениях СССР было подготовлено 826 специалистов. С партийной организаторской деятельностью С. Тока связано создание Ученого комитета, в ведении которого находились Комитет государственной письменности, издательство, библиотека и краеведческий музей. С начала 30-х годов выходят газеты, журналы и книги на тувинском языке. В Туве появляются свои поэты и писатели. В эти годы С. Тока написал свои пьесы «Женщина», «Узун-Кара и Семис-Кара» и «Донгур-оол». 25 марта 1936 г. в Кызыле открылся первый национальный театр-студия, позднее (1940) реорганизованный в государственный музыкально-драматический театр. При национальном театре были оркестры (национальных инструментов и духовой), цирковое отделение, хореографическая и драматическая группы. Учебной и творческой деятельностью театра руководили приглашенные из Советского Союза деятели театрального искусства.

Руководство ЦК ТНРП уделяло большое внимание развитию народного здравоохранения в ТНР. В течение 30-х годов были построены и открыты больницы в Кызыле, Чадане, Шагонаре, Тоора-Хеме, Туранды и Кызыл-Мажалыке. Начал работать санаторий «Чедер». В 1946 г. был открыт туберкулезный санаторий в Балгазынском сосновом бору. Подготовка национальных медицинских кадров велась непосредственно в больницах, в учебном комбинате в Кызыле и медицинских учебных заведениях СССР¹².

В 30-е годы ТНРП развивала связи с международным революционным движением, с ВКП(б) и непосредственно с партийными организациями СССР. Так, возглавляемая секретарем ЦК ТНРП С.Тока делегация посетила Донбасс, Днепрострой ГЭС, Татарскую АССР, Новосибирск и Хакасию. В свою очередь в Туве неоднократно бывали посланцы Советского Союза, Монголии. 20 августа 1935 года VII конгресс Коминтерна принял Тувинскую народно-революционную партию в ряды Коминтерна на правах сочувствующей организации. В разное время представителей ТНРП принимали такие видные деятели международного коммунистического движения, как Г.Димитров, О.Куусинен, В. Пик, П. Тольятти, К. Готвальд, Ван Мин, М. Торез, Сэн Катаяма, Б. Шмераль (газета «Тувинская правда», 16 апреля 1970 г.). 8 мая 1939 г. состоялась вторая встреча Г. Димитрова и С. Токи, прибывшего в Коминтерн для получения замечаний по проектам новой программы и устава ТНРП¹³.

Заветной мечтой Генерального секретаря ЦК ТНРП было присоединение Тувы к Советскому Союзу. Еще в ноябре 1939 г. он публично признался: «Я сам более десяти лет работаю в ЦК ТНРП. В дальнейшем я хочу добиться присоединения Танды-Тыва аратского народа к народам великого Советского Союза. Пока не добьюсь этого, буду считать, что моя мечта не сбылась»¹⁴. Вопрос присоединения Тувы к СССР он официально ставил еще накануне войны фашистской Германии против Советского Союза.

В суровые годы войны Красной Армии с фашистами Тува показала себя как надежный союзник Советского Союза. Генеральный секретарь ЦК партии С.Тока в середине апреля 1942 г. побывал на фронте с первым эшелоном подарков из 50 вагонов, встречался с легендарным полководцем Г. К. Жуковым. Общая сумма материальной помощи тувинского народа за 1941–1944 гг. составила свыше 19 млн. акша, в переводе на советские деньги 66,5 млн. руб. В 1943 г. в СССР были восстановлены воинские звания. 30 апреля 1943 г. указом Президиума Малого Хурала С.К.Тока присвоено звание генерал-лейтенанта. В годы войны его дважды награждали орденом Ленина¹⁴.

Вступление Тувы в состав СССР явилось закономерным результатом 23-летнего сотрудничества двух государств, которое открыло огромные возможности социального развития коренного населения Тувы. В годы советской власти большинство кочевников перешли на оседлость, коренным образом изменились условия жизни, быта, образования, медицинского и торгового обслуживания. С деятельностью первого секретаря Тувинского обкома КПСС С.Тока связаны модернизация сельского хозяйства Тувы, развитие транспорта, связи, строительство комбинатов в Хову-Аксы, Ак-Довураке, Терлиг-Хая; городов и поселков Тувы. Качественное изменение социальной сферы жизни сказалось на демографии населения. За годы советской власти численность тувинцев увеличилось более чем в три раза. Вместе с тем под влиянием политики высшей элиты СССР во главе с И. Сталиным и при молчаливом согласии С.Тока населению Тувы пришлось пережить трагедию репрессий.

В течение 30-х годов шла тайная и явная борьба между «левыми» сталинистами (С. Тока, И. Шагдыржап, Т. Седип-оол, Сат (Камова), Н. Товарищтай, О. Байыр, О. Полат) и «правыми» консерваторами (С. Чурмит-Дажы, А.-Т. Хемчик-оол, О. Данчай, К. Биринлей, С. Лопсан, О. Сенгийжице, К. Сунгар-оол). Представители «левого» крыла боролись за строительство социализма в кочевой стране без учета хозяйственно-

культурного типа экономики, психологии кочевников, путем ликвидации собственности зажиточных слоев населения и почти насильтственного насаждения колхозов, за революционное изменение образа жизни. «Правые» консерваторы выступали за сохранение традиционного хозяйства и культуры, за эволюционное развитие кочевой страны. Противостояние двух сторон закончилось трагедией – внесудебным решением властей о расстреле бывших руководителей Правительства ТНР. Назовем их имена:

Сат Санаа-Шири оглу Чурмит-Дажы, родился в 1894 г. в сумоне Чадаана, до ареста работал председателем Совета Министров ТНР; Адыг-Тулуш Олдукай оглу Хемчик-оол, родился в 1893 г. в сумоне Ийи-Тал Улуг-Хемского кожууна ТНР, до ареста – председатель Президиума Малого Хурала ТНР; Оюн Чырандай оглу Данчай, родился в 1893 г. в сумоне Межегей ТАР, до ареста работал председателем правления Тувинбанка; Кара-Сал Орума оглу Биринлей, родился в 1906 г. в сумоне Хайыракан Дзун-Хемчикского кожууна, с 1935 г. – прокурор ТНР, до ареста работал приставом Верховного суда ТНР; Сат Базыр-оол оглу Лопсан, родился в 1908 г. в сумоне Хондергей Дзун-Хемчикского кожууна, до ареста работал министром промышленности и торговли ТНР; Оюн Данчай оглу Сенгиижик, родился в 1900 г. в сумоне Межегей Тандинского кожууна, с 1928 г. – начальник управления внутренней политической охраны, до ареста был заместителем прокурора ТНР; Куулар Товунак оглу Сунгар-оол, родился в 1908 г. – сумоне Солчур Овюрского кожууна, работал послом ТНР в МНР, до ареста был студентом КУТВа. 16 октября 1938 г. ночью приговор приведен в исполнение у подножья горы Хербис.

Решением коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 3 сентября 1964 г. внесудебное решение чрезвычайной судебной коллегии Верховного суда ТНР от 13.10.1938 г. в отношении руководителей правительства ТНР отменено из-за отсутствия состава преступления, честные люди были реабилитированы¹⁶.

Московскому историку Н. Москаленко в центре документации «Народный архив» при Российском государственном гуманитарном университете удалось найти ранее не публиковавшийся документ, свидетельствующий о том, что в политических репрессиях в ТНР решающую роль сыграли советские советники в МВД республики и, прежде всего, полпред СССР в ТНР И. Т. Мулюкин.

Эта справка, датированная 17 июня 1958 г. и выданная И. П. Роговым, ответственным работником советских органов госбезопасности в ТНР, – для получения И.Т. Мулюкиным особых льгот. В ней сообщается: «За период работы с 1938 по 1940 год в бывшей ТНР тов. Мулюкин Иван Терентьевич, будучи Полпредом СССР в ТНР, оказывал всемерную помощь мне советнику и инструкторам при Министерстве внутренних дел ТНР. Он руководил нашей работой по борьбе с контрреволюцией в ТНР. В 1938 г. нами совместно была раскрыта и ликвидирована контрреволюционная прояпонская организация, возглавляемая бывшим председателем Совмина ТНР – Чурмит-Тажи. Особой заслугой тов. Мулюкина И. Т. в этом деле является его конкретное непосредственное руководство с заслушиванием наших докладов и отчетов по этому вопросу»¹⁷.

После ликвидации лидеров Правительства ТНР постепенно утверждается стиль авторитарного руководства С. Тока. «...Ровно в 5 часов вечера, 17 октября 1938 г. все население г. Кызыла организованно, по коллективам, с поднятыми красными знаменами, с песнями и с чувством радости шло в клуб им. Шагдыр-Сюрюна и моментально были заполнены все места. Среди народа находились: председатель Президиума ЦК ТНРП, любимый вождь тувинского народа – товарищ Тока и вместе с ним Полат, Товарищтай, Седип-оол, Увантур, Шома, Бадыраа, Кызыл-оол, Самбуу, Базыр-Сат и другие. II-е общегородское собрание всех жителей открыл с вступительной речью председатель городского самоуправления Лопсан-Самбуу.

От имени партии и правительства собрание приветствовал Председатель Президиума ЦК ТНРП, самый близкий сердцу,

любимый, верный вождь тувинского народа тов. Тока. Когда председательствующий объявил об этом, зал аплодировал стоя, скандируя «Да здравствует товарищ Тока!» и оркестр исполнил «Интернационал». Тов. Тока, останавливаясь в начале своего выступления на особенностях времени, сказал: «Приведен в исполнение соответствующими органами приговор особой коллегии Верховного суда ТНР, утвержденный Президиумом Малого Хурала республики над главарями заклятых врагов тувинского народа, контрреволюционной группой Чурмит-Дажи-Данчая». Эти слова вождя были встречены с полным удовлетворением участниками собрания, мощными рукоплесканиями народа»¹⁸.

После судебного фарса 10–13 октября 1938 г. волною прошли показательные «судебные процессы» в Дзун-Хемчикском, Улуг-Хемском, Тес-Хемском кожуунах. Задуманная по образцу ежовщины в СССР, «Особая коллегия МВД ТНР» была узаконена указом Президиума Малого Хурала ТНР. 1 апреля 1939 г. был принят «Закон о чрезвычайной судебной коллегии МВД ТНР». Третий пункт этого «закона» гласит: «Устанавливается следующий строгий порядок чрезвычайной судебной коллегии: на заседание коллегии не допускается ни обвиняемый, ни свидетель – окончательный приговор принимается по материалам следствия и по докладу непосредственного работника – следователя». Репрессии продолжались в течение 40-х и до первой половины 50-х годов и завершились сфабрикованным органами госбезопасности «Суть-Хольским делом»¹⁹.

В Конституции ТНР 1941 г. в статье 82 законодательно закреплена руководящая роль ТНРП как ядра всех общественных и государственных организаций. Отныне С. Тока имел право действовать даже без формальной оглядки на государственные органы.

В постановлении бюро ЦК ТНРП 1941 г. сказано: «Так как оперативный состав МВД ТНР является вооруженным отрядом партии и глазами и ушами правительства по борьбе с контрреволюцией и врагами народа, впредь на оперативную

работу в МВД принимать только членов ТНРП по рекомендации ЦК ТНРП». В докладе 1940 г. «ХV лет МВД ТНР» был специальный раздел «Роль Токи в деле укрепления органов УГВПО – ВУСС – МВД ТНР», где говорилось: «...нужно прямо сказать, что не было ни одного серьезного дела в МВД, которым бы т. Тока не интересовался и не давал бы своих правильных и всеобъемлющих революционно-партийных указаний... благодаря Токе выросли такие деятели партии и правительства орденоносцы как Полат, Намчак, Мандараа, Тыртыш-оол, Артас, Ензак»²⁰.

21 июля 1943 г. состоялось заседание политбюро ЦК ТНРП по поводу награждения группы наиболее активных руководителей МВД ТНР и Генерального секретаря ЦК ТНРП С. Тока нагрудным значком «Заслуженного работника НКВД СССР» от имени министра СССР Л. П. Берии. На заседании С. Тока выступил со словами благодарности, где, в частности, сказал: «Высокое доверие, которое оказано мне со стороны наркомвнудела Союза СССР и со стороны соратника великого нашего вождя товарища Сталина – Лаврентия Павловича Берия – является не только огромной радостью для нас. Нет слов, чтобы выразить нашу радость... Наша борьба с врагами должна быть еще более непоколебимой...²¹.

По неполным данным, в Туве было привлечено к ответственности за так называемые «контрреволюционные действия» 1214 человек, абсолютное большинство которых уже реабилитированы. Из репрессированных граждан ТНР, а затем и СССР 850 – тувинцы, 305 – русские, 30 – монголы, 20 – китайцы, 12 – корейцы, четверо – латыши, двое – украинцы, трое – калмыки, трое – хакасы, бурят, алтайец, белорус, мордвин, немец, еврей, поляк и даже болгарин²².

Из-за личной неприязни и по негласному указанию С. Тока бывший Секретарь ЦК ТНРП (1931–1938 гг.), Председатель Совета Министров ТНР (1938–1941 гг.) О. Байыр после

окончания КУТВа в 1943 г. не смог найти себе подходящую работу, более того, 13 июля 1948 г. он был незаконно осужден на десять лет тюремного заключения. Вина бывшего высокопоставленного чиновника заключается в том, что как прямолинейный и честный человек О. Байыр, будучи в хороших неформальных отношениях с С. Тока, сделал ему дружественное замечание по поводу его семейной жизни²³.

В связи с «Сут-Хольским делом» С. Тока написал «Докладную секретарю ВКП(б) тов. Маленкову» 15 августа 1952 г. где, в частности, пишется: «По вашему поручению в июле-августе 1952 г. произведена проверка на месте материалов о враждебной деятельности антисоветской буржуазно-националистической группы, возглавляемой секретарем Сут-Хольского райкома ВКП(б) Тувинской автономной области Агбаном». В этой докладной С. Тока обвинил своих бывших коллег в «буржуазном национализме». Это Ховалыг Базыр-Сат, бывший секретарь Тувинского обкома ВКП(б); Николай Товарищтай, бывший министр МВД ТНР; Сат Намчак, бывший зам. министра МВД ТНР; Оюн Мандараа, бывший секретарь ЦК ТНРП; Гессен Шома, генерал-майор в отставке, бывший военный министр ТНР; Оюн Полат, бывший председатель Малого Хурала ТНР и Иргит Бадыраа, бывший полпред ТНР в МНР²⁴. Позднее все это оказалось выдумкой чиновников госбезопасности.

В 1941 г. ЦК ТРСМ объявил «творческий конкурс молодежи и школьников», где приняли участие 334 человека. Они собрали тувинские сказки, загадки и написали 409 стихотворений, 24 из которых посвящены непосредственно С. Токе. В стихах его славят словами типа «да здравствует наш Тока», «наш отец Тока», «наш вождь Тока дарга», «сталинец Тока дарга»²⁵ и т. д.

В 1940 г. в Кызыле вышла книга «Улуг улус көөр үжүк» (Букварь для взрослых), где напечатана песня «Тока дарга»²⁶. Ниже приводим текст песни в подстрочном переводе поэта Эдуарда Мижита.

Дарга (председатель) Тока

Покрытая лесами родина моя,
Дающая радость партия моя и правительство,
Направляющий и наставляющий нас,
Отец наш Тока.

Широкая и просторная родина моя Тува
С извилистыми горными реками.
За труд всей страны
Особо взваливший (заботу) на себя дарга Тока.

Тува моя с ровными степями,
Огражденная таежными хребтами,
Наголову разбивший (уничтоживший) врагов
Наш воин дарга Тока.
Восхитительна наша страна (родина),
Где жизнь светла и радостна (богата),
Хорошо управляющий жизнью
Сердце наше – наш Тока.

Следовательно, в период ТНР (конец 30-х годов) и Тувинской автономной области в Туве имело место авторитарное правление С. Тока, по подобию СССР. По типологии Тока относился к авторитарному типу личности, которому свойственна ненависть к интеллигенции. После критики культа личности И. Сталина на XX съезде КПСС (1956) стиль руководства начинает меняться.

Кандидат в члены ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР С. К. Тока был своим человеком в Кремле и имел хорошие отношения с партийными лидерами СССР и с Н. С. Хрущевым. Ветеран труда Д. Зайцев вспоминал: «В 1956 г. в стране стали настойчиво внедрять раздельную уборку хлебов, к нам в республику зачастали проверяющие из центра. Тока всегда с ними ездил по хозяйствам. А в 1956 году в марте проходило

зональное совещание в Новосибирске по проблемам сельского хозяйства, и Салчак Калбакхорекович сидел в президиуме рядом с Н. С. Хрущевым. А в перерыве в буфете я слышу, как бурятский секретарь обкома партии А. У. Модогоев подшучивает над ним: «Ишь какой – здесь вон какие величины собрались, секретари обкомов, крайкомов, но они-то в задних рядах оказались». А Тока смеется и отвечает: «Мал золотник, да дорог!». Неплохие отношения сложились у него и со следующим Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым (1906–1982 гг.). Они уважали С. Тока как ветерана политической элиты национальной окраины, как человека своего поколения. Поэтому попытки обиженных местных чиновников, даже управления комитета госбезопасности СССР по Туве рассмотреть персональное дело С. К. Тока на бюро Тувинского обкома КПСС провалились²⁷.

В заключение приведем цитату из академического издания: Тока Салчак Калбакхорекович (1901–1973) политический деятель, тувинский писатель, Герой Социалистического Труда (1971). С 1933-го Генеральный секретарь ЦК Тувинской народно-революционной партии. С 1944-го первый секретарь Тувинского обкома КПСС. Пьесы, автобиографическая повесть «Слово арата» (русский перевод, 1950). Государственная премия СССР (1951)²⁸.

К этому добавим, что С.К. Тока с 1945 по 1973 год был бессменным депутатом Верховного Совета СССР, на XIX съезде КПСС избран кандидатом в члены ЦК КПСС (1952), с 1971 г. – член ЦК КПСС. Он был единственным таким человеком во всем Советском Союзе. Награжден семью орденами Ленина, что является тоже редкостью, орденом Трудового Красного Знамени, орденами ТГР и многочисленными медалями.

Хотя Тока был авторитарным типом личности по отношению к своим подчиненным чиновникам, он умел работать с простыми людьми, всегда просто говорил и со взрослыми, и с детьми, и с мужчинами, и с женщинами. Например, если он ехал по дороге и видел путника, то всегда останавливался, интересовался, куда

путь держит, иногда сажал в машину и по пути интересовался, как живет и что его волнует в жизни. Когда С. Тока ездил в командировку по Туве, то в первую очередь заезжал к чабанам и дояркам и лишь потом появлялся в сумонном или районном центре. Несмотря на свою знаменитость и известность, он никогда этим не кичился, оставался доступным для простого народа и внимательным человеком не стал чванливым чиновником высокого статуса, любил шутить и громко смеяться. С 1940 г. С. Тока стал жить в гражданском браке с Х. А. Анчимой. Они вместе вырастили своих детей достойными людьми. У них много потомков и продолжателей рода.

В пору демократической шумихи неоднократно поднимался вопрос – законно ли Тува вступила в СССР? – с целью привлечь внимание избирателей. История показала, что этот шаг в целом был исторически оправдан. Салчак Калбакхорекович Тока хотел лучшей исторической судьбы для своего народа и добился этого. Никто не сможет отрицать того, что в советское время социальная жизнь тувинцев стала гораздо лучше. А проблемы они есть и будут при любом обществе. Их должны решать сами люди с помощью государства.

Литература

1. Шын, № 9–13 и 40–44, 2005.
2. Тока С. К. Краткая биография. ЦАДПОО ЦГА РТ Ф. 144. Д. 76. Л. 3.
3. Здесь и далее цит. по: Тока С. К. Слово арата. – М., 1973.
4. Зайцев Д. И решили Току покрестить. Эфир, № 25, 2001.
5. Кунчун Н. Л. Сборник документов о репрессиях в Туве (1929–1954 гг.). РФ ТИГИ, т. 294, д. 1291, 1292, 1293.
6. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. – М. 2004.
7. Очерки истории Тувинской организации КПСС. – Кызыл, 1975. – С. 82, 354.
8. Кунчун Н. Л., д. 1292. – С. 14.
9. Шойту К. С. Перо черного грифа. – Кызыл. 2001.
10. ЦАДПОО ЦГА, РТ Ф. 1. Оп. 1. Д. 332. Л. 18.
11. Очерки истории..., с. 354.
12. История Тувы. Том II. – М., 1964. – С. 175, 182, 188, 193.
13. Сердобов Н. А. Коминтерн и революционная Тува. – Кызыл. 1985. – С. 211.

14. Шын, № 165, 1989.
15. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. – Новосибирск. 1982. – С. 250, 260.
16. Улуг-Хем, № 75. 1990. – С. 48, 127, 129.
17. Москаленко Н. П. Указ. соч. – С. 148.
18. Шын, № 79, 1938.
19. Кунчун Н.Л., д. 1292. – С. 58.
20. Там же, с. 17, 19.
21. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 1, 13, 14.
22. Ч. Удумбара, генерал-майор, бывший начальник Управления федеральной службы безопасности по РТ. Тувинская правда от 27 мая 1995 г.
23. Кунчун Н. Л., д. 1293, с. 168, 192.
24. Молодежь Тувы от 6 марта 1992.
25. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 527, 528.
26. «Улут улус көөр үжүк» (Букварь для взрослых). – Кызыл. 1940. – С. 88.
27. Шойгу К.С. Указ.соч., с.196.
28. Большой энциклопедический словарь. – СПб. 1999. – С. 1208.

П. С. Серен

Научный отчет о командировке в Северо-Западную Монголию*

С 27 сентября по 23 октября 2004 года состоялась наша научная командировка в места проживания тувинцев в Монголии – Кобдоский и Баян-Улэгэйский аймаки для сбора полевого материала по лексике, отражающей такие обряды жизненного цикла, как свадьба, рождение ребенка, похороны.

Вне программы собран также материал по следующей тематике: благопожелания, народная песня, запреты, воспоминания о шаманах, биография писателя, биография ученого.

---

* Командировка осуществлена за счет гранта РГНФ, проект № 04-04-63002 а / Т.

Маршрут командировки: Кызыл–Хандагайты–Улангом–Ховд–Ульгий–Цэнгэл – местность Хорлот (Хөрлөөт).

Во время командировки работа велась с 20 информаторами среднего и старшего возраста. Самому старшему информатору, Ж. Цэрвэю, – 84 года, род – калчан иргит. Проживает в местности Хорлот сумона Цэнгэл.

За время работы в Кобдоском аймаке Монголии нами отмечено слабое владение тувинским языком его носителей. Тувинский язык является средством общения только в семье, в основном среди людей старшего поколения. В семьях родители с детьми общаются главным образом по-монгольски. В общественных местах тувинцы между собой общаются также по-монгольски. Молодые люди в возрасте 20–30 лет плохо знают тувинский.

Изучением языка тувинцев Монголии занимаются монгольские лингвисты Л. Бодл и Ж. Цолоо. Многое сделала для исследования фольклора, этнографии и языка тувинцев Северо-Западной Монголии немецкая исследовательница Э. Таубе. В России по данной проблематике работали или работают В. И. Рассадин, Д. А. Монгуш, Ю. Л. Аранчын, Б. Баярсайхан, У. Цэцэгдарь.

Свадебный обряд у кобдосских тувинцев

Брак заключается только посредством сватовства – *куда-хүүй болур*. В первый раз приезжал отец жениха, чтобы познакомиться с родителями будущей невесты – *таакпылажын таныжар*, что буквально означает ‘вместе покурить и познакомиться’. Он угождал родителей будущей невесты табаком, справлялся об их благополучии, сообщал о цели своего приезда. Здесь же договаривались о сроке следующего приезда.

Потом начинался следующий этап свадебного цикла, который носил название *агын-көгүн кудар*, когда сваты девушку приезжал отец жениха со своими родственниками. Войдя в юрту родителей будущей невесты, сваты рассаживались, и

отец жениха, выступавший в роли главного свата, протягивал родителям будущей невесты трубку или табакерку и спрашивал о их благополучии. Сваты привозили с собой *араку* ‘молочную водку’, *быштак* ‘домашний сыр’, *тавактыг* ‘разные блюда’, а также *хадак* ‘кусок шелкового материала, преподносимый уважаемым людям’. Затем вручали свои подарки будущим сватам, начиная угощать их едой и аракой.

Если родители не хотели выдавать свою дочь за того юношу, отец которого приехал сватать, то они возвращали ему хадак. Если родители сватаемой девушки были согласны ее выдать (*чөтишэрээр*), то во время пиршества мать невесты брала поднесенные сватом хадаки и другие подарки. Затем договаривались о сроке будущей свадьбы (*хүнүн айтыр*).

После этого родители начинали готовить для просватанной дочери различное имущество, которое она, согласно обычаям, должна была привезти в дом мужа. Это были в основном предметы домашнего обихода женской стороны юрты, т. е. *аптара* ‘сундук’, *тоойлу* ‘зеркало’, *көжеге* ‘ занавес для кровати’, а также *хевис* ‘ковер’ и новый личный гардероб невесты: несколько единиц новой одежды (*хөг шазы*). Количество одежды зависело от состоятельности родителей невесты и могло составлять от 7 до 15 единиц. При этом родители жениха пересчитывали новую одежду невесты, что сами информаторы связывают с монгольским влиянием.

Заключительный цикл свадебного обряда – переезд невесты с ее имуществом в аал жениха и устройство там свадебного пира, после которого начиналась обычная совместная жизнь молодоженов. Этот день свадьбы называется *уруг айттаныр хүн*. Он обычно назначался ламой (буддийским монахом) или чүвэе билир кижжи (знающим человеком). Лама читал священную книгу и определял день свадьбы, наиболее благоприятный для данной брачной пары. Это называется *хүнүн көргүзүп алыр* ‘день определить’. Лама давал указания, в какое время дня выехать невесте и в какую сторону сначала направить свадебный кортеж, как ехать дальше и т. д.

Накануне дня свадьбы, во второй половине дня, все родственники невесты собираются в юрте ее родителей. Начинаются оживленные приготовления, в которых участвовали все жители этого аала и соседи. Во всех юртах *арага тигер* ‘выкуривают араку’, *хой сөяр* ‘режут барана’, *эът хайындырап* ‘варят мясо’, делают *быштак* ‘домашний сыр’, пекут *улдуң боова* (лепешки) и т. д. В аале жениха также кололи скот, выкуривали араку, пекли, варили, готовили различные угощения.

В день, предшествующий свадьбе, до 12-го часа ночи, приезжают в юрту родителей невесты родственники жениха сообщить время приезда за невестой. Данный процесс называют *дыл чедирер*.

В назначенное время (обычно в 03 часа ночи) за невестой и за ее имуществом приезжают *күдээ* (жених), *чеңге* (его старшая невестка), *баштык* (тамада) и несколько родственников со стороны жениха. Кроме того, в эту группу входят *сөң тудукчузу* – два человека, которые должны петь и подносить араку. Общее количество должно быть нечетным (*соңдагай сан*). Заходя в юрту родителей невесты, здороваются, справляются о самочувствии пожилых людей и обмениваются никотиновым табаком (*хаай таакпы*), начиная с родителей и пожилых родственников невесты.

Родственники жениха приезжают с обильным угощением и привозят с собой вареную баранину, молочную водку, другие молочные продукты и подарки для родителей и родственников невесты. Родителям невесты дарят *шай* ‘плиточный чай’, *хептик торгу* ‘шелк на национальную шубу’ и *шил* ‘бутылку водки’. Близким родственникам невесты дарят *хептик торгу* ‘шелк на одну национальную одежду’, более дальним и молодым родственникам вручают *хадак*. Процесс дарения носит название *холун агартыр* ‘отбелить руку’. Баранью голову (*хой бажсы*), с баранным сердцем (*чүрек*) и *дээжи* ‘самое лучшее из пищи’ ставят на самое почетное место. Данную церемонию организует тамада (*баштык*). Сторона жениха угощает привезенными продуктами сторону невесты. Главная роль принадлежит туше вареного барана. Родственники невесты следят за тем, чтобы

все части туши барана были представлены. Некоторые даже проверяют наличие той или иной ее части.

В назначенное время (обычно рано утром, в 6 или 7 часов) жених и невеста трижды обходят по солнцу юрту отца невесты, и свадебный кортеж отправляется в аал жениха. Один из старших родственников невесты в это время брызгает вверх *аржсаном* ‘водой, разбавленной молоком’, желая благополучия молодым. Обычно свадьба начинается рано утром. Считают, что когда свадьба начинается с восходом солнца, жизнь молодоженов будет светлой, яркой и высокой как восходящее солнце (*унген хүн дег чырык бедик, чаагай болур*).

Количество отъезжающих в аал жениха должно быть четным (*дешки сан*). Недалеко от аала жениха свадебный кортеж встречают родственники жениха – двое мужчин на лошадях. Свадебный кортеж останавливается возле *боөдэй өг* (новой юрты молодоженов). До двери юрты расстилают *ак ширтек* (белый войлочный коврик), по которому проходят жених и невеста. Там их встречают девушка и парень, держащие в руках пиалы с молоком. Молодые пригубляют его и входят в юрту. За ними идут все остальные гости, заходят в юрту и рассаживаются на войлочных ковриках по кругу на земле. Всех угощают чаем, наливают араку в пиалы, которые пускают по кругу.

Затем все перемещаются в улуг *өг* (юрта родителей жениха) проходит обряд *көжеге ажар* ‘занавес открывать’, проводимый отцом жениха, после чего проводится обряд, именуемый *адазының одунга тейлээр* (невеста молится очагу отца жениха).

После этого все участники свадьбы вновь переходят в юрту молодоженов. Невеста варит чай и угощает всех присутствующих. Данный процесс называют *келинниң шайын ижер* (пить свежезаваренный чай невесты). Гости дарят молодоженам свои подарки и произносят благопожелания.

Через некоторое время проводится обряд *сойгалаар* – снятие запрета на общение невесты со свекром и старшими

родственниками мужа. После этого она может с ними разговаривать, находясь с ними в одном помещении, передавать что-либо из рук в руки, но называть по имени свекра или свекровь она не должна и после этого обряда. Свадьба заканчивается около одиннадцати часов дня.

Через три дня родственники невесты проводят обряд *көжеге чәжер* (развязать занавес), в котором участвуют только женщины со стороны невесты и матери жениха.

Примерно через год после свадьбы молодые вместе с женой старшего брата отправлялись к родителям невесты *аалдаар* ‘гостить’ и забирали у них *өнчү* ‘скот невесты, подаренный ее родителями’. Матери невесты дарят кобылу – *иениң ак сүдүн чандыrap* (возвратить белое молоко матери).

Родильный обряд у цэнгэльских тувинцев

У тувинцев Монголии до сих пор некоторые женщины рожают в юрте. Они не могут получить квалифицированную медицинскую помощь из-за отдаленности стойбища от медицинского пункта.

Беременную женщину называют *хол*, буду *аар* ‘руки, ноги стали тяжелыми’, *каът болур* ‘слоенными становиться’. О сроке родов говорят *айы болган* (месяц приблизился), *хүнү келген* (день приблизился). Тех, кто переходил срок родов, называли *теве айлыг кижи* ‘с верблюжьим месяцем человек’. Роды называют *уруг үндүрөр*, чему в литературном тувинском языке соответствует *божуур*.

Принимала ребенка у роженицы опытная старуха или пожилая женщина, которая и перерезала пуповину новорожденного. Эту женщину называют *хиндик ие*, *хиндик ээжे* ‘пуповину перерезавшая мать’ и считают ее второй матерью. Околоплодную воду называют *суг* ‘вода’. Пуповину, как и в литературном тувинском языке, называют *хин*. Пуповину режут *тускай хачы* ‘специальными ножницами’, перевязанными на кольцах *ак кадак* ‘белым хадаком’.

В других случаях ими не пользуются. Перевязывают пуповину кызыл удазыкн ‘красной нитью’, скрученный из 4-6 ниток. Пуповину зашивают в маленький мешочек из шелка и хранят в сундуке. После этого женщина сразу же мыла родившегося ребенка теплым черным чаем (*кара шай*) с добавлением в него можжевельника (*артыш*) и смазывала салом (*чаг*) или топленым маслом (*сарыг-ус*). Считается, что чай укрепляет организм и хорошо действует на кожу. В течение 3–4 дней ребенку дают сосать ужса ‘курдюк’. Считают, что курдюк укрепляет мышцы груди.

Послед так же, как и в тувинском языке, называют *сыртык*. Послед хранили дома в течение трех дней. По истечении этого срока его закапывали под кроватью женщины или зарывали в ямку. Это место должно быть возвышенным, чистым и сухим. В ямку, вырытую для последа, кладут *дээжи* ‘самое лучшее из пищи’, можжевельник и потом засыпают землей.

Задержку выхода последа называют *сыртык чаларавас*. В таких случаях стреляют из ружья, чтобы испугать роженицу. Ей также дают кусать собственный волос, нюхать нюхательный табак, чтобы она чихнула.

После родов женщину называют *уруг үндүрген* ‘ребенка выпустила’, *божуп алган* ‘родила’, *караа чыраан* ‘глаза стали светлыми’, *чиигээн* ‘стала легкой’, *оолдарлыг болган* ‘стала с детьми’.

Недоношенного ребенка называют *хонуу долбаан уруг* ‘с ненаполненным днем ребенок’. Его кладут в *дерлиг бөрт* (потную шапку) отца, которую вешают на решетке юрты (*термеге шлер*). Таким образом выхаживают этого ребенка до определенного срока.

На третий день после рождения ребенка устраивался *дой* (пир, праздник), связанный с наречением имени. Съезжались родственники, соседи из близлежащих местностей. Гости обязательно приносят с собой какой-нибудь подарок младенцу. Это могут быть пеленки, игрушки, одежда для малыша и т. д. Хиндик ээжэе дарила младенцу белого барана.

В этот день для угощения подавались арака, мясо барана и различные блюда праздничной кухни.

Хиндик ээже сажали на дөр ‘самое почетное место в юрте’ угощали ее ужса (курдюком барана). Мать новорожденного отдавала ее белой овечьей шкуркой, плиткой чая и хадаком.

Имя давал старший из родственников или дядя по линии матери. Процесс имянаречения называют *уругга ат каар* «ребенку имя поставить». Выбранное имя новорожденного три раза шепотом называли мальчику на правое ухо (*барын кулак*), девочке – на левое ухо (*чөөн кулак*).

Из обрядов, связанных с рождением ребенка, нужно отметить обряд первой стрижки волос – *хылбык алыр*. Мальчику впервые стригли *хылбык* «волосы», когда ему исполнялось три года (*үш чаштыг*), а девочку – в четыре года (*дөрт чаштыг*).

День для этого обряда избирался обычно ламой или чүве *билир кижи* ‘знающим человеком’. Лама читал священную книгу и определял день стрижки волос. Он же указывал на того человека, который должен был первым отстричь прядь волос у ребенка и который назывался *хылбык алыр кижи* ‘волосы берущий человек’. При выборе этого человека лама руководствовался его годом рождения: это должен быть *чылы тааржыр кижи*, то есть он должен был быть рожден в том же году двенадцатилетнего цикла, что и подстригаемый им ребенок.

Обряд начинался обычно в полдень. Приехавшие для этого родственники и соседи собирались в юрте, где жил подстригаемый ребенок. Он сидел на почетном месте в юрте. Мать готовила ножницы, к которым были подвешены голубой хадак и небольшой мешочек из белой материи. Ребенка подзывали к тому человеку, который первым должен был отстричь несколько волосков и который начинал процедуру со слов «Ча, киживистиң хылбынын хоюзар бис бе?» – «А, ну-ка, не начнем ли мы спугивать волос нашего человека». Затем этот человек брал ножницы, отрезал небольшую прядку волос, клал их в мешочек и дарил скот.

Подстригание начинали *барыны маңнай* (с правой стороны лба), далее дескиндир (вокруг головы) по ходу солнца. Девочкам оставляли *саңмай чаш* (челку), мальчиков стригли наголо (*дөңгүр баш*).

После этой процедуры ребенка подзывала хиндик ээже, также отстригала прядку волос и клала ее в мешочек. Она тоже должна была что-нибудь подарить ребенку. Затем все находящиеся в юрте родственники и прибывшие для этого посторонние стригли ребенку волосы и говорили, что ему дарят. В конце мешочек с волосами, завернутый в голубой хадак, мать прятала в *аптара* (сундук)».

Когда стрижка волос заканчивалась, в этой юрте начиналось угощение, приготовленное специально для этого случая. Все пили чай, ели мясо, *быштак*, *курут* (сущеный творог) и т. д.

Погребальный обряд у цэнгэльских тувинцев

Считают, что каждое живое существо имеет душу (*сүнезин*). Человек имеет две души: *чингин сүнезин* (основная душа) и *бора сүнезин* (серая душа). *Чингин сүнезин* подвижна и во время сна человека может выходить через нос (*хаайдан бадар*) и бродить около него, но затем возвращается обратно, когда человек просыпается. *Бора сүнезин* всегда находится внутри человека и умирает вместе с ним. Смерть человека наступает, когда тело покидает жизненная сила (*тын*). О наступлении смерти говорят *тыныш оожургаар* (дыхание утихает).

Пока умерший находится в юрте, он лежит на кошме на правом боку, правая рука подложена под щеку, левая рука держит левое колено. Умершую женщину клали на женскую половину юрты, а мужчину – на мужскую. Покойников закрывали занавеской (*көжеге*).

На специальном столике ставили угощения и зажигали свечу (*чула каар*), приготовленную из белой ваты (*ак хөвөң*) и смазанную топленым маслом (*сарыг-үс*).

При погребении тело покойного помещали в мешок – *хап*, а лицо закрывали *хадаком*. В гроб к нему клали его личные вещи, считая, что в потустороннем мире они ему понадобятся.

Покойников сильно не оплакивают, поскольку верят, что душа умершего человека будет тяжело идти в *бурган оран* (мир бога), ибо слезы родственников *далай болут* (превращаются в море) на ее пути и мешают находить дорогу в иной мир.

Похоронив покойника, *сөөк каар чер* (могилу) обезжали вокруг хүнгээр (по солнцу) три раза и уезжали домой.

После возвращения с места погребения все участники похорон и собравшиеся мыли руки водой, разбавленной молоком и *артышем*, обходили вокруг *сац* (места обряда окуривания путем сжигания можжевельника), входили в юрту и угощались приготовленной пищей. Эта пища приготавливалась специально для счастья оставшихся (*улус өөртүп, модурар*).

Поминки устраивали на седьмой день (чеди хонук) и на сорок девятый день (*дөртөн тос хонук*). На первые поминки родственники собирались около аала, неподалеку от места погребения и обязательно приглашали шамана, чтобы через него поговорить с покойником, так как твердо верят, что на седьмой день умерший придет к родственникам. Шаман, например, спрашивал умершего, как он себя чувствует, не обижается ли на кого-либо из родственников. В разговор с шаманом вступала серая душа покойника (*бора сунезин*).

Анализ собранного полевого материала позволяет сделать следующие краткие предварительные выводы: выявлены новые этнографические материалы и проделана их первичная систематизация; в целом, как показывает материал, лексика, отражающая обряды тувинцев Монголии, является исконной. Имеются также заимствования из монгольского языка.

A. B. Кисель, A. I. Торгоев,
Санкт-Петербург

**Отчет о полевых исследованиях
в Республике Тыва в 2004 г.**

Этнографическая экспедиция Отдела этнографии Сибири МАЭ РАН в составе В. А. Киселя и А. И. Торгоева при активной помощи в качестве проводника и переводчика

начальника Археологической службы Республики Тыва О. К. Шырыапа с 7 июня по 20 июля 2004 г. проводила исследования на территории Тувы. В задачи экспедиции входил сбор материалов по теме «Сибирь на рубеже тысячелетий: традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов» в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».

2004 г. явился вторым полевым сезоном экспедиции. И если в прошлом году В. А. Кисель и А. И. Торгоев ознакомились с Каа-Хемским и Эрзинским кожуунами, то в этот раз, кроме продолжения изучения Эрзинского кожууна, был исследован Тере-Хольский кожуун. Работы велись по трем направлениям: состояние сельского хозяйства, особенности духовной жизни, погребальный обряд южных тувинцев.

Работы в Эрзинском и Тере-Хольском кожуунах

Посёлок Морен Эрзинского кожууна

Посёлок Морен располагается в 15 км от районного центра – п. Эрзин. Проживают здесь в основном представители родо-племенных групп *соян*, *аракча*, *кыргыс*, *сарагай*. На 01.01.04. население поселка составляло 1110 чел. (в 2003 г. – 1162 чел.). Семей насчитывалось 308 (в 2003 г. – 302). Неполных семей – 30. Детей имели 207 семей (всего – 404 ребенка). Многодетных семей – 56, с одним ребенком – 93, с пятью детьми – 2. Больше пяти детей в семьях нет.

В Морене проживали 53 матери-одиночки и 24 вдовы с детьми. В разводе состояли 5 матерей и 1 отец.

Число пенсионеров составляло 147 чел. Среди молодежи имелось 73 студента. В поселке было 128 безработных семей, 32 малоимущие семьи, 50 малообеспеченных семей (в семье 2–3 чел.), 21 крайне бедная семья.

В 2003 г. в Морене было совершено 10 уголовных преступлений. При этом 1 человек осужден.

Население страдало инфекционными (113 чел.), онкологическими (5), гинекологическими (12), венерическими (1) заболеваниями. Туберкулезом были больны 15 человек, гепатитом – 6, бруцеллезом – 2.

В Морене сравнительно мало государственного скота. Единственное государственное унитарное предприятие «Мандала» содержит около 2000 голов. ГУП было сформировано в апреле 2004 г., после реорганизации совхоза. В последние годы, по словам зам.председателя сельсовета, состояние в отрасли скотоводства улучшается. Это объясняется наличием кормов, так как в последние годы зимы стали теплее, выпадает меньше снега, и скоту стало легче самостоятельно добывать себе пропитание. Кроме того, увеличились объемы заготовки сена.

Очень остро стоит проблема со скотокрадством. Скот угоняют как монголы, так и тувинцы, проживающие в соседних районах.

Количество частного скота на 01.01.04 г. отражено в таблице.

Кол-во голов

КРС всего	939
коровы	408
телки от 1 до 2 лет	79
телки стельные	204
телки несеменные	157
быки-производители	23
волы	34
Овцы всего	5104
бараны-производ.	31
овцематки и яки (от 1-го года)	3086
Козы всего	2699
Лошади всего	235

лошади (до 3-х лет)	43
рабочие лошади	71
Птица (куры) всего	33

Посёлок Сарыг-Булун (Булун-Бажы) Эрзинского кожууна

Посёлок Сарыг-Булун находится в 3-х км от Эрзина и в основном заселен представителями рода соян.

На 01.01.04 г. население составляло 830 чел. (395 мужчин и 435 женщин). Семей насчитывалось 210. Матерей-одиночек – 28.

Точное количество пенсионеров установить не удалось, так как в социальном паспорте поселка их указано 102, а в настенном информационном бюллетене – 185. Среди жителей Сарыг-Булуна было отмечено значительное число инвалидов – 59, причем 13 из них дети-инвалиды и 14 – инвалиды с детства.

Студентов – 108, ветеранов труда – 46.

100 человек не имело работы. К разряду малообеспеченных было отнесено 70 семей, а к крайне бедным – 24 семьи.

Жители поселка объединены в арбаны. Следует отметить, что в Нарыне и Эрзине такого административного деления нет, хотя ранее арбаны были одной из административно-территориальных единиц всей Тувы. Сейчас в Сарыг-Булуне насчитывается 6 арбанов, которые включают от 11 до 27 чел. Организуются они по месту проживания: в один арбан входит несколько семей, живущих по соседству на одной улице. Руководство осуществляется выборными лицами, как правило, ими оказываются женщины, поскольку считается, что они, находясь постоянно дома, большие мужчины приспособлены к управлению общиной. Немаловажную роль играет и традиционно высокий социальный статус тувинок.

В Сарыг-Булуне действует кооператив, состоящий из 11 человек.

Общее количество скота на 01.01.04 отражено в таблице.

	Кол-во голов
KPC всего	729
коровы	321

телки (до 6 месяцев)	186
телки (от 6 до 18 месяцев)	141
нетели	60
быки-производители	22
Свиньи всего	14
Овцы всего	2975
бараны-производители	35
овцематки	1844
яки (до 1-го года)	757
бараны на выращивании	21
Козы всего	1211
козлы	31
козоматки	835
козы (до 1-го года)	297
Лошади всего	348
жеребцы-производители	22
кобылы	187
(от 3-х лет и старше)	
молодняк до 3-х лет	54
рабочие лошади	84
Птица всего	14

В Сарыг-Булуне проживает единственный верблюдовод – Дмитрий Догбаевич Лопсан¹. Кроме 15 верблюдов, в его хозяйстве содержится и другой скот (в таблице приводятся статистические данные за три последних года).

	2002	2003	2004
KPS всего	4	8	8
быки-производители	2	4	4
телки (до 6 месяцев)	2	1	1
телки	2	2	2
(от 6 до 18 месяцев)			
нетели	–	2	2
Овцы всего	20	30	30
матки и яки	13	13	13

(от 1-го года и старше)			
бараны-производители	—	5	5
яки до 1-го года	5	5	6
валухи на выращивание			
<i>Козы всего</i>	—	2	2
козоматки	—	2	2

Как правило, подобный видовой и количественный набор скота соответствует и другим хозяйствам Сарыг-Булуна.

Д. Д. Лопсан имеет зимнюю и летнюю стоянки, которые расположены на противоположных берегах р. Тес-Хем. И если зимняя стоянка находится прямо в степи (в местности Калбак-Даш), где отсутствует водный источник, то летняя размещена вблизи от Тес-Хема. На зимней стоянке возвышается юрта, стоящая рядом с живописным скальным останцем, рядом с ней сооружены из бревен два загона: крытый зимний и летний (шестиугольный). Невдалеке установлены резервуары для талой воды. До начала 1990-х гг. стоянка была электрифицирована. В настоящее время трансформатор полностью разломан, а провода срезаны.

Посёлок Качык Эрзинского кожууна

Сумон Качык (самый южный населенный пункт Тувы) образовался в 1920-х гг. на месте стоянки скотоводов, располагавшейся на одноименной реке. В 1944 г. в нем насчитывалось 5 арбанов, входивших в колхоз «Советский пограничник». В то время в Качыке проживало 103 семьи (441 чел.). Но в 1953 г. сумон был ликвидирован, а жители переселены в п. Нарын. После распуска совхоза «Нарын» в 1992 г. люди стали возвращаться в Качык. В нем была создана аратская сельскохозяйственная артель, и в 1994 г. Правительство Тувы утвердило постановление о возрождении этого сумона. Воссоздание п. Качык было вызвано политической ситуацией, сложившейся в этом районе.

С начала XX в. южные земли Эрзинского кожууна были местом постоянных территориальных споров тувинцев с

монголами. В 1930-х гг. правительство ТНР передало Монголии обширные области, бывшие родовыми кочевьями тувинцев родоплеменных групп *соян* и *кыргыс*. Установившаяся граница была закреплена после вхождения Тувы в состав СССР. Однако в последнее время территориальная проблема приобрела прежнюю остроту. Начиная с 1990-х гг., отмечается несанкционированный захват монголами тувинских земель путем переноса пограничных столбов. Поэтому освоение пустующих приграничных территорий стало на современном этапе насущной задачей для тувинского руководства.

Качык на сегодняшний день заселен представителями рода *кыргыс*². На 01.01.04 население сумона составляло 257 чел. (по социальному паспорту) или 273 чел. (по газетной статье): 133 мужчины и 124 женщины (по социальному паспорту). Количество детей составляло 90 чел. (в 2003 г. – 93).

Всего насчитывалось 80 семей, из которых подсобное хозяйство имели только 37 семей. В поселке проживали 15 матерей-одиночек (в 2003 г. – 18); пенсионеров по возрасту было 29 чел. (в 2003 г. – 23); инвалидов – 11 чел. (в 2003 г. – 17); школьников средней школы – 61 (в 2003 г. – 53); студентов – 7 чел. (в 2003 г. – 7); проходили службу в армии 5 чел. (в 2003 г. – 7). Ветеранов труда – 7; осужден был 1 человек.

Число безработных составило 74 чел. (в 2003 г. – 79), в то время как работу имели всего 47 чел. (в 2003 г. – 43).

Огородов жители Качыка не держат. Летом большинство из них находятся на летних стоянках, расположенных по рекам Качык и Нарын. Подсобное хозяйство имеют 37 семей. При школе также организовано подсобное хозяйство. В нем содержится 38 овец и 22 козы, за которыми ухаживают учителя и школьники. На балансе администрации Качыка числится 137 коров.

Количество скота отражено в таблице:

Коровы	183 (маток 99)
Овцы	1182 (маток 748)

Козы	590 (маток 382)
Лошади	50 (маток 20)

По сообщениям информантов, ранее в хозяйстве сумона содержались еще и яки, сейчас они отсутствуют.

Традиционный цикл перекочевок в последнее время включает только летнюю и зимнюю. В летний период скот пасется в глубоких травянистых логах близ источников воды. Стоянки расположены недалеко друг от друга, иногда образуя небольшие *аалы* из 2~4 юрт. Такое размещение вызвано постоянной угрозой угона скота.

Путь экспедиции по южным районам Тувы нередко пролегал вдоль выгоревшей тайги. Например, вдоль р. Нарын такой участок простирался более чем на 30 км. Обширные лесные пожары захватили эти места два-три года назад. Большинство информантов считают, что это произошло из-за поджогов.

Тере-Хольский кожуун

Экспедиции удалось посетить Тере-Хольский кожуун, который является одним из самых труднодоступных районов Тувы. Ландшафт кожууна представлен горной тайгой, местами переходящей в участки с тундровой растительностью, а также глубокими котловинами, прорезанными горными реками, по берегам которых раскинулись превосходные пастбища.

До настоящего времени район остается самым слабо изученным во всей Туве. Первым из исследователей здесь побывал Д. А. Клеменц. Затем в 1903 г. проездом из Тоджи в Иркутск его посетил Ф. Я. Кон. Пожалуй, наиболее продолжительно и плодотворно здесь работали в 1960~1980-х гг. С. И. Вайнштейн и М. Б. Кенин-Лопсан.

Тере-Хольский кожуун как самостоятельная административная единица выделился только в 2001 г., ранее он входил в состав Кызылского кожууна. Его административным центром является п. Кунгуртук. В кожууне имеются три сумона: Шынаа (находящийся в Кунгуртуге), Каргы и Балыктыг-Хем.

В Кунгуртуг несколько раз в месяц летает самолет АН-3 (взлетная полоса – это обычный участок луга). И хотя существует установленное расписание полетов, из-за сложных погодных условий рейсы часто переносятся или откладываются. Автомобильное сообщение существует круглый год, хотя оно тоже не отличается регулярностью, так как дорога от Нарына до Кунгуртуга местами проходит по болотам, руслам мелких рек и крутым горным склонам. Автомобильные караваны, состоящие в основном из грузовиков повышенной проходи-мости («КамАЗ», «Урал»), отправляются по маршруту Кызыл – Кунгуртуг обычно 1 раз в месяц. Наиболее опасным временем года считается весна, когда начинается таяние снегов, разливаются реки и дорога размывается. Караван движется по маршруту от 2-х до 4-х суток. Следует отметить, что до начала 1990-х годов дорога местами благоустраивалась. Так, например, на заболоченных участках вокруг оз. Тере-Холь подновляли бревенчатую гать, делали каменную подсыпку. Позднее за дорогой никто не следил, что приводило к авариям и жертвам. В последние годы благоустройством занялись золотодобытчики (артель «Ойна»), которые заинтересованы в доставке рабочих, техники, продуктов и горюче-смазочных материалов на свои стационары, расположенные по рекам Нарын, Эми. На особенно опасных перевалах золотодобытчики расширяют скальные «прижимы», осуществляют каменную подсыпку дороги.

До провозглашения ТНР земли района принадлежали Салчакскому и Хаасутскому кожуунам. Затем в 1936 г. они были объединены в Тере-Хольский кожуун. Тогда же местности Чыргаланды, где в начале XX в. размещалось хурээ (Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX-начало XX в.). М., 1956, карта), был основан поселок, называемый теперь Эрги-хоорай (Старый город). Создание его явилось продуманной политической акцией правительства, озабоченного закреплением за Тувой этой территории. Население составили представители различных родов, как проживавшие на этой

территории, так и переселенные с земель, отошедших к Монголии. И весь в целом район был заселен представителями разных родоплеменных групп, впоследствии осевших в Кунгуртуге и других сумонах. Междуречье рек Балыктыг-Хем и Тарыс занимали бабрики³, мингаты, дархаты и кыргысы, говорившие по-монгольски. Хертеки, иргиты, колы, салчаки, заселяли долины р. Каргы, говорили они по-тувински и соблюдали буддистские и шаманистские ритуалы. Хасуты (тодуты) и сояны, кочевали по верхнему течению р. Балыктыг-Хем и в междуречье рек Эми и Бусин-Гол, говорили они на диалекте тувинского языка и являлись шаманистами. Все они, несмотря на общий кочевой скотоводческий тип хозяйства, имели различные специализации, сложившиеся из-за ландшафтной специфики занимаемых ими территорий. В районе рек Балыктыг-Хем и Тарыс разводили яков, по р. Каргы – лошадей и КРС, в Хан-Тайге, к северу от р. Эми – оленей.

В конце 1940-х гг. правительство Тувы приняло решение о переносе населенного пункта на новое место по причине отсутствия чистой питьевой воды и частых желудочных отравлений населения. От существовавшего поселка ныне на этом месте не осталось практически никаких следов, так как бревенчатые дома были разобраны и перевезены. Только сложенная из рваного камня башенка – бывшая электростанция – напоминает об Эрги-хоорай. Новый поселок был заложен в 1949 г. на берегу заболоченного оз. Тере-Холь недалеко от крепости уйгурского времени Бор-Бажин (Эрги-Хоорай просуществовал до 1953 г.).

До 1954 г. население Тере-Хольского кожууна свободно перемещалось, кочуя на значительные расстояния. В том году руководство Тувы, чтобы активизировать процесс оседания тувинцев-оленеводов на землю и прикрепление их к стационарным поселкам, издало указ о бесплатной выдаче оленеводам недвижимого имущества (домов, снабженных различной утварью и постельными принадлежностями).

Современное население Тере-Хольского кожууна представляет собой локальную, достаточно изолированную группу. Жители общаются на особом диалекте тувинского языка, порой непонятном представителям других районов. Главными занятиями терехольцев являются охота (многие женщины наравне с мужчинами ходят на охоту), рыболовство, оленеводство, яководство и скотоводство. Жители кожууна, особенно люди среднего возраста и молодежь, антропологически отличаются от общетувинского типа. Как правило, они высокого роста и имеют большую мышечную массу. Терехольцы в полной мере ощущают свою «особость», отделяя себя от остальных тувинцев, которых называют «хемчиками» (от р. Хемчик в Западной Туве). Они очень настороженно относятся ко всем приезжим и неуверенно чувствуют себя вдали от родных мест. Следует отметить, что жители других районов также сторонятся терехольцев.

Воровство личного имущества, широко распространенное в Туве, слабо проявляется в юго-восточных районах. Редкие случаи подвергаются резкому осуждению. Часто жилые дома кожууна не запираются.

Согласно социальному паспорту, на сегодняшний день население Тере-Хольского кожууна составляет 2639 человек (924 мужчины до 85 лет, 922 женщины и 793 ребенка до 18 лет). Всего насчитывается 102 семьи, из них 98 семей многодетные. Работоспособными являются 923 чел., из которых фактически работают только 329, в то время как 447 чел. работы не имеют. Малообеспеченными считаются 360 семей. Количество дворов составляет 441.

В сумоне Каргы (основан в 2002 г.) проживает 291 человек; насчитывается 84 семьи; 12 семей имеют более 3-х детей; в двух семьях по 5 детей.

Население сумона Шынаа составляет 1469 чел. Насчитывается 364 семьи, из них полных семей с 1-2 детьми – 129, с 3-мя детьми – 35, с 4-мя детьми – 21, с 5-ю детьми – 4, неполных семей с 1-2 детьми – 24, с 3-мя детьми – 2, с 5-ю детьми – 2, 340

с 6-ю детьми – 1,54, матери-одиночки имеют 64 ребенка. Разведенных семей насчитывается 8, в них проживают 15 детей. Число бездетных составляет 14, пенсионеров – 253 чел., инвалидами числятся 108 человек старше 18 лет. В суноме построено 335 домов.

Как уже указывалось, в кожууне представлено несколько хозяйственных типов: охота и рыболовство, таежное оленеводство, яководство, отгонное скотоводство. Несколько лет назад в Кунгуртуге начали сажать картофель. И теперь при каждом доме устроен огород⁴.

Охота является одним из наиболее важных промыслов населения. В Кунгуртуге существует одноименное охотничье ООО. Охотничий сезон начинается с ноября и продолжается всю зиму. В последнее время население перестало белковать, так как цена на патроны не окупается стоимостью беличьих шкурок. Заготавливаются в основном шкуры рыси и соболя. Местные жители хорошо вооружены.

Мелководное оз. Тере-Холь (глубина 0,5–1,5 м) и многочисленные горные реки изобилуют рыбой (в озере – щука, язь; в реках – хариус, ленок, таймень). Население охотно занимается рыболовством. Рыбу ловят крупноячеистыми ставными сетями фабричного производства, спиннингами, используя крупные медные блесны типа «глазок»⁵, а также удочками с «макушками».

Передвижение по озеру осуществляют на алюминиевых лодках-«казанках» с помощью самодельных весел или щестов. Шесты длиной 2,5–3 м имеют на конце конусовидное утолщение, которым рыбаки отталкиваются от илистого, топкого дна. Ф. Я. Кон и С. И. Вайнштейн отмечали, что терехольские рыбаки прежде использовали плот *сал*, который приводился в движение щестом. По-видимому, применение щеста является традиционным для этих мест. Моторы на лодки не ставят из-за небольшой глубины озера и обильной водной растительности.

В советский период на озере велся артельный лов рыбы. Улов коптили и размещали на складах, представлявших собой

бревенчатые землянки. Затем большая часть рыбы на самолете отправлялась в Кызыл. Эта практика уже более десятилетия как исчезла. Рыбные склады заброшены. Правда, администрация кожууна собирается возродить артель, но вывозить рыбу предполагается уже автомобильным транспортом по причине большой дороговизны воздушного сообщения.

Рыболовством терехольцы занимаются круглый год. Зимой рыбку ловят ловушками, именуемыми мордами или вершами.

В кулинарии терехольцев существует блюдо, не известное тувинцам других районов, — чайма. Оно приготавливается из мелко порезанных и прожаренных печени, жира, икры, пузырей язя и щуки часто с добавлением лука и муки.

Собирательство является традиционной деятельностью, но в настоящий момент носит подсобный характер. Все лето местные жители копают корни лилии-саранки, используя ее в пищу. Сбор грибов стал практиковаться сравнительно недавно и пока в незначительных количествах. Зато население в больших объемах заготавливает лесные ягоды, из которых варит разные варенья или сушит их на зиму.

В кожууне широко развито животноводство. В таблицах приводятся данные о поголовье скота в кожууне и сумонах Каргы, Шынаа, полученные в администрации и у Сайзаны Максимовны Кызыл (секретарь каргинской администрации).

Количество скота в кожууне:

	Данные администрации (на 01.01.04 г.)	Данные С. М. Кызыл (июнь 2004 г.)
КРС (без яков)	2389	2548
МРС	4213	4533
Лошади	1106	1208
Свиньи	62	102
Яки	81	103
Олени	26	—

Не исключено, что сведения, почёрпнутые из документов администрации, устарели и не отражают реального количества скота. Создается впечатление, что поголовье в настоящий момент возросло.

Количество скота в сумоне Каргы:

КРС (коровы, помеси, яки)	855
МРС (овцы, козы)	2144
Лошади	278
Свиньи	12

Количество скота в сумоне Шынаа:

КРС	1362 (576 коров)
Овцы	986 (маток 775)
Козы	179 (маток 106)
Лошади	988 (маток 507)
Яки	17 (маток 9)
Олени	21 (маток 14)

Остальной скот содержится в сумоне Балыктыг-Хем, точных данных по которому получить не удалось⁶.

Государственный скот в кожууне практически отсутствует, хотя в сумоне Шынаа недавно создано единственное ОАО «Каргы-Белдир», в котором содержится 20 яков.

Годовой цикл терехольцев включает две или четыре перекочевки. Четыре перекочевки осуществляются в следующем режиме: в середине ноября хозяйства со стадами отправляются на зимние стоянки, где проживают до конца марта; затем наступает время перемещаться на весенние пастбища, на которых находятся до мая; после этого следует перекочевка на летники до августа; завершает цикл проживание на осенниках до ноября. В последнее время чабаны из-за нехватки транспорта и горючесмазочных материалов ограничиваются двумя перекочевками. При этом они отказываются от использования юрт, предпочитая строить стационарные избы, чаще всего однокомнатные,

рубленные в чашу. Крыши бывают двух типов: плоская – с глиняной насыпкой, обложенной дерном, и двухскатная – крытая пластами лиственничной коры. Пол делается из досок (нередко крашеных). Печи из кирпича на стоянках не сооружаются. Обычно печи сварены из железных листов и имеют форму цилиндра или параллелепипеда. Обстановка в домах такая же, как и в обычных жилых избах поселков. Мебель используется традиционная: сундуки *антара*, посудные шкафы, железные кровати. На сундуках нередко располагаются швейные машинки и музыкальные инструменты (баян, гитара). Стены часто завешены коврами, фотографиями родственников или самих хозяев. Подобного типа дома (бажсың) широко распространены в Туве. Отличительной особенностью Тере-Хольского кожууна является широкое использование лиственничной коры (кровля, настилы перед входом). Как исключение можно упомянуть двухэтажный дом, возведенный на стоянке коневода Геннадия Васильевича Чадамба (1957 г. р.) в местности Каргы-Белдир (слияние рек Хайгас и Каргы).

В районе оз. Тере-Холь еще можно встретить временные жилища в виде шалашей, крытых лиственничной корой.

Некоторые жители кожууна, слабо связанные со скотоводством и в основном занимающиеся охотой и рыболовством, проживают на зимниках постоянно.

Население на зиму заготавливает много сена, так как здесь зимы продолжительные, снежные и холодные. Покосы строго разделены между хозяевами, что неукоснительно соблюдается. Часто на месте покосов устраиваются деревянные риги для сушки сена. Сенокос начинается в конце июля – начале августа.

В хозяйстве района немаловажную роль играет разведение яков. Их часто скрещивают с коровами. Полученное потомство – хайнаки – хорошо приспособлено к условиям ранних и холодных зим.

Лошадей терехольцы предпочитают выращивать монгольской породы, которая более удобна и вынослива в условиях тайги⁷.

Пожалуй, на настоящий момент в округе оз. Тере-Холь сложились наиболее благоприятные условия для животноводства. Главной причиной является отсутствие скотокрадства. На примере рядового хозяйства Адыя Андреевича Кызыла (1967 г. р.), проживающего в местности Чыргаланды, можно продемонстрировать нынешнее состояние чабанских стад. Так, у него в личном владении около 50 яков, более 50 коров, 1 косяк (50 голов) лошадей и более 100 овец и коз. В соседнем Эрзинском кожууне такого количества скота в отдельных хозяйствах не встречается.

Оленеводство издавна практиковалось в таежных районах юго-восточной Тувы. В последние годы наблюдается неуклонное снижение поголовья оленей, что вызвано тяжелой экономической ситуацией. На 2004 г. в Тере-Хольском кожууне насчитывалось всего 26 голов. Оленеводы кочуют за своими стадами. Зимой они спускаются в таежные долины, летом уходят в горные местности. Олень используется как верховое животное обычно при перекочевках и на охоте.

Сравнительный анализ, проведенный на основе изучения сельского хозяйства в Тере-Хольском и Эрзинском кожуунах, показал, что эти районы отличаются видовым составом скота. Различается и количество скота на душу населения. В Эрзинском кожууне на 8288 человек приходится 5409 голов КРС и 50609 голов МРС, что составляет 0,65 головы КРС и 6,01 головы МРС на каждого человека. В Тере-Хольском кожууне, по статистическим подсчетам, на 2639 человек (или 1916 человек, по данным администрации) приходится 2651 голова КРС (с яками) и 4213 голов МРС, что составляет 1,01 головы КРС и 1,71 головы МРС (или 1,38 головы КРС и 2,37 головы МРС, что, возможно, ближе к истине).

Видовые предпочтения в скотоводстве районов, безусловно, связаны с особенностями ландшафтов. Основные пастбища Тере-Хольского кожууна располагаются в подтаежной полосе, где практичней разводить КРС (в том числе яков и хайнаков), наиболее приспособленных к длительным зимам.

В полупустынях же Эрзинского кожууна, пересеченных горными хребтами, разумнее выращивать МРС, особенно коз как наименее прихотливых. К тому же содержание крупных стад КРС и табунов лошадей на сегодняшний день здесь очень проблематично по причине широкого распространения скотокрадства. Общей чертой для хозяйства обоих кожуунов является отмирание таких традиционных отраслей, как верблюдоводство и оленеводство.

Наблюдения по традиционным верованиям населения Тере-Хольского кожууна

По причине достаточной изолированности района здесь сохранился ряд черт духовной культуры тувинцев, утраченных в других местах.

До сих пор в Кунгуртуге практикуют шаманы. Более 20 лет назад обряды терехольских шаманов были описаны С.И. Вайнштейном (Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991), а позднее дополнены М. Б. Кенин-Лопсаном (Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в., Новосибирск, 1987; Кенин-Лопсан М.Б. Алгыши тувинских шаманов. Кызыл, 1995). Благодаря работе экспедиции удалось собрать материал о главном информанте обоих исследователей – шаманке Тожу Лопсановне Дежит (двоюродной сестре «великого» шамана Сояна Шончура) – ряд сведений, которые дополняют, а отчасти расходятся с данными С.И. Вайнштейна. Она родилась в районе Кунгуртуга в 1903–1909 гг. Когда Тожу Дежит исполнилось 9 лет, родственники отдали ее на воспитание в Монголию. Там в 17 лет Тожу Дежит выдали замуж за 37-летнего монгольского шамана. Муж-шаман после женитьбы перестал камлать, а дар общения с духами-помощниками перешел к ней. За время замужества у Тожу Дежит родилось 14 детей, которые умерли в возрасте 14–15 лет. После смерти детей и мужа она вернулась в Кунгуртуг, где в 47 лет родила девочку. Эта дочь дожила

до 39 лет. Умерла Тожу Дежит в 2001 г. Судя по рассказам близко знавших ее людей, в последнее время она уже не камлала. У проживающей ныне в Кунгуртуге внучки Тожу Дежит хранятся культовые атрибуты шаманки – хомус в деревянном пенале и ээрени.

Сегодня в Кунгуртуге имеется только один шаман – Амбар Тожу (1936 г.р.) (внук Сояна Шончура). Согласно утверждению информантов, камлать он начал только в 2002–2003 гг. Прежде Амбар Тожу был оленеводом, сейчас он пенсионер и одновременно работает сторожем на дизельной электростанции. Некоторые односельчане не считают его полноценным шаманом. По уверению информантов, шаманская деятельность Амбара Тожу заключается в том, что он «разговаривает с духами, молится земле, по заказу наводит порчу на плохого человека». Главным его инструментом является хомус, хотя имеется и бубен. Этот последний терехольский шаман очень недоверчив. Например, он дважды не явился на встречу с сотрудниками экспедиции, несмотря на предварительное соглашение и просьбы его хороших знакомых. По сообщению информантов, Амбар Тожу избегает неошаманов, с подозрением относится к деятельности М. Б. Кенин-Лопсана и старается как можно реже ездить в Кызыл.

У населения Кунгуртуга особым почитанием пользуется долина, называемая Деледек, которая расположена в районе р. Каргы. Здесь находятся два сакральных места – гора Онгун, возвышающаяся возле слияния рек Хайгыс и Каргы, на вершине которой прежде проводились ежегодные шаманские моления, и два округлых скальных останца Эминди-Онгун (эмиды – женские груди), расположенные у подножья горы. Гора Онгун и близлежащие вершины испещрены гротами и пещерами, в которых, по словам информантов, буддийские монахи устраивали молельни. Существует негласный запрет охотиться в этих местах, и обычно люди стараются здесь долго не задерживаться.

Кроме этого, в окрестностях оз. Тере-Холь находится множество других, менее значительных, священных мест. Сакрализованы практически каждый перевал и источник. Как сообщила С.Ш. Хомушку, ранее все они были отмечены культовыми сооружениями *оваа*, которых насчитывалось 60. Ныне сохранилось только 9. Оваа возводились adeptами как буддизма, так и шаманизма. Впрочем, тувинцы никогда не разделяли оваа и снабжали их подношениями буддийского и шаманского культа одновременно.

Одно из наиболее значительных культовых мест Тере-Хольского кожууна – перевал Кески-Балык, являющийся естественной границей между системами рек Нарын и Балыктыг-Хем. Оваа, установленный на нем, отличается внушительными размерами. Каркасом для него послужил деревянный триангуляционный знак. Основание оваа обложено стеной из плитняка. К столбам привязаны чалама – полосы ткани, а также берестяной короб. У подножия разложены монеты (присутствует даже купюра турецких лир), сигареты, спички, зажигалки, конфеты, печенье и прочие мелочи.

Для жителей Кунгуртуга важное значение имеют источники (аржааны), расположенные в окрестностях поселка. Одним из наиболее почитаемых является аржаан Тургун. На двух деревьях, растущих рядом с ним, навязаны чалама. Чалама преимущественно белого цвета, поскольку, по буддийским представлениям, яркие цвета символизируют жизненную энергию, и передача ярко окрашенной вещи может привести к болезни дарителя (С.Ш. Хомушку). Возле самого источника находится «стол», сложенный из камней, на котором находятся обычные подношения духам (монеты, сигареты, конфеты)⁸. Люди, посетившие аржаан, обязательно пьют из него. Для этой цели на «столе» оставлен деревянный ковш.

Население кожууна, в отличие от многих других районов, не перестает относиться к оваа с трепетной почтительностью. Если дорога идет мимо культового места, обязательно делается остановка и размещаются подношения. В непосредственной

близости от аржаанов запрещено ругаться, распивать спиртное, курить, рвать цветы, рекомендуется идти только по тропе и разговаривать вполголоса⁹.

Население Тере-Хольского кожууна продолжает относиться с большим почтением к очагу и огню. Разведя на привале костер, местные жители никогда не бросают в огонь использованную бумагу, полиэтиленовые пакеты или остатки пищи. Весь мусор тщательно собирают и укладывают в углубление под деревом или приваливают камнем.

Изучение погребального обряда

Следующим направлением, по которому проходила работа экспедиции, явилось изучение особенностей современного погребального обряда южных тувинцев. Если в предыдущем году сотрудникам экспедиции удалось принять участие в похоронах в п. Нарын Эрзинского кожууна, то на этот раз исследования проводились путем опроса информантов, а также осмотром кладбищ Эрзинского и Тере-Хольского кожуунов.

Следует отметить, что население южных районов Тувы традиционно исповедует буддизм¹⁰. Это накладывает особый отпечаток на погребальную практику. В последние годы в Южной Туве ощущается резкое усиление влияния буддизма. Эрзинцы и терекольцы, как сообщили Идам Шуржеевич Чооду (1934 г. р.) и Серенма Шулувевна Хомушку, полностью отказались от приглашения на похороны шаманов.

В поселках Нарын, Морен, Кунгуртук функционируют родовые кладбища. Все они тяготеют к курганным могильникам скифской и тюркской эпохи. Однако размещение и построение кладбищ различно. Кладбища Нарына располагаются в одной межгорной долине, и их отделяют значительные расстояния. Кладбища Морена находятся на возвышенностях в степи, недалеко от свалки. Расстояние между ними составляет 25–30 м. Кладбища Кунгуртука находятся в лесу. Их разделяет тоже около 25–30 м (в некоторых случаях 3–4 могилы, принад-

лежащие, по всей видимости, членам одной семьи, бывают вынесены отдельно). Кладбища Морена и Кунгуртуга, в отличие от нарынского, создают впечатление единого погребального комплекса. Поскольку тувинцы после похорон очень редко навещают могилы родственников, все кладбища выглядят неухоженными, могилы несут на себе следы естественного разрушения¹¹. Окончательно забыт один из видов детских погребальных обрядов, то есть подхоранивание их в могилы родственников, а также в древние курганы (Омак Кызыл-оолович Шырап, 1968 г.р.) В настоящий момент возобладала традиция сооружения отдельных детских захоронений, внешне аналогичных взрослым.

Все захоронения представляют собой ингумацию. Обычай наземных погребений, издавна распространенный среди тувинцев, был запрещен правительственныеими органами после присоединения Тувы к СССР. За годы советской власти в республике сложился общий усредненный русско-тувинский погребальный обряд. Согласно ему в могильную яму глубиной 1–1,5 м укладывался в дощатом гробу покойник. Над погребением сооружался невысокий могильный холм и устанавливался деревянный памятник, внешне напоминающий вытянутую усеченную пирамиду, чаще всего увенчанную пятиконечной звездой. Сохранялись незначительные различия, связанные с национальностью покойного. Как удалось установить, в Южной и Юго-Восточной Туве погребальный обряд отличается и локальными чертами.

Прощание с покойным проходит в его доме. Перед этим приглашается лама, который читает молитвы и зажигает очистительный огонь – лампаду, представляющую собой маленькую бронзовую или латунную чашку на высокой ножке с коническим поддоном (чула). В чашку налито масло и вставлен хлопковый фитиль. Огонь горит вплоть до заключительных поминок, происходящих на 49-й день после смерти, когда он гасится. Хотя, по словам С.Ш.Хомушку, если покойный

пользовался у односельчан славой очень хорошего человека, то огонь гасился лишь на 54-й день. Рядом с покойным воскуривают ветки можжевельника (*артыш*). Умершего без одежды, укрытого только белым саваном (иногда с синими, красными и желтыми лентами, свернутыми в виде роз), укладывают в гроб вытянуто на спине. Современные гробы имеют стандартный облик, но сорок лет назад они представляли собой дощатый короб, который непосредственно перед захоронением закрывался досками. Гробы обтягиваются тканью, чего прежде тувинцы не делали. До выноса гроба из дома родственники и приглашенные на похороны угощаются поминальной пищей, которая довольно разнообразна: соленый чай с молоком, вареное мясо, овощные салаты, плов, печенье, конфеты. Однако в удаленных, сравнительно изолированных местах, сохраняется традиционный набор – соленый чай с молоком, вареная баранина, сыр, топленое масло. Перед покойным в Южной и Юго-Восточной Туве ставят пиалу с молоком, в то время как в центральных и западных районах фигурирует арага или водка.

Гроб с телом покойного обычно доставляется на кладбище в кузове грузовика. Вместе с гробом привозят и надмогильный памятник. Их сопровождает траурный поезд, состоящий из автомобилей. Вслед удаляющемуся кортежу родственницы покойного, остающиеся готовить еду для поминок, брызгают с помощью культовой ложки (*тос-карак*) молоком из миски.

Могилу выкапывают заранее. Ее дно застилают белой материей. У южных тувинцев не существует специализированных бригад кладбищенских рабочих, поэтому над сооружением могилы трудятся родственники или друзья покойного. Могилу стараются расположить таким образом, чтобы при захоронении голова покойного была ориентирована на горную вершину и одновременно направлена в западную, северо-западную сторону. Правда, в разных местах предпочтение отдается одному из двух условий. Например, в Нарыне наиболее важным считается размещение покойного головой в сторону

ближайшей вершины, а ногами – в лог противоположного горного хребта. В то время как в Кунгуртuge главный момент – это соблюдение западной ориентировки.

После прибытия на кладбище наступает новый этап прощания. С гроба снимается крышка. Перед могилой (в ногах будущего захоронения) разжигают небольшой очистительный костер из специально привезенного можжевельника. В Морене костер разводят не на земле, как в других местах, а на каменной плитке или даже кирпиче. Огонь «кормят» печеньем, конфетами и сигаретами. Провожающие произносят прощальные речи или зачитывают некролог. Причем лист бумаги с текстом некролога иногда, свернув в трубку, кладут в гроб. Непосредственно перед заколачиванием крышки гроба участники похорон дотрагиваются до него или до покойного и кладут внутрь сопроводительный инвентарь или пищу. В Эрзинском кожууне в головах покойного раскладывают различные предметы (флакон одеколона, бритвенный станок, зеркало, нитки с иголкой). В Тере-Хольском кожууне принято класть только ритуальную пищу (бараний позвонок с куском мяса и грудину), располагая ее возле руки покойного. В могилу кидают несколько горстей ячменя и на веревках спускают гроб. После этого на его крышку бросают несколько горстей земли. Как правило, в Эрзинском кожууне в это время родственницы покойного обходят всех присутствующих, предлагая сигареты, которые мужчины тут же и закуривают. Ритуал совместного курения над могилой в Тере-Хольском кожууне не известен. Более того, в Кунгуртуге даже на поминках родственники и приглашенные воздерживаются от курения (С. Ш. Хомушку). Провожающие угощаются чаем, который обычно привозят с собой. Не рекомендуется выражать свою скорбь слезами, так как в этом случае умершему дорогу на тот свет преградит дождь (С. Ш. Хомушку). В ногах покойного на крышку гроба устанавливают памятник (высота около 2 м), который имеет облик вытянутой усеченной пирамиды, вытесанной из бревна или сколоченной из досок. Навершия памятников,

установленные на металлическом или деревянном стержне, после конца 1980-х гг. представляют собой не пятиконечную звезду, а деревянные диски, украшенные буддийской символикой. Выбор изображения достаточно произволен и отражает традицию, сложившуюся в конкретном месте. На кладбищах Нарына на дисках наносят знак Инь-Ян. В Морене – данный символ зафиксирован в единичном случае. Там преобладают рисунки полумесяца, солнца и звезд. Нередко диски на кладбище Морена увенчаны резной фигурой в виде трех языков пламени. Наибольшим разнообразием отличаются навершия памятников из Кунгуртуга. Они выполнены в виде шара, конуса, шара, переходящего в конус, полумесяца, пятиконечной звезды, октаэдра, усеченного октаэдра. Крайне редкими образцами являются бутон лотоса и полумесяц, соединенный с пятиконечной звездой. В большинстве случаев под этими навершиями вместо обычного стержня располагается плоское деревянное основание в виде одной или трех перевернутых уплощенных пирамид. Порой на могилах погибших шоферов к памятникам прикрепляют автомобильные рули (в Морене зафиксирован также пропеллер от тракторного вентилятора). К памятнику прибивается табличка с именем умершего человека, датами его жизни, а иногда – портрет покойного. Изредка на памятнике или же на камне возле могилы наносится изречение на тибетском языке. Интересной новацией является украшение памятника жестяными фигурками лошадей или лошадиной головы.

Закапывание могилы сопровождается киданием в нее ячменя. Могильный холм обычно не превышает высоты 40 см. Порой, если грунт каменистый, из более крупных камней сооружается обкладка по краю холма. В последние годы отмечается замена могильного холма бетонной плитой (иногда плита обложена кафельной плиткой), а традиционных памятников – вертикально стоящими обтесанными мраморными плитами (правда, это единичные случаи). После насыпки холма следует троекратный обход могилы по ходу движения солнца участниками похорон¹².

Вновь родственницы покойного угощают всех присутствующих печеньем и конфетами. Во время похорон избегают пить алкогольные напитки. Согласно сообщению И. Ш. Чооду, в Эрзинском кожууне отказ от спиртного произошел не так давно по требованию лам¹³. В Кунгуртуге же, по словам С. Ш. Хомушку, отсутствие алкоголя и табака на похоронах было постоянным и жестким условием. Могильный холм обсыпают ячменем.

После угощения над могилой кто-нибудь из присутствующих производит покраску памятника в Нарыне и Морене наиболее популярен красный цвет, в Кунгуртуге – желтый и коричневый, встречаются также синий, белый и зеленый цвета. Бывает, что памятник покрывают бесцветным лаком или олифой. Затем на могильном холме раскладываются подношения. Обычно подношениями служат пиалы с молоком или чаем, сигареты. Иногда кладут и другие предметы. Так, в Нарыне на могиле оставляют аморфные фигуры, слепленные из муки (длина ок. 15, ширина ок. 5 см), символизирующие животного, в год которого, согласно 12-летнему животному календарному циклу, родился покойный (балин). А на могиле Саяны Санмыновны Шимит (1944–2002 гг.) из Кунгуртуга, дочери шамана, были положены вырезанные из дерева ладонь с запястьем, нож, топор, а также узкий кусок ткани (чалама). На детских могилах в Морене встречены куклы и игрушечные часы.

Возведение ограды вокруг могилы – необязательное условие в погребальной практике южных тувинцев. Однако в последние годы оно распространяется все более широко. Если на кладбищах Нарына оград немного, то в Морене, Эрзине и Кунгуртуге их число значительно. Ограды сооружаются из деревянных жердей, брусков или металлических полос, арматуры. Как правило, они представляют собой простые редкие изгороди. Из общераспространенного типа выделяется могила Сергея Нурзетовича Чыргала (1948–1998 гг.) в Морене, где ограда имеет дополнительные элементы. К ней с двух сторон прикреплено по металлической пластине в форме раскрытой

книги, где на тувинском языке выгравированы стихи-плачи по ушедшему отцу и утраченной родине (мать С.Н. Чыргала была родом из местности, отошедшей в 1930-х гг. к Монголии).

В последнее время для украшения могил стали использовать искусственные венки. В Эрзинский кожуун венки поступают из Кызыла, где налажены производство и реализация похоронных атрибутов. В Тере-Хольском кожууне венки делают самостоятельно. Проволоку изгибают так, чтобы создать овал или овал с вогнутой стороной. Получившийся каркас обтягивают хлопчатобумажной или синтетической материей и отделяют искусственными розами из ткани и фольги.

Шаманов, в отличие от прежнего времени, согласно свидетельству С. Ш. Хомушку и наблюдениям за кладбищем в Кунгуртуге теперь хоронят рядом с родственниками, причем устройство захоронения практически не отличается от обычных могил.

Что касается самоубийц, то погребают их по установившемуся обряду на общем кладбище. Однако лама на похоронах не присутствует (С. Ш. Хомушку).

Очень редкие для Южной и Юго-Восточной Тувы могилы русскоязычного населения отличаются иными типами памятников – низкий обелиск с заостренной вершиной и плоская плита в виде прямоугольной трапеции, установленная вертикально. Иногда эти могилы отмечены шестиконечными крестами. Для них характерно наличие ограды. Единственная могила староверов, обнаруженная в Кунгуртуге, датируется концом 1950-х гг. Несмотря на плохую сохранность, на общем кладбищенском фоне она выглядит величественным монументальным сооружением. Могильный холм длиной около 2,5 м и шириной 2 м с углублением 30 см окружен оградой со столбами диаметром 12–15 см и сломанными поперечинами, сделанными из тонких лиственниц. Пирамидальный памятник высотой 1,7 м вытесан из целого лиственичного ствола. Как сообщила С.Ш. Хомушку, гробом покойному послужила колода, выдолбленная из древесного ствола.

После возвращения с кладбища участников похорон встречают родственницы покойного, которые держат полотенца и ведра, наполненные теплой водой, смешанной с молоком. Рядом курится можжевельник. Все вернувшиеся с кладбища тщательно моют руки и лицо и окуривают себя дымом.

На 49-й день в доме покойного проходят заключительные поминки. В этот день хозяйка сооружает символическое изображение умершего родственника (*олбук*), что не отмечено в других районах Тувы. На белом сидении (войлок, ковер) в вертикальном положении устанавливается шелковый халат (тон), подвязанный поясом того цвета, который, согласно буддийским представлениям, соответствует году рождения покойного (*менги*). Сверху халата водружаются шапка, а рядом укладываются сапоги. Перед сооружением раскладывается пища. К нему обращаются с напутствиями, и приглашенный лама целые сутки читает молитвы (за свою работу лама получает корову или, в крайнем случае, - овцу).

Проведенные наблюдения позволили установить, что погребальный обряд южных тувинцев, несмотря на общие черты, имеет локальную специфику. К тому же в настоящий момент он претерпевает значительные изменения. Отчетливо и повсеместно проявляется тяга населения к буддизму и возвращению элементов буддийской погребальной практики. Доказательством служит отказ от услуг шаманов при проведении похорон, укрепление авторитета лам, широкое использование буддийской атрибутики, исключение из погребальной символики советской пятиконечной звезды.

Таким образом, погребальный обряд на юге, юго-востоке Тувы демонстрирует гибкость, восприимчивость и чуткость к изменениям, происходящим в современном тувинском обществе.

Примечания

¹ Согласно похозяйственной книге, Д.Д. Лопсан (1957 г.р.) проживает с женой, которая старше его на 7 лет. Детей они не имеют. Д.Д. Лопсан закончил только начальную школу, его жена – среднеспециальное училище.

² По утверждению одной из старейших жительниц Качыка Долгар Имановны Сундуй (1926 г.р.), родом из местности Оваа-Элих (ныне территория МНР), земли по р. Качык традиционно являлись родовыми кочевьями кыргысов.

³ Сведения о бабриках были получены от Серены Шулувевны Хомушку (1946 г.р.). В научной литературе они не упоминаются. С. Ш. Хомушку сообщила, что эта родовая группа восходит к борджигинам, известным по монгольским письменным источникам.

⁴ В Эрги Хоорай жители более активно занимались приусадебным хозяйством. Они разводили кроликов, выращивали огурцы и помидоры.

⁵ Блесны обычно самодельные. Они представляют собой удлиненную медную пластину, овальную в сечении. Один из краев пластины слегка загнут, и в нем просверлено отверстие, предназначенное для продевания лески с вертлюгом. В качестве стопора используется цилиндрическое грузило. Блесна при наматывании лески на катушку сильно крутится, что привлекает рыбу.

⁶ В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в районе содержалось 2336 коровы, 2886 сарлыков, 5659 овец, 1585 коз, 1714 лошадей и 790 оленей (сведения получены от С.Ш. Хомушку). При общем спаде поголовья скота, отмеченном в последние десятилетия, эти показатели не столь разительно отличаются от современных, как в других районах Тувы. Правда, численность населения, по отношению к тому периоду, возросла более чем вдвое (тогда население составляло 1118 чел.).

⁷ Вызывает особый интерес то, что местные жители в качестве коновязей используют, помимо традиционных столбов с заостренной вершиной, сооружения из четырех бревен высотой до 1,5 м, внешне напоминающие букву «П», не встречающиеся в других районах Тувы.

⁸ Согласно информантам, число подношений (например, сигарет) должно быть нечетным.

⁹ Некоторые аржааны в летнее время используются как здравницы и детские лагеря. Возле них сооружаются временные деревянные дома, ставятся палатки, и люди, часто приехавшие из отдаленных мест, проводят там порой несколько месяцев.

¹⁰ Это не относится к таежным районам, где у населения еще недавно доминировали шаманистские представления и ритуально-погребальная практика была специфической. Согласно свидетельству М.Б. Кенин-Лопсана (1924 г.р.), похороны у оленеводов Тере-Хольского кожууна еще в 1970-х гг. проводились особым способом. Тело покойного, завернутое в шкуры, непрочно привязывали к седлу оленя. Затем провожатый, оседлав другого оленя, уводил навьюченное животное в глубь тайги, специально выбирая путь по труднопроходимым местам. Через некоторое время тюк с покойным отвязывался и падал на землю, после чего провожатый, не оборачиваясь, возвращался назад.

¹¹ Обычай навешивать могилы близких людей в последние годы начал распространяться в тувинской среде. Однако пока он зафиксирован только в Кызыле и лишь эпизодически.

¹² Однако на кладбищах Эрзина и Морена были отмечены места скопления бутылок из-под водки.

¹³ Аналогией может служить раскрытая книга, вырезанная из доски и прибитая на памятник учителю Хомушку в Кунгуртуте.

B. С. Кан

Материалы «круглого стола» «Социальные процессы и наука в Туве»

Тема «Социальные процессы и наука в Туве» стала предметом обсуждения «круглого стола», прошедшего 28 апреля 2004 года в Тувинском институте гуманитарных исследований, в г. Кызыле. Первоначально сектор социологии и права ТИГИ планировал провести внутри институтский научный семинар, однако актуальность заявленной темы вызвала повышенный интерес не только научных сотрудников, но и специалистов разных отраслей. Поэтому было решено провести «круглый стол», приуроченный также к двум юбилейным датам: 60-летию вхождения Тувы в состав России и 90-летию г. Кызыла. Организаторами мероприятия выступили сектор социологии и права ТИГИ и Союз ученых «Эртем», при поддержке Министерства кадровой политики, науки и учебных заведений РТ. Было заслушано 11 докладов и несколько сообщений по следующим направлениям:

- состояние социологической науки;
- демографическая ситуация;
- политико-правовая и электоральная система;
- межнациональные и межконфессиональные отношения;
- медико-биологические проблемы;
- социальные и экономические процессы в РТ.

«Круглый стол» открыл директор ТИГИ к.и.н. В. Д. Март-оол. Он говорил о необходимости проведения целенаправленных и регулярных социологических исследований в Туве с целью изучения существующих актуальных проблем. Также он отметил, что совершенно неожиданно «круглый стол», организованный сектором социологии и права, вышел на республиканский уровень, а в заключение выразил надежду, что проведение подобных мероприятий станет добной традицией в институте.

От имени правительства выступил первый заместитель Председателя Правительства РТ Ш. В. Кара-оол. Он подчеркнул значимость научного осмысления социальной проблематики для Тувы и предложил для большей результативности и практичности «круглые столы» тематизировать. В частности, посвятить их таким актуальным проблемам как кризисные явления в семье и в родственных отношениях тувинцев, которые, в первую очередь, являются причинами негативных явлений в современном тувинском обществе: высокого уровня преступности, алкоголизации, наркотизации населения и др.

Вопросы подготовки научных кадров затронула в своем кратком выступлении Л.Ш. Ондар, министр кадровой политики, науки и учебных заведений РТ. Задачей министерства на данном этапе является содействие подготовке докторов и кандидатов наук. Она привела следующие цифры: на настоящий момент в Туве 190 кандидатов и всего 20 докторов наук. Из них 28 кандидатов филологических наук, 23 – исторических, 19 – биологических, 15 – медицинских, 14 – физико-математических и других наук. Лидия Шуртуевна указала на недостаточность остеепененных сотрудников некоторых отраслей знания: экономических (9), геологических и географических (6), психологических (2), юридических (2) и социологических (1).

Активное участие в работе «круглого стола» приняли члены созданного в феврале 2004 года Союза общества «Эртем» Н. Д. Ондар, Е. Карелина и А. К. Кужугет. В конце официальной части начальник регионального управления Министерства

юстиции РФ по РТ С.С. Кужугет вручил «Свидетельство о государственной регистрации» председателю союза ученых Н.Д. Ондар. В адрес общества «Эртем» прозвучали поздравления, напутственные пожелания, переданы подарки от руководителей ведущих научных организаций Тувы.

Первой по программе «круглого стола» выступила зав. сектором социологии и права к.и.н. С. М. Биче-оол с докладом «Основные направления научно-исследовательской работы сектора». Первые социологические исследования в Туве, как было отмечено в докладе, были проведены в 1977–1979 гг. Институтом истории, филологии и философии СО РАН под руководством члена-корреспондента АН В. И. Бойко совместно с научными сотрудниками сектора истории ТНИИЯЛИ. Благодаря плодотворному совместному сотрудничеству стало возможным открыть в ТНИИЯЛИ в 1982 г. сектор социологии. За время работы сектора под руководством Г. А. Забелиной и З. В. Анайбан была проделана определенная работа по сбору социологических материалов, изданы монографии. Однако, как отметил автор, в начале 1990-х гг. сектор социологии по объективным причинам прекратил свое существование. Он возобновил свою деятельность в апреле 2002 года в связи с актуализацией этносоциальных и правовых исследований в рамках национальной республики. Перед сотрудниками сектора выдвигаются следующие направления работы:

- изучение взаимовлияния традиционной и современной культуры;
- роль правового традиционализма в политической жизни и социальном поведении;
- вопросы этнической идентичности тувинцев;
- правовое и государственное регулирование межнациональных отношений;
- проблемы модернизации тувинского общества;
- изучение СМИ как важного средства регулирования общества.

Весьма актуальным направлением является разработка методологии этносоциологических исследований с привлечением методов статистического и математического моделирования, что возможно только при наличии специалистов. Поэтому необходимы подготовка и переподготовка кадров социологов и этнодемографов для Тувы в крупных научных центрах России.

В своем выступлении В.Д.Талтаева, начальник Управления статистики РТ, рассмотрела демографическую ситуацию в республике на основе аналитического сравнения данные двух последних переписей – 1989 и 2002 гг. Для участников круглого стола впервые были озвучены результаты основных показателей переписи 2002 г., характеризующих современную демографическую ситуацию: численность и половозрастной состав населения, состояние в браке, число и состав домохозяйств, национальный состав, владение языками, уровень образования и занятости, источники средств существования.

Основными факторами изменения демографической ситуации в стране и республике были социально-экономические и политические преобразования, происходившие в период между переписями 1989 и 2002 гг. В течение 13 лет в Туве, как и в России, в 2 раза сократилась рождаемость: суммарный коэффициент рождаемости по республике сегодня составляет 2.2, что тоже на уровне простого воспроизводства населения, в 1989 году суммарный коэффициент рождаемости составлял 3.2. С начала 1990-х годов в связи с оттоком части русскоязычного населения за пределы Тувы уменьшилась общая численность населения республики. Она составляет 305,5 тыс. человек, что меньше по сравнению с данными переписи 1989 года на 3 тыс. человек. А в результате интенсивной внутриреспубликанской миграции численность городского населения впервые превысила сельскую и составила 52 процента, а в 1989 году – 47 процентов. Более трети населения республики проживает в столице Тувы г. Кызыле. В целом, подчеркнула автор, демографическая ситуация в республике намного лучше, чем

в соседних регионах, где нет естественного прироста, т. е. в Туве рождается людей больше, чем умирает. Численность тувинцев увеличилась по сравнению с данными 1989 года на 18 процентов. В заключение В.Д. Талтаева остановилась на актуальных проблемах демографического развития РТ, требующих, по ее мнению, особого подхода к их решению. Это продолжающаяся внутренняя и внешняя миграция, а также проблема увеличения продолжительности жизни, особенно мужского населения республики. Из всех субъектов России самая короткая продолжительность жизни – в Туве: в целом – 55 лет, мужчин – 49,4 года, женщины – 61,9 года.

Доклад М.Ф. Андрейчика, к.б.н., доцента кафедры географии ТывГУ был посвящен экологическому аспекту здоровья населения РТ. В связи с загрязнением атмосферного воздуха в г. Кызыле повысилась опасность заболеваемости злокачественными новообразованиями. Докладчик проследил определенную тенденцию между уровнем загрязнения атмосферы в республике и количеством смертей от раковых заболеваний. Между максимумами загрязнения атмосферы и заболеваниями туберкулеза легких существует общая связь: пик смертности наблюдается спустя 2–3 года, а заболеваемости – через 6 лет после наибольшего экстремума. Причем наибольшей опасностью, по мнению докладчика, является возможность негативного воздействия канцерогенных веществ на организм человека через десятилетия и в последующих поколениях, т. е. на генетическом уровне.

В тематическом разделе «Политико-правовая и электоральная система», был заслушан доклад Н.А. Ондара, д.ю.н., зав. кафедрой правоведения ТывГУ, затронувшего некоторые проблемы развития законотворчества в Туве. По его мнению, многие недостатки регионального правотворчества, такие как бессистемность, хаотическое развитие законодательства, отсутствие научно обоснованной системы нормативных актов региона, принятие нормативных решений, расходящихся или даже противоречащих нормам Конституции, законам РФ и

пр., объясняются отсутствием необходимого опыта подготовки нормативных актов и недостаточностью квалифицированных кадров. С целью искоренения этих недостатков докладчик предложил ряд мер. Во-первых, Великому Хуралу надо принять модельные акты, как нормативные образцы правового решения региональных проблем, способные давать четкие ориентиры в правотворческой деятельности. Во-вторых, необходима широкая научная поддержка региональной политики, реализуемой на федеральном и межрегиональном уровнях. В третьих, нужно создать в республике информационно-исследовательский центр, имеющий автоматизированную базу данных и самостоятельную независимую юридическую (консультационную) службу, в виде института (центра) сравнительного законодательства, разработать классификатор отраслей законодательства республики и т. д.

Следующий раздел «круглого стола» – «Межнациональные и межконфессиональные отношения» – состоял из трех докладов, основанных на результатах социологических исследований. Современное состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в Туве было представлено в докладах О. М. Хомушку, к.ф.н., зам. министра кадровой политики, науки и учебных заведений, и к.соц.н. В. С. Донгак, Так, современная религиозная картина в Туве, по словам О. М. Хомушку, определяется ее поликонфессиональностью, характеризующейся двумя тенденциями. Наряду с возрождением и развитием традиционных религиозных верований (шаманизма, буддизма, православия) возросло влияние новых религиозных направлений, ранее не имевших распространения в республике (отдельные формы протестантизма, пятидесятничество, свидетели Иеговы, НРД – новые религиозные движения). И хотя в количественном отношении христианские общины протестантского толка не занимают ведущих позиций, динамика их численного роста позволяет говорить о растущем влиянии не только среди русских, но и среди тувинцев.

Социологические данные показали, что в целом отдается предпочтение традиционным для региона религиям.

Доклад В. С. Донгак был посвящен этническим отношениям в Республике Тыва на начало 2000-х гг. Автор проанализировал межэтнические установки тувинцев к тем народам, с которыми они в большей степени контактируют: к русским, киргизам, монголам и народам Кавказа. Обобщение полученных данных позволило автору сделать вывод о том, что этнические отношения, характеризовавшиеся в 1990-х гг. как напряженные, в настоящее время стабилизировались. Однако в исследовании была зафиксирована неоднозначность межэтнической ситуации в республике. Поэтому, по ее мнению, перспективным направлением изучения этнических взаимодействий является регулярный этносоциологический мониторинг состояния межнациональных отношений в Туве.

Последний доклад в данном блоке – «Освещение прессой Тывы межнациональных отношений в начале 1990-х гг.» – был сделан В. С. Кан, м.н.с. сектора социологии и права ТИГИ, аспиранткой Омского госуниверситета. Изучение республиканской печати методом контент-анализа, позволило доклад-чику выделить несколько направлений в освещении межнациональных отношений: это проблемы этнокультурного развития коренного и русскоязычного населения республики (30% всех публикаций); вопросы национально-государственного устройства Тывы; межнациональные конфликты; реакция общественности Тывы на появление в центральных газетах недостоверных и необъективных публикаций о событиях в Туве. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что в условиях роста национального самосознания тувинского и русского населения Тывы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. республиканская пресса сыграла важную роль в его пробуждении и укреплении. С помощью присущих ей форм, приемов и методов местная пресса создала единый информационный поток, направленный на осмысление национальных проблем. Более того, использованный ею конструктивный подход к освещению

межнациональных проблем, таких как регулярное обращение и обсуждение, организация дискуссий, в ходе которых выражали свое мнение разные социальные группы, позволил снять остроту с некоторых проблем и тем самым способствовал стабилизации межэтнических отношений в республике в начале 1990-х гг. Но, с другой стороны, была выявлена деструктивная роль прессы в межнациональных отношениях в Туве. Поэтому, по мнению автора, весьма полезным было бы провести консультацию или семинар для журналистов по вопросам освещения в СМИ межнациональных отношений. Кроме того, необходимо государственное регулирование деятельности СМИ с целью предотвращения использования их в деструктивных целях (разжигания межнациональной розни и пр.).

Языковой ситуации тюркоязычных республик Южной Сибири был посвящен доклад к.ф.н. М. Б. Мартан-оол. Автор отметил, что тувинский язык является наиболее развитым из языков тюркоязычных республик. Он востребован коренным населением республики и функционирует во всех сферах тувинского общества, кроме административной деятельности, в которой больше применяется русский язык. Это связано, в первую очередь, с многочисленностью тувинцев (64% населения республики) и компактностью их проживания. Для сравнения: в Республике Алтай – 31% коренного населения, в Хакасии – всего 11%, там, в основном, функционирует русский язык. Таким образом, наиболее благоприятными для функционирования республиканских языков оказываются параметры социальной ситуации в Республике Тыва, затем в Республике Алтай и наименее благоприятные – в Республике Хакасия.

Два доклада кандидатов исторических наук М. М.-Б. Харуновой и Е. В. Айыжи, были посвящены вопросам трансформации коренных народов Сибири. Проблемы модернизации тувинского общества в советский период – тема выступления М. М.-Б. Харуновой. Начавшиеся в какой-то

степени естественным образом, модернизационные процессы постепенно переходили, в силу объективных обстоятельств, под политический и экономический контроль царской, а затем советской России. А с момента вступления Тувы в состав СССР в 1944 году модернизация приняла характер целенаправленного политического курса, в связи с чем древняя цивилизация кочевых скотоводов трансформировалась в оседлую цивилизацию скотоводов- земледельцев. Основным фактором изменений стал рост новой инфраструктуры, связанный с оседлым образом жизни. Наиболее радикальным изменениям, отметила автор, подверглась внешняя, материальная сфера жизни общества. Однако в результате распространения светских идей и атеистического воспитания ослабла роль религии как этнообразующего фактора, пострадали формы духовной культуры тувинцев, которые были связаны с традициями шаманизма и буддизма.

Завершил программу «круглого стола» доклад «Пути формирования и развития горнometаллургического комплекса в Республике Тыва. Автор – О. Ф. Дамбиев, сотрудник ТИКОПРа. В начале выступления он подчеркнул, что отставание экономики Республики Тыва от других регионов Сибирского федерального округа, а также в целом по России связано со слабым развитием промышленности, с отсутствием железнодорожной связи с ближайшими соседями: Хакасией, Монгoliей и Китаем. Для оценки эффективности формирования и развития горнопро-мышленного и металлургического комплекса в Туве автор применил сценарный подход, предполагающий выбор наиболее предпочтительного варианта социально-экономического развития региона. Результаты расчетов по двум сценариям развития Республики Тыва позволили автору сделать вывод о предпочтительности сценария, связанного с интенсивным освоением наиболее крупных месторождений цветных и редких металлов, с внедрением металлургического производства. При его реализации в республике, т. е. при формировании металлургической отрасли, валовый объем

промышленного производства может увеличиться на 5,5 млрд. руб. в год, или 185 млн. долл. США.

В заключительной части «круглого стола» выступил с кратким, но весьма важным сообщением В. Р. Фельдман, к.полит. наук, зав. кафедрой социологии ТывГУ. По его мнению, наука в Туве находится в ситуации методологического кризиса. Многие молодые ученые не только не владеют, но даже не знают о существующем многообразии научных теорий. Поэтому необходимо организовать и провести методологический семинар, в первую очередь – по гуманитарным наукам.

По итогам круглого стола принимается проект рекомендаций, в которых отражено большинство высказанных точек зрения:

- решено проводить «круглые столы» раз в квартал;
- предложены следующие актуальные темы для обсуждения: «Здоровье семьи: нравственность и воспитание», «Безработица в Туве», «Рейтинг РТ в Сибирском ФО и РФ», «Административная реформа в Туве»;
- создать экспертный совет и фонд поддержки науки при Союзе ученых «Эртем» РТ;
- провести общереспубликанский методологический семинар по социально-гуманитарным наукам;
- привлекать ученых разных специальностей к разработке законодательных актов и этнорегионального компонента образовательных стандартов с целью включения в программу преподавания в школах, ссузах и вузах;
- просить Министерство кадровой политики, науки и учебных заведений оказать помощь в переподготовке и подготовке социологических кадров на базе крупных научных центров страны;
- рекомендовать сектору социологии и права ТИГИ сотрудничество с республиканскими структурами власти с целью оказания помощи в социологических исследованиях и др.

Подготовка и издание двухтомника региональной Книги Памяти

Давно бытует одна солдатская легенда. Я прочитал о ней в личных записях Ивана Петровича Туренко, бесстрашного артиллериста на войне и талантливого художника в мирной жизни, которого, к сожалению, среди нас уже нет. Он писал: «Мне не довелось видеть самому, но солдаты нашего полка рассказывали, что есть в Беловежской Пуще старый домик, сложенный из дубовых бревен много веков назад. В нем хранится старинная книга, в ней записаны имена солдат прошлых веков. Это место священное»¹.

Вряд ли в действительности есть такая книга. Но теперь в России есть многотомная Книга Памяти, составленная из республиканских, краевых и областных томов, а в Туве подготовлен и издан региональный двухтомник. Первый том Книги Памяти Республики Тыва готовился более 5 лет и был издан в 1995 году накануне 50-летия Великой Победы. Его главным содержанием стал алфавитный поименный список советских и тувинских граждан, призванных на фронт из ТНР и погибших в период Великой Отечественной войны. На тот момент в списке было 1912 имен².

В этот том был вложен немалый труд. Каждая фамилия в списке проверялась и многократно перепроверялась. Но все же остались и те, чьи судьбы к тому времени выяснить не удалось. Кроме того, задача увековечения памяти имен земляков, погибших при исполнении воинского и конституционного долга в советское и постсоветское время тогда не стояла. По решению Всероссийской редакции Книги Памяти тогда готовились и публиковались списки погибших только в годы Великой Отечественной войны.

Совсем недавно накануне 60-летия Дня Победы, увидел свет второй том Книги Памяти³. В его основу положены три

раздела сведений о погибших земляках. Два из них представляют собой продолжение опубликованного в первом томе поименного списка погибших воинов. В одном сгруппированы вновь выявленные имена погибших в годы Великой Отечественной войны (90 имен), а в другом – имена павших в военных конфликтах за рубежом (в Корее, Афганистане) и в Чеченской Республике Российской Федерации (всего 53 имени). Таким образом, список наших земляков, павших в годы Великой Отечественной войны, в настоящее время включает 2002 имени, а вместе с погибшими после войны – 2055 воинов. Третий раздел второго тома Книги Памяти Республики Тыва содержит еще и дополнительные или уточняющие сведения о включенных в первый том имена погибших воинов: даты и места гибели, захоронений, сведения о воинских частях и т. п. (всего о 162-х погибших).

Выход в свет двухтомника Книги Памяти Республики Тыва стал возможен благодаря очень многим людям. Всех их назвать здесь невозможно, как невозможно было назвать и во введениях к томам. Особо хочу сказать о той неоценимой помощи, которую я как автор и составитель двухтомника получал от наших фронтовиков, от родных и близких погибших на фронте. На создание Книги Памяти, еще не зная, что она может быть издана, плодотворно поработали наши ученые и писатели, журналисты и учителя-краеведы. Из многих регионов России и стран СНГ приходили сотни писем с данными о погибших земляках. Огромным подспорьем в деле создания двухтомника стали распечатки, приходившие в адрес Военного комиссариата Республики Тыва из компьютерного центра Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

Хочу сказать особо о втором томе. С материалами Военного комиссариата Республики Тыва над выявлением новых имен погибших работала группа студентов Тувинского государственного университета (руководитель к.и.н. В. Л. Биче-оол). Этот факт свидетельствует о том, что наша молодежь не только не лишена чувства патриотизма, но и готова доказать это на деле. Данные о воинах-земляках, погибших в

Чеченской республике и в военных конфликтах за рубежом, были предоставлены редколлегии Военным комиссариатом Республики Тыва и Министерством внутренних дел Республики Тыва. В общей сложности во второй том Книги Памяти Республики Тыва внесено 143 новых имени, пополнены и уточнены данные на 162 человека.

При подготовке второго тома к изданию проделана значительная работа по уточнению, систематизации и унификации всей имеющейся информации, отбору документальных материалов и фотографий периода Великой Отечественной войны и оформлению необходимых приложений. Немалый вклад в подготовку к изданию тома внесли директор Тувинского книжного издательства Ш. Д. Куулар и редактор А. С. Казанцева.

Думаю, что подготовка и издание регионального двухтомника Книги Памяти Республики Тыва стали успешными во многом благодаря организационной и финансовой помощи нашего правительства. Большое значение имело постановление от 12 ноября 1991 г., в котором был утвержден состав редколлегии, определены порядок финансирования и другое материальное обеспечение работы. Второй том готовился в промежутке между двумя юбилейными датами – 50-летием и 60-летием исторической победы Советского Союза над фашистской Германией. В это время копились и анализировались материалы, но в свою активную фазу работа перешла благодаря распоряжению Председателя Правительства Республики Тыва Ш. Д. Ооржака от 10 ноября 2004 г. «Об утверждении состава общественной редакционной коллегии по подготовке и изданию второго тома Книги Памяти Республики Тыва». Вся организационная работа по подготовке второго тома легла на плечи работников Канцелярии Председателя Правительства Республики Тыва Б. А. Дамдын и Г. Н. Тутыниной.

В процессе создания двух томов Книги Памяти Республики Тыва проделана большая многолетняя работа по сбору, уточнению и подготовке к опубликованию сведений о погибших

фронтовиках. Но не только о погибших. Собирались данные и на вернувшихся с фронта победителей. Если будет готовиться книга «Живая память» о воевавших и вернувшихся с фронта земляках, собранные сведения могут стать ее основой. Хотя, наверное, и Книгу Памяти нельзя считать завершенной работой. Ведь пока что практически ничего не известно о земляках, погибших в сражениях с Квантунской армией Японии на территории Китая. Историкам-ученым предстоит это выяснить. Очень рассчитываем, что в этом нам помогут фронтовики.

Книга Памяти может послужить для историков ценным источником. Даже беглое знакомство со списком погибших свидетельствует о том, что многие из них воевали в составе одних и тех же воинских частей. Нередко — частей прославленных, носящих почетные наименования. А какой боевой путь прошли эти части, в каких знаменитых сражениях участвовали? Как воевали в них наши земляки? Наверняка братские захоронения свидетельствуют об ожесточенных боях. Что это были за бои? Одним словом, в военной истории много интересного и неизученного. Студентам и молодым ученым нужно смелее браться за неизученные вопросы.

Примечания

1. Из дневниковых записей И. П. Туренко.
2. См. Книга Памяти. Республика Тыва. — Кызыл, 1995.
3. Книга Памяти. Республика Тыва. — Кызыл, 2005.

З. М. Монгуш, С. В. Ондар

Указатель статей, опубликованных в журнале ЦК ТНРП «Под знаменем Ленина – Сталина» в ТНР (1942–1945)*

Аксенов Д. Основные вопросы агротехники зерновых культур в ТНР. — 1943. — № 6 — С. 44–51.

Анчима Х. Хуралы трудящихся в борьбе за развитие животноводства. — 1943. — № 1–2. — С. 24–28.

* Приказы, указы, постановления, телеграммы в указатель не включены.

Анчима Х., Иванов Г. Государственное строительство в ТНР. – 1943. – № 4. – С. 27–40.

Бадыраа И., Мирошниченко К. О производстве местных товаров. – 1942. – № 3. – С. 89–105.

Базырсат (Секретарь ЦК ТНРП) Тувинская народно-революционная партия после XII съезда. – 1942. – № 2. – С. 33–39.

Базырсат. Товарищ Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. – 1943. – № 5. – С. 43–55.

Бакук С. Профсоюз ТНР в дни Отечественной войны. – 1943. – № 3. – С. 21–32.

Белов В. Сельскохозяйственная работа школьников. – 1943. – № 1–2. – С. 82–88.

Белов В. Школьное образование в ТНР. – 1942. – № 2. – С. 84–96.

Богатырев Н. Задачи краеведения в ТНР. – 1943. – № 1–2. С. 74–81.

Богатырев Н. (Научный сотрудник Госмузея ТНР). О тувинских памятниках древности. – 1942. – № 2. – С. 97–104.

Волков М. Народное хозяйство ТНР в 1942 году. – 1942. – № 2. – С. 40–49.

Волков М. О народном доходе ТНР. – 1942. – № 3. – С. 55–69.

Волков М. Основные производственные фонды ТНР. – 1943. – № 5. – С. 73–83.

Гриновецкий И. Борьба с глазными заболеваниями в ТНР (по материалам Госбольницы им. Тока). № 1–2 – 1944. – С. 60–66.

Гришаев А. О работе потребительской кооперации в 1942 году. – 1943. – № 3. – С. 55–66.

Государственный план развития животноводства на 1944 год и задачи партийных организаций: Докл. тов. Чымба на 7 пленуме ЦК ТНРП. – 1944. – № 1–2. – С. 41–53.

Данзын-оол О. Восстание 60 богатырей. – 1943. – № 6. – С. 67–78.

Данзын-оол С., Сиома О. К тридцатилетию города Кызыла. – 1944. – № 4. – С. 18–21.

ХХIII годовщина национально-освободительной революции в Туве: передовая. – 1944. – № 4. – С. 1–8.

Дулов В. Борьба тувинского народа против маньчжурского ига. – 1944. – № 3. – С. 11–17.

За подъем теоретической работы в ТНР: Вступ. слово тов. Тока на собрании актива парт., госуд. и хозяйств. работников ТНР. – 1942. – № 2. – С. 29–32.

Иванов А. Простейшие методы ловли рыбы: консультация. – 1944. – № 4. – С. 40–41.

Исполнев И. Рождение тувинского национального театра. – 1943. № 1–2. – С. 55–64.

Казимирский С. Ирригация посевных площадей в ТНР. – 1942. – № 3. – С. 81–88.

Казимирский С. Климат Тувинской Народной Республики. – 1944. – № 4. – С. 22–30.

Калиничев Я. XXV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. – 1942. – № 2. – С. 16–28.

Калиничев Я. XXVI годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. – 1943. – № 5. – С. 26–32.

Калиничев Я. Партизанское движение в Туве. – 1943. – С. 19–26.

Калиничева П. Фольклор тувинского народа. – 1943. – № 1–2. – С. 65–3.

Красков В. Уход за овощами – 1944. – № 3. – С. 32–33.

Красовский С. Об организации селекционно–семеноводческой работы в ТНР. – 1943. – № 5. – С. 63–72.

Кузнецов С. Организация зимовки скота. – 1942. – № 3. – С. 70–80.

Ларионов К. Общегосударственный бюджет ТНР на 1943 год. – 1943. – № 3. – С. 67–75.

Лопсан С., Чадамба Л. О переводе тувинской письменности с латинизированного на русский алфавит. – 1943. – № 5. – С. 95–104.

Лопсан-Кенден О. Культурное строительство в ТНР. – 1943. – № 4. – С. 84–90.

Лопсан-Кенден О., Ларионов К. Режим экономии – закон военного времени. – 1943. – № 6. – С. 52–59.

Луцевич Ф. Ветеринария к XXII годовщине ТНР. – 1943. – № 4. – С. 74–83.

Намчак С. О работе тожземов ТНР. – 1943. – № 3. – С. 33–40.

О партийно-организационной работе: Доклад. тов. Тока на 7 пленуме ЦК ТНРП. – 1944. – № 1–2. – С. 1–2.

Очур С., Шишков А. Ревсомол к 22 годовщине ТНР. – 1943. – № 4. – С. 41–49.

Пальмбах А. 12 лет тувинской письменности. – 1942. – № 1. – С. 63–76.

Пальмбах А. О чем говорят древние памятники Орхона и Енисея. – 1944. – № 1–2. – С. 67–77 (начало).

Пальмбах А. О чем говорят древние памятники Орхона и Енисея. – 1944. – № 3. – С. 18–26 (окончание).

Петров Г. К вопросу об изучении закономерностей экономики ТНР. – 1942. – № 1. – С. 14–27.

Петров Г. О задачах и организации научно-исследовательской работы в ТНР. – 1942. – № 2. – С. 79–83.

Погодин С. О снижении себестоимости продукции: консультация. – 1944. – № 4. – С. 35–40.

Поляков Е. Обезболивание родов: Из опыта работы родильного отделения больницы им. Тока в г. Кызыле. – 1944. – № 3. – С. 27–31.

Пюрбю С. С третьим эшелоном подарков на фронт. – 1943. – № 3. – С. 76–82.

Пюрбю Т. Тувинская национальная литература к XXI годовщине ТНР. – 1942. – № 1. – С. 77–85.

Пюрбю С., Ховенмей А. Поэт – патриот (О Степане Щипачеве). – 1942. – № 3. – С. 117–122.

Садовский А. Организованно встретить новый приплод в животноводстве. – 1943. – № 1–2. – С. 43–49.

Сергей И. О народно-хозяйственном плане ТНР на 1943 год. – 1943. – № 1–2. – С. 13–23.

Смирнов М. Пути развития земледелия в ТНР. – 1942. – № 2. – С. 57–66.

Сонам С. Тожзэм «Кызыл Тук». – 1944. – № 1–2. – С. 54–59.

Сотников В. Некоторые итоги работ Чаданской сельскохозяйственной опытной станции. – 1942. – № 1. – С. 53–62.

Сотников В. О возделывании технических культур в ТНР. – 1943. – № 1–2. – С. 29–42.

Сотников В. О мерах борьбы с потерями зерна при уборке хлеба: консультация. – 1944. – № 4. – С. 31–35.

Сущевский М. Госхозы ТНР – на подъеме. – 1943. – № 3. – С. 41–54.

Сущевский М. Колхозы ТНР в дни Отечественной войны. – 1942. – № 1. – С. 28–52.

Сущевский М. Опыт уборки урожая 1942 года. – 1942. – № 2. – С. 67–78.

Тагба С., Мирошниченко К. Тувинбанк и народное хозяйство. – 1943. – № 5. – С. 84–94.

Тадар-оол О. Итоги весеннего сева и задачи подготовки к уборке урожая. – 1943. – № 4. – С. 65–73.

Тадар-оол О., Бульон Е. Об улучшении породности местного скота. – 1943. – № 5. – С. 56–62.

Талганчик Т. О работе с кадрами. – 1944. – № 4. – С. 9–12.

Талганчик Т. Усилить всенародную помощь фронту. – 1943. – № 6. – С. 39–43.

Тока С. Все силы на подъем животноводства. – 1943. – № 3. – С. 12–20.

Тока С. XXII годовщина национально – освободительной революции в Туве. – 1943. – № 4. – С. 7–18.

Тока С. Зарождение Тувинской Народно-Революционной партии. – 1943. – № 5. – С. 33–42.

Тока С. К новым успехам в 1944 году. – 1943. – № 6. – С. 33–38.

Тока С. О текущем моменте Отечественной войны и задачах ТНРП: Доклад. на 5 пленуме ЦК ТНРП. – 1942. – № 3. – С. 24–49.

Тока С. Под руководством товарища Сталина на разгром врага. – 1942. – № 1. – С. 3–13.

Тока С., Калиничева Я. Первый Великий Хурал ТНР. – 1942. – № 3. – С. 50–54.

Хайкин М. Из истории научной медицины в ТНР. – 1942. – № 3. – С. 106–116.

Часкын М., Рытая М. Женщины ТНР в дни Великой Отечественной войны. – 1943. – № 4. – С. 50–58.

Чижков В. Государственный бюджет ТНР как средство подъема народного хозяйства. – 1942. – № 2. – С. 50–56.

Чымба С. VI Пленум ЦК ТНРП о развитии животноводства. – 1943. – № 4. – С. 59–64.

Шевляков П. Выполнить план заготовки и экспорта. – 1944. – № 4. – С. 13–17.

Эректол К. Охотничий промысел в ТНР. – 1943. – № 1–2. – С. 50–54.

Якубов Т. Современное состояние, задачи и перспективы научно-исследовательской работы в ТНР. – 1943. – № 6. – С. 60–66.

* * *

Тыва Арат Республика үезинде 1942–1944 чылдарда үнүп турган Тыва Араттың революстүг намының Төп комитетинин «Ленин-Сталининң оруу-бile» деп полит-экономиктүг сеткүүлүнде парлаттынган ажылдарның айтыкчызы.

Ада-чурттувус ССРЭ-нин хосталгалыг дайынының бир чыл болганы болгаш бистиң намының сорулгалары: Намының төп комитетинин 4 дугаар пленумунга эш Токаның иletkeli. – 1942. – № 1. – А. 5–28.

Ада чурттуң дайынының чоруп туары болгаш ТАРН-ның сорулгалары: Намның 5 дугаар пленумунга эш Токаның иletкели. – 1942. – № 3. – А. 33–58.

Ада-чурттуң Улуг дайынының чылдарында совет экономика. – 1945. – № 6–7. – А. 33–40.

Аксенов Д. ТАР-да тараа күлтүраларының агротехникиниң кол айтырылглары. – 1943. – № 6. – А. 66–73.

Анчымаа X. Мал ажылын сайзырадыр талазы-бile ажылчы чоннуң хуралдарының сорулгазы. – 1943. – № 1–2. – А. 24–29.

Анчымаа X. Советтиң улустарының дайынчы эп найыралы тиилелгениң күштүг сүүрү. – 1943. – № 5. – А. 61–66.

Анчымаа X. Тыва улустуң эртип келген төөгүлүг оруу. – 1944. – № 5–6. – А. 27–34.

Анчымаа X. Чер-черниң хуралдарының организастыг, массалыг ажылын үндезини-бile чаартып тургузарынче. – 1943. – № 3. – А. 45–50.

Анчымаа X., Иванов Г. ТАР-ның амбы болгаш эрткен үелерде конститустары. – 1943. – № 4. – А. 28–41.

Бадыраа И., Мирошниченко К. Чурттуң барааннарын бүдүрер дугайы. – 1943. – № 1–2. – А. 58–76.

Базыр-Сат X. Ада-чурттуң дайыны болгаш бүгү делегейниң амбы байдалы. – 1943. – № 5. – А. 67–78.

Базыр-Сат X. Ада-чурттуң дайынының үезинде Тываның Араттың революстүг намы. – 1942. – № 1. – А. 29–32.

Базыр-Сат X. Эш Сталинниң «Совет Эвилелиниң Ада-чурттуң Улуг дайынының дугайында» деп ному. – 1943. – № 5. – А. 46–60.

Базыр-Сат X. Кижи төрелгетениниң Улуг гений Ленинниң 70 хар харлаанынга. – 1944. – № 2. – А. 51–56.

Базыр-Сат X. Партизанның удуртур органнарының бедик күльтүрлүг болуру. – 1945. – № 4–5. – А. 16–19.

Базыр-Сат X. Сталин-Ленинниң улуг хөрээнниң уланчылакчызы. – 1945. – № 1. – А. 17–25.

Базыр-Сат X. Фашизм – кижи төрелгетениниң өжээнниң дайыны: Кызыл хоорайның намның, күрүнениң, хөй-ниитиниң удуртукчуларынга кылган иletkel. – 1943. – № 1–2. – А. 13–23.

Байкова Ч. Тыва областада хой малды хайнактадырып болгаш уксаа сайзырадыр ажыл дугайында айтырыгга. – 1944. – № 5–6. – А. 45–48.

Бак-Көк С. Ада-чурттуң дайынының хүннеринде ТАР-ның профэвилели. – 1943. – № 4. – А. 50–60.

1945 чылда колхозтарга мал ажылын сайзырадырының күрүне планының дугайында. – 1945. – № 4–5. – А. 27–43.

1944 чылда мал өстүрериниң планы болгаш нам организастарының сорулгаларының дугайы: ТАРН ТК 7. дугаар пленумунга эш Чымбаның илеткели. – 1944. – № 2. – А. 39–50.

Богатырев. Н. ТАР-да чурт шинчилениниң сорулгалары. – 1943. – № 3. – А. 82–92.

Большевиктиң партиязынга кым кирерил. – 1945. – № 1. – А. 40–46.

Волков М. 1942 чылда ТАР-ның улус ажыл-агыйы. – 1942. – № 3. – А. 80–90.

Волков М. ТАР-ның кол-кол бүдүрүлгө фондулары. – 1943. – № 5. – А. 110–120.

Гриновецкий И. ТАР-да карак аарыглары-бile демисел: Тока аттыг күрэмнелгениң материалдарын барымдалаан. – 1944. – № 3. – А. 41–48.

Данзын-оол О. Алдан маадырларның тура халышкыны. – 1943. – № 6. – А. 81–92.

Данзын-оол О. Археологтут шинчилел ажылы. – 1942. – № 3. – А. 132–139.

Данзын-оол О., Шоома О. Кызыл хоорайның 30 чыл ойу. – 1944. – № 4. – А. 13–16.

Дулов В. Манчжурларның дарлалынга удур Тываның арат чоннарының демисели. – 1944. – № 3. – А. 23–31.

Ентышева Н. Чая чүве тыш бүдүрер талазы биле Кызылдың алтеказының ажылы. – 1944. – № 5–6. – А. 64–66.

Иванов А. Балык тудулгазының бөдүүн аргалары: консультас. – 1944. – № 4. – А. 38–40.

Исполнев И. Тываның национал театралының тывылганы. – 1943. – № 1–2. – А. 105–116.

Казимирский С. Тыва Арат Республикиң климады. – 1944. – № 4. – А.17–25.

Казимирский С. Тыва Арат Республике тарылга шөлдериниң сугадының дугайында айтырыг. – 1942. – № 3. – А.119–126.

Калиничев Я. Октябрьның Социалистиг Улуг революзунун 25 чыл ою. – 1942. – № 2. – А. 24–36.

Калиничев Я. Октябрьның Социалистиг Улуг революзунун XXVI чыл ойу. – 1943. – № 5. – А. 27–33.

Калиничев Я. ТАР-га партизан шимчээшкини. – 1943. – № 4. – А. 19–27.

Карпинский В. Совет Эвилелиниң хамаатызы: (Аныяк ескеннерге беседа). – 1945. – № 2–3. – А.19.

Кончук К. Хөй-ниити контрол органнарының ажылдың көдүрер. – 1944. – № 5 . – А. 49–50.

Красовский С. ТАР-га үрезиннің селексилен сайзырадыыр ажылды организастаар дугайы. – 1944. – № 1. – А. 48–56.

Ларионов К. Англия - Совет - Америктиң дайынчы эвилелин улам-на бижыканы. – 1943. – № 6. – А. 46–51.

Ларионов К. 1943 чылда ТАР-ның ниити күрүне бюджети. – 1943. – № 3. – А. 59–70.

Ленин-Сталинниң партиязы – Совет улустуң Улуг тиилелгезиниң хей-аът кирикчизы, организакчызы. – 1945. – № 4–5. – А.12–15.

Лопсан С. Националдың дыл бижини улам-на делгереди. – 1942. – № 2. – А.77–89.

Лопсан С. Тыва бижиктиң төөгүлүг хөгжүлдези. – 1942. – № 1. – А.73–81.

Лопсан С., Чадамба Ч. Тываның латин бижини орус үжүкче шилчидер дугайы. – 1943. – № 5. – А.154–162.

Лопсан-Кенден О. Тыва Арат Республиктин культур тургузуушкуну. – 1943. – № 4. – А. 92–100.

Лопсан-Кенден О. ТАР-ның школа чырыдышкынының хөгжүлдези. – 1942. – № 2. – А. 64–76.

Лопсан-Кенден О., Ларионов К. Камналганы чорудары дайын үезиниң хоийлузу. – 1943. – № 6. – А. 58–65.

Лопсан-оол М. Эш Сталинниң «Совет Эвилелинин Ада чурттуң Улуг дайынының дугайында» деп номун Кызыл хоорайга өөренип эрткени. – 1944. – № 4. – А. 26–28.

Лопсан-Самбуу. Социалистиг чарыштың калбарышкыны болгаш күш-ажылдың шалыпчылары. – 1942. – № 1. – А. 68–72.

Луцевич Ф. 1943 чылда ТАР-ның ветеринар хөрөз. – 1943. – № 5. – А. 99–109.

Малышева Н. Сонгулда кампаниязында агитас-массалыг ажылдың сорулгалары. – 1945. – № 2. – А. 45.

Момбужай М., Шишков А. Тываның аревэзи – Ленин-Сталинниң комсомолунун алдарлыг немелде көзээ болур. – 1944. – № 5–6. – А. 35–39.

Намның организастыг ажылдың дугайы: ТАРН ТК 7 дугаар пленумунга эш Токаныň илеткели. – 1944. – № 2. – А. 8–38.

Намчак С. ТАР-да мал болгаш черажылдың эштөлгөрлигинин (МЧАЭ) ажылы. – 1943. – № 1–2. – А. 42–50.

Олещук Совет Эвилелиниң Ада-чурттуң улуг дайынынын дугайында эш Сталинниң ному чүнү өөредип турарыл. – 1945. – № 1. – А. 26–32.

Очур С., Шишков А. Аревэ – ТАРН-ның шынчы дузалакчызы. – 1943. – № 4. – А. 42–49.

Очурбаанак. Социалистиг чарыштың дугайында Сталинниң өөредии. – 1942. – № 3. – А. 64–70.

Пальмбах А., Лопсан С. Орхоннуң болгаш Улуг-Хемнин зэрги тураскаалдарты чүнүң дугайын чугаалап турарыл. – 1944. – № 1. – А. 57–63 (эгези).

Пальмбах А., Лопсан С. Орхоннуң болгаш Улуг-Хемнин зэрги тураскаалдарты чүнүң дугайын чугаалап турарыл. – № 2. – А. 57–63 (уланчызы).

Пальмбах А., Лопсан С. Орхоннуң болгаш Улуг-Хемнин зэрги тураскаалдарты чүнүң дугайын чугаалап турарыл. – 1944. – № 3. – А. 32–40. (төнчүзү).

Петров Г. ТАР-ның экономунун дүрүмнериң өөрсөнир дугайында айтырыгта. – 1942. – № 1. – А.43–55.

Погодин С. Продуктуларның бот өртээн чингедиир дугайы: консултас. – 1944. – № 4. – А. 33–38.

Поляков Е. Божуур чорукту аартпас дугайы: Кызылдың Тока аттыг эмнелгезинин божуур салбырының практиктиг ажылындан. – 1944. – № 3. – А. 49–53.

Пүрбү С. Тываның чечен чогаалы – Советтиң Арат чонунун дайынының хүннеринде. – 1942. – № 2. – А. 90–94.

Пүрбү С. Үш дугаар мөөң белек-бile фрондуга. – 1943. – № 3. – А. 51–58.

Саган-оол О. Тываның национал чечен чогаалы. – 1945. – № 6–7. – А. 17–24.

Саган-оол С., Сарыг-оол Т. Чечен чогаалывыстың чечектелишишкини дээш. – 1943. – № 1–2. – А. 99–104.

Садовский А. Төрүүр малдарның чаш оолдарын организастыг уткуп алыл. – 1943. – № 2. – А.51–57.

Самба-Люндуп. Ада-чурттуң дайынының хүннеринде ажылчы чоннуң хуралдары. – 1942. – № 2. – А. 37–45.

Самба-Люндуп С. Ада-чурттуң Улуг дайынында партизан шимчээшкини. – 1943. – № 5. – А.79–91.

Самба-Люндуп С. Маадырлыг Ленинград. – 1944. – № 1. – А. 64–73.

Самба-Люндуп С. Ном-бile ажылдаары. – 1944. – № 5–6. – А. 59–62.

Самба-Люндуп С. Социалистиг реализм. – 1943. – № 3. – А. 71–83.

Сейфулин Х. Тыва улустуң төөгүлүг оруу. – 1945. – № 2–3. – А. 40.

Сергей С. 1943 чылда ТАР-ның улус ажыл-агыйының планының дугайында. – 1943. – № 1–2. – А. 30–41.

Серекей С. Советтиг Тывада улустуң кадык камгалалы. – 1945. – № 6–7. – А.25–28.

Серекей К., Сергеев Ф. ТАР-да кадык камгалалы. – 1943. – № 5. – А.143–153.

Смирнов М. ТАР-да чер ажылының хөгжүлдезиниң оруу. – 1942. – № 2. – А. 46–56.

Совет Социалистиг Республикаларның Эвилелиниң бюджетиниң дугайында хойилү. – 1945. – № 4–5. – А. 44–48.

Советтерниң депутатарынга кандидаттар. – 1945. – № 2–3. – А. 27.

Сонам С. «Кызыл Тук» МЧАЭ. – 1944. – № 3. – А. 18–22.

Сонам С. Көшкүн ажыл-агыйларга малдың кышкы ажаалдазының дугайы. – 1944. – № 5–6. – А. 57–59.

Сотников В. Тараа ажаап алышкынының үезинде тарааныň чидириглери-бile демисежиir хемчеглерниң дугайында: консультас. – 1944. – № 4. – А. 29–33.

Сотников В. ТАР-га техниктиг култураларны тарып болбаазырадыыр дугайы. – 1943. – № 1–2. – А. 77–91.

Сотников В. Чадаанада көдээ ажыл-агыйның үллегерлігі стансызының шинчиләжылдарының чамдық түннелдері. – 1942. – № 1. – А. 56–67.

Сундуй О. Чаа бижикик өөредилгезинге мурнакчы суму. – 1944. – № 5–6. – А. 63–64.

Сущевский М. Ада чурттун дайынының хүннеринде ТАР-ның колхозтары. – 1942. – № 3. – А. 91–118.

Сущевский С. Климент Аркадьевич Тимирязев – улуг эртемден болгаш демиселчи: Төрүттүнгениндөн бээр 100 чыл болганынга. – 1943. – № 5. – А. 133–142.

Тагба С., Мирошинченко К. Тыва банк болгаш улус ажыл агыйы. – 1943. – № 5. – А. 121–132.

Тадар-оол О. Ада-чурттун дайынының үезинде ТАР-ның аревэзи. – 1942. – № 1. – А. 33–42.

Тадар-оол О. 1944 чылда мал ажылын сайзырадырының талазы-бile сорулгалар – 1944. – № 1. – А. 39–47.

Тадар-оол М. 1943 чылдың часкы тарылгазының түннели болгаш тараа алышкынының белеткелдеринин сорулгалары. – 1943. – № 4. – А. 80–91.

Тадар-оол О., Бульон Е. Малдың мөзү шынарын экижидери болгаш мал кызыраар чорук-бile демисел. – 1943. – № 5. – А. 92–98.

Талганчык Т. Каадырлар-бile канчаар ажылдаар дугайы. – 1944. – № 3. – А. 14–17.

Талганчык Т. Кадрларны шилип өөренип көөр болгаш таарыштыр тургузарынга партия организацияларының сорулгалары. – 1945. – № 4–5. – А. 20–26.

Талганчык Т. Партия болгаш Совет кадрларның идея-политиктиг билиин могаг чокка бедидер. – 1945. – № 6–7. – А. 29–32.

Талганчык Т. Фрондуга бүгү чоннуң материалдыг дузаламчызын улам-на күштелдирер. – 1943. – № 6. – А. 40–45.

Тока С. 1943 чылда чаа-чаа тиилелгелер-бile. – 1942. – № 3. – А. 30–32.

Тока С. 1944 чылда чаа-чаа чедиишкинер. – 1943. – № 6. – А. 34–39.

Тока С. Бүгү күштерни дайзынны чылча шаварынче. – 1942. – № 2. – А. 18–19.

Тока С. Бүгү күштү мал ажылын көдүреринче. – 1943. – № 3. – А. 36–44.

Тока С. Ленинчи-Сталинчи национал политиканың түн нели. – 1945. – № 2–3. – А. 1.

Тока С. Тываның Араттың Революстүг намының тывылганы. – 1943. – № 5. – А. 34–45.

Тока С. Тываның национал-хосталгалыг революзунун XXII чыл ойу. – 1943. – № 4. – А. 7–18.

Тока С. Шиитпирлиг дайынның бүдүүзүндө. – 1943. – № 3. – А. 20–35.

Тока С., Калиничев Я. ТАР-ның бир дугаар Улуг хуралы. – 1942. – № 3. – А. 59–63.

Тываның национал бижинин 15 чыл ойу болгаш культура тургузуушкуну. – 1945. – № 6–7. – А. 1–12.

Тываның национал хосталгалыг революзунун XXIII чыл болган ойу: Эге чүүл. – 1944. – № 4. – А.1–7.

Тыртый-оол. Шиитпирниң күүседезин хынаары шиитпирниң боттанилгазының үндезини. – 1943. – № 6. – А. 52–57.

Тыртый-оол. Шүүгү – күрүнениң чепсээ. – 1942. – № 3. – А.71–79.

Хөвөнмей Тываның шүлүк чогаалы. – 1942. – № 1. – А. 82–92.

Хөвөнмей А. Шүлүкчү патриот (Степан Щипачев дүйгөй). – 1942. – № 3. – А. 127–131.

Хөвөнмей Р. СССР-ниң күрүне эрге чагыргазының дээдийн органнары болгаш чер-черде органнары. – 1945. – № 1. – А. 33–39.

Хойлакаа Тыва областың улус чырыдыштыкынынын хөгжүлдэзи. – 1945. – № 6–7. – А.13–16.

Чадамба Л., Сотников В. Владимир Леонидович Комаров. – 1944 – № 5–6. – А. 40–44.

Чаксым М., Рытая М. Ада-чурттуң Улуг дайынының хүчинеринде ТАР-ның хөрөнгөннөри. – 1943. – № 4. – А. 61–71.

Чымба С. ТАРН ТК-ның VI пленуму мал ажылын сайдырадыр дугайында. – 1943. – № 4. – А. 72–79.

Чымба Тыва Арат Республика – Октябрь революзунун огулу. – 1942. – № 2. – А. 20–23.

Шевлаков Р. Белеткел болгаш экспорт планын күүседили. – 1944. – № 4. – А. 8–12.

Шишков В. ТАР-ның күрүне бюджети – улус ажыл-ажайының хөгжүлдэзинин чепсээ . – 1942. – № 2. – А. 57–63.

Эректол К. Тыва Арат Республикиң ажылы. – 1943. – № 1–2. – А. 92–98.

Якубов Т. ТАР-да эртем шинчилел ажылы, оон сорулгалары болгаш перспективтери. – 1943. – № 6. – А. 74–80.

Ю Б И Л Е И

C. M. Биче-оол

Гребнев Леонид Васильевич (К 85 летию со дня рождения)

Леонид Васильевич Гребнев прошел трудовой путь, характерный для всей советской научной интеллигенции: университет, аспирантура и научная деятельность по избранной специальности. Вся трудовая и творческая биография Л. В. Гребнева была связана с Ленинградом, Тувой и ТНИИЯЛИ.

Родился Леонид Васильевич Гребнев 28 августа 1921 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в семье служащих, в которой воспитывалось трое сыновей. Леонид Васильевич был младшим. В 1938 г., после окончания школы, он поступил на философский факультет (по специальности – «турецкий цикл» этнографического отделения) Ленинградского государственного университета.

Преподавателями Л. В. Гребнева в университете были доктор исторических наук, профессор И. Н. Винников, заведовавший кафедрой этнографии и одновременно возглавлявший Институт антропологии и этнографии АН СССР; Н. П. Дыренкова - знаток шорского и алтайского языков, автор первого учебника «Грамматика ойратского языка»; преподаватели кафедры этнографии А. А. Попов и А. П. Рифтин. Небольшая группа этнографов-тюркологов слушала интереснейшие лекции, увлеченно занималась в библиотеках университета и, в особенности, в Государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека). Об этом времени Л. В. Гребнев говорит, что «это были незабываемые счастливые предвоенные годы полнокровной студенческой жизни», однако дальнейшую его учебу прервала война.

Сдав досрочно экзамены за третий курс, Л. В. Гребнев в июне 1941 г. подает заявление с просьбой о зачислении его в народное ополчение (тогда в ополчение было принято 537 тыс. ленинградцев). И уже 15 июля 1941 г. он был призван в ряды Красной Армии. Л. В. Гребнев не успел попрощаться с матерью и вместе с другими новобранцами был определен под Казань в учебный дивизион запасного артиллерийского полка. В начале декабря 1941 г. Л. В. Гребнев в звании сержанта – командира артиллерийского расчета в составе маршевой роты прибыл под Москву. Его часть определили в 19-й стрелковый полк 8-й гвардейской стрелковой (ранее 316-я имени И. В. Панфилова) дивизии.

В декабре дивизия вела ожесточенные наступательные бои. В этих боях Л. В. Гребнев принял первое боевое крещение. Он сражался в рядах защитников Москвы в составе 16-й армии Западного фронта под командованием К. Рокоссовского. Л. В. Гребнев прошел всю войну, несколько раз был ранен, но возвращался снова в строй.

31 марта 1944 г. в боях у Святогорского монастыря на Псковщине Л. В. Гребнев был тяжело ранен: была перебита кость руки, и кисть болталась на тканях. В своих воспоминаниях Л. В. Гребнев скажет: «Я теперь удивляюсь опыту и добросовестности фронтовых медиков, начиная от девушки-санитарки ... и продолжая врачами-хирургами ... в госпиталях, спасших мне руку. Было, конечно, обидно – это случилось у самой границы, дивизия успешно наступает, а ты – в госпиталь».

1 сентября 1944 года в г. Чусовом на Урале Л. В. Гребнев выписывается из госпиталя инвалидом Великой Отечественной войны, а 9 сентября 1944 г. он прибывает в родной Ленинград. Дома его никто не встретил. Война унесла всех его родных. Отец умер еще до войны, мать умерла в 1942 г. во время блокады, средний брат погиб в начале войны на Ладоге, старший брат умер от ран в 1946 году.

Нелегко было Л. В. Гребневу в трудные послевоенные годы, но надо было заканчивать университет. Он восстанавливается в университете и приступает к учебе на Восточном факультете по «туркскому циклу» этнографического отделения. В 1946 г. Л. В. Гребнев успешно окончил университет, получил квалификацию этнографа-турколога и по рекомендации заведующего кафедрой профессора И. Н. Винникова поступил в аспирантуру.

За годы учебы в аспирантуре он углубленно изучает историю, языки, фольклор народов Саяно-Алтайского нагорья, тесно общается с тувинскими студентами в университете. В аспирантуре преподавателями Л. В. Гребнева были выдающиеся тюркологи-востоковеды страны: С. Е. Малов, Н. В. Кюнер, В. Я. Пропп, А. Н. Бернштам, В. М. Жирмунский, В. М. Наделяев и др. Учебников как таковых не было. Л. В. Гребнев «слово в слово» записывал все лекции своих преподавателей. Тувинским языком с ним занимался член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов Летом 1947 г. Л. В. Гребнев поехал в экспедицию в Туву. Вызывает уважение удивительная целеустремленность Л. В. Гребнева. Для аспиранта-исследователя это была важная и необходимая поездка. В Туве он знакомится с первым директором ТНИИЯЛИ Л. Б. Чадамба, взявшим кураторство над аспирантом на время его пребывания в Туве. Л. В. Гребнев знакомится с заведующим облоно Н. А. Сердобовым, с ученым-туркологом А. А. Пальмбахом. Поездка в Туву, пятимесячное пребывание в Тодже дали возможность Л. В. Гребневу пополнить словарный запас, приобрести навыки разговорной тувинской речи, собрать интересный материал у сказителей. Встреча с настоящим тувинцем-тоджинцем, учителем, писателем, первым директором ТНИИЯЛИ, от которого он получил одобрение проделанной экспедиционной работы, сыграло впоследствии решающую роль в его желании переехать в Туву и работать в ТНИИЯЛИ. К началу 1948 г. Л. В. Гребнев возвращается в Ленинград, где продолжил учебу в аспирантуре, выполняя плановые задания и усердно работая

над переводами произведений устного народного творчества тувинцев. В связи с тем, что молодому тувинскому научно-исследовательскому институту для организации научной работы безотлагательно понадобились специалисты по науке, в начале 1950 г. Министерство высшего образования СССР направило Л. В. Гребнева на работу в Туву.

С 1950 г. Л. В. Гребнев был принят на работу в ТНИИАЛИ старшим научным сотрудником сектора истории и этнографии, а в 1952 г. он стал заведующим этим сектором и проработал в этой должности до своего отъезда из Тувы. В первые годы работы в институте Л. В. Гребнев, вместе с другими научными сотрудниками, принимал самое активное участие в научно-организационных мероприятиях института. Он создал настоящую научную и творческую обстановку в секторе. На заседаниях сектора ставились и обсуждались актуальные вопросы истории, археологии и этнографии Тувы. Серьезно прорабатывались планы экспедиций, конкретизировались программы и цели исследований. Важное значение Л. В. Гребнев придавал контакту и привлечению специалистов, работавших в других организациях г. Кызыла.

Особенно интересны и познавательны были встречи и общение с учеными Москвы, Ленинграда и Иркутска, которые Л. В. Гребнев организовывал в институте и в секторе. В соответствии с потребностями науки и практики того времени на заседаниях сектора ставились и обсуждались серьезные, а порой и спорные, вопросы датировки древних археологических и письменных памятников, вопросы социального и культурного развития Тувы.

Кроме секторальной работы, Л. В. Гребнев большое внимание уделял обсуждению материалов терминологических словарей. Он был одно время ученым секретарем терминологической комиссии института. Несмотря на огромную загруженность, Л. В. Гребнев к концу 1955 г. завершил работу над своей диссертацией, а уже летом 1956 г. в Москве в институте этнографии АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Тувинский

героический эпос (опыт историко-этнографического анализа)». Работа Л. В. Гребнева была высоко оценена московскими, ленинградскими фольклористами и этнографами. Это была его любимая исследовательская тема, выбранная еще в студенческие и аспирантские годы и, конечно, он хотел бы продолжить дальнейшее исследование. Однако в начале 60-х годов сектору истории и этнографии предстояла огромная работа по созданию двухтомной «Истории Тувы». Благодаря организаторским способностям Л. В. Гребнева и его умению сплотить вокруг себя единомышленников был сформирован прекрасный творческий коллектив из известных ученых России и Тувы: И. Дулов, С. К. Тока (ответственный редактор II тома), Л. П. Потапов, Л. Р. Кызласов, Х. М. Сейфулин, Н. А. Сердобов, Ю. Л. Аранчын, В. Ч. Очур, В. В. Осипова, С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова и др. Значительный вклад внес Л. В. Гребнев, написав ряд глав и разделов для двух томов «Истории Тувы» (1964 г.) и книги «Очерки истории Тувинской организации КПСС» (1975 г.), выход которых стало важным событием в научной жизни республики. Л. В. Гребнев написал ряд исторических работ, которые по глубине разработанных проблем, уникальности исследовательского чутья и содержанию являются весьма цennыми материалами для выяснения древней этнической истории тувинского народа: «О народности тувинского героического эпоса», «О значении древнетюркского термина «эш», «Население Тувы в начале XII века», «Тувинский героический эпос» (М., 1960), «Сказание о богатырях» (Кызыл, 1960), «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей» (предисловие, перевод и комментарии, Кызыл, 1969 г.) несомненно обогащают историко-этнографическую литературу.

Л. В. Гребнев не был кабинетным ученым. Он часто выезжал в районы республики, посещал только что созданные предприятия, колхозы, совхозы, интересовался бытом людей. И всегда, наблюдая за их жизнью, интересовался всем, что их окружало. В результате вышла очередная работа, получившая

высокую оценку ученых страны. Это книга «Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость», вышедшая в свет в 1955 г. Работа и по сегодняшний день имеет непреходящее значение. Удивляет и поражает то, как много сделано Л. В. Гребневым. Диапазон его научных исследований был широк. Это учебники для тувинских школ, разделы двуязычных словарей, становление рабочего класса, изменение социальной структуры тувинского общества и многое другое. Им создано свыше 30 печатных работ.

Свою научную деятельность Л. В. Гребнев умело сочетал с активным участием в общественной жизни института, города и республики. Он был одним из наиболее эрудированных и активных членов общества «Знание», читал лекции студентам Кызылского пединститута и слушателям Института усовершенствования учителей.

Особо следует сказать о роли Л. В. Гребнева в подготовке местных научных кадров. С молодыми сотрудниками он проводил методические и теоретические занятия. В общении с ними он был тактичен, но требователен, хотя никогда не повышал голоса и не поучал.

За заслуги перед Отечеством в годы Великой Отечественной войны Леонид Васильевич Гребнев был награжден орденом Славы III степени и орденом Отечественной войны I степени. Как солдат, инвалид Великой Отечественной войны Л. В. Гребнев и по сей день гордится тем, что сражался в многонациональной армии за свою Родину.

Заслуги Л. В. Гребнева в развитии науки, просвещения значительны и получили должное признание. За многогранную научную и общественную деятельность он удостоен Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Тувинской АССР (1964 г.), почетного звания «Заслуженный работник культуры Тувинской АССР», в 1970 году он награжден медалью «За доблестный труд» и неоднократно поощрялся администрацией ТНИИЯЛИ.

*Кима Биче-ооловна Март-оол
(К 70-летию со дня рождения)*

11 августа 2006 года исполняется 70 лет со дня рождения и 50-летие научно-педагогической деятельности кандидата педагогических наук, доцента, заслуженного учителя школы Тувинской АССР, народного учителя Республики Тыва, отличника народного просвещения РСФСР Кимы Биче-ооловны Март-оол.

Родившись в с.Бай-Тал Бай-Тайгинского кожууна, К. Б. Март-оол проделала долгий и плодотворный творческий путь.

В 1956 году, окончив Кызылский учительский институт, К.Б. Март-оол поступает в Кызылский педагогический институт и заканчивает его в 1962 году, получив специальность «учителя тувинского языка и литературы средней школы». Свою трудовую деятельность она начала в Теве-Хайнской и Хайыраканская средних школах Дзун-Хемчикского кожууна учителем родного языка и литературы. Затем преподавала тувинский язык и литературу в тувинской студии Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. В 1965 году поступает в очную аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, где в 1969 году успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по теме «Методика преподавания местоимения в 5-м классе тувинской школы».

После окончания аспирантуры в 1968 году К. Б. Март-оол была принята научным сотрудником сектора языка и письменности в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ныне – Тувинский институт гуманитарных исследований). В 1970 г. переведена в Кызылский педагогический институт (ныне – Тувинский государственный университет) в качестве преподавателя кафедры тувинского языка и литературы, где проработала свыше 30 лет.

С 1973 по 1983 год – декан филологического факультета Кызылского государственного педагогического института. Работая деканом данного факультета, проявила себя как умелый руководитель и хороший организатор.

В 1987 году К. Б. Март-оол была избрана по конкурсу на должность заведующего кафедрой тувинской филологии и руководила кафедрой в течение пяти лет, до окончания срока избрания.

С 2002 года по настоящее время работает ведущим научным сотрудником сектора языка и письменности ТИГИ.

К. Б. Март-оол является автором учебников и методических пособий по тувинскому языку для школ республики, а также рецензентом многих научно-методических работ для школ, средних и высших учебных заведений. Она автор более 60 научных и учебно-методических работ для тувинских школ.

Написаны ею в соавторстве словари «Русско-тувинский словарь педагогических терминов» (1974), «Русско-тувинский словарь» (1980), учебник для 1-го класса «Үжүглел», также составлена учебная программа по методике преподавания тувинского языка в вузе, программа по спецкурсу по методике, практикум по тувинскому языку, а также методические указания по проведению НПП и педпрактики студентов 4–5 курсов к учебнику 4-го класса (1975, 1988, 1992), к учебнику «Үжүглел» (1992).

В 2002 году опубликовала свою очередную большую работу, плод многолетнего исследования – «5–9 класстарга тыва дылды башкылаарының методиказы». В настоящее время готова к печати книга «2–4 класстарга тыва дылды башкылаарының методиказы».

Научно-методические статьи К. Б. Март-оол по проблемам преподавания тувинского языка в школах республики систематически публикуются в журнале «Башкы» и в газете «Шын». В настоящее время занята составлением и дополнением «Тыва дылдың орфографтыг словары».

К. Б. Март-оол играет ведущую роль в научной, учебно-методической работе в республике, а также в подготовке и формировании учителей школ республики. Тысячи школьников занимаются по ее учебникам. В нашей республике нет школы, где бы не работали ее студенты, а другие ее бывшие студенты продолжают научно-исследовательскую работу, среди них многие имеют ученую степень кандидата и доктора наук. Достаточно назвать одну из них – научного сотрудника Института мировой литературы имени А. М. Горького, доктора филологических наук С. М. Орус-оол.

За многолетнюю плодотворную научную, общественную и преподавательскую деятельность К.Б. Март-оол награждена Почетными грамотами, медалью «Ветеран труда», внесена в Государственную книгу «Заслуженные люди Тувы XX века».

Глубокоуважаемая Кима Биче-ооловна, от имени коллектива Тувинского института гуманитарных исследований, всех учителей Тувы, ваших бывших студентов желаем Вам доброго здоровья, творческих удач. Пусть Ваш светлый ум, большой опыт и дальше служат делу просвещения нашей республики.

С. М. Биче-оол

Портреты учёных

«Это была наука, да еще какая!»

(К 100-летию со дня рождения Л. П. Потапова)

Так сказал Л. П. Потапов об этнографии, исторической науке, которую он глубоко любил. Всей своей жизнью он доказал, что это и есть та наука, которая звала ученых, путешественников увидеть и рассказать, познать и удивить, осмыслить и обогатить человечество жизнью изучаемых народов.

В июле 2005 г. Леониду Павловичу Потапову, выдающемуся исследователю истории и этнографии народов Сибири и Центральной Азии, исполнилось бы 100 лет. Его многочис-

ленные труды по своей научной и теоретической значимости составляют уникальный фонд в отечественной и мировой этнографической науке. Профессор, доктор исторических наук этнограф Л. П. Потапов среди ученых старшего поколения советских этнографов был известен как широко эрудированный тюрколог, признанный организатор научной и полевой исследовательской работы, а также опытнейший специалист в области музееведения.

Леонид Павлович Потапов родился 6 июля 1905 года в городе Барнауле в семье чиновника, служившего в канцелярии Главного управления Алтайского округа кабинета Его Величества. В детстве, играя и общаясь с местными алтайскими детьми, он научился говорить по-алтайски. Красивейшая природа Алтая так заворожила будущего ученого, что он решил стать ботаником. Втайне от родителей он поступил на курсы лекарственных растений и, получив удостоверение инструктора по сбору лекарственных растений, вместе с сокурсниками пешком обошел предгорья Алтая. Именно здесь, во время одной из экспедиций, Л. П. Потапов знакомится с известным алтаеведом-этнографом Андреем Викторовичем Анохиным, который работал в то время школьным учителем краеведения в Барнауле, и по его совету, продолжая работу по сбору растений, стал более внимательно наблюдать за жизнью и бытом алтайцев.

В 1922 г. А. В. Анохин зачисляет молодого Потапова практикантом экспедиции Российской Академии наук, где началась его исследовательская работа в качестве этнографа. Впоследствии, общаясь с удивительным алтайским шаманом Сапыром Туянином, Л. П. Потапов скажет о себе: «Я заболел этнографией»¹. В 1924 г. в журнале «Алтайский кооператор» вышла его первая работа «На камлании». В том же году, получив рекомендательное письмо от А. В. Анохина, Л. П. Потапов поступил на этнографический факультет Ленинградского географического института, а в 1928 г. – в ЛГУ, получив основательную теоретическую подготовку и опыт самостоятельной полевой работы под руководством выдающихся

этнографов Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза-Тана и крупного тюрколога А. Н. Самойловича.

После окончания университета Л. П. Потапова направляют в Узбекскую ССР, где он ведет большую научно-организационную и исследовательскую работу. При его активном участии был создан научно-исследовательский институт, впоследствии переросший в Академию наук Узбекской ССР.

В 1930 г. в Ленинграде объявляется первый набор в аспирантуру Российской Академии наук, куда и поступает Л. П. Потапов. После окончания аспирантуры он надолго связывает свою научную деятельность с Этнографическим отделением Русского музея (ныне – Государственный музей этнографии народов России), где работает с 1933 по 1943 год, сначала в должности заведующего отделом Сибири, а позднее – заместителя музея по научной части. В 1939 г. Л. П. Потапов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пережитки первобытнообщинного строя у народов Алтая».

С 1943 г. Л. П. Потапов работает в Ленинградском отделении института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР, а в 1946 г. ему была присуждена ученыя степень доктора исторических наук за монографию «Алтайцы» и присвоено ученое звание профессора. С 1948 г. Л. П. Потапов занимает должность сначала заместителя директора института, а затем директора Ленинградского отделения института этнографии АН СССР, который в 1992 г. был переименован в Музей антропологии и этнологии им. Петра Великого со статусом НИИ РАН. В этой должности Л.П.Потапов проработал бессменно 20 лет.

Наиболее плодотворно научная деятельность Л. П. Потапова развивалась в послевоенные годы. В этот период был опубликован его фундаментальный историко-этнографический труд «Очерки по истории алтайцев» (Новосибирск, 1948). За эту работу ученый был удостоен Государственной премии СССР. Затем появилось еще несколько работ монографического характера: «Краткий очерк культуры и быта алтайцев» (Горно-Алтайск,

1948), «Краткие очерки истории и этнографии хакасов» (Абакан, 1952), «Происхождение и формирование хакасской народности» (Абакан, 1957), «Этнический состав и происхождение алтайцев» (Ленинград, 1969).

После вступления в состав СССР в 1944 г. Тува стала особенно притягательной для историков, этнографов, и Л. П. Потапов включает ее в исследовательские планы большой комплексной Саяно-Алтайской экспедиции. С 1957 г. данная экспедиция была преобразована в Тувинскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию, перед которой были поставлены задачи изучения происхождения тувинского народа, его истории и культуры. Экспедиционные работы велись по 1966 г. включительно.

Л. П. Потапов отмечал: «Поездки в Туву заняли у меня 11 лет жизни². Его интерес к истории и этнографии тувинцев был огромен. Ученый вместе со своими научными сотрудниками – А. Д. Грачом, С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой – объездили все районы Тувы, активно работали со многими тувинскими информаторами. Результатом работы экспедиции стала публикация трех томов «Трудов тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», изданных под научным руководством и под редакцией Л. П. Потапова³. «Труды ТКАЭ» получили высокую оценку в советской и зарубежной печати. Материалы экспедиции были использованы в дальнейшем при написании первого тома коллективной монографии «Истории Тувы» (Кызыл, 1964 г.). Работая в Туве, Л. П. Потапов сотрудничал с учеными ТНИИЯЛИ, сотрудниками краеведческого музея им. 60-ти богатырей и оказывал им необходимую научную и экспозиционную помощь. В 1969 г. вышла монографическая работа Л. П. Потапова «Очерки народного быта тувинцев»⁴.

Имея за плечами богатейший опыт полевой исследовательской работы (Узбекистан, Горный Алтай, Шория, Хакасия), Л. П. Потапов, приступая к изучению истории Тувы, счел необходимым начать исследование проблем

этногенеза тувинского народа с привлечением разнообразных археологических и этнографических материалов. И это было правильное научное решение. До проведения этой экспедиции Тува в археологическом отношении не была достаточно хорошо изучена. Поэтому привлечение археологических данных, особенно ранних памятников, могло позволить открыть новые страницы этнической истории тувинцев и проследить важнейшие периоды исторического процесса, протекавшего в восточной части Центральной Азии. Особое внимание предполагалось уделить тем группам памятников, исследования по которым могли бы сыграть существенную роль при разработке проблем этногенеза тувинцев.

В результате были выявлены памятники, хронологический диапазон которых прослеживался от скифо-сарматского и древнетюркского времен до поздних впускных погребений. Исследованные экспедицией памятники подтвердили научное предположение о «непрерывности этнических групп в скифское время, которые были в эпоху древних тюрков переслоены новым мощным этническим пластом, генетически связанным с соседними территориями Горного Алтая»⁵. Экспедицией Л. П. Потапова были получены интересные материалы об антропологическом типе населения в Западной Туве, которое характеризовалось преобладанием европеоидного типа. Данные материалы из погребений древних тюрков во второй половине I тысячелетия н.э. свидетельствуют, что на обширных пространствах северной части Центральной Азии распространение монголоидности в антропологическом типе населения было более поздним процессом.

Весьма важную научную и теоретическую ценность имеют этнографические исследования Л. П. Потапова. Его материалы, собранные в западных и южных районах Тувы, тщательно проанализированные в сопоставительном плане, представляют полноценную интерпретацию локального своеобразия каждой группы тувинцев, что делает научные изыскания и выводы Л. П. Потапова на сегодняшний день исключительными. Таким

образом, монографическим исследованием «Очерки народного быта тувинцев», работой «Материалы по этнографии Монгун-Тайги и Кара-Холя»⁶ и другими своими трудами Л. П. Потапов внес значительный вклад в изучение этногенеза и политогенеза тувинского общества. Им сделаны существенные аналитические выводы по родоплеменному составу тувинцев, их расселению, что является исключительно важным для дальнейшего углубленного изучения этнического состава тувинцев.

Ценные в научно-теоретическом плане исследования Л.П.Потапов сделал по вопросам общественного строя тувинцев конца XIX в. – начала XX столетия. Он достаточно убедительно показал, что общественный строй тувинцев был классовым, феодальным, весьма близким к феодальному строю других народов, основой хозяйства которых было кочевое и даже оседлое хозяйство. Как сегодня согласуется этот вывод ученого с современным переосмыслением отечественной исторической науки? Прежде всего как историк и этнограф, Л. П. Потапов, обосновывая свои выводы, использовал многофакторные, сравнительно-исторические, формационные и цивилизационные подходы, что позволило ему выйти за рамки жесткой идеологизации и поставить в центр своих исследований человека, общество и народ. Изучая генезис тувинского общества, его имущественные, правовые и социальные отношения от древнейших времен до конца XIX – начала XX в., он показал, что население Тузы еще со времени возникновения древнетюркских каганатов уже находилось в условиях развитой социальной иерархии и неравенства, отражавших наличие в обществе одну из ключевых определяющих черт государства. Вывод Л. П. Потапова относительно общественного строя тувинцев конца XIX – начала XX столетий соответствует современным научно-теоретическим требованиям исторической науки. Более того, и это очень важно, анализируя феодальные отношения, Л. П. Потапов отметил специфиность тувинского феодализма, проявлявшуюся в переплетении этих отношений с патриархально-родовыми, общиными. Представляется важной

его мысль о том, что главным средством производства у тувинцев всегда была земля в виде пастбищ, кочевой, поддерживавшая воспроизводство стад скота и находившаяся в феодальной собственности чиновников как высшего, так и среднего ранга. Этот вывод Л. П. Потапова вскрыл структурные особенности кочевого общества и альной общинны в социальной организации тувинцев.

Значительную ценность представляют исследования ученого по религиозным верованиям тувинцев. Отмечая материалы по шаманству как «выдающиеся исторические источники»⁷, ученый сетует, что научное значение шаманизма исследуется недостаточно. И действительно, на сегодня мы не имеем серьезных источниковедческих исследований по дошаманским и шаманским верованиям тувинцев. Интересные подробные этнографические материалы, имеющие научное и практическое значение, представлены Л. П. Потаповым по народным знаниям тувинцев. Он писал, что «тувинцы народные знания приобретали многовековым трудовым опытом народа и передавали их из поколения в поколение, выполняя роль своеобразного аккумулятора народной умственной энергии»⁸.

Особого внимания заслуживают исследования Л. П. Потапова по семейно-брачным отношениям тувинцев. Важным является подтверждение ученым существования экзогамии не только у тувинцев-тоджинцев, но и у населения Западной Тузы. Интересны данные по классификационной системе родства тувинцев, которую Л. П. Потапов считал весьма древней, отражавшей не только ранние формы брака и семьи, но и свидетельствующей о существовании у тувинцев материнского рода. Пережиточные явления аванкулата, матрилокальности брака, тщательно проанализированные Л. П. Потаповым и представленные им в сопоставительном плане, раскрывают сложность этих явлений. Им отмечена моногамность тувинской семьи, отсутствие многоженства как обязательного обрядового цикла для рядовых тувинцев. Этнографические материалы по свадебным обычаям и

обрядам, их сложный и длительный церемониал лишний раз подтверждают его точку зрения, что такие свадебные обряды существовали в развитом патриархальном строе. Данные исследования Л. Потапова весьма ценные, что выделяет их из всех имеющихся в настоящее время работ, посвященных семейно-брачным отношениям народов Южной Сибири.

Особо важное место в научном творчестве Л. П. Потапова занимали вопросы национальной консолидации и национального развития сибирских народов, в том числе и тувинцев. Важные исследования, имеющие большое практическое значение, были осуществлены Л.П.Потаповым по этнографическому изучению процессов трансформационного переустройства культуры и быта тувинцев.

Л. П. Потапов сыграл важную роль в становлении этнографической науки в Туве. Его научный и теоретический вклад в этнографическое изучение тувинцев весьма значителен. Исследования Л.П.Потапова по тувинской этнографии являются выдающимся вкладом в разработку этнологических проблем всего Саяно-Алтайского нагорья.

Л. П. Потапов по праву считается крупным специалистом и в области музейного дела. Он был автором ряда больших и новаторских по своему значению экспозиций, созданных в Государственном музее этнографии народов СССР, имеет несколько научных работ по музееведению, являлся членом-корреспондентом Советского комитета Международного совета музеев.

На протяжении многих лет Л. П. Потапов достойно представлял советскую, российскую этнографическую науку на многих международных научных форумах. В 1992 г. в беседе с академиком В.А.Тишковым, директором Института этнологии и антропологии РАН, Л. П. Потапов высказал свои соображения относительно того, что нельзя всё сводить «лишь к этническим процессам – это не дело». Доказывая свою правоту, он сказал: «Наука должна быть самая разнообразная. Ведь русская этнографическая наука всегда славилась. Посмотрите старые работы – какие интересные вещи делались в Казани,

Одессе, Киеве, Географическом обществе. ...Это была наука, и еще какая! И если мы опять вернемся к изучению традиционной культуры, то можем сделать еще многое, что будет иметь практическое применение. Надо дать общую картину традиционной культуры, а не выхватывать отдельные элементы для своих исследований»⁹.

На протяжении всей своей деятельности Л. П. Потапов уделял большое внимание подготовке научных кадров из представителей народов Сибири, Средней Азии и Казахстана. За помощь в развитии культуры, в подготовке национальных кадров Л. П. Потапов неоднократно получал благодарности и почетные грамоты от советских и партийных органов автономных областей и республик, Академий наук союзных республик. Ему присвоены почетные звания «Заслуженного деятеля науки РСФСР» и «Заслуженного деятеля науки Тувинской АССР». Научная и научно-организационная деятельность Л.П.Потапова получила высокую оценку. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

Л.П.Потапов прожил большую и долгую (95 лет) жизнь. Он был умным, мудрым и интересным человеком. Все, кто с ним работал, кто у него учился, всегда отмечали его интеллигентность, внимательность, сибирскую отзывчивость. Л. П. Потапов был очень гостеприимным и щедрым хозяином.

Примечания

1. «Это была наука, и еще какая!». (Со старейшим российским этнографом Л.П.Потаповым беседует В.А.Тишков) // ЭО. 1993. № 1. – С.107.
2. Там же. – С. 112.
3. Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М. – Л. 1960; Т. II. – М.-Л. 1966; Т. III. – М., Л. 1970.
4. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев.– М., 1969.
5. Грач Л.П. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге// ТКЭАН. Т. I. – С. 148.
6. Потапов Л.П. Материалы по этнографии тувинцев в Монгун-Тайге Кара-Холя // ТКЭАН. Т. I. – С. 171–237.
7. Потапов Л.П. Очерки... – С. 371.
8. Там же. – С. 279.
9. «Это была наука...». – С. 112–113.

*Тыва дылым – төрээн дылым!
Улуг-Хемниң агымы дег күштүг сен!
Тываның көк дээри дег арыг сен!
Алдын-сарыг сыгырганың ырлаары дег өткүт сен!*

Шулуу Чыргал-оолович Сат
(К 80-летию со дня рождения)

Тыва дылдың баштайгы шинчилекчизи, филология эртемнеринин доктору, профессор, РСФСР-нин эртеминин алдарлыг ажылдакчызы, Тыва АССР-нин школазынын алдарлыг башкызы Шулуу Чыргал-оолович Сат бистин аравыска чораан болза, 2006 чылдың сентябрь 15-те 80 харлаар турган ийик.

Профессор Ш. Ч. Сат Улуг-Хем кожуунунун Кашпалга төрүттүнген. Школага өөренип турғаш, өөредилгеге кызымак, эртем бүрүзүнгө-ле сонуургалдыг турган. Ылангыя орус дылды шингээдип алышынга кончуг сундулуг чораан деп чаңгысклассчызы, хоочун башкы Е. Б. Салзынмаа сактып бижээн. Эки өөредилгелиг болганындан Кызылдың № 2 школаны Ю. Л. Аранчын-бile кады мөңгүн медальдыг доосканнар. Школаны дооскан соонда, Ленин база Күш-ажылдың Кызыл Тук орденнерлиг А. А. Жданов аттыг Ленинградтың күруне университединин чөөн чүк факультединин тыва салбырынга өөренип кирип алган. Аңаа өөренип тургаш, эртем-шинчилел ажылын сонуургап, А.Н.Кононовтун удуртканы түрк дылдар кафедразынын эртирип турганы семинарларынга, симпозиумнарынга дыннадыг, илеткелдерни кылып турган деп, соң кады өөренип чораан эштери сактып чугаалаарлар. Ук университетти 1952 чылда тергиин эки дооскан. Дээди эртемнин дипломун холга алгаш, 1952–1957 чылдарда Тываның дыл, литература болаш төөгүнүн эртем-шинчилел институдунун (амгыгеде – Тываның гуманитарлыг шинчилелдер институту) дыл, бижик секторунга эртем ажылдакчызы болуп ажылдап

эгелээш, баштайгы эртем статьязын бижип, коллективтиг ажыл болур «Орус-тыва словарьны» (М., 1955 г.) тургузарынга киришкен.

1958 чылдан эгелеп, Кызылдын күрунениң педагогика институтунга башкылап ажылдай берген. Эртем ажылынга сонуургалы күштелип, ол чылын Педагогика эртемнер академиязының национал школалар институтунун аспирантуразынга бот-өөредилгэ-бile өөренип кирип алган. 1962 чылда «Тыва дылда причастие» деп темага кандидат диссертациязын чедиишкиннинг камгалап, филология эртемнериниң кандидады деп атты чедип алган.

Ш. Ч. Сат 1963 чылдан эгелеп, чээрби чыл дургузунда, тыва дыл болгаш литература кафедразының эң баштайгы эргелекчизи болуп, кафедраның ажылын удуртуп келген.

Кызылдың педагогика институтунга үжен ажыг чылдарның дургузунда башкылап турган үезинде студентилерга лекцияларны номчуп, практиктиг кичээлдерни эрттиришишаан, студентилерниң эртемге сонуургалын оттуруп, оларның курс болгаш диплом ажылдарын удуртуп турган. Ол ышкаш хөй-ниити ажылынга идепкейлиг киришишаан, эртем –шинчилел ажылын чорудуп келген.

Профессор Ш.Ч.Саттың билии делгем, ханы болганындан, оон эртем талазы-бile сонуургалдары хөй талалыг. Ол тыва филология, ылангыя лексикография, грамматика, синтаксис, диалектология талазы-бile улуг эртемден чораан. Оон эртем ажылдарның ниити саны ийи чүс хире. Оларның кол-колун айтырга мындыг: 1960 чылда оон баштайгы улуг хемчээлдиг ажылы «Синтаксические функции причастий в тувинском языке», 1964 чылда «Тыва дылдың шинчилел келгениниң төөгүзүнүң очериги», а 1967 чылда Д. А. Монгуш-бile белеткээни «Совет үеде тыва дылдың хөгжүлдэзи» деп ажылдары удаа-дараа үнген. Ук ажылдар филология эртеминин хөгжүлдэзинге улуг салышкын болуп, көсүү черни ээлеп, бо хүннөргө чедир үнелелин чидирбээн. Дараазында «Формирование и развитие тувинского литературного языка» деп улуг теманы ажылдал 26*

кылгаш, 1973 чылда ол-ла темага доктор диссертациязын чедиишкүннег камгалаан. Үре-түңелдиг эртем-педагогиктиг ажыл чорудулгазы дээш, 1979 чылда тыва дыл кафедразының профессору деп атты тывыскан. Тываның эртемденнеринң аразындан профессор атты бир дугаар алган эртемден-башкы.

Үстүнде көрдүнгөн улуг хемчээлдиг эртем ажылдарындан ангыда, дээдий өөредилгө черинге тыва дылды башкылаарының айтырыныч улуг кичээнгейни салым, педагогиституттун филология факультединиң студентилеринге «Амгы тыва литературлуг дыл» деп ийн томнуг номнун «Синтаксис» деп кезээн ол боду, а «Лексикология болгаш семасиология, фразеология, фонетика, морфология» деп кезээн хоочун башкы Е. Б. Салзынмаа-бile кады бижээн. Педагогика училищезинин сургуулдарынга «Тыва дыл» (Кызыл, 1993) деп өөредилгө номнарын база программаларны тургузуп белеткээн. Ол ышкаш үшкү класстың өөреничилеринге «Тыва дыл» деп өөредилгө номунун автору. Ук өөредилгө ному хәй катап чаарттынып үнгүлээн.

Ол ышкаш Ш.Ч. Сат диалект материалдарын чылып, шинчилээр соруягыг кожууннарже экспедицияларны хәй удаа удуртуп келген. Экспедиция үезинде студентилерни эртем ажылның баштайгы эгэ үндэзиннери-бile таныштырбышаан, олар-бile кады хайгааралдарны чорудуп, шинчилел ажылын кылып турган. Оон түннелинде диалектологияга хамаарышкан «Тыва диалектология» (Кызыл, 1987), «О говоре населения Тере-Холя», «Материалы по тандинскому говору» болгаш ёске-даа ажылдарны бижээн.

Ш. Ч. Сат хәй санныг эртем ажылдарын, словарьларны, чыныдыйларны, үндүрүлгелерни рецензиялап, редакторлаар ажылды кылып турган. Аңаа Б. И. Татаринцевтиң бижээни «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» (Кызыл, 1974) база «Русско-тувинский словарь педагогических терминов» (Кызыл, 1974), «Тыва дыл болгаш чугаа культуразы» (Кызыл, 1993) дээн чижектиг ажылдарны хамаарыштырып болур. Ол ажылынга бердинип, ак сеткилдии-бile эртемге бараан болуп чораан. Оон бижээни эртем

ажылдары чүгле Тывага эвес, Абаканың, Новосибирскиниң, Уфасың, Ашхабадтың, Фрунзениң болгаш Москвасың зртэм дептерлеринге болгаш өске-даа чүүлдерге хөйү-бile үнген.

Ол Тывага болгаш өске-даа черлерге – Уфа, Алма-Ата, Самарканد, Новосибирск хоорайларга болуп турган бүгү-делегей конгресстеринге, бүгү-эвилел конференцияларынга киржип, тыва дылдың онза чугула айтырыларынга хамаарышкан ханы уткалыг илеткелдерни кылыш турган.

Төрээн дылынга бердинген, ону медерелдии-бile үнелеп билир, ацаа ынак болганындан эртемниң тайылбырлакчызы болуп, «Шын», «Тываның аныктары» база «Сылдысчыгаш» солуннарынга суртаал ажылын чорудуп, массалыг чепсектерниң дузазы-бile чон-бile харылзажып, төрээн дылының дугайында чүүлдерни үргүлчү бижип турган. Аныктар, өөреникчилер билип алзын дээш, оларны төрээн дылынга сонуургалын оттууары-бile «Сээн дылын кандыг дылдар-бile төрелдежил?», «Дыл-чоннун төөгүзүнүн музейи», «‘Эвес’ деп сөстүн тывылганы» база кыйгырыг, суртаал уткалыг «Чугааңар культуразын бедидинер», «Шын бижип өөрениндер», «Тыва дылың камна!» база эртемденнер С. Е. Маловтун, А. А. Пальмбахтың, Н. Ф. Катановтун, башкызы В. М. Наделяевтиң ажыл-ижи-бile чону таныштырар сорулгалиг статьяларны үргүлчү бижип турган.

Ш. Ч. Сат тускай мергежилдиглерни белеткээринге улуг үлүг-хуузун киирген. Кафедраның анык башкыларынга дуржуулгазын дамчыдып берип, кады ажылдап чораан коллегаларын, сургуулдарын деткип, оларның эртем-шинчилел ажылынга сонуургалын оттуруп, амгы үеде ажылдап чоруур дыка хөй эртемденнерге арга-сүмезин берип, оларны эртем ажылынче эң-не баштай углап кааннарың бирээзи. Оон хөй саныг студентилериниң аразындан чонга билдингир, бедик мергежилдиг ажылдакчылар, алдарлыг башкылар, эртемденнер бар. Оларның чижээнге, Тываның гуманитарлыг шинчилдер институтунуң эртем ажылдакчылары: К. Б. Март-оол – педагогика эртемнериниң кандидады, доцент, Тыва Республиканың улустун башкызы, С. М. Орус-оол –

филология Эртемнериниң доктору, улуг Эртем Ажылдакчызы, М. Б. Кунгаа – педагогика Эртемнериниң кандидады, аас чогаал секторунун эргелекчилигі база Тываның құруне университетиниң башқылары: Б. К. Ондар – филология Эртемнериниң кандидады, доцент; А. С. Шаалы – педагогика Эртемнериниң кандидады, доцент болғаш ескелер-даа хамааржыр.

Професор Ш. Ч. Саттың өөредилге-чырыдышкының база тыва Эртемниң хөгжүлдезинге киирген үлтү-хуузу улуг болғаш кескү. Хөй чылдарның дургужунда башқылаашкын ажылынга, дәэди Эртемниң сайзырадырынга, кадрлар белеткәэринге база тыва дыл Эртеминиң сайзыралынга үнелиг салышкыны дәэш, Ш. Ч. Сатка РСФСР-ниң Эртеминиң алдарлыг Ажылдакчызы, Тыва АССР-ниң школазының алдарлыг башкызы деп хұндұлуг аттарны тывысан. Оны РСФСР-ниң Чырыдышкының министерствозунуң Н. К. Крупская аттығ медаль-бile, Улус өөредилгезиниң тергиини деп демдек-бile, база «Құш-ажылдың хоочуну» деп медаль-бile шаннаан. Ол ышкаш «Тываның XX чүс чылдың алдарлыг кишилери» деп Құруне номунада оон ады киир бижиттинген.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Март-оол В. Д. Изучение урянхайского участка российско-китайской границы русскими властями (конец XIX – начало XX века)</i>	3
<i>Күжүгет А. К. А. Турчанинов и его исследования по Туве (1915 г.)</i>	11
<i>Монгуш Б. Б. Создание и становление Тувинской Народно-Революционной Армии</i>	31
<i>Моллеров Н. М. Комитеты советских граждан и перестройка ТНР на военный лад (июнь 1941 – май 1942 г.)</i>	41
<i>Стороженко А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Усинско-Урянхайском крае (в последней четверти XIX – начале XX в.)</i>	49
<i>Татаринцева М. П. Запреты и ограничения в религиозно-обрядовой и обыденной жизни у старообрядцев Тувы</i>	67
<i>Кан В. С. Периодическая печать Тувы: особенности становления и развития (1924–1991 гг.)</i>	79
<i>Покоякова Г. М. Экономический потенциал республик Тыва и Хакасия в настоящее время и перспективы их развития</i>	101
<i>Донгак С. Ч. Природа и поведенческий этикет у тувинцев</i>	110
<i>Хертек Л. К. Обряд саска дагыры у тувинцев</i>	123
<i>Овчинникова Б. Б. Древнетюркские памятники Тувы</i>	148
<i>Базылхан Н., Монгуш Б. Б. О енисейских рунических надписях из окрестностей пос. Шанцы</i>	173

II

<i>Татаринцев Б. И. Тунгусский след в этнонимии Южной Сибири</i>	177
<i>Солун-оол М. М. Заимствование как способ обозначения новых реалий в лексике тувинского языка</i>	190
<i>Куулар Е. М. Образование падежных форм в юго-восточном диалекте тувинского языка</i>	195
<i>Саая О. М. Долгие гласные, восходящие к комплексу с интервокальными согласными в/w, м</i>	207
<i>Симчут К-М. А. К вопросу о создании машинного фонда тувинского языка</i>	218
<i>Булытова Ч. Б. Двуязычие как отличительная особенность телевещания в национальных субъектах России</i>	223

III

<i>Донгак У. А. С.Сүрүн-оолдуц «Анай» деп чечен чугаазы болгаш авториуц нинити чогаадыкчы стили.....</i>	236
<i>Мижит Л. С. Древнетюркские трехстишия.....</i>	248
<i>Юша Ж. М. Роль словесного компонента в охотничьих обрядах тувинцев.....</i>	259
<i>Таубе Э. Заповеди и запреты, связанные с рассказыванием богатырских сказок и других эпических текстов.....</i>	272
<i>Монгуш А. Д-Б. Некоторые проблемы осмыслиения интонационной природы музыкального фольклора тувинцев.....</i>	282
<i>Ондар М. А., Сузукей В. Ю. Сходства и различия в звукообразовании некоторых музыкальных инструментов и хомуса.....</i>	296
Материалы и сообщения	
<i>Байыр-оол М. С. Краткая биография С. Тока.....</i>	302
<i>Серен П. С. Научный отчёт о командировках в Северо-Западную Монголию.....</i>	321
<i>Кисель А. В., Торгоев А. И. Отчет о полевых исследованиях в Республике Тыва в 2004 г.....</i>	330
<i>Кан В. С. Материалы круглого стола «Социальные процессы и наука в Туве».....</i>	358
<i>Моллеров Н. М. Подготовка и издание двухтомника региональной Книги Памяти.....</i>	368
<i>Монгуш З. М., Ондар С. В. Указатель статей, опубликованных в журнале «Под знаменем Ленина-Сталина» в ТНР (1942–1945 гг.)....</i>	371
Юбилей	
<i>Гребнев Леонид Васильевич (К 85-летию со дня рождения).....</i>	385
<i>Кима Биче-ооловна Март-оол (К 70-летию со дня рождения).....</i>	391
Портреты учёных	
<i>«Это была наука, да еще какая!» (К 100-летию Л. П. Потапова)..</i>	393
<i>Шулуу Чыргал-оолович Сат (К 80-летию со дня рождения).....</i>	402

Научное издание

Тувинский институт гуманитарных исследований

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск XXI

Авторская редакция

M. П. Татаринцевой

Подписано к печати 19.12.2007. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 19,2. Тираж 500 экз.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

